

Российская академия наук
Институт психологии

И. А. Мироненко

**Биосоциальная проблема
и становление
глобальной психологии**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2019

УДК 159.9
ББК 88
М 64

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Мироненко И. А.

М 64 Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. — 406 с. (Методология, история и теория психологии)

ISBN 978-5-9270-0407-2

УДК 159.9
ББК 88

В книге раскрыты идеологическая значимость и место биосоциальной проблемы в развитии психологической науки, роль социального заказа в ее постановке. Показано, что изначально в психологии имеет место противостояние двух подходов к биосоциальной проблеме: а) размывание границ биологии и культуры, понимание культуры как надстройки, придающей специфику проявлениям биологического основания; б) рассмотрение культуры как фактора, противостоящего биологической детерминации поведения. В эпоху глобализации фокус биосоциальной проблемы сместился с относительной значимости факторов среды и наследственности в формировании личности на макротекст взаимодействия культур в глобальном мире. В становлении глобальной психологической науки первую традицию продолжает поиск «универсальной» психологии с опорой на положение об определяющем значении биологического, видового фактора в человеческой психике. В книге обосновывается необходимость активного участия в дискурсе глобальной науки направлений, разрабатывающих второй подход, отрицающий ведущее значение биологического фактора. Показано, что в российской психологии имеются соответствующие теоретико-методологические разработки, недостаточно известные за пределами России. Обсуждаются проблемы и перспективы полноценного участия российской психологии в формировании глобальной науки.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2019

ISBN 978-5-9270-0407-2

Содержание

Введение7

Глава 1

Биосоциальная проблема в психологической науке 13

Соотношение и взаимосвязь биологического
и социокультурного начал в человеческой психике 13

Nature and Nurture. Социальный заказ как фактор
постановки биосоциальной проблемы в XX в. 19

Две традиции постановки биосоциальной проблемы.
Постановка проблемы человека в российской науке 23

Биосоциальная проблема и кризис психологии 34

Глава 2

Российская психология о биосоциальной природе человека 37

Основоположники российской психологической школы 37

Разработка представлений о биосоциальной природе
человека в отечественной психологии советского периода . . . 55

Концептуализация представлений
о биосоциальном единстве человека
в отечественной психологии конца советского периода 94

Языковой барьер и проблема перевода текстов
российской школы. 116

О самобытности российской научной традиции. 123

Глава 3

Российская психология в постсоветский период. 135

Социальная ниша и социальные процессы
в российской психологии в конце XX в. 135

Фундаментальная психология в России в 1980—1990-е годы	146
Социально-психологическое направление в отечественной психологии личности	159
Кризис российской постсоветской психологии.	175
Глава 4 	
Методологические дискуссии в постсоветской психологической науке	184
Дискуссия о предмете психологии	184
Дискуссия о естественно-научной и гуманитарной парадигмах в психологии	203
Дихотомия описательной и объяснительной парадигм в постсоветской психологии.	215
Психологическая наука и поп-психология	223
Глава 5	
Биосоциальная природа личности в теориях мирового мейнстрима	232
Классические теории личности в зарубежной психологии XX в.	232
Классификации теорий личности с помощью биполярных шкал	252
Социобиология и эволюционная психология о биосоциальной природе человека	263
Биосоциальная проблема в социальном конструктивизме	279
Глава 6	
Психологическая наука в глобальном мире	293
Об источниках сомнений в прогрессе психологии	293
Становление глобальной психологической науки	309
Глобализация психологической науки в азиатском регионе и странах Африки	310
Глобализационные процессы в западной психологической науке.	314
К вопросу об «универсальных» характеристиках человека.	

Абсолютизм, универсализм, релятивизм	328
К антропологической проблеме	333
Российская психология в глобальном мире	340
Заключение:	
Интегративные и изоляционистские тенденции в современном развитии российской психологии	347
Литература	358

Введение

Психологическая наука на всем протяжении своей истории обращалась к проблеме человека — *культурного индивида, личности*, — у которого в силу его причастности к культуре уже «нет „природы“ — простого или однородного бытия. Он причудливая смесь бытия и небытия; его место — между этими двумя полюсами» (Кассирер, 1988, с. 20). Проблема соотношения в личности общечеловеческого и универсального (иными словами, видового, природного), с одной стороны, и культурно обусловленного — с другой, раньше казавшая отвлеченно-философской, сегодня становится краеугольным камнем психологической практики, и постановка ее диктуется реальностью жизни людей в мультикультурном мире.

В определенном смысле биосоциальную проблему можно считать порождающей по отношению к нашей науке. Представляется неслучайным, что выделению психологии в отдельную область научного знания в конце XIX в. предшествовало возникновение нового типа отношений между индивидом и социумом. Ускорение исторического процесса к середине XIX в. достигло уровня, когда скорость радикальных изменений в культуре стала соразмерной смене поколений, что породило проблему «отцов и детей». Дети не хотели больше следовать примеру родителей, так как к жизни в их мире опыт родителей был уже непосредственно неприменим. Культура, устройство общества, впервые предстала как нечто подверженное переменам, временное и условное, и стал возможным сам вопрос об отношении личности, «социального индивида» как относительно самостоятельного деятеля к этим переменам, к социуму, сложилось представление о личности как о субъекте и объекте культурно-исторического процесса. Возникла проблема соотношения в человеческой сущности природного (общечеловеческого) и социального (культурно обусловленного).

Однако до Первой мировой войны еще доминировало представление о том, что социум, культура, является чем-то хотя и изменя-

ющимся исторически, но несомненно более стабильным, чем индивидуальная психика. Дюркгейм доказывал, что именно социум (культура) является носителем той системы понятий, усвоение которой индивидом только и придает его изменчивой психической жизни характер устойчивого человеческого разума. Обосновывая зависимость психической организации человека от социума, Э. Дюркгейм доказывал, что в основе всех категорий, которыми оперирует человеческое мышление, лежит единая общественная практика, объединяющая всех членов какой-либо социальной общности: «Если бы в один и тот же период истории люди не имели однородных понятий о времени, пространстве, причине, числе и т. д., всякое согласие между отдельными умами сделалось бы невозможным, а следовательно, стала бы невозможной и всякая совместная жизнь. В силу этого общество не может упразднить категорий, заменив их частными и произвольными мнениями, не упразднивши самого себя <...>. Если же какой-нибудь ум открыто нарушает общие нормы мысли, общество перестает считать его нормальным человеческим умом и обращается с ним как с субъектом патологическим» (цит. по: История психологии, 1992, с. 279–280). Категории, которыми оперирует человеческое мышление, Дюркгейм называет «ценными орудиями мысли, терпеливо созданными в течение веков общественными группами, вложившими в них лучшую часть своего умственного капитала. В них как бы резюмирована каждая часть человеческой истории» (цит. по: История психологии, 1992, с. 282).

Проблема культурных различий, встречи человека с чуждой ему культурной реальностью, все еще представлялась возможной лишь в контексте рассмотрения экзотических стран и отдаленных от западной цивилизации народов.

Первая мировая война перевернула привычный европейцам мир. Социальные потрясения и антагонистические противоречия, охватившие мир после ее начала, открыли новые проблемы личности. Отношения индивида и социума изменились. Смена биологических поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда радикально меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, справедливости, понятия о том, как следует поступать в той или иной ситуации и как следует относиться к тем или иным явлениям. Впервые в истории науки возникло новое понимание отношения психического к социально-культурному как отношения относительно стабильного индивида к изменяющемуся миру. Проблема соотношения природного

и культурно-обусловленного в человеческой психике, обрела новое измерение. Значимость этих вопросов в общественной жизни была столь велика, что проблема противоречивых отношений индивида и культуры, общества стала «нервом» психологических исследований и теорий XX в. как для теоретических школ, так и для практической психологии (Мироненко, 2005, 2015). Явно или неявно, психологические теории и конкретно психологические исследования исходят из определенной философской концепции, версии человека, подтверждают или опровергают какие-то представления о сущности человека и его предназначении.

Психологические теории XX в. обращены к анализу бытия человека в изменяющемся мире. Однако они все еще основаны на вере в то, что в изменяющемся мире человек остается самим собой. XXI в. породил проблемы утраты человеком как социальным индивидом определенности своей социокультурной идентичности, своей самости.

Сегодня все еще говорят, что мы живем в эпоху перемен. Однако представляется, что слово «перемена» уже не отражает сущность происходящего. «Перемена» предполагает переход из одного относительно устойчивого состояния в другое. Между тем мир современного человека все больше превращается в непрерывный поток изменений, так что «при описании современности через призму разных методологических оптик мы все чаще отмечаем такие ее свойства, как полифоничность, релятивистскую природу, ускорение изменений, мобильность, текучесть, разнообразие, сложность, гетерогенность, нелинейность, многомерность и неопределенность» (Асмолов, 2015, с. 13). Бытие человека приобрело совершенно новый характер, что не может не повлечь за собой изменения самого субъекта. В глобальном мире человек существует уже не в контексте, рамках и координатах какой-либо определенной культуры — личность расслаивается и множится в многомерном и многополюсном культурном пространстве, на пересечении культурных контекстов — в ситуации, когда нужно непрерывно и по-новому определяться с ответами на вопросы: во что я верю? каким нормам следую? кто я?

Психологические теории XX в. обращены к анализу *существования* человека в мире, к анализу *проявляемых им свойств*. Вопрос о его *сущности* не ставился, в рамках относительно изолированного развития школ он считался имплицитно ясным в каждом отдельном дискурсе. Происходящая сегодня интеграция мирового психологического знания в структуре глобальной психологической науки высвечивает то, что *сущее, существование* которого описывают раз-

ные теории, совсем не обязательно одно и то же. Сегодня основные вопросы, на которые должна ответить психология: что есть это *сущее*? что есть человек? — Проблема личности как антропологическая проблема становится главной для современного этапа развития мировой психологии. Вопрос не является абсолютно новым, еще Сократ вопрошал: «Кто я?». На стене храма Аполлона в Дельфах была надпись: «Познай самого себя». Так или иначе все философские и религиозные системы предлагают свои ответы, но сейчас этот вопрос имеет уже не отвлеченно-философское значение, но жизненно важен для человечества. С 11 сентября 2001 г. он носится в воздухе современного мира.

Представляется, что радикальные изменения не только человеческого бытия, но и сущности, происшедшие в сфере действия культурного фактора за последние десятилетия, остаются недооцененными в психологическом дискурсе. В профессиональном сообществе социологов активно обсуждается предположение о несоответствии предлагаемой теориями XX в. научной картины мира современной реальности, игнорирование или недооценка радикальности изменений, произошедших в социуме за последние десятилетия: «В современных условиях перед социологом стоит задача не выявить, по каким законам общество существует и развивается, но признать, что общества в его прежнем понимании больше не существует» (Castro, Lafuente, 2007, p. 185). В дискуссиях психологов редко поднимаются вопросы утраты соответствия теоретических моделей человека современной действительности. Причина этого в том, что в нашем профессиональном сообществе осознанно или имплицитно все еще доминирует установка на исследование «вечной» природы человека, вера в то, что существуют некие постоянные общечеловеческие качества и что эти качества лишь поверхностно изменяются в зависимости от внешних (в том числе, социальных) факторов. Сегодня этот постулат необходимо подвергнуть сомнению. Не настала ли пора вслед за социологами понять, что сущность человека за последние десятилетия претерпела столь же радикальные изменения, сколь и социум, в котором он существует, и отказаться от устоявшихся теоретических схем, не соответствующих современной реальности?

Как известно, мейнстрим современной мировой психологической науки развивался на базе исследований человека, принадлежащего к современной западной культуре XX в., воспитанного в ней. Его психологическим характеристикам присваивался статус универсальных, общечеловеческих. Сегодня становится очевидным то, что теории западно-центрической традиции, доминировавшие в XX в.,

не являются универсальными, а отражают лишь частный случай, поскольку созданы в контексте одной отдельно взятой культуры людьми этой культуры и имеют отношение к людям этой культуры, составляющим не самую многочисленную общность на планете (Berry, 2013; Kim et al., 2006; Marsella, 2012; Yang, 2000). Их применимость и адекватность в контексте других культур подвергается сомнению.

Происходящая интеграция психологического знания выявляет, что теоретические модели человека, имплицитно заложенные в теориях различных школ, существенно различаются. Это заставляет задаться вопросом: как соотносятся эти теоретические модели? Дополняют они друг друга или, может быть, взаимно исключают? Без обращения к этому вопросу невозможен диалог теорий в сети глобальной науки. В свете этого особую важность приобретает такое качество теорий, как заложенный в них потенциал неоднозначности, вариативности и изменчивости результирующих прогнозов, иными словами, их *диалектический* характер.

Важнейшей особенностью и задачей современного развития психологического знания является становление нового типа функционирования мировой науки – глобальной науки, которая с необходимостью возникает в условиях глобального мира. Эта наука является глобальной как по своему объекту, так и по субъекту порождения научного знания (Berry, 2013; Marsella, 2012; Sorokin, 2016; Vessuri, 2015). Современное развитие культуры и цивилизации определяет происходящий переход от моноцентрической структуры психологической науки с доминированием западного мейнстрима, какой была психология второй половины XX в., к структуре полицентрической (Danziger, 1994; Marsella, 2012). Становление глобальной психологической науки создает новые вызовы и открывает новые перспективы для развития психологических школ и направлений как в сфере психологической практики, так и в отношении академической науки.

В условиях становления глобальной науки интеграция психологического знания предъявляет особые требования к «локальным» традициям и школам, не входящим сегодня в сложившийся западно-центрический мейнстрим психологии, и требует от них особых усилий. Прежде всего, необходимым условием интеграции является работа, направленная на преодоление языковых барьеров (как в части языка в целом, так и в отношении используемой понятийной системы) и на вхождение в проблемный контекст глобальной науки.

Для российской психологии языковая проблема представляет большую трудность. Она предстает как проблема перевода понятийной системы нашей научной школы, понятийной системы, макси-

Введение

мально сложной и изощренной, над которой целенаправленно работали лучшие умы советской психологии, в понятийную систему мейнстрима (Мироненко, 2012а, б, 2015; Mironenko, 2013а, б, 2014). Нужно объяснить западным коллегам суть наших теорий понятно и на их профессиональном языке. Языковая проблема существует, ее решение требует существенных усилий от нашего профессионального сообщества, но работать над ней необходимо для полноценной интеграции российской психологии в сеть глобальной науки.

В то же время формирование глобальной науки открывает новые перспективы для «локальных» школ, к которым сегодня можно отнести российскую школу. Становится очевидным, что формирование глобальной науки, востребованной в условиях глобального мира, невозможно без полноценной интеграции «локальных» научных традиций и относительно обособленных систем социально-гуманитарного знания (Bhambra, 2007; Outhwaite, 2009; Robinson, 1998; Rosa, 2014; Vessuri, 2015; и др.). Эти школы обладают качествами, которые необходимы для нового витка в развитии мировой науки. Во-первых, школы, не принадлежащие к мейнстриму, не обременены «однополюсным» восприятием психологической науки (Mironenko, 2017), обладают способностью определять диалектические противоречия в ее развитии. Во-вторых, эти школы обладают потенциалом теорий и методов, отличных от известных в мейнстриме, т. е. инновационных относительно мейнстрима, которые могут быть востребованы в новых условиях, и таким потенциалом обладает российская школа.

В этом смысле велик потенциал включения в мировую науку российской психологии, которая остается сегодня недостаточно интегрированной, в то время как именно здесь имеется существенный задел в диалектической разработке биосоциальной проблемы, подлинно оригинальный подход к ее решению.

Глава 1

Биосоциальная проблема в психологической науке

Между биологией человека и животных вклинилась социология и разорвала психологию на две части.

Л. С. Выготский. Исторический смысл психологического кризиса

Соотношение и взаимосвязь биологического и социокультурного начал в человеческой психике

Научная психология исходит из предположения, что психика не существует вне живого организма. Психические процессы, состояния и свойства возникли в процессе эволюции жизни на земле. В этом качестве психическая деятельность, в том числе и психика человека, относится к предмету биологии, подчиняется биологическим законам и может быть подвергнута анализу с применением соответствующей методологии. Однако со времен античности сложилось понимание того, что существенная часть закономерностей психической жизни человека не поддается объяснению в терминах биологических наук, выходит за рамки биологических закономерностей. Б. Ф. Ломов отмечает: «С самого начала развития психологии как самостоятельной области научного знания в ней возникли две главные линии: одна — ориентированная на естественные науки, другая — на общественные <...> Стремление соединить эти две линии, <...> разработать цельную теорию <...> неизбежно ведет к постановке проблемы соотношения биологического и социального в человеке» (Ломов, 1984, с. 342).

Понятие социального не имеет единой общепринятой трактовки. В отечественной психологии сложилась традиция под социальным понимать прежде всего то в человеке, что отличает нас от животных. Это наличие общества и культуры, которые являются носителями программ становления и развития индивида, не биологических по своей природе и основанных не на биологических зако-

нах. Усвоение этих программ называется социализацией и является обязательным условием формирования нормального индивида. Общепринятым является представление о социальных факторах среды.

Под биологическим в психике человека в отечественной научной традиции понимается все природное, не специфически человеческое, все, что объединяет нас с нашими «меньшими братьями». Фактор наследственности является по своей природе преимущественно биологическим, однако сама биология человека имеет особую природу — это социальная биология. Как показали исследования, в тех случаях, когда человек вырастает в изоляции, лишен общества (например, известный феномен Каспара Хаузера), человеком в полном смысле слова он не становится. Во-первых, предоставленный своей природе, но изолированный от общества с момента рождения человек не обладает организацией нервных процессов, свойственной «нормальным» людям, и соответствующим ей поведением. Не владея полноценно речью, он не способен к подлинно человеческому общению. Во-вторых, его телесная организация не является нормальной для человека. Например, отличается форма позвоночника. Индивиду, выросшему в изоляции, не свойственно прямохождение. Его позвоночник остается полусогнутым, а руки при ходьбе касаются земли. Даже умение пить из чашки у нас не от природы.

Б. Ф. Ломов указывает, что человеческое дитя уже рождается с механизмами поведения, направленными на удовлетворение витальных потребностей, которые «рассчитаны» на человеческий способ ухода за ним (Ломов, 1984). В отличие от новорожденного животного, которое находит свою среду «готовой», для человеческого дитяти взрослыми создается особая, специальная среда. Система способов и средств создания соответствующей среды для ребенка сформировалась в обществе и закрепились в культуре. Можно говорить о наличии у человека особого рода задатков, обеспечивающих возможность усвоения программ развития, социальных по своей природе, носителем которых является не видовая память, заложенная в генах индивида, а общество, культура. В то же время биологическое в человеке не сводится к наследственному. Среда обитания — очень широкое понятие и включает в себя далеко не только общество и культуру.

Нередко в литературе можно встретить отождествление дихотомий «среда—наследственность» и «биологическое—социальное». Однако существуют теории, в соответствии с которыми социальное представлено и в наследственности человека. Такова, например, теория архетипов К. Г. Юнга, его представления о коллективном бессознательном. В соответствии с этой теорией глубинные слои психи-

ки — коллективное бессознательное — не формируются в процессе индивидуального развития, но наследуются как общая универсальная основа человеческой душевной жизни. Коллективное бессознательное порождено единством мира, в котором обитают все люди, и наполнено инстинктами и архетипами.

Инстинкт, по Юнгу, — это потребность в деятельности, не имеющая сознательной мотивации, но ощущаемая как необходимость. Традиционно инстинктами называют сложные устойчивые последовательности действий, направленные на удовлетворение витальных потребностей: питательные, охранительные, сексуальные инстинкты, инстинкты отношения к потомству и т. п. Юнг относил к инстинктам человека и сложные ритуалы, которые мы встречаем в обрядах различных народов, в детских играх, то есть действия, не несущие непосредственно биологического смысла и относимые обычно к сфере культуры.

Архетипы — условные образные формы, типичность и универсальность которых обнаруживается в мифах, сказках, снах, галлюцинациях. Сам по себе архетип свободен от содержания и чисто формален, это, по терминологии Юнга, априорная возможность представления, на основе которой формируется содержательный образ мира у конкретного человека. В определенном смысле идея архетипов близка идее априорных форм познания И. Канта: и в том, и в другом случае речь идет о необходимости структурирования отражательной сферы психики до момента начала собственно индивидуального конкретно-чувственного отражения.

Вне дихотомии «биологическое—социальное» термин «социальное» применяется как антоним понятия «индивидуальное». Так, в самых авторитетных изданиях по зоопсихологии сложилась практика употребления словосочетания «социальное поведение животных». Не подвергая сомнению правомерность употребления термина «социальное» в указанном смысле, необходимо отметить его существенное расхождение с понятием, раскрытым выше. Важно подчеркнуть, что это существенное различие в содержании понятия «социальное» при его определении через дихотомию «животное—человек» по сравнению с определением через дихотомию «индивид—сообщество» ясно проявилось лишь на современном этапе развития психологической науки, в первую очередь благодаря достижениям биологических наук последних десятилетий XX в., прежде всего генетики.

Важнейшее реформирующее значение для понимания биосоциальной природы личности человека имело открытие генетиками во второй половине 1970-х годов механизмов так называемого груп-

пового наследования. Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид, а группа, связанная родственными узами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись биологически обусловленному индивидууму эгоистическому поведению, — различные проявления альтруизма и самопожертвования.

В результате этих открытий стало возможным и необходимым развести два вышеназванных значения понятия «социальное», определяемого либо как противоположность «индивидууму», либо как противоположность «животному». До этого времени существовала тенденция к отождествлению областей этих значений. Так, А. Н. Леонтьев в своей классической монографии «Проблемы развития психики» пишет о различии между психикой животного и человека, доказывает, что животное всегда действует само по себе, в одиночку, даже когда одновременно действуют несколько особей, воспринимая других как элементы окружающей среды, объекты. Феномен взаимодействия и взаимопонимания между членами сообщества, согласно его теории, возникает лишь на уровне человеческой психики.

Сегодня благодаря успехам биологии мы можем с точностью указать наличие «социального» фактора в животных сообществах, что позволяет на новом уровне поставить проблему специфичности человеческой психики по сравнению с психикой животного. Разведение как независимых дихотомий «животное—человек» и «индивид—сообщество» в контексте определения понятия «социальное» позволяет выделять следующие психические феномены:

- животные, существующие на уровне индивида;
- животные, существующие на уровне сообщества;
- специфически человеческие, существующие на уровне индивида;
- специфически человеческие, существующие на уровне сообщества.

Представляется, что уточнение содержания понятия «социальное» необходимо для продвижения в области исследования проблемы соотношения биологического и социального в психическом развитии человека. Так, Л. Г. Почебут (2002) видит трудности в разрешении данной проблемы в том, что логически и научно не определены понятия, используемые в дискуссии.

Можно утверждать, что искомое понятие определяется в различных психологических теориях либо как противоположность «индивидуальному», т. е. дихотомия «индивидуальное—общественное»,

либо как противоположность «животному», т. е. дихотомия «человек—животное».

На современном этапе развития науки, когда нет оснований сомневаться в наличии биологических механизмов регуляции животных сообществ, отсутствие разделения вышеназванных значений понятия «социальное» часто приводит к утрате видения проблемы специфичности человеческой психики.

Начало и конец доакадемического этапа развития психологической науки, с XVII до конца XIX в., когда существовала так называемая «традиционная» психология, общим предметом которой было сознание, методом — интроспекция, а основной теорией — ассоцианизм, обозначен двумя яркими фигурами: Рене Декарта и Вильгельма Вундта. В трудах Р. Декарта, заложившего основы теории, определившей развитие психологии в этот период, вопрос о специфичности человеческой психики поставлен с максимальной остротой: жизнедеятельность животного осуществляется на рефлекторной основе, автоматически и не нуждается в психическом регулировании, так как полностью определяется объективной реальностью внешних воздействий и внутренних состояний. Только две вещи Р. Декарт полагал невозможным объяснить подобным образом: это сознание человека и его речь. Область психики он считал возможным ограничить лишь названными двумя явлениями и приписал ее наличие, т. е. душу, лишь человеку, полагая прочие живые существа лишенными души автоматами. Предметом традиционной психологической науки было сознание, а центральной проблемой — природа свободной воли.

В. Вундт, появление научной школы которого означало переход психологической науки в новую фазу развития, жестко разделил психические явления на низшие, по отношению к которым он считал возможным применение объективных экспериментальных методов, и высшие, присущие только человеку и экспериментальному исследованию недоступные.

Возражения против положений «традиционной» психологии уже в первые десятилетия ее развития как самостоятельной науки привели к кризису, расколовшему науку на отдельные достаточно независимые школы. Преодолеть дуализм традиционной психологии было возможно, только предложив ту или иную теоретическую модель соотношения социального и биологического в психике человека. ИмPLICITно или в явной форме такая модель лежит в основе всех так называемых школ психологии, возникших в период кризиса. Каждое из современных направлений психологии в явной или неявной форме дает свои ответы на вопросы:

Как связаны биологическое и социальное в человеке? Дополняет ли социальное биологическую природу, служит ли ее продолжением или они разделены некоей границей и их следует рассматривать в отрыве друг от друга? А может быть, между биологическим и социальным существуют отношения антагонизма? Что определяет структуру личностных типов и черт — биологические свойства человека или качества, коренящиеся в культуре, культивируемые социумом? И наконец, что такое *индивидуальность* человека — уникальный вариант типовой структуры или нечто большее — уникальность самой структуры личности? Какова природа этой уникальности, можно ли объяснить ее, оставаясь в рамках материалистической науки?

Вопрос о соотношении биологического и социального Б. Ф. Ломов называет первым, с которым приходится столкнуться при обращении к изучению развития человека. «В истории науки были перебраны практически все возможные формально-логические связи между понятиями «психическое», «социальное» и «биологическое». Психическое развитие трактовалось и как полностью спонтанный процесс, не зависимый ни от биологического, ни от социального, и как производный только от биологического или только от социального развития, и как результат их параллельного действия на индивида или взаимодействия и т. п.» (Ломов, 1984, с. 362).

Л. Г. Почебут (Почебут, 2002) рассматривает проблему соотношения биологического и социального в психике человека под новым углом зрения и выделяет в истории психологии два подхода к ней в зависимости от позиции, занимаемой авторами по отношению к вопросу о субъективной или объективной природе социального. Приверженцы первого подхода утверждают, что в основе социальных явлений лежат психические феномены. В рамках этого подхода Почебут объединяет взгляды социолога О. Конта, теорию инстинктов социального поведения, которой придерживались У. Г. Самнер, Т. Б. Веблен, У. Магдугалл, В. Троттер, В. Парето, Р. Д. Коллингвуд, А. Гелен, З. Фрейд, К. Г. Юнг, У. Шутц и др. Л. Г. Почебут полагает, что идея о том, что психическое является основой социального, свойственна феноменологии Э. Гуссерля, символическому интеракционизму Дж. Г. Мида, когнитивному направлению в социальной психологии, а также теории социальной идентичности Г. Тэджфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера.

Второй подход исходит из того, что психическое относится к классу субъективных идеальных явлений, а социальное предстает объективной реальностью материального мира. Основоположником данного подхода Почебут считает Э. Дюркгейма, социологической

парадигмы которого придерживались М. Вебер, Т. Парсонс, П. А. Сорокин, Ф. Теннис. По нашему мнению, к данному подходу следует отнестись и марксистскую теорию.

В контексте излагаемой классификации подходов вновь становится очевидным отсутствие единого понимания сущности социального в современной психологии и необходимость уточнения значения данного понятия как условие конструктивного обсуждения проблемы биологического и социального в человеке в контексте единой науки.

Nature and Nurture. Социальный заказ как фактор постановки биосоциальной проблемы в XX в.

В первое столетие существования академической психологии, с момента «становления психологии как самостоятельной науки» до последних десятилетий XX в., биосоциальная проблема рассматривалась как проблема соотношения в формировании человеческой индивидуальности врожденного и приобретаемого в процессе воспитания — Nature and Nurture. В контексте социальных конфликтов первых десятилетий этого периода и последующего противостояния в мире двух политических систем, вопрос о соотношении Nature and Nurture — один из самых идеологически заряженных. Научные теории и факты здесь непосредственно соотносятся с уровнем социальной мобильности, существующим в обществе, с принципами рекрутации в те или иные социальные группы. Структура соотношения различных школ в психологии XX в. во всей полноте отразила историческую эпоху сосуществования антагонистических социальных систем с их обостренной чувствительностью к идеологическим аспектам научного знания.

Идея наследуемости интеллекта, нравственности, других психологических качеств — важнейшая тема в литературе и искусстве XIX в. В английской литературе ее величайшими выразителями были Ч. Диккенс и Дж. Элиот. В романе Диккенса «Оливер Твист» герой воспитывается с рождения в ужасной социальной среде, среди самых отвратительных и низких социальных типов. Но он разительно отличается от своего окружения, обладая честностью, нравственностью, умом и, наконец, владея грамотной речью и произношением. Причина этих различий — благородное происхождение Оливера, что и составляет тайну романа. Герой Дж. Элиота Даниэль Деронда — приемный сын английского баронета. В возрасте 21 года у него по непонятным причинам возникает увлечение, совершенно не ха-

рактерное для социальной среды, в которой он рос — древнееврейская философия, затем он влюбляется в еврейскую девушку. Естественно, выясняется, что Даниэль — на самом деле сын известной еврейской актрисы. Наиболее популярные французские писатели XIX в. Э. Золя и Эжен Сю использовали те же темы. Цикл романов Золя о Ругон-Маккарах показывает решающее влияние наследственности на социальные различия.

В XX в. идея наследуемости психологических качеств несколько утратила популярность как литературный сюжет, но стала чрезвычайно популярной среди ученых. В крайнем варианте эта точка зрения выступает как попытка научного обоснования того, что идеологический лозунг «общества равных возможностей», порожденный демократическими буржуазными революциями, не входит в противоречие с фактом наследуемости власти, богатства и социального статуса в капиталистическом обществе XX в. Исследования зарубежных социологов показывают, что социальная мобильность в обществе, т. е. возможность перехода из одной социальной группы в другую, невелика и постоянно снижается в течение XX в. В 1952 г., например, 83% американских деловых руководителей были сыновьями бизнесменов или высококвалифицированных работников. Это на 10% больше, чем в первой четверти века (Левонтин, 1993).

После эмиграции в США многих крупных европейских психологов, бежавших от фашистской угрозы, ведущим в мировой психологии стало влияние американских научных школ. Социальный заказ капиталистического общества США во второй половине XX в. сводился к оправданию сложившейся практики ничтожно малой социальной мобильности и по существу наследственной передачи права принадлежности к привилегированным социальным группам на фоне декларирования «общества равных возможностей» (там же). Искомым оправданием служили теории и экспериментальные доказательства биологического наследования важнейших личностных качеств, исследования конституционально обусловленных свойств личности. Идея наследуемости психологических качеств позволяет объяснить неравенство людей в капиталистическом обществе их природным неравенством.

Один из крайних вариантов подхода к проблеме сформулировал в 1905 г. выдающийся американский психолог, один из основоположников бихевиоризма, Э.Л. Торндайк: «В реальном жизненном состязании, смысл которого не в том, чтобы достичь цели, а в том, чтобы обойти других, главным и решающим фактором является наследственность» (цит. по: там же, с. 117). Показательно, что это утверждение

было сформулировано за 5 лет до возникновения хромосомной теории наследственности, за 10 лет до разработки статистической теории корреляций и за 13 лет до обоснования теории наследственности количественных признаков. Иначе говоря, утверждение Торндайка представляет собой не научно обоснованную констатацию фактов, а отражение того, во что он хотел верить.

Идея наследуемости психологических качеств позволяет выдвинуть следующее объяснение неравенства социального положения людей при капитализме: это общество равных социальных возможностей, насколько оно может быть таким, учитывая природное неравенство людей. Вот как формулирует эту точку зрения психолог Р. Хернстайн: «Привилегированные классы прошлого, возможно, ненамного превосходили биологически тех, кого они угнетали, вот почему революция имела довольно большой шанс на успех. Разрушив искусственные барьеры между классами, общество способствовало созданию биологических барьеров. Когда люди займут свое естественное место в обществе, высшие классы будут, по определению, иметь большие способности, чем низшие» (цит. по: Левонтин, 1993, с. 133).

На протяжении всего XX в. усилиями психогенетиков подводился научный базис под эту систему взглядов. Множатся и усиливаются научные доказательства наследуемости психологических качеств. В монографии Дж. Картрайта (Cartright, 2000, р. 342) помещена соответствующая иллюстрация. На фотографии изображен ребенок 3–4 лет, молотком вбивающий в стену долото. Фотография снабжена подписью: «Ребенок разрушает Берлинскую стену. Десятилетия власти коммунистической идеологии не смогли изменить человеческую природу, заставить людей отказаться от личных свобод и частной собственности, существующих в западной культуре. Политические и этические системы не жизнеспособны, когда они противоречат биологической природе человека».

Ознакомившись с достижениями психогенетики, читатель убедится, что все на 100% зависит от наследственности. Однако противоположная идея – все на 100% зависит от среды – также представлена в мировой культуре и доказана блестящими успехами ученых.

Общее мнение ученых сегодня может быть выражено так: индивидуальность зависит на 100% от наследственности и на 100% от среды. Однако за этой примиряющей фразой стоит острая борьба взглядов.

Если в литературе XIX в. первенствовали идеи наследственности, то в XX в. на первый план выходят сюжеты противоположного смысла. Достаточно назвать такие произведения, как «Пигмали-

он» Б. Шоу и «Принц и нищий» Марка Твена. Наукой XX в. также получены доказательства решающего значения средовых влияний для формирования индивидуальности. Особых успехов достигли здесь отечественные научные школы. Господствовавшая идеология требовала научного обоснования биологического равенства всех людей, а практика грандиозного социального эксперимента диктовала развитие исследований влияния социума на личность человека, изучения меры этого влияния и его механизмов. В этом направлении отечественная психологическая наука далеко опередила зарубежные психологические школы по времени обращения к встающим здесь проблемам и достигла замечательных результатов, которые могут быть востребованы сегодня в процессе осуществляющейся интеграции мировой психологической науки.

Именно в русле такого подхода Л. С. Выготский сформулировал свою культурно-историческую теорию психического развития. Выготский видел драматическое значение психосоциальной проблемы в современной ему науке и занимал по отношению к этой проблеме совершенно определенную позицию.

Теория Л. С. Выготского, признанная и высоко ценяемая зарубежными специалистами, воспринимается ими в основном лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания подлинно решающей роли культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории.

Идеологический запрос советского государства, поставленная перед наукой с момента его образования задача создать нового человека, живущего по законам нового общества, способствовали тому, что направление, развивающее подход с позиций решающей роли средовых воздействий, получило статус ведущего. Его развитию был дан зеленый свет, к работе привлекались лучшие силы отечественной науки. Ярким примером такого подхода является теория индивидуальности Б. Г. Ананьева, утверждавшего, что индивидуальность человека, целостная структура его психики, создается прижизненно, а биологические основания, генотип с присущим ему диапазоном фенотипической изменчивости являются лишь пластичным материалом для такой конструкции. В разработке этого направления Ананьев продолжил линию Выготского, которая не была подхвачена в школе А. Н. Леонтьева. П. Я. Гальперин, вспоминая харьковский период своей деятельности, когда произошел известный раскол между Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым и, собственно, началось развитие школы А. Н. Леонтьева, говорит, что учение о предметной деятельности «привело к существенному изменению в акцен-

те исследований – Л. С. Выготский подчеркивал влияние высших психических функций на развитие низших психических функций и практической деятельности ребенка, а А. Н. Леонтьев подчеркивал ведущую роль внешней, предметной деятельности в развитии психической деятельности, в развитии сознания» (Гальперин, 1983, с. 241).

Две традиции постановки биосоциальной проблемы. Постановка проблемы человека в российской науке

Таким образом, к концу первого века существования академической психологии, сложились два принципиально отличных подхода к биосоциальной проблеме.

В западной психологической науке, несмотря на многообразие школ и направлений, доминировали представление об определяющем значении биологического начала в человека и тенденция к размыванию границ между социальным и биологическим. Как неоднократно было отмечено в литературе, (Castro, Lafuente, 2007; Marsella, 2012; Moghaddam, 1987; Rose, 2008), мейнстрим современной мировой психологической науки развивался на базе исследований человека, принадлежавшего к современной западной культуре XX в., воспитанного в ней. Его психологическим характеристикам присваивался статус универсальных, общечеловеческих. Более того, психологические характеристики WASP¹ рассматривались как эталонные, отличия от которых трактовались в качестве низшей ступени в развитии. Известный американский историк психологии Вейд Пикрен в своей статье о расизме в психологической науке (Pickren, 2009) пишет, ссылаясь на исследования (Guthrie, 1998; Richards, 1997), что со шкалами Бине началась эра «психометрического расизма в психологии, сопровождавшаяся разработкой множества новых интеллектуальных тестов с целью доказать превосходство белых над черными, а также превосходство белых северо-европейцев и англо-саксов над белыми другой этнической принадлежности» (Pickren, 2009, p. 427).

Культура при этом рассматривается как своего рода надстройка над биологией, а единство биологического и социального в человеческой психике – как раз и навсегда сложившееся, непротиворечивое и постоянное. В таком подходе коренится вера в наличие неких «универсальных общечеловеческих характеристик», ценностей и т. п. Из такого подхода с неизбежностью следует прокрустово ложе эталона человека, отступление от которого рассматривается как ущербность.

1 White Anglo-Saxon Protestant – белый, англо-саксонец, протестант.

Отметим, что едва ли не основной силой, породившей современный социальный конструктивизм, было растущее осознание учеными «заказного» характера западной (в первую очередь североамериканской) социальной психологии. Осознание того, что западная социальная психология не только имеет мощный заряд полезности, но и теории свои выстраивает таким образом, что они отвечают актуальным запросам общества: утверждению престижа правящих социальных групп, государственной идеологии. За большинством их теоретических представлений стоит сверхзадача утверждения ценностей, насаждаемых обществом, прежде всего идеала свободного, самостоятельно принимающего решения и проводящего их в жизнь одиночки.

Принципиально иной подход к биосоциальной проблеме сложился в советской психологии. В основу этой уникальной теории биосоциального единства человека заложена исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России в отечественной науке рубежа XIX – XX вв. (прежде всего в работах великих русских физиологов) традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, традиция понимания социального как отмены, запрещения биологически естественного, понимания социализации как запрета природного и естественного поведения, понимания культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы.

Основу подхода составило открытие И. М. Сеченовым центрального торможения как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействие среды. Понятие центрального торможения позволило материалистически объяснить произвольность человеческого поведения, «способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам с тем, чтобы следовать собственной программе» (Ярошевский, 1996).

Произвольность человеческого поведения, его волевой характер, несводимость к отдельным непосредственным актам-реакциям и возможность их оттормаживания были в центре внимания Ухтомского. Открытие И. П. Павловым механизма условных рефлексов позволило объяснить, как взамен естественной системы реакций возникает новая, в основе которой уже не законы природы, но условные законы внешней ситуации, интериоризируемые индивидом. Особое значение для понимания закономерностей человеческого поведения имело открытие Павловым второй сигнальной системы. Слово как особый вид социально условного сигнала становится главным регулятором человеческой психики, подчиняя человеческое поведе-

ние и сознание законам уже не природы, но часто вопреки этим законам — социуму и запечатленной в языке культуре.

«Учение о борьбе за существование, — писал К. А. Тимирязев, — останавливается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека одна борьба — с борьбой за существование» (Вагнер, 1998, с. 54).

В. А. Вагнер (1849—1934), основоположник и классик отечественной сравнительной психологии, усматривает зачатки разумного поведения у животных именно в способности последних действовать вопреки инстинкту: «О способности разума до известных пределов подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты» (там же, с. 184). У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам: «У человека способности разумные подавляют инстинкты тем легче... чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит» (там же, с. 185).

Эта идея противопоставления законов природы и социума особенно ярко выражена в работах Вагнера о факторах и законах эволюции материнства. Вагнер включается в современную ему дискуссию о причинах существования в истории развития так называемых диких народов периода, когда «детоубийство и вытравливание плода, в колоссальных размерах, представляют собой явление общераспространенное» (там же, с. 79). С позиций эволюционной теории Ч. Дарвина Вагнер выясняет, почему данное страшное явление возникает именно на этой стадии развития живого мира. Вовсе не свойственное животным, оно возникает на определенной стадии «дикости» культуры (не самой низкой) и вслед за прохождением какого-то исторического периода развития общества полностью исчезает.

Подвергая критике широкий круг теорий, Вагнер предлагает следующее объяснение. Смысл данного этапа в эволюции человечества заключается в освобождении от власти биологического закона борьбы за существование вида, что становится возможным на определенном уровне развития разума, когда «у человека-дикаря дети убиваются вследствие того, что его психическая жизнь поднялась до степени понимания своих грубых индивидуальных прав на жизнь, какой она ему нравится» (там же, с. 87).

Если бы подобное отношение к потомству закрепилось в инстинкте какого-либо вида животных, этот вид был бы обречен на быстрое вымирание. У человека же «мать сначала сделалась детоубийцей, а потом, когда на место биологического закона борьбы за существование, регулировавшего у животных отношение матери к потомству,

стало общество и взяло эту задачу в свои руки, материнская любовь получила новые силы и новое, только человеку присущее, содержание» (там же, с. 87).

На данном примере Вагнер демонстрирует понимание человека как существа, находящегося в едином ряду с другими проявлениями жизни, но это единство диалектическое, включающее противопоставление, противоречие как источник внутреннего развития: «На земле человек только один, пользуясь силою своих разумных способностей, преступил <...> железный закон отбора и преступил его дважды: сначала, когда использовал борьбу индивидуальности самки-матери с потомством в пользу первой из этих сторон, а потом, когда признал за побежденной стороной — ребенком право на жизнь и взял эту жизнь под охрану общества, когда, другими словами, он противопоставил силе биологических законов — силу законов социальных» (там же, с. 77).

Заслуживает внимания разница трактовки человеческого инфантицида Вагнером и современными эволюционными психологами, результаты исследований которых мы приводим ниже. Представляется, что именно подход Вагнера позволяет дать целостную картину явления. Да, вероятно, есть общие биологические закономерности, влияющие на поступки людей в ряде ситуаций. Но влияние этих законов не непосредственно, не облигативно, оно опосредовано сознанием человека. Личность, наделенная сознанием, совершает тот или иной поступок по собственному выбору между бессознательными влечениями и осознанным долгом и моралью общества. Нормы человеческой нравственности коренятся не в природе человека, но в социуме. Сознательная ориентация поведения на понятия долга и общественного идеала — гораздо более надежный путь к миру с самим собой и обществом, чем ориентация на мифические общечеловеческие ценности. Вера в последние, в свою природную добродетель приводит к тому, что человек, чувствуя неподобающие влечения, вместо того, чтобы противостоять им с позиций долга, начинает искать себе оправдания, возлагать вину за дурные чувства либо на себя самого, либо на окружающих и лишается позитивной Я-концепции. Человек внутренне противоречив, далеко не свят. Никто не может заставить себя любить или не любить другого человека, чужого ребенка в своей семье. Но каждый человек отвечает за свои поступки перед Богом и перед людьми.

Диалектическое понимание природы человека воплощено в концепции эволюционного развития человека Б. Ф. Поршнева (1974). «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из че-

го вывести, как из биологического» (Поршнев, 1974, с. 17), — антиномия, которую он решает. Решение основано на идее инверсии, когда некоторое качество дважды превращается в свою противоположность, подпадая под формулу Фейербаха «выворачивание вывернутого». Возникновение человека, следуя этой логике, надо представлять как «перевертывание» животной природы в такую, с которой люди начали свою историю. Затем начинается собственно человеческая история, которая может быть представлена как «перевертывание» природы этого промежуточного звена.

Проблему соотношения и генетического перехода между биологическим и социальным Поршнев называет великой темой философии и естествознания, «загадкой человека», решение которой может быть найдено, если рассматривать человека как существо, исторически изменяющееся не только путем медленного постепенного изменения частных особенностей, но и путем качественных скачков: «На заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным типом, но и представлял его противоположность. Только если понимать дело так, между этими полюсами протягивается действительная, а не декларируемая словесно дорога развития» (там же, с. 16–17).

Подобно Вагнеру, описывающему картины детоубийства как неизбежный этап превращения животного в человека, Поршнев представляет наших далеких предков-троглодитов в таком виде, который вряд ли может понравиться тем, кто верит в существование неких «общечеловеческих ценностей», возникших неизвестно каким образом, но сразу. По мнению Поршнева, наш далекий предок питался трупами животных, недоеденными хищниками, стремился избежать всякой продуктивной деятельности и жить за счет эксплуатации себе подобных. Зерном социального в психике троглодита, корнем, из которого развился язык как основная особенность человеческой психики, Поршнев считает способность суггестивно воздействовать на животных, а затем и на себе подобных, запрещая, оттормаживая текущее естественное поведение.

В наше время психолог остро чувствует связь своей науки с философией. Эта связь никогда не прерывалась, но в разные периоды развития психологической науки она то уходит из поля сознания профессионального сообщества, то вновь привлекает к себе внимание ученых.

Философские основания в форме тех или иных постулатов могут быть прослежены в любой психологической теории. Они заложены в самой постановке вопроса, ответ на который ищет автор тео-

рии. Предмет психологии существует лишь субъективно, как некая версия объективной действительности. Научное психологическое знание всегда опирается на личный опыт, который для психолога остается единственной формой прямого эмпирического познания предмета своей науки. Это знание опосредовано культурой, к которой принадлежит психолог и которая определяет его способ мышления и образ мира. Попытки осмысления, объективного сравнения и сопоставления имплицитных оснований психологических теорий переносят нас в предметную область философии.

Явно или неявно психологические теории и конкретно психологические исследования исходят из определенной философской концепции относительно человека, подтверждают или опровергают какие-то представления о его сущности и предназначении.

Для понимания подхода к проблеме сущности человеческой личности, который лежит в основе отечественных психологических теорий, особое значение имеют две философские традиции, влияние которых на развитие отечественной психологии А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский (1996) отмечают с самого начала развития психологической науки в России. У истоков первой из них стоял Николай Чернышевский, у второй – Владимир Соловьев. Они заложили в России традиции постановки проблемы личности в психологии, исходя из противостоявших друг другу способов осмысления ее природы.

К антропологическому принципу Чернышевского восходит «русский путь в науке о поведении» – от Сеченова до Павлова и Ухтомского и к марксистской советской психологии с ее естественно-научным деятельностным подходом. К теологическому принципу Соловьева восходит апология «нового религиозного сознания» в трудах Н. А. Бердяева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, С. Л. Франка и др. – религиозно-философское направление, казалось, навсегда исчезнувшее в России после 1922 г. и знаменательным образом возродившееся в постсоветский период.

Интересно, что стороны этого противостояния прежде чем занять собственную идейную позицию, испытали неудовлетворенность этой второй позицией. Чернышевский и Павлов были воспитанниками духовной семинарии, Ухтомский учился в духовной академии. Соловьев начал творческий путь в качестве студента-естественника, а в дальнейшем становится слушателем лекций Юркевича и подает прошение об отчислении с физико-математического факультета.

В отношении марксистской антропологии сегодня представляется необходимым отойти от идеологизированных стереотипов, как привычного на протяжении 70 лет советской власти восхваления,

так и бездумного очернения, которое мы часто наблюдали в 1990-е годы. В марксистской антропологии сочетаются два основных положения. Каждое из них имеет полемически заостренный характер, а сочетание их кажется парадоксальным.

Во-первых, теория Маркса последовательно естественно-научна. Весь мир и человек как его часть имеют естественно-историческое происхождение. Ничего сверхъестественного нет. Человек принадлежит природе, он полноправная часть живого мира.

Во-вторых, человек понимается как полностью социальное существо. Теория Маркса социоцентрична, все специфически человеческие качества выводятся не из неизменных родовых общечеловеческих свойств, но однозначно определяются устройством общества в определенный исторический период, общественными отношениями. Это положение марксистской теории подвергалось наибольшей критике, теорию Маркса не раз объявляли утопичной за то, что ее постулаты не соотносятся с «человеческой природой».

Как же сочетаются в марксистской антропологии названные положения? Центральный момент в марксистской версии человека — историко-материалистическая трактовка общественных отношений, не имеющая аналогов в истории мировой мысли (Человек..., 1995). Общественные отношения, отношения между сознательными индивидуумами, определяются не волей, не сознанием, они не идеальны по своей сущности. В основе их — объективные законы жизнедеятельности людей, характер труда и его распределение между индивидами, развитие материальных сил и средств, воспроизводящих саму человеческую жизнь. Человек — общественно-производящее существо, это его первичное и основное качество. Его субъективность и идеальность сознания выступают как вторичные качества. Человек в теории Маркса рассматривается, с одной стороны, как закономерный результат эволюции животного мира, законы его поведения определяются законами природы. С другой стороны, взаимодействие человека с природой опосредуется специфическим, тоже закономерно в эволюции возникшим образованием — социумом, культурой, — которое преломляет человеческое развитие в культурно заданном направлении. Таким образом, направление, в котором действует естественный отбор, теперь определяется востребованностью обществом тех или иных качеств, не обязательно биологически полезных. В работах советских методологов подчеркивалось, что единство биологического и социального в человеке имеет в своей основе противоречия, которые порождают диалектическое развитие как культуры, так и биологии человека.

Представление о человеке, развиваемое марксизмом, глубоко диалектично, в нем заложено внутреннее противоречие, отрицание отрицания власти законов природы, — источник активности и развития. Сущность человека, по Марксу, состоит в том, что он активно преобразует мир, он деятелен. Известный представитель гуманистической психологии Э. Фромм считает Маркса родоначальником радикального гуманизма. Фромм ставит Маркса в один ряд с такими мыслителями, как Б. Спиноза, И. В. Гёте, Г. В. Ф. Гегель, для которых человек живет до тех пор, пока он одержим творчеством, собственными усилиями преобразует мир.

В этой связи интересно отметить принципиально различную трактовку эволюционной теории Ч. Дарвина российскими и западными учеными. Теория Дарвина, популярная в России и до Октябрьской революции, после революции становится особенно актуальной и социально востребованной. Дух и буква этой теории как нельзя лучше соответствовали идеологическим установкам советской власти, провозгласившей целью сформировать «нового человека». На вооружение берутся два основных тезиса Дарвина:

- вид изменяется,
- направление изменений определяется внешними средовыми условиями.

На основе такого подхода развивалась российская сравнительная психология в советский период, которая по сути являлась российской школой эволюционной психологии. Предметом изучения здесь было закономерное, закрепляемое как прижизненно, так и наследственно, изменение поведения и психики в результате изменений условий обитания. В свете понимания изменяющейся цивилизационной среды человека как важнейшего средового фактора естественным был вывод о продолжающейся биологической эволюции человека. О том, что биологическая эволюция человека продолжается и, более того, ускоряется с ускорением научно-технического прогресса, прямо говорил Б. Г. Ананьев, называя, в частности, появление новых орудий труда и познания в качестве важнейшего фактора этой эволюции.

Такой подход радикально отличается от направления эволюционной психологии, которое бурно развивается в современной мировой науке.

Эволюционная психология как современное научное направление в западной науке (Cartwright, 2000; Dawkins, 1976) возникла в русле развития социобиологии (Wilson, 1975). Социобиология ста-

ла развиваться во второй половине 1970-х годов вследствие открытия генетиками механизмов так называемого группового наследования («семейного отбора»). Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид, а группа, связанная родственными узами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись биологически обусловленному индивидууму эгоистическому поведению — различные проявления альтруизма и самопожертвования.

В свете этих открытий стали понятными вещи, которые сам Дарвин объяснить не мог и считал парадоксальными — случаи, достаточно распространенные в животном мире, когда индивиды воздерживаются от того, чтобы иметь собственное потомство, создавая взамен наилучшие условия для выращивания потомства своих сородичей. Так, необъяснимым для Дарвина было существование рабочих муравьев. Наличие генов, обеспечивающих проявления альтруизма в сообществе, несомненно, биологически целесообразно и обеспечивает сообществу в целом лучшие условия для выживания по сравнению с группами, члены которых не помогают друг другу. Социобиология претендует на объяснение биологической целесообразностью всех видов общественного поведения животных и той или иной доли в социальном поведении человека. В крайних вариантах под логику биологической целесообразности в борьбе за существование вида подводится все социальное поведение людей.

Можно говорить о смещении предметной области, относимой к проблеме социальности: для западной психологической науки в область отношений индивида и общности, для отечественной школы — в область специфических особенностей психики человека, проблем сознания, воли и т. п.

Современные западные эволюционные психологи полагают, что основные механизмы психики человека сложились в далеком прошлом, когда происходил процесс образования вида современного человека, и закреплены генетически, оставаясь адекватными той среде, в которой обитал человек на заре своего существования и в процессе приспособления к которой он формировался, так называемой среды эволюционной адаптации (СЭА). Интенсивно обсуждается в литературе этого направления, какой была эта среда, какие задачи необходимо было решать нашим предкам для того, чтобы выжить в ней. Эволюционная психология активно взаимодействует со сравнительной психологией и этологией, из описаний жизни современных нам приматов заимствуя материал для гипотетических реконструкций СЭА.

Заслуживает внимания то, что в работах российских психологов вопросы эволюции человека начали разрабатываться существенно раньше, чем на Западе, и с существенно иных, по сути, альтернативных теоретико-методологических позиций. Представляется, что это различие подходов делает работы отечественных специалистов по сравнительной психологии особенно актуальными в контексте современного развития мировой науки (Журавлев и др., 2017; Ушаков, Журавлев, 2015).

Русская религиозно-философская традиция в плане постановки проблемы личности человека имеет, как отмечалось в литературе, такую особенность: в отличие от западной философии человек не выступает здесь в качестве воплощения индивидуализма. Он всегда понимается как некая «соборность в иерархии бытия». С одной стороны, говорится о целостности и уникальности личности, с другой — о ее подчиненности высшему началу. В центре внимания здесь осмысление предназначения человека, перед которым выдвигаются определенные нравственные императивы, поступки которого соразмеряются с общечеловеческими целями. Вот почему в отечественной философии так сильны религиозные и этические мотивы. «Персоналистски ориентированная русская философия менее всего была озабочена тем, чтобы установить диктат индивида <...> подчинить мир человеку. <...> русская философия, осмысливая предназначение человека, выдвигает перед ним определенные нравственные императивы, соразмеряет его поступки с общечеловеческими целями» (Человек..., 1995, с. 13).

Вот какое понимание человеческой сущности предлагает, например, Михаил Иванович Владиславлев (1840–1890), один из ведущих ученых России в области психологии доэкспериментального периода ее развития, профессор, декан историко-философского факультета и впоследствии ректор Санкт-Петербургского университета.

Человек — творение Создателя, часть вселенной, основанной на определенных принципах гармонии. Он вписан в «иерархию», где ниже — животные, а выше — другие, неизвестные формы жизни, отрицать существование которых на основании того, что мы не видим их проявлений, Владиславлев считает неправомерным: ведь и муравьи могут не подозревать о нашем существовании. Человек — часть вселенной, часть этой иерархии. Он от природы наделен «инстинктивными влечениями человеческой души», априорно ему присущими: 1) желание бытия, 2) нравственные принципы и стремления, окончательные цели которых лежат за пределами нашего сознания и отдельного человеческого существования.

«Повинуясь своим влечениям, мы идем по линии, которая заканчивается за сферой нашего существования» (Владиславлев, 1881, т. 2, с. 337), потому что человек стремится к истине, добру и красоте, но в земном существовании абсолютные знание, красота и добро недостижимы. Следуя своим природным влечениям, человек стремится сделать свою жизнь полной, сильной, значительной и прекрасной. Воля – основа человеческого существования, в естественном состоянии она направляет человеческую активность в правильном направлении, заданном ему «нравственным чувством»¹. Если человек отклоняется от нравственных координат – внутри него создается «ложная личность», как мистер Хайд в докторе Джекиле, что становится причиной страданий. Интересна в этой концепции трактовка проблемы свободы воли. Человек свободен в своих поступках, его воля свободна. Но сущность человека заложена Создателем, изменить ее человек не может. Свобода Создателя, в свою очередь, ограничена – он не может определять поступки человека. Отсюда представление о совести и об ответственности человека. Таким образом, страдание рассматривается как результат собственных ошибок, но не как обязательный атрибут человеческой природы (последнее характерно для западной философии).

Представляется чрезвычайно важным то, что становление психологической науки в России происходило в ситуации острой полемики и постоянного, заинтересованного диалога между двумя этими направлениями, естественно-научным и духовно-философским. Это изначально придало диалектический характер постановке проблемы личности в российской психологии, ибо «цельность в науке – это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» (Василюк, 2003, с. 3).

Этот постоянно – если не эксплицитно, то имплицитно – присутствующий контрапункт препятствовал односторонней, «уплощенной» и внутренне непротиворечивой трактовке сущности личности, что не позволило в дальнейшем снизить в естественно-научной советской психологии напряжение поставленной сверхзадачи монистического материалистического объяснения явлений духовной жизни личности, духовного начала в ней. Благодаря этому стало воз-

1 Владиславлев, получивший образование в Германии, как большинство российских интеллигентов досоветского периода, разделял веру Канта в нравственный закон, априорно данный человеку, он переводил сочинения Канта.

можным и быстрое возрождение православной духовно-философской психологии в постсоветской России, после 70 лет декларируемого атеизма и воинствующего материализма.

Биосоциальная проблема и кризис психологии

Каждый период в развитии науки имеет своего рода «визитную карточку» — основную проблему, вокруг которой концентрируются усилия ученых, в русле решения которой возможны максимальные для своего времени научные достижения. Так, психологические исследования в XVII в. концентрировались вокруг психофизической проблемы, проблемы соотношения психики и физического мира, и даже проблема психофизиологическая, проблема соотношения психики и организма, ставилась учеными того времени как психофизическая. Успехи естествознания в XVIII в. послужили причиной выдвижения на первый план проблемы психофизиологической.

Представляется, что «нервом» психологических исследований и теорий периода так называемого кризиса психологии стала проблема биосоциальная. То, что душевные явления зависят от культуры, социального окружения, известно со времен античности. Уже в V в. до нашей эры софисты обратили внимание на зависимость душевных явлений от социально-исторического контекста. Поведение людей рассматривалось ими уже не только как следствие материальных причин, неотвратимых законов, царящих в природе, но и в его зависимости от мышления и речи. Язык и мысль полны условностей и пристрастий, изменчивы и доступны манипулированию. Софисты и позже Сократ положили начало пониманию души как культурного феномена. Линия исследований в русле биосоциальной проблематики может быть прослежена на всем многовековом пути развития психологической науки.

Выготский в качестве основного противоречия, вокруг которого шла борьба теорий во время кризиса психологии, называет противоречие между психологией естественно-научной, объяснительной, и спиритуалистической, понимающей, описательной. Путем к выходу из кризиса он считает разрыв с последней. Таким образом, раскол между двумя психологиями — психологией высших психических функций и психологией низших психических функций, сопровождавший развитие психологии на всех этапах и закрепленный в трудах Декарта, Канта, Вундта, — должен был быть преодолен «движением снизу», распространением естественно-научной методологии на исследования в области сознания и высших чувств. Ра-

боты Выготского тем не менее показывают, что он осознавал и другое противоречие, более глубокое и драматичное, чем противоречие между научным детерминистским способом мышления и телеологическим, которое он считал более уместным в литературе и искусстве. Противоречие, вокруг которого незатухающая борьба шла на всем протяжении более чем векового кризиса психологической науки.

«Надо нацело расстаться с недоразумением, будто психология идет по пути, уже проделанному биологией, и в конце пути просто примкнет к ней как часть ее. Думать так — значит не видеть, что между биологией человека и животных вклинилась социология и разорвала психологию на две части, так что Кант и отнес ее к двум областям» (Выготский, 1982а, с. 377). Напомним, что речь идет о том, что психология не должна существовать в качестве отдельной науки, но область ее должна быть разделена между биологией и социологией.

Проблема наследственного и приобретенного, изменчивости и неизменности человеческой психики стала центром психологических исследований XX в. как для теоретических школ, так и для практической психологии. Почти все важнейшие достижения психологии последнего столетия представляют собой варианты ее решения. Такова модель Фрейда, где четкое разделение и противопоставление биологического и социального является центральным моментом и представляет собой источник и причину развития и функционирования человеческой психики. Из неприятия представлений Фрейда об антагонизме биологического и социального вырастает неофрейдизм во всех его вариантах и затем гуманистическая психология, в контексте которых были предложены неантагонистические модели взаимоотношений биологического и социального. Нет нужды говорить, что для отечественной школы разработка биосоциальной проблемы была важнейшим и приоритетным направлением. Непосредственное и прямое отношение к проблеме биологического и социального в человеческой психике можно отметить практически во всех крупных разработках в области общей, возрастной, педагогической, дифференциальной, клинической психологии XX в.

Постановка проблемы ведущими школами психологии позволяет говорить об определенном социальном заказе, особенно ярко проявляющемся в системе постулатов, лежащих в основе теорий. Идеологическое значение обсуждения было настолько велико и напряжение в этой области настолько сильно, что собственно конструктивное научное обсуждение проблемы изменчивости человека, соотношения врожденного и приобретенного в процессе социализации практически прекратилось, в целом дискуссия между школами стала

Глава 1

«затухать», разработка психологической теории велась в рамках отдельных школ, теоретические разработки которых сопоставлялись почти исключительно в практических прикладных работах, эклектически. Таким образом, идеологическая связанность школ в отношении подхода к важнейшей теоретико-методологической проблеме XX в. – биосоциальной – послужила важнейшим фактором раскола и так называемого кризиса психологии, продолжавшегося почти столетие, в результате которого психология распалась на отдельные школы, разделенные принципиальными различиями и противоречиями в отношении теории, методологии, самого понимания предмета науки, фактически перестала существовать как единая наука.

Глава 2

Российская психология о биосоциальной природе человека

Основоположники российской психологической школы

Понятия эндопсихики и экзопсихики в теории А. Ф. Лазурского

Большое влияние на разработку проблемы личности в отечественной психологической науке оказал А. Ф. Лазурский, до советского времени он не дожил, но идеи Лазурского, ученика В. М. Бехтерева, учителя М. Я. Басова и В. Н. Мясищева, понимание им личности как активно взаимодействующей со средой системы повлияли на развитие петербургской психологической школы

Для анализа и описания структуры психики А. Ф. Лазурский вводит два основных понятия — эндопсихика и экзопсихика. Под эндопсихикой понимается внутренняя взаимосвязь психических элементов и функций, «внутренний механизм» человеческой личности, ее ядро. К эндопсихике можно отнести такие психические свойства, как темперамент, воля, одаренность. Экзопсихика включает в себя отношения человека к внешним объектам и явлениям жизни. Она отражает внешние окружающие человека условия, обстоятельства, в которых он живет.

Деление на эндо- и экзопсихику не тождественно делению на врожденные и приобретенные свойства, хотя в экзопсихике преобладают прижизненно приобретенные элементы, а в эндопсихике — врожденные. Речь идет о сложных комплексах элементарных процессов и функций, которые определяются в случае эндопсихики внутренними причинами, а в случае экзопсихики — внешними.

В качестве примера А. Ф. Лазурский рассматривает эндо- и экзопсихические комплексы, свойственные парижской богеме начала XX в. Эндокомплексом, предрасполагающим к занятиям искусством, является сочетание развитого воображения, повышенной восприимчивости, аффективной возбудимости, развитого эстетического чувства. В качестве экзокомплекса выступают особенности личнос-

ти, порожденные условиями жизни в больших художественных центрах: молодежь, не обремененная семьей (не на что содержать семью), живущая компанией (одному тоскливо в пустой и неуютной комнате), неряшливая (нет жены и прислуги, которая заботилась бы о порядке), беззаботная (ибо заботиться не о ком), живущая то впроголодь, то устраивающая кутежи (доходы зависят от продажи картин).

Деление по уровням

Лазурский вводит два принципа разграничения по характерам. Во-первых, они делятся на три уровня в зависимости от активности взаимодействия со средой (от пассивных и безуспешных попыток приспособиться до активного переделывания среды обитания). Во-вторых, каждый уровень распадается на ряд типов и разновидностей психологического содержания.

Лазурский полагал, что личностное развитие каждого человека можно сравнить с восхождением по ступеням. В детстве оно происходит быстро, затем замедляется и совершенно останавливается: основное ядро личности окончательно определено, психический уровень определен. Достигнутый человеком психический уровень может быть разным. Он определяется прежде всего природной одаренностью человека, неким потенциальным запасом нервно-психической энергии, активности.

Внешне уровень проявляется в следующих качественно различных особенностях.

1. «Богатство» личности, «общий объем психической продукции», широта и дифференцированность интересов.
2. Сила, интенсивность психических проявлений, результативность и эффективность деятельности. Важно отметить, что оценивается личность не «по среднему» своих проявлений, а по преобладающим, наиболее развитым функциям. Второстепенные свойства у самых одаренных людей могут быть малоразвиты.
3. Сознательность, идейность личности. Мировоззренческое преобладание идейных, «абстрактных» процессов над чувствами. Вслед за Ф. М. Достоевским А. Ф. Лазурский считает смыслом жизни наиболее высокоразвитой личности самопожертвование во имя своих идеалов: «Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности <...> как отдать ее всю всем, чтобы и другие все были

точно такими же самоправными личностями. Это закон природы, к этому тянет нормального человека» (Лазурский, 2019, с. 52).

4. «Концентрация» психических элементов, их связанность в единое целое, целостность и единство личности.

Характеристика уровней

Низший уровень в классификации образуют «неприспособившиеся». Влияние среды здесь преобладает, насильственно подавляет слабую эндопсихику. Несоответствие задатков и способностей требованиям жизни таково, что человек не создает и того малого, на что был бы способен в более благоприятной среде. По психологическому содержанию этот уровень может быть классифицирован лишь по эндопсихическим комплексам на типы *рассудочный*, *аффективный* и *активный*, поскольку существенные экзопсихические комплексы не сложились.

Средний уровень в классификации представлен «приспособившимися». Эти люди оказались достаточно способными, чтобы найти себе место под солнцем и приспособиться к требованиям среды. Они приносят пользу обществу и обеспечивают себе комфортное существование. Классификация внутри уровня производится на основе психосоциальных комплексов, объединяющих эндо- и экзопсихику:

- а) теоретики-идеалисты (ученые, художники, религиозные деятели),*
- б) практики (человеколюбцы, общественники, властные, хозяйственники).*

Высший уровень составляют личности, интенсивность душевной жизни которых столь велика, что они нацелены на преобразование среды своего обитания. Их особенность — творчество. Лазурский называет их «приспосабливающиеся». Жизнь этих людей всегда полна упорной борьбы, часто им приходится переносить лишения, они хуже устроены в жизни, чем люди среднего типа. Психологический центр их душевной жизни — преобразование мира в определенном направлении, поэтому классификация внутри уровня строится по развитым экзопсихическим комплексам-идеалам:

- альтруизм,
- знание,
- красота,
- религия,
- общество,

- внешняя деятельность, инициатива,
- система, организация,
- власть, борьба.

А. Ф. Лазурский специально рассматривает вопрос о применимости критериев «лучше—хуже» к характеристике уровней. Можно ли считать, что личности высшего уровня лучше, полезнее, чем люди среднего уровня? — Нет. Среди приспособившихся можно встретить замечательных, нравственных и полезных обществу людей. В то же время среди приспособляющихся встречаются очень вредные, извращенные типы. Критерием моральной оценки, по А. Ф. Лазурскому, может служить не актуальный уровень развития, а стремление личности к повышению своего уровня, к развитию, тот «священный огонь», который один служит мерилom ценности личности любого уровня.

Культурно-историческая теория Л. С. Выготского

Л. С. Выготский выделял в человеческой психике два уровня психических явлений: «натуральные» (низшие) и «культурные» (высшие). Натуральные психические явления имеют врожденный, наследственный характер. К ним относятся, например, функциональные механизмы познавательных процессов (острота зрения, цветовая и световая чувствительность, некоторые механизмы памяти и внимания, скорость сенсомоторной реакции и др.). Формирование этих психических явлений подчиняется законам биологического созревания, законам онтогенеза.

Под культурными, или высшими, психическими функциями следует понимать сложные психические процессы, формирующиеся прижизненно, социальные по своему происхождению, опосредованные по психологическому строению и произвольные по способу своего осуществления. В отличие от натуральных культурные психические явления, которые и определяют в целом «лицо» психической жизни нормального человека, детерминированы социально. Их психологическая структура опосредована «психологическими орудиями» — знаковыми системами, в первую очередь речью, и социально закрепленными способами их формирования.

Формирование высших психических функций подчиняется следующим общим закономерностям.

Вначале они возникают как форма взаимодействия между людьми (например, между младенцем и матерью, когда она учит его называть предмет словом, между учителем и учеником, когда учитель объясняет новый способ решения задачи), т. е. как интерпсихичес-

кий процес. Затем по мере овладения деятельностью они превращаются в интрапсихический, внутренний процесс.

Первоначально высшие психические функции разворачиваются как внешняя предметная деятельность, опирающаяся на относительно элементарные сенсорные и моторные процессы (например, арифметике обучают с помощью счетных палочек, которыми непосредственно манипулирует учащийся). Затем перестройка психологической структуры идет по линии свертывания внешних компонентов действий и их автоматизации. Благодаря автоматизации умственных действий, вначале усвоенных как сознательное достижение поставленной цели, становится возможным прогрессивное обучение, надстраивание новых и новых образований над старыми, которые существуют в виде подчиненных слоев внутри нового целого. Эта совокупность явлений носит название интериоризации — превращения внешнего во внутреннее.

Развивая представления Л. С. Выготского о высших психических функциях, А. Р. Лурия разработал и подтвердил опытным путем свою теорию структурно-функциональной организации работы мозга. В соответствии с этой теорией высшие психические функции лабильны, динамичны, изменчивы по своей структуре. Изначально задан здесь только результат, который должен быть достигнут. Средства для достижения цели могут быть весьма различными. При выпадении отдельных звеньев в результате травмы или иной причины они замещаются другими. Каждое звено представляет собой отдельную функциональную психическую единицу и связано с определенной мозговой структурой. Таким образом, субстратом высших психических функций являются сложные мозговые системы, причем каждая из них объединяет множество отделов коры и подкорки. Многие звенья являются общими для нескольких психических функций. Поражение их в результате травмы черепа или органического заболевания приводит к появлению закономерных сочетаний нарушений психических функций, которые описываются как нейропсихологические синдромы.

Таким образом, мозг работает как единое целое, состоящее из множества высокодифференцированных частей, каждая из которых выполняет свою специфическую роль. Непосредственно с мозговыми структурами в рамках данной теории следует соотносить не всю функцию в целом (как это стремились сделать, например, френологи в прошлом, а ныне пытаются сторонники модульной теории мышления, описанной в главе 5), но отдельные, частные психические явления из числа тех, которые Л. С. Выготский относил к натуральным.

Выготский был захвачен проблемой истории становления «высших психических синтезов» — личности человека и его мировоззрения. В психологическом сообществе того времени распространялись идеи историко-генетического подхода к изучению личности. Обобщая достижения мировой психологической мысли, он обращается к работам Э. Шпрангера и В. Штерна. Но особенно его внимание привлекли идеи А. Адлера, которые Выготский перерабатывает с собственных теоретических позиций. Выготский впервые пытается ввести в систему отечественной психологии понятие жизненной линии, осознаваемых и бессознательных жизненных планов. Он позитивно оценивает положение Адлера о целенаправленном характере линий жизни, знаменующем устремленность человека в будущее. По его словам, именно направленность лейтлиннии, т. е. центральной «жизненной дороги», на реализацию определяемого самой личностью своего будущего превращает историю жизни человека из ряда бессвязных эпизодов в связный единый биографический процесс.

В работах Выготского фигурирует и понятие «жизненный путь». Содержательное продвижение проблематики жизненного пути требует достаточно разработанной концепции личности и ее развития. Ведь именно личность является основанием всех линий жизни, которые она прокладывает, преодолевая сопротивление меняющихся исторических условий и защищая выбранное ею направление. Выготский пытался выделить стержневые характеристики личности, но целостную ее концепцию он не успел создать. Однако выдвинутые им идеи до сих пор до конца не осмыслены, хотя отдельные важные положения легли в основу крупных концепций современных отечественных психологов. В работах Выготского прокладывание индивидуальной своей «жизненной дороги» выступает как одно из высших проявлений активности человека, порождаемое, инициируемое им самим.

Понятие активности — центральное в его концепции личности. Активность как ведущая характеристика человека выступает в различных формах. На этапе детства она проявляется в виде инициируемых самим ребенком движений, в его стремлении вырасти, развиваться, в очень ранних проявлениях волевых усилий. Категория идущей от индивида активности сопряжена с важнейшей для Выготского категорией воли, с утверждением представлений о воле как основе личности. Выступая против распространенного в психологии своего времени понимания младенца как реактивного существа, ученый подчеркивает: «Младенец — субъект развития» (Выготский, 1982б, т. 2, с. 281). Не культура беспрепятственно вливается в ребенка, но он сам входит в культуру и присваивает себе что-то из-

вне. Внешне развертывающаяся активность неотделима от внутренней психической активности. Любая внешняя операция осуществляется субъектом с помощью внутренних средств.

Активность растущего человека выступает как важная часть содержания введенного Выготским понятия социальной ситуации развития. Подчеркивая социально-историческую детерминацию «социальной ситуации», Выготский разъясняет, что и сам ребенок выступает ее активным участником. Во-первых, растущий человек меняет социальные условия своими действиями. Во-вторых, социальные ситуации преобразуются под влиянием внутреннего отношения к ним и жизненного плана личности. Среди разных форм активности растущего человека, направленной на окружающий мир, особенно важными Выготский считает сотрудничество ребенка со взрослым и коллективную деятельность детей. На основе социального взаимодействия у ребенка возникает способность к самосознанию и самоконтролю. Положение об индивидуально своеобразной переработке и переосмыслении человеком социальной действительности приводит Выготского к фундаментальному выводу о том, что «главным трактом» развития является не столько постепенная социализация, приносимая ребенку извне, сколько постепенная индивидуализация, возникающая на основе внутренней социальности ребенка.

При обсуждении проблем деления жизненной линии растущего человека внимание Выготского направлено на критерии перехода ребенка в новые стадии развития, на анализ содержания возрастных кризисов, на исследование личности подростка 1920-х годов.

Каждая стадия жизни ребенка характеризуется, по Выготскому, определенным новообразованием. Эти новообразования понимаются не в форме отдельных черт личности, а как новый тип ее строения и деятельности, определяющий своеобразие заинтересованного отношения ребенка к миру. В становлении личности проявляются общие закономерности психического развития – гетерохронность (разновременность) созревания различных сторон личности, чередование критических и литических периодов, эволюционных и инволюционных изменений. Указывая, что характеристики личности особенно полно проявляются в переломные моменты ее жизни, Выготский главное внимание уделяет кризисам новорожденности, младенчества, раннего детства (у трехлетних детей), дошкольного детства (у семилетних детей) и в подростковом возрасте. Кризис младенчества порождается тем, что новорожденный, по Выготскому, еще сохраняет психические черты утробной жизни, которые вступают в противоречие с конкретно-социальными впечатлениями и ре-

акциями двух–трехмесячного ребенка. Противоречие это порождает индивидуальную психическую жизнь, которая характеризуется конфликтом между максимальной социальностью младенца и минимальными возможностями его общения со взрослыми. Иницируемые ребенком усилия разрешить этот конфликт, отыскать способы воздействия на взрослого, начать взаимодействие с ним приводят в конце первого года к появлению «аффекта собственной личности». Это острое переживание собственного отличия от реальности окружающего мира образует, по Выготскому, первую ступень развития воли. Именно волю он считает основой построения личности. Дальнейшее развитие воли – источник возникновения феномена своеволия и перехода трехлетнего малыша на новую социальную позицию утверждения и защиты своей автономии. Признание воли, а затем автономии первыми стержневыми образованиями структуры формирующейся личности характеризует нетрадиционный подход Выготского к проблеме развития личности. Через 20 лет к таким же выводам приходит Э. Эриксон, создавая свою эпигенетическую концепцию развития Я человека. Однако для Эриксона и воля, и автономия – это ранние проявления заложенной в природе индивида внутренней программы. Для Выготского же эти новообразования – результат деятельного, а затем и речевого взаимодействия, сотрудничества растущего человека с миром взрослости.

Дальнейшее развертывание волевого начала приводит, по Выготскому, к возникновению более высокого уровня самосознания, самоконтроля. Ребенок стремится занять более высокую и ответственную позицию в обществе. Так возникает кризис семи лет, разрешающийся при поступлении детей в школу. В системе более обширных и разнообразных социальных связей они вырабатывают неизвестные дотолле приемы утверждения своей новой, личностно значимой позиции в обществе. Эта позиция предполагает и новые способы сотрудничества ребенка с особым социальным типом взрослого – с учителем в системе специфической учебной коллективной деятельности.

Последний период развития личности, анализируемый Выготским, – это время полового созревания, эпоха подростничества. Психологические особенности растущего человека в это время Выготский связывает с развертыванием у него мышления в понятиях. Именно оно выступает основой формирования таких высших психических синтезов, как убеждения, мировоззрение, жизненные планы. Совершенствуются приемы овладения собственным поведением и внутренним миром. Среди этих приемов Выготский особенно

выделяет практическое изменение окружающей обстановки и введение в ситуацию дополнительных мотивов. Самоорганизуемые действия определяются Выготским как свободные поступки молодого человека, личность которого, по словам психолога, поднимается над плоскостью влечений, потребностей и аффектов. Ключевым моментом в жизни подростка Выготский считает выбор профессии, который стимулируется и социальными требованиями, и личными мотивами стать самостоятельным, осуществить свои возможности.

В трудах Выготского представлен психологический портрет пролетарского, рабочего подростка, к анализу которого, согласно Выготскому, неприменимы выводы современных ему западных коллег, сделанные на основе изучения буржуазного подростка. Задачи становления социалистического общества требовали быстрого включения молодежи в трудовую деятельность.

Свой анализ рабочего подростка Л. С. Выготский строит на основе теоретических и эмпирических работ И. А. Арямова, С. Г. Геллерштейна, И. И. Шпильрейна, А. И. Колодной, П. Л. Загоровского, а также многочисленных исследований, опубликованных в журнале «Педология» и в различных сборниках (например: Вопросы педологии рабочего подростка, 1929; и др.). При описании работающего подростка тема деятельностного преобразования социальной ситуации не получает своего продолжения. Акцент ставится на проблеме приспособления. Именно социально-экономическое приспособление, осуществляемое человеком путем труда, объявляется Выготским потребностью всей жизни человека. Характеризуя рабочего подростка, он подчеркивает, что социальные потребности у него доминируют над созревающими новыми органическими влечениями, которые не вызывают кризиса полового созревания. Вступая в возрасте 17–19 лет в общественное производство, подросток обретает полное классовое самоопределение, обостряется классовая установка, он достигает высокого классового самосознания. Вырабатываются стойкие убеждения, идеалы, этические позиции. Но речь у Л. С. Выготского не идет о дальнейшем политическом, культурном, эстетическом развитии профессионально самоопределившегося подростка. Более того, в своих работах он неоднократно делает вывод о том, что на этапе подростничества развитие личности завершается (Выготский, 1984, т. 4, с. 227; Выготский, 1931, с. 489). Такое заключение расходится с выводами предпринятого Выготским анализа условий позитивных изменений личности молодого рабочего по мере продолжения его профессиональной деятельности. Если личностные

особенности и требования труда согласуются друг с другом, то у молодого человека возникают переживания призвания, происходит развитие его способностей и склонностей. В случае же их рассогласования профессиональный труд, по Выготскому, становится источником мучительных переживаний и деформирует личность (Выготский, 1931, с. 463).

Важное место в научном наследии Выготского занимает теория зоны ближайшего развития, разработанная им в 1932–1934 гг., т. е. в последние два года жизни. Основные положения этой теории, органично вошедшей в состав его общей «культурно-исторической» концепции высших психологических функций, четко изложены в шестой главе его основной, посмертно опубликованной книги «Мышление и речь» (1934) и в ряде статей и докладов, изданных тоже посмертно в 1935 г. в сборнике «Умственное развитие детей в процессе обучения». Эта шестая глава называется «Исследование развития научных понятий в детском возрасте».

Разрабатывая свое понимание зоны ближайшего развития, Выготский стремится прежде всего преодолеть широко распространенную традиционную трактовку, согласно которой показательным для умственного развития детей считается не подражание ребенка взрослым, а лишь самостоятельное решение им той или иной мыслительной задачи. Столь традиционная точка зрения находит свое выражение во всех системах тестовых испытаний детей. Ее и критикует Выготский: «Только те решения тестов принимаются во внимание при оценке умственного развития, которые ребенок решает самостоятельно, без помощи других, без показа, без наводящих вопросов. Однако этот взгляд, как показывает исследование, не является состоятельным. Уже опыты над животными показали, что действия, которым животное способно подражать, лежат в зоне собственных возможностей животного» (Умственно отсталый ребенок, 1935, с. 13). А ребенок, по мнению Л. С. Выготского, может подражать – в отличие от животных – таким действиям, которые выходят далеко за пределы его собственных возможностей, но вместе с тем возможности ребенка не безгранично велики.

Дети способны осуществлять это подражание именно под руководством взрослых, достигая результатов существенно больших, чем в случае самостоятельного решения тестовых задач. Например, два ребенка с одинаковым умственным возрастом 7 лет имеют тем не менее разные уровни умственного развития, если первый из них с помощью взрослых решает задачи на 9 лет, а второй с такой же помощью – только на 7,5 года.

То, что ребенок уже знает и умеет и потому делает самостоятельно, без помощи других детей или взрослых, характеризует зону его актуального развития, а то, что он делает по подражанию с помощью взрослых, определяет зону его ближайшего развития. Выготский справедливо предлагает не ограничиваться первым, в его время традиционным показателем лишь актуального, уже достигнутого уровня развития, а специально учитывать также и второй показатель, характеризующий потенциальные возможности ребенка, которые выявляются в ходе обучения, сотрудничества со взрослым (учителем и т. д.).

Тем самым Выготский существенно продвигает вперед научную разработку проблем детской психологии, пытаясь раскрыть не только статику, но и динамику психического развития школьника: «То, что ребенок сегодня делает с помощью взрослых, завтра он сумеет сделать самостоятельно» (Умственно отсталый ребенок, 1935, с. 14).

Таким образом, по мнению Выготского, каждая новая стадия умственного развития ребенка начинается этапом его сотрудничества со взрослыми и лишь затем переходит ко второму этапу, когда ребенок, уже не подражая взрослым, без их помощи начинает самостоятельно решать соответствующие задачи. Так, в этом частном случае реализуется следующий очень общий принцип психического развития человека, широко распространенный в психологии и разрабатываемый, в частности, Выготским: «От социального к индивидуальному» (Выготский, 1982б, т. 2, с. 58). Следовательно, понятие зоны ближайшего развития представляет собой одну из конкретизаций столь общего принципа развития.

Во многом оригинально разрабатывая это понятие, Выготский вместе с тем учитывает и творчески использует достижения своих предшественников и современников, развивающих сходные идеи и потому совсем конкретно раскрывающих обсуждаемую проблему. Например, в декабре 1933 г. Выготский отмечает: «Американская исследовательница Мак-Карти показала в отношении дошкольного возраста, что если ребенка от 3 до 5 лет подвергнуть исследованию, то у него окажется группа функций, которую ребенок уже имеет, но есть и другая группа функций, которой ребенок самостоятельно не владеет, но владеет под руководством, в коллективе, в сотрудничестве. Оказывается, что эта вторая группа функций в возрасте от 5 до 7 лет находится в основном на уровне актуального развития. Этим исследованием показано, что то, что ребенок умеет в 3–5 лет делать только под руководством, в сотрудничестве и коллективно, тот же самый ребенок от 5 до 7 лет умеет делать самостоятельно» (Умственно-отсталый ребенок, 1935, с. 43).

Идеи Выготского стали отправным моментом для разработки концепции возрастной психологии личности в работах Д. Б. Элькониной, Л. И. Божович, Д. И. Фельдштейна и их многочисленных сотрудников.

Теория Л. С. Выготского и личность этого ученого занимают особое место в истории отечественной и мировой науки. Выготский безусловно признан за рубежом, его теория интегрирована в мировую науку и живет там собственной жизнью (как и наследие И. П. Павлова), она не воспринимается как неотъемлемая часть советской психологии. Его идеи по-своему развивают и истолковывают коллеги в разных странах, проводятся международные симпозиумы в русле его концепции. Однако стоит отметить, что культурно-историческая теория Л. С. Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими не во всей своей полноте. Воспринята она лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания роли и места культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «Культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность «формирования нового человека» в рамках марксистской психологии, т. е. исповедовавший иудейско-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме» (Петренко, 2002, с. 116).

В отечественной науке Выготский является фигурой знаковой. Ученый, яркие идеи которого легли в основание отечественной психологии советского периода, не был оценен официальной наукой. Л. С. Выготский не был репрессирован (возможно, был бы, проживи он на 3–4 года дольше), однако жил в бедности, не имея официальных высоких регалий, и, по свидетельству современников, больной туберкулезом зимой ходил в летних ботинках. Его труды практически не издавались прижизненно, а собрание сочинений вышло в свет спустя пятьдесят лет после смерти, в 1980-х годах, на основе рукописей, которые удалось собрать и сохранить, отчасти, возможно, незавершенных. Сегодня Выготский – один из самых цитируемых авторов в отечественной психологии. Его труды, написанные в переломный период развития отечественной науки, актуальны и востребованы в годы современного перелома в ее развитии.

Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна

С. Л. Рубинштейном были сформулированы положения, определившие направление развития отечественной теории. Его концепция

личности как субъекта жизни и сегодня представляется актуальной в контексте современных тенденций развития мировой психологической науки. Потенциал ее далеко не исчерпан.

С.Л. Рубинштейн рассматривает личность в развитии, в функционировании, в изменении. Он ставит акцент на внутренних механизмах, движущих силах личности, на способах преобразования ею внешних воздействий. В монографии «Психологическая наука в России XX столетия», изданной ИП РАН, подчеркивается, что принцип объективации как проявления творческой сущности личности в деятельности, который Леонтьев назвал «экстериоризацией» и который он ввел в качестве нового в свою концепцию в 1975 г., был разработан уже в 1920-х годах С.Л. Рубинштейном.

В «Основах общей психологии» (1940) личность определяется через триединство:

- чего хочет человек, что для него имеет привлекательность (это так называемая направленность как мотивационно-потребностная система личности, ценности, установки, идеалы);
- что может человек (это его способности и дарования);
- что есть он сам, т. е. что из его тенденций, установок и поведения закрепилось в его характере.

В этом триединстве противоречиво соединены и динамическая характеристика личности (направленность, мотивационная система), и ее устойчивые качества — характер и способности. В 1930–1940-е годы Рубинштейн разработал ставшее классическим для отечественной психологии понятие направленности как совокупности сознательных жизненных устремлений и способов их выражения. Понятие направленности человеком своих возможностей и устремлений в жизни стало одним из общепризнанных в психологии. Все поступки и проявления человека в жизни, согласно Рубинштейну, затем закрепляются посредством механизма обобщения в его характере, т. е. личность рассматривается как открытая система. «Вместе с тем очевидно, — писал Рубинштейн, — что человек сам участвует в выработке своего характера, поскольку характер складывается в зависимости от мировоззрения, от убеждений и привычек нравственного поведения, которые он у себя вырабатывает, от дел и поступков, которые он совершает в зависимости от всей его сознательной деятельности, в которой характер, как сказано, не только проявляется, но и формируется. Характер человека, конечно, обусловлен объективными обстоятельствами его жизненного пути, но сами эти обстоятельства создаются и изменяются в результате его поступ-

ков, так что поступки и жизненные обстоятельства, их обуславливающие, постоянно переходят друг в друга» (Рубинштейн, 2009, с. 632).

Рубинштейн стремился выявить взаимосвязь личности и ее жизни первоначально в форме идеи о «повторных этапах жизни», связанных с изменением личности или определяемых ею, а затем конкретно, введя понятие личности как субъекта жизни. Масштабом развития и совершенствования личности является ее жизненный путь. Способность личности строить свои отношения с миром, выбирать жизненную позицию, избирательно, сугубо индивидуально действовать в соответствии с высшими жизненными ценностями и системой мотивов характеризует ее на высшем уровне развития.

Личность в качестве субъекта организует и структурирует свою жизнь, регулирует ее ход, выбирает и осуществляет избранное направление. В концепции субъекта жизни личность рассматривается как источник и движущая сила жизненной динамики, раскрывается зависимость пролонгированности жизненных тенденций, качества и ценностного уровня жизни от личности.

Первое, на что специально обращает внимание С.Л. Рубинштейн, приступая к характеристике личности, — это зависимость психических процессов от личности. Она выражается по-разному.

- Во-первых, в индивидуально-дифференциальных различиях между людьми. Разным людям в зависимости от их индивидуальных, личностных особенностей присущи различные типы восприятия, памяти, внимания, различные стили умственной деятельности.
- Во-вторых, личностная зависимость психических процессов выражается в том, что сам ход развития психических процессов зависит от общего развития личности. Смена жизненных эпох, через которые проходит каждая личность и происходит ее развитие, приводит не только к смене жизненных установок, интересов, ценностных ориентации, но и к смене чувств, волевой жизни. Как болезнь (ее протекание) оказывает влияние на существенные изменения в личности больного, так и личностные изменения в ходе ее развития приводят к изменениям в психических процессах (познавательных, аффективных, волевых).
- В-третьих, зависимость психических процессов от личности выражается в том, что сами эти процессы не остаются независимо развивающимися, а превращаются в сознательно регулируемые операции, т. е. психические процессы становятся психическими функциями личности. Так, восприятие в ходе развития личнос-

ти превращается в более или менее сознательно регулируемый процесс наблюдения, а произвольное запечатление сменяется сознательным запоминанием. Внимание в своей специфически человеческой форме оказывается произвольным, а мышление — это совокупность операций, сознательно направляемых человеком на решение задач. Таким образом, вся психология человека является психологией личности.

Отметим, что эти положения были воплощены и развиты в концепции индивидуальности Б. Г. Ананьева, в широкомасштабных исследованиях его школы.

Следующее важное для психологической концепции личности положение состоит в том, что любое *внешнее воздействие действует на индивида через внутренние условия*, которые у него уже сформировались ранее также под влиянием внешних воздействий. Раскрывая это положение, С. Л. Рубинштейн отмечает: «Чем „выше“ мы поднимаемся, — от неорганической природы к органической, от живых организмов к человеку, — тем более сложной становится внутренняя природа явлений и тем большим становится удельный вес внутренних условий по отношению к внешним» (Рубинштейн, 2003, с. 51). Именно это методологическое положение, выведенное С. Л. Рубинштейном, делает понятным хорошо известную формулу: личностью не рождаются — ею становятся. Действительно, каждый вид психических процессов, выполняя свою роль в жизни личности, в ходе деятельности переходит в свойства личности. Поэтому психические свойства личности — не изначальная данность; они формируются и развиваются в ходе деятельности.

Итак, для понимания психологии личности, с точки зрения С. Л. Рубинштейна, становятся важными следующие положения (Психологическая... 1997):

- 1) психические свойства личности в ее поведении, в действиях и поступках, которые она совершает, одновременно и *проявляются, и формируются*;
- 2) психический облик личности во всем многообразии ее свойств определяется реальным бытием, образом жизни и формируется в конкретной деятельности;
- 3) процесс изучения психического облика личности предполагает решение трех вопросов:
 - *чего хочет* личность, что для нее привлекательно, к чему она стремится? — вопрос о *направленности, установках и тенденциях, потребностях, интересах и идеалах*;

- *что может личность?* — вопрос о *способностях*, о дарованиях человека, о его *одаренности*;
- *что личность есть*, что из ее тенденций и установок закрепилось в качестве ее стержневых особенностей? — вопрос о *характере*.

Выделив эти аспекты психического облика личности, С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что они взаимосвязаны и взаимообусловлены, что в конкретной деятельности они сплетены в единое целое.

Единство сознания и деятельности, механизм которого был раскрыт Рубинштейном еще в 1920–1930-е годы, осуществляется личностью как субъектом. Проследивая связь сознания и деятельности, Рубинштейн показал, что сознание есть такой высший психический процесс, который является способом личностной регуляции складывающихся в деятельности отношений. Сознание не просто высшее личностное образование; оно осуществляет, по крайней мере, три взаимосвязанных функции: регуляцию психических процессов, регуляцию отношений и, наконец, регуляцию деятельности и всей жизни субъекта.

Радикальное отличие концепции сознания Рубинштейна от многих других, особенно интенсивно развивавшихся в 1940–1950-е годы на стыке с гносеологией, заключается в том, что он не сводит сознание к отражению, к познанию (хотя в гносеологии признавалась целенаправленная функция сознания, к отражению, казалось бы, никак не сводимая). Он всегда рассматривал сознание как выражение отношения субъекта к миру и возможность его самоопределения. Характеризуя личность как субъекта, Рубинштейн выделил три ее основных отношения — к миру, к другим людям и к себе. Последнее отношение образует основу ее самосознания и идентичности. Для Рубинштейна принципиальным является вопрос о соотношении сознания и самосознания: не сознание, по его мнению, развивается из самосознания, личностного Я, а самосознание возникает в ходе развития сознания личности, по мере того как она становится самостоятельно действующим субъектом. Этапы развития самосознания он рассматривает в связи с этапами обособления, выделения субъекта из непосредственных связей и отношений с окружающим его миром и овладения этими связями. Из такого понимания соотношения сознания и самосознания Рубинштейном выводится его концепция поступка: «При этом человек осознает свою самостоятельность, — пишет он, — свое выделение в качестве самостоятельного субъекта из окружения лишь через свои отношения с окружающими людьми, и он приходит к самосознанию, к познанию собственного „я“ через познание других людей» (Рубинштейн, 1989, т. 2, с. 239–240).

Каждый поступок человека изменяет «расстановку сил» в его жизни, в его взаимоотношениях с людьми и в нем самом, поскольку он есть акт самоопределения по отношению к самому себе. «Поэтому для человека как личности такое фундаментальное значение имеет сознание не только как знание, но и как отношение. Без сознания, без способности занять определенную позицию нет личности» (Рубинштейн, 1957, с. 32), — продолжает он эту мысль в 1950-е годы. С этой способностью субъекта занять некую позицию в жизни он связывает и определение воли. «Воля в этой связи означает, собственно, специфическую для человека как общественного существа закономерность сознательной регуляции его действий» (Рубинштейн, 1957, с. 267). Он вносит ясность в разногласия определений воли отечественными психологами, одни из которых связывали ее с преодолением внешних, другие — внутренних противоречий (Ананьев, 1968; Ковалев, 1970; Рейнвальд, 1974; и др.). Рубинштейн определяет последние не как проявление воли, а как борьбу мотивов, требующую ее применения. «Сильная воля может быть лишь у человека с четкой и прочной иерархической организацией побуждений или тенденций, участвующих в регуляции его поведения: только при этом условии сила побуждения не расходуется на преодоление внутренних трений, а полностью переходит в решительное действие. Иерархическая организация всей системы тенденций или побуждений с типичным для данного человека господством одних и подчинением других определяет волевой облик человека, волю как характеристику личности, ее характер» (Рубинштейн, 1957, с. 268). Отмечая важность для психологов раскрытия борьбы мотивов, в особенности в период «господства теории бесконфликтности», Рубинштейн подчеркивает еще более важное положение — о наличии внутренних противоречий в многоплановой совокупности тенденций, составляющих психический склад человека. Здесь источник не только его устойчивости, но и изменчивости, развития. Таким образом, Рубинштейн диалектически определяет личность и как интегративную систему, и как систему проективную, открытую, содержащую в себе противоречие и нереализованные возможности (Психологическая..., 1997).

В последней работе «Человек и мир» Рубинштейн, так же как Ананьев, выходит за рамки проблемы личности как психологической и рассматривает ее в плане философской антропологии (а Ананьев — в плане человекознания). Рубинштейн максимально сближает понятия «человек» и «личность», он имеет в виду высший уровень ее развития, особое качество последней — личность в высшем смыс-

ле этого слова (а не, скажем, личность алкоголика, девианта и т.д.). Он утверждал (особенно в 1930-е годы) необходимость объективного подхода к личности, в 1950-е отстаивал право личности на самоопределение, ее качество как субъекта и именно это качество связывал с понятием человека в его этическом значении.

Рубинштейн подчеркивает: «Индивидуальные свойства личности — это не одно и то же, что личностные свойства индивида, т. е. свойства, характеризующие его как личность» (Рубинштейн, 2016, с. 270). Теория характера и способностей, разрабатывавшаяся Рубинштейном на протяжении десятилетий, раскрывает его понимание индивидуальных особенностей личности. Характер — это обобщение способов поведения и деятельности, можно добавить, типизация способов самовыражения личности и ее отношений к миру. Способности — обобщение психических способов осуществления деятельности. Таким образом, в этих личностных образованиях, можно сказать, воплощена квинтэссенция индивидуальных особенностей самой личности. Они одновременно устойчивы и изменчивы: устойчивы в смысле того, что они присущи данной личности, составляют ее ярко выраженную определенность; изменчивы потому, что открыты для системы взаимодействий личности с миром.

Высшие уровни личностной организации выступают как ведущие по отношению к системе психических процессов, состояний, свойств, в том числе природных, поэтому глава о личности должна открываться не вопросом о влиянии, скажем, темперамента на сущность личности, а обратным — о личности как регуляторе системы всех уровней своей, в том числе, природной организации (Психологическая..., 1997).

Вопрос об индивидуальных особенностях самих психических процессов как таковой составляет специальный интерес дифференциальной психологии. Но это не значит, что индивидуальные особенности заключаются лишь в уровне проявления тех или иных свойств, а сама личность есть нечто общее, единое для всех людей. Принцип индивидуализации относится к личности в целом, речь идет уже не об отличиях людей, выявленных путем сравнения их друг с другом, а о типичном, удобном, оптимальном способе организации и функционирования именно данной личностной системы. Это и имел в виду Рубинштейн, когда писал о личности как «конкретном, живом, действующем человеке». Учет реальной личности позволяет раскрыть интраиндивидуальную систему ее организации, которая всегда неповторима экзистенциально и типична для данной личности.

Развиваемые С. Л. Рубинштейном представления о зависимости психических процессов, состояний и свойств от личности, о регулирующем и системообразующем влиянии высших уровней личности на все ее свойства, в том числе природные, о деятельности как об объективации творческой сущности личности стали основой блестящих теоретических построений отечественных ученых (А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева и др.) и обладают большим полемическим зарядом в контексте современных дискуссий мировой психологической науки.

Разработка представлений о биосоциальной природе человека в отечественной психологии советского периода

Взгляды на структуру и природу личности А. Г. Ковалева и К. К. Платонова

А. Г. Ковалев относится к числу признанных классиков в разработке проблемы личности. Одной из важных особенностей его концепции явилось соотнесение проблемы личности как предмета общей психологии с ее определением как предмета социальной психологии. Одним из первых он выступил против сведения психологии личности к индивидуально-психологическим особенностям человека. Опираясь на достижения физиологии активности, он вскрыл лежащие в основе личности потребности и предложил классификацию последних (Ковалев, 1970).

Личность в трудах А. Г. Ковалева выступает как интегральное образование *психических процессов, психических состояний и психических свойств.*

Психические процессы составляют фундамент психической жизни человека. Психические процессы формируют психические состояния, которые характеризуют функциональный уровень психической деятельности. До образования устойчивых психических свойств развивающаяся личность ребенка в целом характеризуют состояния (ребенок капризный, спокойный, аффективный, уравновешенный и т. п.). Смена состояний меняет облик личности ребенка. В определенных условиях одно из состояний может укрепиться и определить некоторые особенности его характера (возбудимый, застенчивый, депрессивный и т. д.).

Психические свойства образуются из психических процессов, функционирующих на фоне психических состояний. Психические свойства характеризуют устойчивый, относительно постоянный уро-

вень активности, характерный для данного человека. В свою очередь, уровень активности определяет ту или иную социальную ценность личности и составляет внутренние субъективные условия развития человека. В процессе развития психические свойства определенным образом связываются друг с другом, образуются сложные структуры.

В качестве таковых А. Г. Ковалев рассматривает *темперамент* (система природных свойств человека), *направленность* (система потребностей, интересов и идеалов), *способности* (интеллектуальные, волевые и эмоциональные свойства), *характер* (система отношений и способов поведения). Автор отмечает, что «выделение этих структур в какой-то мере условно, так как одни и те же свойства характеризуют не только направленность, но и характер, оказывают влияние на проявление способностей. Следует различать эти структуры как относительно автономные, поскольку при наличии одних и тех же свойств, например направленности, люди могут отличаться друг от друга по способностям, темпераменту и характеру».

Дальнейшая эволюция взглядов А. Г. Ковалева на структуру личности незначительна. В 1981 г. в главе, посвященной личности, в учебнике по общей психологии он пишет, что первым компонентом в структуре личности является направленность, вторым – способности, третьим – характер, четвертым – система управления, которую обозначают понятием Я, а пятым – психические процессы.

Сама личность представляет собой синтез названных выше структур. Независимость, произвольность поведения и зрелость человеческой личности обеспечиваются этим синтезом.

Б. Г. Ананьев отмечает как наиболее удачный в понимании Ковалевым структуры личности выделяемый им переход от «психических процессов к психическим состояниям и от них к психическим свойствам личности», но одновременно считает, что само описание структуры остается узкопсихологическим. Важным моментом явился подход А. Г. Ковалева к задаткам как к основе способностей. Он отметил, что обычно задатки трактуются как анатомо-физиологические особенности, тогда как реально они представляют собой психофизиологические свойства, например хорошее цветовосприятие, зрительная память, музыкальный слух, которые обеспечивают высокую сенсорно-моторную чувствительность и составляют основу склонности к занятию определенной деятельностью (Ковалев, 1970).

Существенным продуктивным звеном концепции А. Г. Ковалева была его направленность на выявление в личности противоречий, например между характером и способностями.

Практически одновременно с теорией А. Г. Ковалева идеи *структуры личности* были разработаны К. К. Платоновым (подробнее о нем см.: Артемьева и др., 2007; Глоточкин и др., 2005; Кольцова, Журавлев, 2017; и др.). Он шел в своем понимании личности в разных направлениях — и от методологии, и от практической, прикладной психологии. В первом направлении он осуществил анализ различных, в том числе в то время прогрессивных, философских пониманий структуры личности. В результате К. К. Платонов отошел от традиционного понимания структуры только как соотношения элементов и предложил более сложное ее понимание, включившее единство элементов, их связей, целого и связей элементов с целым (Проблемы психологии личности, 1969). Наиболее важным для психологии в этом понимании было уяснение того, что есть более или менее существенные для целого подструктуры, но нет несущественных. С этих позиций он вносит определенную ясность в попытки психологов создать единую классификацию групп психических явлений, которые следует включить в структуру личности, называя эти группы не подструктурами личности, а категориями психических явлений человека.

Данная концепция — наиболее яркий образец реализации идей *структурного подхода* к пониманию личности человека. К. К. Платонов рассматривает личность как *динамическую систему*, т. е. систему, развивающуюся во времени, изменяющую состав входящих в нее элементов и связей между ними при сохранении функции.

В этой системе автор выделяет четыре *подструктуры* личности. Критериями выделения подструктур являются:

- отношение биологического и социального, врожденного и приобретенного, процессуального и содержательного;
- внутренняя близость черт личности, входящих в каждую подструктуру;
- каждая подструктура имеет свой особый, основной для нее инструмент формирования (воспитание, обучение, тренировка, упражнение);
- объективно существующая иерархическая зависимость подструктур;
- исторические критерии, используемые для сущностного понимания личности:
 - личность как сумма психических свойств,
 - личность как опыт человека,
 - биологизация личности,
 - социологизация личности.

Применение данных критериев к анализу личности позволило автору выделить в ее структуре следующие основные подструктуры:

1. Подструктура *направленности и отношений личности*, которые проявляются в виде моральных черт (см.: Воробьева и др., 2007; и др.). Они не имеют врожденных задатков и формируются путем *воспитания*, поэтому она может быть названа социально обусловленной. Она включает желания, интересы, склонности, стремления, идеалы, убеждения, мировоззрение. Все это — формы проявления направленности, в которых проявляются отношения личности. Однако К. К. Платонов рассматривает отношение не как свойство личности, а как атрибут сознания, наряду с переживанием и познанием, определяющим различные проявления его активности. По К. К. Платонову, параметры этой подструктуры следует рассматривать на *социально-психологическом уровне*.
2. Подструктура *опыта*, которая объединяет знания, навыки, умения и привычки, приобретенные путем *обучения*, но уже с заметным влиянием биологически и даже генетически обусловленных свойств личности. К. К. Платонов признает, что далеко не все психологи рассматривают указанные свойства как свойства личности. Но закрепление в процессе обучения делает их типичными, что и позволяет считать их свойствами личности. Ведущая форма развития качеств этой подструктуры — обучение — обуславливает и уровень их анализа — *психолого-педагогический*.
3. Подструктура *индивидуальных особенностей психических процессов* или функций памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств, воли. К. К. Платонов намеренно устанавливает такой порядок их следования, подчеркивая тем самым силу биологической и генетической обусловленности психических процессов и функций. В наибольшей мере это характерно для памяти, поскольку психическая память развивалась на основе физиологической и генетической, а без нее не могли бы существовать другие психические процессы и функции. Что касается эмоций и ощущений, то они свойственны как человеку, так и животным. Уже поэтому видно отчетливое влияние на их развитие биологического фактора.

Процесс формирования и развития индивидуальных особенностей психических процессов осуществляется путем *упражнения*, а изучается данная подструктура в основном на *индивидуально-психологическом уровне*.

4. Подструктура *биопсихических свойств*, в которую входят половые и возрастные качества личности, типологические проявления личности (темперамент). Процесс формирования черт этой подструктуры, а точнее, их переделки осуществляется путем *тренировки*. «Свойства личности, входящие в эту подструктуру, несравнимо больше зависят от физиологических особенностей мозга, а социальные влияния их только субординируют и компенсируют». Поскольку активность этой подструктуры определяется силой нервной системы, то изучаться она должна на *психофизиологическом* и *нейропсихологическом*, вплоть до молекулярного, уровне.

Таким образом, по мнению К. К. Платонова, в эти подструктуры могут быть уложены все известные свойства личности. Причем часть этих свойств относится в основном только к одной подструктуре, например, убежденность и заинтересованность — к первой; начитанность и умелость — ко второй; решительность и сообразительность — к третьей; истощаемость и возбудимость — к четвертой. Другие, и их больше, лежат на пересечениях подструктур и являются результатом взаимосвязей различных собственных подструктур. Примером может служить морально-воспитанная воля как взаимосвязь 1-й и 3-й подструктур, музыкальность как взаимосвязь 3-й, 4-й и обычно 2-й подструктур.

Отличие этой структуры личности от предложенных Мясищевым, Ковалевым и другими психологами в том, что способности и характер рассматриваются не как структурные образования, а как *общие качества личности*, в чем сам Платонов усматривает сходство своей позиции с позицией Рубинштейна, считавшего характер и способности обобщенными психическими деятельностями.

Как практический психолог Платонов разработал некоторые бывшие в тот период становления прикладной психологии полезными *методы и методические средства* (подробнее об этом см.: К. К. Платонов — выдающийся отечественный психолог..., 2007; и др.). С его именем связан так называемый метод обобщения независимых характеристик (МОНХ) и «карта личности», выступавшая диагностическим средством. Важной заслугой Платонова является постановка проблемы «личность и труд», которая традиционно стояла лишь как проблема личности и деятельности. Несмотря на то, что проблема труда интерпретировалась им преимущественно как проблема социалистического труда, он тем не менее вскрыл новую сторону изучения реальной личности, которую, надо признать, избегала

социологическая мысль, понимавшая социальную опасность проблемы мотивации труда (реально не только не высокой, но и снижавшейся).

Концепции развития личности Д. Б. Эльконина и Л. И. Божович

Концепция Д. Б. Эльконина строится на положении о том, что психическое развитие в ранние годы выступает как процесс качественного преобразования отношений «ребенок и взрослый». Исходный тезис его таков: ребенок изначально является социальным существом. Эта социальность по мере развития ребенка принимает все более сложные и конструктивные формы. С этих позиций он полемизирует с Выготским, утверждавшим, что у ребенка процесс социализации постепенно сменяется процессом индивидуализации. Согласно Эльконину, каждая ступень самостоятельности, автономии связана с усвоением общественного опыта и не знаменует ослабления связи с обществом, но представляет собой качественное изменение формы социальности. Отрицательно относится Эльконин и к идее Выготского о существовании спонтанного или натурального развития ребенка, якобы реализующегося в процессе взаимодействия малыша с предметами. Для Эльконина такое взаимодействие есть лишь побочная форма целенаправленного обучения, результат переноса на неизвестный предмет уже усвоенного действия. Исходное положение Эльконина о фундаментальной важности отношения ребенка со взрослым признается практически всеми отечественными и зарубежными психологами. Но по существу оно реализуется лишь на уровне общения младенца с матерью. Д. Б. Эльконин же утверждает, что каждая эпоха, стадия становления личности характеризуется особым отношением «ребенок–взрослый». Это отношение строится на своеобразном типе деятельности. Такая позиция позволяет Эльконину предложить свое решение одной из труднейших проблем в мировой психологической науке – проблемы механизмов перехода развивающегося человека от одной стадии к другой.

Анализируя основные периоды детства, Д. Б. Эльконин выделяет три их параметра: 1) социальную ситуацию развития, т. е. конкретную форму отношений ребенка со взрослыми; 2) ведущий тип деятельности; 3) психические новообразования. Характеризуя с динамической стороны периоды развития, Д. Б. Эльконин выделяет среди них стабильные и критические. Чередуясь, они подготавливают друг друга. Кроме периодов, Д. Б. Эльконин выделяет стадии развития. Первая стадия – младенчество. Часть ее занимает кризис

новорожденности: ребенок живет в слиянии со взрослым. Комплекс оживления, улыбка ребенка знаменуют окончание этого кризиса. Как и Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин считает, что с этого времени у ребенка возникает индивидуальная психическая жизнь, ориентированная на создание различных средств общения со взрослыми. Новообразованием этого периода выступает потребность в человеке, а основным типом деятельности — непосредственно эмоциональное общение со взрослыми. Социальная ситуация меняется, когда ребенок начинает ходить и разрушает изначальную слитность со взрослым. Разрешение этого кризиса требует, чтобы малыш овладел таким типом деятельности, который по-новому объединил бы его со взрослым. Такова предметно-манипулятивная деятельность, в системе которой взрослый помогает ребенку освоить общественно выработанные способы действия с вещами. Однако потребность в более совершенных формах общения при этом лишь обостряется. Овладение речью, диалог с собеседником ведет на пороге трехлетнего возраста к замене ситуации «Мы» позицией «Я сам» с характерными чертами негативизма и обесценивания близких людей. Но все эти особенности поведения ребенка — проявление его страстного желания войти равноправным членом в мир взрослых. В результате дети переходят от манипулятивно-операционной активности к ролевой игре, которая направлена на освоение мотивационной и смысловой сторон действий людей. При этом формируется механизм соподчинения мотивов: непосредственное побуждение подчиняется мотиву, предписанному замыслом игры. Все эти новообразования дошкольного детства, особенно возникновение соподчинения мотивов, позволяют говорить о поступательном развитии личности, ибо личность — «это такой субъект, деятельность которого регулируется соподчиненными мотивами и этическими нормами» (Эльконин, 1989, с. 55).

Свое понимание игры как способа вхождения ребенка в мир мотивов, смысловых отношений и ценностных установок взрослых людей Д. Б. Эльконин противопоставляет взглядам Ж. Пиаже, изложенным в его ранних работах: для Пиаже мир игры — это особый замкнутый мир, в который ребенок стремится уйти от мира принуждений, запретов и требований взрослых.

Кроме игры, Д. Б. Эльконин выделяет и другие формы развивающей деятельности, предполагающие качественно иное отношение «ребенок—взрослый». Таковы специально организованные занятия дошкольников, в которых взрослый руководит ребенком через задания и их оценку; таковы и действия, связанные с режимными моментами. В этих случаях ребенок начинает осознавать общественную

функцию взрослого как педагога, а себя — как ученика, способного и желающего заняться настоящей учебной деятельностью. Она предполагает новые позиции детей, формирование новых способов сотрудничества со взрослыми, с коллективом.

Результаты исследований ребенка на стадии подростничества существенно отличаются от тех данных, на которые опирался Выготский. В работах Эльконина подросток предстает прежде всего как субъект новой сферы жизни и активности, связанной с установлением и поддержанием доверительных личных отношений со сверстниками. В общении подростков складываются их взгляды на жизнь, мировоззренческие позиции, ориентации на будущее. Общим знаменателем этих новообразований Эльконин считает развитие самосознания. Рабочий подросток более не входит в центр психологического исследования. Можно предполагать, что общество в 1950—1970-е годы уже смогло выделить подростку время для самоопределения не только в профессии, но и в более широких системах общественных связей.

Итогом исследований Д. Б. Эльконина стала оригинальная концепция раннего периода жизни растущего человека. Основная ее идея заключается в положении о последовательном чередовании двух групп деятельности, условно называемых Д. Б. Эльconiным «ребенок—общественный взрослый» и «ребенок—общественный предмет». В первую группу входят непосредственно эмоциональное общение младенца со взрослым, ролевая игра и интимно-личностное общение подростков. В системе взаимодействия растущего человека со взрослыми и сверстниками происходит развитие мотивационно-потребностной сферы личности. Ко второй группе Д. Б. Эльконин относит манипулятивно-предметную деятельность в раннем детстве, учебную и учебно-профессиональную деятельность, на основе которых усваиваются общественно-выработанные способы действий с предметами, эталоны, указывающие на функции вещей, а также получают развитие интеллектуальные возможности детей. В своей концепции Д. Б. Эльконин продуктивно расширил содержание понятия «деятельность», включив в него разные формы общения, невербального и вербального взаимодействия растущего человека со взрослыми. И все же за пределами выделенных ученым форм активности детей оказались многие типы их деятельного отношения к действительности — художественные занятия, творчество, напряженная работа по формированию представлений о себе и мн. др. В схеме отношений «ребенок—общественный взрослый» и «ребенок—общественный предмет» отсутствует важнейшее отношение «ребенок—при-

рода», во многом определяющее уровень эстетического, этического и познавательного развития растущего человека. Упрощенной выступает и идея о чередовании стадий развития мотивационно-потребностной и операционно-инструментальной сферы личности. Эта идея – производное от утвердившейся концепции строения деятельности, согласно которой мотив определяет и, так сказать, «пропитывает» всю структуру деятельности. Он наполняет побудительным потенциалом цель, определяющую действия, а также условия и средства, связанные с операциями, входящими в состав деятельности. Между тем исследования показывают, что цели, условия, средства имеют свои самостоятельные мотивы, которые могут усиливать или ослаблять мотивационный потенциал деятельности. Это означает, что овладение новыми способами манипуляций с предметами, новыми приемами оперирования знаниями опираются на особые мотивы и способствуют их обогащению. Точно так же при общении со сверстниками и взрослыми ребенок вырабатывает эффективные способы воздействия на них, инициации желательных и предотвращения нежелательных приемов общения с окружающими. Стремление познать мир взрослых и сверстников ведет к усиленному развитию высших форм интеллекта, направленных на решение задач построения взаимоотношений с людьми.

Свою концепцию развития личности на разных этапах ее жизни Л. И. Божович, как и Д. Б. Эльконин, создает в рамках педагогической психологии. Она обобщает исследования, выполненные Л. С. Славиной, Л. В. Благонадежиной, Т. В. Драгуновой, М. С. Неймарк, В. Э. Чудновским и мн. др. Значительное место в ее теории занимают понятия «социальная ситуация развития», «внутренняя позиция ребенка» и его изменяющееся место или положение в системе социальных связей. При выделении последовательных стадий в процессе онтогенеза Л. И. Божович руководствуется принципом целостного преобразования личности. Это значит, что каждый этап ее становления характеризуется не отдельными новообразованиями, а преобразованием строения всей личности: меняется система отношений человека к действительности, перестраивается структура его сознания, мотивационная сфера личности. Вслед за Л. С. Выготским Л. И. Божович определяет растущего человека как инициатора собственной активности, корни которой погружены в его потребностно-мотивационную сферу. Активность эта – основа развития личности в качестве субъекта: «Ребенок постепенно превращается из существа, подчиненного внешним влияниям, в субъекта, способного действовать самостоятельно на основе сознательно постав-

ленных целей и принятых намерений» (Божович, 1968, с. 436–437). Проявлением субъектного начала личности выступает не только внутренняя позиция, но и социальная ситуация развития: ее влияние на ребенка зависит от качества переживаний, вызываемых внешними социальными условиями. На высоких же уровнях своего развития личность как субъект превращается в «творца нового социального опыта» (Божович, 1968, с. 438), в «воспитателя собственной личности» (там же, с. 439).

Начала формирования субъектного отношения к миру Божович обнаруживает уже у младенца: на 3–5-й неделе жизни у него появляется потребность в новых впечатлениях. Мир вызывает у ребенка животворящее чувство радости, побуждающее малыша к обследованию и овладению им. Тем самым окружающая действительность, по словам Божович, начинает делать из новорожденного субъекта (там же, с. 200). Не менее остро привлекает младенца мир людей. Их помощь, содействие в организации действий формирует у младенца потребность в общении. Развиваясь на последующих этапах становления личности, эти две фундаментальные потребности, способствуя развитию речи и интеллекта, становятся основой перестройки сознания растущего человека: со второго года у ребенка происходит формирование «внутреннего плана» побудителей поведения. Кристаллизация побудителей-мотивов в образах, представлениях, понятиях, намерениях обеспечивает высокую действенность «собственного слова». Препятствуя осуществлению импульсивных желаний, внутренний побудительный план выступает как важная веха на пути становления ребенка субъектом своего внутреннего мира. Вместе с формированием познавательного отношения к миру, намерения познавать и организовывать свою деятельность у ребенка возникает новая внутренняя позиция — занять социально значимое место в системе серьезной — учебной — деятельности. Не касаясь кризисов новорожденности, первого года жизни и периода трех лет, которые анализировал Л. С. Выготский, Л. И. Божович сосредоточивает внимание на таком переломном моменте в жизни ребенка, как поступление в школу. При этом она не обнаруживает у детей острых внутренних конфликтов или кризисов. Социальные мотивы, производные от нового статуса школьника, настолько сильны, что оттесняют другие побуждения. Однако в середине периода учения поведение детей, согласно Л. И. Божович, драматически изменяется. Происходит перестройка их мотивационной сферы. Центром интересов школьников становится область взаимоотношений со сверстниками. Дети стремятся завоевать в среде своих товарищей место,

которое обеспечивало бы им эмоциональное благополучие, а такое место отнюдь не всегда завоевывается успехами в учебе. Однако ориентация на взаимодействие со сверстниками выступает и как средство познания мира социальных отношений и выработки оптимальных стратегий поведения в этом мире. Необходимость в развитии «социального интеллекта» обуславливается и тем фактом, что в классах средней школы различные дисциплины ведутся разными преподавателями и дети должны распознавать их личностные особенности, учиться строить взаимоотношения с каждым учителем. Производными от повышенного интереса подростков к взаимоотношениям людей, к закономерностям общения с ними выступают, во-первых, заостренное внимание к нравственным проблемам, формирование нравственных идеалов, а во-вторых — формирование более высокого уровня самосознания. Потребность в познании самого себя, своих личностных качеств, обусловлена необходимостью эффективно организовывать свои взаимоотношения со сверстниками и взрослыми. Анализируя внутреннюю жизнь подростков, Л. И. Божович не акцентирует переживания ими кризисов и конфликтов. Однако приводимый ею материал обнаруживает борьбу психических сил у подростков на пороге юности. Эти конфликты порождаются расхождением между притязаниями и возможностями (аффект неадекватности), расхождением между оценками поступков подростка разными людьми, между внешними оценками и самооценками. Есть основание предполагать, что отмечаемое Л. И. Божович стремление многих подростков к одиночеству, к временному дистанцированию от действительности обусловлено их желанием разобраться в своих противоречиях и осознать истинные мотивы поступков. Появление в результате стабильной самооценки стойких идеалов и моральных качеств личности означает, по словам Л. И. Божович, что подросток становится способным к самостоятельному развитию путем самовоспитания и самосовершенствования. На следующей возрастной ступени — в старшем школьном возрасте — социальная ситуация развития отличается тем, что юноша стоит на пороге вступления в самостоятельную жизнь, предполагающую выбор профессии, а это значит — определенного жизненного пути. Привлечение Л. И. Божович большого массива психологических исследований, выполненных как у нас, так и за рубежом, обнаруживает характерную для юношества философскую направленность внутреннего плана его жизни, стремление понять смысл жизни, найти свою миссию, выработать собственные взгляды в области науки, политики, морали. На основе сформировавшегося мировоззрения происходит ие-

пархизация мотивационной сферы. Интегрируются смыслообразующие мотивы и побуждения, реально регулирующие поведение. Эта интеграция опосредствуется мировоззрением. Именно на его основе мотивационная сфера растущего человека становится сознательно управляемой, а личность выступает как субъект своих движущих сил.

Особое направление работ Л. И. Божович образует изучение морального развития личности. В мировой психологической науке немало исследований посвящено этой проблеме. Однако подавляющее их большинство направлено на изучение морального сознания. В этой области наиболее известна стадияльно-уровневая концепция Л. Колберга, охватывающая жизненный путь человека от детства до взрослости (зрелости). Колберг выделяет три уровня развития морального сознания – доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. Внутри каждого уровня он выделяет по две стадии, отличающиеся высотой морального сознания. Только на пятой и шестой (теоретической) стадиях личность становится способной изменять несправедливые законы общества в соответствии с высшими нравственными принципами.

В работах Божович получают разработку вопросы связи морального познания с нравственным поведением и с моральными качествами личности. Она отвергает концепцию интериоризации норм морали и выдвигает положение о внутренней психологической логике становления нравственности: примитивные и диффузные психические образования уже несут в себе нравственные элементы. Они испытывают влияние внешних воздействий, которые активно перерабатываются растущим человеком. В результате элементарная нравственность превращается в устойчивые личностные качества, в нравственные идеалы и моральные убеждения. Все эти образования заключают в себе сильный мотивационный потенциал и выражаются в поступках человека. Стадияльность формирования нравственности Божович приурочивает к идущей от педагогики периодизации учебной деятельности. Каждый период в жизни ребенка отличается, по Божович, появлением новых моральных инстанций – знаний, чувств, мотивов, нравственных форм поведения, переходящих в нравственные привычки. Основной вывод Божович таков: нравственность может стать устойчивым личностным достоянием растущего человека только в том случае, когда он сам станет субъектом формирования своих нравственных систем. Путем принуждения нравственность не сформируется.

У ребенка должна возникнуть потребность вести себя нравственно в значимых для него ситуациях. Обобщаясь и упрочиваясь,

нравственные поступки становятся привычками, которые играют важную роль в гармонизации внутреннего мира детей. Детально раскрываются Божович этапы формирования и конкретное содержание таких нравственных образований, как чувство долга, ответственности, формирование идеалов, убеждений, складывающихся в мировоззренческую, глубоко личностную систему. В связи с раскрытием многомерности и многоплановости нравственной сферы личности особенно актуальными выступают факты динамики в этой области сознательного и бессознательного. Так, метод косвенных вопросов позволил обнаружить у подростков идеалы, о существовании которых они не подозревали. Такие факты в 1960-е годы не привлекли к себе внимания психологов. Но в настоящее время, когда в мировой психологической науке растет интерес к имплицитным, плохо осознаваемым, но устойчиво регулирующим поведение убеждениям личности, к обыденным формам мировоззрения, изучение неосознаваемых слоев нравственности становится необходимым. Устойчивое мировоззрение – важное условие реализации себя юношей в качестве субъекта своей жизни. Из существа, подчиненного обстоятельствам, он, по словам Божович, становится господином этих обстоятельств, человеком, который часто сам создает свою среду и направлен на ее активное преобразование. В работах Л. И. Божович, в исследованиях Т. В. Драгуновой представлен психологический портрет подростков – учащихся 7-х, 10-х и 11-х классов в 1960–1970-е годы. К общим характеристикам подростков относятся рост самосознания, обостренная потребность в самоутверждении и обращенность в будущее, связанная с необходимостью выбора профессии. Самоутверждение может осуществляться в разных формах. При индивидуалистической направленности подросток стремится командовать сверстниками, выдвинуться, действовать в ущерб товарищам. При общественной направленности молодые люди стараются доказать окружающим способность быть на уровне «взрослых» требований. Божович констатирует, что направленность на себя характерна для значительной части учащихся. Анализируя мотивы выбора профессии, Божович отмечает, что для многих подростков такой выбор имеет именно то значение, которое ему придавал Л. С. Выготский: подросток выбирает не только профессиональную деятельность, но и свою жизненную дорогу, свое место в общем производственном процессе. У другой же части подростков профессиональный выбор мотивируется желанием стать самостоятельными, пойти по стопам товарищей и т. п. Эти молодые люди, по словам Божович, еще не выработали систематизированной картины мира,

в которую было бы включено и обобщенное представление о себе, поэтому плоскость их абстрактных исканий расходится с пространством реальных жизненных планов.

Итак, исследуя развитие личности в ранние годы, Л. И. Божович рассматривает его в рамках подготовки к учению и учебной деятельности, сочетающейся с общественно полезным трудом. Психологическая периодизация жизни личности совпадает с ее социальной этапностью, включающей в основном периоды перехода из младших классов в старшие. Именно эти переходы и вызывают изменение «внутренней позиции личности», преобразование ее структуры, нарастание «чувства взрослости» и повышение уровня самосознания.

Л. И. Божович была первым отечественным психологом, организовавшим исследование психического развития детей в условиях разных культур, а точнее, в разных системах общественных отношений – в социалистической и капиталистической. Результаты исследований представлены в книге «Два мира детства», написанной Л. И. Божович совместно с У. Бронфенбреннером. Общественно-исторические изменения, происшедшие в нашей стране, утверждение в ней капиталистических отношений с их акцентом на конкуренции, индивидуализме, открывают перед психологами возможность сравнить личностно-психологический облик подростков 1960–1970-х и 1990-х годов. Исследования в этом направлении осуществляются крупным специалистом в области подросткового возраста Д. И. Фельдштейном.

В трудах Божович в качестве системообразующего признака структуры личности выступает «внутренняя позиция личности», или ее направленность. «На основании теоретического анализа мы выдвинули гипотезу о том, что целостная структура личности определяется, прежде всего, ее направленностью» (Божович, 1968). Основу направленности составляет возникающая в течение жизни устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальные, характеризуют строение мотивационной сферы человека. Наличие такой иерархической системы и обеспечивает наивысшую устойчивость личности. Именно содержание направленности личности обуславливает все ее особенности: интересы, стремления, переживания, черты характера. Более того, по мнению Божович, от направленности личности зависит не только комплекс присущих личности качеств, но и строение каждого из них.

Ведущая сфера в структуре личности Л. И. Божович – это аффективно-потребностно-мотивационная сфера. Процесс развития и ста-

новления личности ребенка рассматривается как последовательный переход от элементарных, неосознаваемых или частично осознаваемых потребностей, непосредственно побуждающих его поведение, к потребностям опосредованным, действующим через сознательно поставленные цели и намерения.

Каждый возраст характеризуется своей специфической для него «конstellацией» мотивов и особым характером их иерархической структуры. В раннем детстве жизнь и поведение ребенка определяются временным соподчинением непосредственных аффективных тенденций, возникающих ситуативно, практически вне сознания самого ребенка. В дальнейшем на основе относительно постоянных доминирующих потребностей складывается более устойчивая иерархия мотивов. На завершающем этапе иерархическая система мотивов приобретает максимальную устойчивость и свободу от внешних воздействий, так как опирается на собственные взгляды и убеждения субъекта.

Концепция отношений В. Н. Мясищева

Одной из наиболее теоретически разработанных в отечественной психологии является концепция личности В. Н. Мясищева, построенная на основе конкретных исследований нормы и патологии личности. Продолжая традицию А. Ф. Лазурского, Мясищев определил личность как совокупность отношений к миру, тем самым существенным образом дистанцировавшись от подходов, которые строили в известном смысле замкнутую структуру личности из конгломерата таких составляющих, как психические процессы, свойства, способности, мотивы, воля, характер и т. д.

Мясищев стал первым, кто в открытой форме поставил вопрос о структуре личности. Он писал, что структурная характеристика освещает человека со стороны его целостности или расщепленности, последовательности или противоречивости, устойчивости или изменчивости, глубины или поверхности, преобладания или относительной недостаточности тех или иных психических функций. Это принципиальное положение, по-видимому, и определило специфику его взглядов на структуру личности, где нет отдельных составляющих, но есть психологическая данность — отношение, замыкающее на себя все другие психологические характеристики личности. Именно отношение, по мысли В. Н. Мясищева, является интегратором этих свойств, что и обеспечивает целостность, устойчивость, глубину и последовательность поведения личности.

Отношение личности — это активная, сознательная, интегральная, избирательная, основанная на опыте связь личности с различными сторонами действительности. По мысли В. Н. Мясищева, отношение — это системообразующий элемент личности. При этом важным моментом является представление о личности как о системе отношений, структурированной по степени обобщенности — от связей субъекта с отдельными сторонами или явлениями внешней среды до связей со всей действительностью в целом. Сами личностные отношения формируются под влиянием общественных — с окружающим миром в целом и обществом в частности.

Действительно, с момента рождения человек вынужден вступать именно в общественные отношения (сначала с матерью — непосредственно-эмоциональные отношения, затем с окружающими его близкими, сверстниками, воспитателями, педагогами, коллегами и т. д. в виде игровой, учебной, общенческой и трудовой деятельности), которые, преломляясь через «внутренние условия», способствуют формированию, развитию и закреплению личностных, субъективных отношений человека. Эти отношения выражают личность в целом и составляют внутренний потенциал человека. Именно они проявляют, т. е. обнаруживают для самого человека, скрытые, невидимые возможности и способствуют появлению новых. Автор особо подчеркивает регулятивную роль отношения в поведении человека.

Структура отношения. В. Н. Мясищев выделяет в отношении «эмоциональную», «оценочную» (когнитивную, познавательную) и «конативную» (поведенческую) стороны. Каждая сторона отношения определяется характером жизненного взаимодействия личности с окружающей средой и людьми, включающего различные моменты от обмена веществ до идейного общения.

Эмоциональный компонент способствует формированию эмоционального отношения личности к объектам среды, людям и самому себе.

Познавательный (оценочный) компонент определяет восприятие и оценку (осознание, понимание, объяснение) объектов среды, людей и самого себя.

Поведенческий (конативный) компонент обуславливает осуществление выбора стратегий и тактик поведения личности по отношению к значимым (ценным) для нее объектам среды, людям и самому себе.

Виды отношений. Прежде всего они разделяются на положительные и отрицательные как с точки зрения эмоциональной, так и рациональной оценок.

Поведенческая сторона отношения выражается посредством потребностей, поскольку сама потребность, указывая на свой предмет, тем самым дает и косвенное указание на способ достижения этого предмета.

Эмоциональная сторона отношения выражается посредством привязанности, любви, симпатии и противоположных по знаку чувств — неприязни, вражды, антипатии.

Познавательная или оценочная сторона проявляется в принятых личностью моральных ценностях, выработанных убеждениях, вкусах, склонностях, идеалах.

О развитии отношений. Если личность — это система отношений, то процесс развития личности обуславливается ходом развития отношений. В. Н. Мясищев указывает, что первоначальный период возрастающей избирательности поведения человека характеризуется *предотношением*, в котором отсутствует элемент сознательности. Нечто, что человек не осознает, побуждает его к деятельности (неосознаваемая мотивация поведения).

В дальнейшем у 2–3-летнего ребенка развивается выраженная избирательность отношения — к родителям, воспитателям, сверстникам.

В школьном возрасте увеличивается число отношений, возникают внесемейные обязанности, учебный труд, необходимость в произвольном управлении своим поведением. В старшем школьном возрасте формируются принципы, убеждения, идеалы.

Отношение и установка. Необходимость сопоставления между собой этих психологических понятий обусловлена тем, что каждая из них претендовала на роль всеобъемлющей психологической категории. В 1970 г. был проведен специальный симпозиум, посвященный уточнению роли и места установки и отношения в медицинской психологии.

И отношения, и установки В. Н. Мясищев рассматривает в качестве интегральных психических образований, которые возникают в процессе индивидуального опыта. Установка бессознательна и потому безлична, а отношение сознательно, хотя, как подчеркивает Мясищев, его мотивы, или источники, могут не осознаваться. Другое отличие отношения от установки заключается в том, что отношение характеризуется избирательностью, а установка — готовностью.

Таким образом, отношения и установки — это отличные друг от друга психические образования. Поскольку понятие отношения несводимо к другим психологическим категориям (установке,

потребностям, мотивам, интересам и т. д.) и не разложимо на другие, оно представляет самостоятельный класс психологических понятий.

Понятие отношений позволяет преодолеть дихотомию субъективного и объективного, интра- и интерпсихического, поскольку это не общественные отношения, которые имел в виду К. Маркс и вслед за ним все отечественные психологи, а скорее способы связи внутреннего и внешнего, связи личности с миром (Голубева, 1989). Понимание Мясищевым отношений личности радикально отличалось и от представления Ананьева, который рассматривал способы включения личности в социум как совокупность деятельности, общения, познания. Для Мясищева отношения имеют собственно психологические модальности: позитивные или негативные, активные или пассивные, противоречиво или гармонично связанные друг с другом. В число отношений он включает: 1) оценочные, 2) интерес как особое интеллектуальное отношение, 3) отношение к деятельности, что особо важно. Последнее существенно отличает его концепцию от определения личности А. Н. Леонтьева, который фактически понимал личность как иерархию деятельностей.

Существенным является указание Мясищева на объективный, необходимый характер деятельности, а не только отвечающий потребностям и устремлениям самой личности, отсюда отношение к деятельности, по его мнению, может быть как позитивным, так и негативным, как активным, так и пассивным (Мясищев, 1960б).

Отношения, согласно Мясищеву, имеют и потенциальный, т. е. имплицитно значимый, характер, и одновременно являются итогом индивидуального опыта. С этих позиций Мясищев справедливо критикует теорию свойств личности, полагая, что свойства обнаруживаются и в процессах, и в отношениях, и в состояниях человека. Основной же характеристикой отношений оказывается значимость, определяющая избирательность личности; причем значимость отличается от установки, носящей, согласно Мясищеву, безличный характер. Характер — «это единство отношений и способов их осуществления в переживаниях и поступках человека» (там же, с. 70). Очень важна поставленная Мясищевым проблема устойчивости и неустойчивости отношений, устойчивость в одних случаях обеспечивается простыми инерционными (консервативными) механизмами, а в других основана на принципиальности личности, на некотором осознанном и обобщенном принципе. Его концепция отношений базировалась и на патологическом материале болезненного их нарушения, вплоть до регресса личности. Тем самым общая

психология личности оказалась связана с психопатологией личности, долгое время рассматривавшейся как изолированная область практики.

***Идеи самодетерминации развития человека
в работах Б. Г. Ананьева***

Диалектическое понимание природы человека ярко воплощено в трудах Б. Г. Ананьева (подробнее о нем см.: Головей и др., 2017а, б; Журавлев, Кольцова, 2008; Логинова, 2016). Сегодня представляется недостаточно раскрытым тот потенциал, которым методология Ананьева обладает для решения насущных вопросов современного развития как отечественной, так и мировой психологической науки в целом (см., напр.: Методология комплексного..., 2008; Развитие психологии..., 2012, ч. 1–2; и др.). Не следует рассматривать работы Ананьева как музейный экспонат, утративший применение в реальной жизни. Значение и смысл его работ не сводятся к тому, что он изучал человека в его онтогенезе, проводил лонгитюды и сопоставлял возрастные срезы. Не сводятся и к тому, что он исследовал взаимосвязь индивидуальных и социально-психологических характеристик, применял так называемый *комплексный подход*. В его работах есть потенциал для новых прочтений и интерпретаций, актуальных сегодня.

Усвоение методологии Б. Г. Ананьева может существенно помочь, прежде всего, в решении насущной задачи современного периода в развитии российской психологии — *задачи самоопределения* отечественной психологии в контексте мировой психологической науки, что должно стать основой интеграции отечественной теории и методологии в мировую науку. Во-первых, в этой методологии ярко воплотились специфические особенности отечественной психологической школы, отличающие отечественную психологию от других направлений мировой науки, составляющие ее своеобразие. Во-вторых, методология Б. Г. Ананьева в максимальной степени обращена как раз к тем задачам, которые актуальны для мировой науки. Более того, в трудах Б. Г. Ананьева предлагаются конструктивные подходы к решению вопросов, широко обсуждаемых в современной зарубежной психологии.

Возможно, именно полемически заостренный, «неудобный» для подстройки под чужой лад, под логику популярных зарубежных концепций, характер положений Б. Г. Ананьева является причиной того, что в современной российской науке наряду с достаточно частым упоминанием имени, работы его цитируются мало, а пересказ

их содержания изобилует грубыми искажениями. Искажения эти часто преследуют «благую» с точки зрения тех, кто их вносит, цель: пригладить острые углы, замаскировать противоречия, в которые положения Ананьева вступают с другими теориями. В то же время Ананьев последовательно парадоксален — в плане соединения социоцентризма и естественно-научности — и полемичен. Так, в широко используемом сегодня учебнике (Маклаков, 2000) в структурную схему личности, прямо приписываемую автором Ананьеву, включен темперамент, который он относил к другой подструктуре человека — к индивиду. Таким образом оказывается искаженной основная идея ученого: индивид и личность «встречаются» только через посредство индивидуальности.

В работах Ананьева *идеи самодетерминации*, заложенные в субъектном подходе и культурно-исторической теории, были реализованы в русле каузального естественно-научного подхода и воплощены в широкомасштабных эмпирических исследованиях, доказывающих самодетерминацию на уровне самого субстрата человеческой психики, на уровне телесных психофизиологических механизмов. В этом направлении Ананьев развил идеи Л. С. Выготского, не нашедшие воплощения в развитии школы А. Н. Леонтьева. Об этом свидетельствует П. Я. Гальперин (см. его высказывание, процитированное выше), который отмечал, что учение о предметной деятельности привело к существенному изменению в акценте исследований в харьковский период: Л. С. Выготский подчеркивал влияние высших психических функций на развитие низших психических функций и практической деятельности ребенка, а А. Н. Леонтьев — ведущую роль внешней, предметной деятельности в развитии психики и сознания (Гальперин, 1983).

Главу о влиянии жизненного пути человека на его онтогенетическую эволюцию в книге «Человек как предмет познания» Ананьев начинает с цитаты из Л. С. Выготского: «Новая генетическая психология исходит, как писал Л. С. Выготский, из понимания психического развития как диалектического единства двух принципиально различных рядов и основную задачу исследования видит в адекватном изучении каждой возрастной ступени. Одним из этих рядов, по его определению, является натуральный ряд развития, другим — культурное или социальное развитие. Особенно важно изучение законов „сплетения“ обоих рядов развития на каждой возрастной ступени, поскольку феноменальная картина развития, свидетельствующая о таком сплетении, описана достаточно выразительно» (Ананьев, 2001, с. 93).

Человек, в понимании Ананьева, является продуктом индивидуально-психического развития, в котором он выступает в трех диаметрально разведенных планах:

- онтогенетической эволюции психофизиологических функций индивида,
- жизненного пути человека — истории личности,
- становления деятельности и истории развития человека как субъекта труда, познания и общения.

Характеристики человека как индивида

Б. Г. Ананьев выделяет два класса первичных индивидуальных свойств:

- а) возрастно-половые свойства,
- б) индивидуально-типические свойства.

К последним относятся конституциональные особенности (телосложение и биохимическая индивидуальность), нейродинамические свойства мозга, особенности функциональной геометрии больших полушарий (симметрии — асимметрии парных рецепторов и эффлекторов).

Взаимодействие первичных свойств определяет *вторичные* индивидуальные свойства:

- а) динамику психофизиологических функций,
- б) структуру органических потребностей.

Высшая интеграция индивидуальных свойств представлена в *темпераменте и задатках*.

Основная форма развития индивидуальных свойств — онтогенетическая эволюция, которая осуществляется по определенной филогенетической (видовой) программе. Данная программа не остается неизменной, но постоянно модифицируется под воздействием фактора индивидуальной изменчивости, диапазон которой непрерывно растет как в процессе социальной истории человечества, так и в процессе индивидуального онтогенеза как результат активного воздействия социальных свойств личности на характеристики индивида.

Характеристики человека как личности

Исходным моментом структурно-динамических свойств личности является ее статус в обществе, т. е. особенности ее экономического, правового, политического положения, и статус общности (груп-

пы, субкультуры), в которой складывается и формируется данная личность. На основе статуса строятся в процессе воспитания системы *общественных функций – ролей и целей и ценностных ориентаций*.

Первичные личностные свойства – статус, роли и ценностные ориентации – складываются вначале как бы вовне личности, в системе ее взаимодействия с социальным окружением, и интериоризируются в процессе социализации. На основе первичных личностных свойств формируются *вторичные – мотивация и структура общественного поведения*.

Высшая интеграция личностных свойств – *характер* человека и его *склонности*. Основная форма развития личности – жизненный путь человека, его социальная биография.

Основные характеристики человека как субъекта деятельности

Исходными характеристиками человека в этой сфере являются сознание (как отражение объективной действительности) и *деятельность* (как преобразование действительности). Характеристиками человека как субъекта служат не только его свойства, но и знания, умения, а также технические средства труда. Высшей интеграцией субъектных свойств является творчество человека, а наиболее общенными эффектами (вместе с тем потенциалами) – способности и талант. Основная форма развития субъектных свойств – история производственной деятельности человека в обществе, начиная с ранних стадий подготовки и обучения.

Центральное место в концепции Б. Г. Ананьева занимает понятие *индивидуальности*. В научном сообществе за его учением закрепилось название «теория индивидуальности». Индивидуальность по Ананьеву – это не просто индивидуальное своеобразие, уникальность личности, отличие человека от других. Б. Г. Ананьев называет индивидуальностью целостное единство всех уровней организации человека, которое является результатом слияния натурального и культурного развития человека. Можно согласиться с теми, кто возводит это, говоря о научных представлениях Ананьева, в реализацию *принципа целостности* (см., напр.: Головей, Журавлев, 2017; и др.). Индивидуальность придает личности свойство целостности, обеспечивает саморегуляцию и стабилизацию психофизиологических функций, взаимосвязь тенденций и потенций человека. К проявлениям индивидуальности относятся самосознание, Я-концепция, индивидуальный стиль деятельности.

Различия в содержании понятий *индивид*, *личность*, *субъект деятельности* — в данной концепции полемически заострены путем очевидного сужения значений понятий с целью показать, что процесс человеческого развития построен на взаимодействии различных, не слитых по своей природе начал. Единого закона человеческого развития ни в природе, ни в культуре — нигде вне самого человека — просто нет, есть ряд относительно независимых факторов, влияние которых опосредуется и интегрируется индивидуальностью человека. Именно индивидуальность определяет вектор, путь и направление человеческого развития. Индивидуальность изначально присутствует и проявляет себя, преломляя и соединяя биологическую программу, социально определяемую программу развития личности и программу становления субъекта деятельности, которая заложена в орудийно-деятельностных компонентах воспитания. В зрелом возрасте фактор индивидуальности становится доминирующим.

Легко заметить, что в данной концепции для подструктур индивида, личности, субъекта исходными являются не психологические категории. Ананьев выводит подструктуру индивида из биологических свойств человека, личность — из конкретных социальных характеристик, субъекта — из материальной базы, орудий, созданных цивилизацией. Вид, социум, цивилизация как бы прорастают в человека, формируя его психику, каждый в соответствии со своими законами. И только индивидуальность по своей природе представляет собой явление психическое — таким образом, психическое составляет интегрирующую основу и ядро, вектор и закон развития человека.

Человек в теории Ананьева выступает, во-первых, как исторически конкретный тип, специфический по своей психической организации в различные моменты истории, во-вторых, как самодетерминирующийся творец самого себя. От самодетерминации человека оказываются зависимыми не только *уровень* достигаемого развития (что является обычным для западных концепций), но и *направление* развития.

Специфика подхода к личности Б. Г. Ананьева заключалась во включении ее в широкий антропологический контекст, контекст человекознания (подробнее см.: *Методология комплексного...*, 2008; и др.), поэтому его заслуга связана прежде всего со смелостью включения психологии в систему наук о человеке, с возвращением психологии целого комплекса связей, не учитываемых до этого при анализе личности. Здесь проявляются в единстве и собственно антропологический, и исторический, и онтогенетический, и возрастной, и биографический аспекты рассмотрения проблемы личности.

Исследования школы Ананьева фокусировались на том влиянии, которое оказывает личность, ее жизненный путь, избираемые виды деятельности на процесс онтогенеза человека, что приводит к *индивидуализации онтогенеза*. В первую очередь изучалось онтогенетическое развитие психических процессов: сенсорных процессов, восприятия, памяти, внимания, мышления. Их развитие отслеживалось на протяжении жизни, включая в первую очередь период взрослости. Описаны поразительные эффекты индивидуализации онтогенеза психических функций, которые особенно выражены после достижения биологической зрелости (20–25 лет), когда, согласно данным психофизиологии, достигаются возрастные оптимумы в развитии данных функций. Таким образом, в школе Ананьева идеи *life-span human development* были развиты существенно раньше, чем в западном мейнстриме.

Эффекты индивидуализации онтогенеза особенно впечатляющи на примерах развития сенсорных функций, которые традиционно рассматриваются как «физиологическая периферия» личности. В 1960-е годы, когда проводились данные исследования в школе Ананьева, в мировой науке доминировало мнение, что пороги чувствительности имеют преимущественно врожденный характер и относительно независимы от личностных особенностей человека. Психология развития традиционно рассматривала онтогенез различных видов чувствительности, базируясь на усредненных данных физиологии сенсорных систем. В свете этих данных взрослость представляла как период относительной стабильности, за которым следует постепенное снижение функций. Уровень чувствительности рассматривался преимущественно как врожденная характеристика, в основе которой лежит строение рецептора. В психофизиологии сенсорных систем и в психологии были отмечены факты индивидуально-специфических изменений абсолютной и различительной чувствительности, но они рассматривались лишь как исключения из правил и не привлекали особого внимания. С позиций страстного спора с таким взглядом построена работа «Сенсорно-перцептивная организация человека»: «Широко распространенное... представление о том, что сенсорно-перцептивные процессы относятся к низшим психическим функциям, и, составляя как бы периферию субъекта, не входят в его основную структуру и индифферентны к личности, надо признать безнадежно устаревшим» (Ананьев, 1977, с. 51). Ананьев выдвигает принципиально иной подход: «Сенсорно-перцептивные процессы... относятся... к коренным феноменам жизнедеятельности, связанным с глубокими слоями целостной структуры человеческого развития личности... человеку в целом, как индивиду и личности,

соответствует лишь сенсорно-перцептивная организация как *единая система всех без исключения модальностей*, включенная в свою очередь в общую структуру человеческого развития» (там же, с. 51). Ананьев утверждал, что в процессе жизни личности все психофизиологические функции перестраиваются, так, что мозг и человеческое тело в целом превращаются в целостную систему, обеспечивающую функционирование субъекта и соответствующую образу жизни личности. Структура и функции человеческого мозга, хотя и могут быть описаны физиологическими терминами, не могут быть адекватно поняты и описаны на уровне физиологии, так как они детерминированы социально. Так, архитектура не может быть описана в терминах строительных материалов.

В школе Ананьева исследовались сдвиги чувствительности, происходящие под воздействием объективных условий, прежде всего, *феномены сенсбилизации* в области зрения, слуха, вкусовой чувствительности, обоняния и других модальностей. Эти феномены рассматривались как показатели возможности прижизненного развития чувствительности в зрелом возрасте. Как пишет Ананьев (1955), феномены сенсбилизации не укладываются в традиционные схемы физиологии рецепторов. Последовательное материалистическое объяснение их стало возможным на основе павловского учения об анализаторах и временных связях. Павловым открыта взаимозависимость этих двух основных механизмов нервной деятельности. Выработка условных рефлексов с того или иного анализатора изменяет его функциональное состояние в целом, от рецептора до мозга, т. е. уровень его чувствительности. Можно предположить, что зависимость анализаторов от механизма временных связей составляет закономерность, определяющую явления повышения чувствительности, или сенсбилизации.

Развитие условных рефлексов на сигналы, поступающие от анализатора, изменяет состояние последнего, т. е. уровень чувствительности, от рецепторного отдела до мозгового звена анализатора. Можно полагать, что такая зависимость функционирования анализаторов от условно-рефлекторной деятельности и определяет феномены сенсбилизации. Объяснение феноменов сенсбилизации требует исследования объективных условий, в которых действует закономерная связь анализаторов и условно-рефлекторной деятельности коры головного мозга человека.

Установлен ряд объективных условий, которые в эксперименте приводят к повышению чувствительности. Некоторые из них действуют очень эффективно, но лишь кратковременно и в определен-

ных экспериментальных условиях. Давно известно, что повышение чувствительности анализаторов происходит в результате адаптации к актуальному уровню стимуляции, например, адаптация к темноте повышает чувствительность зрительного анализатора. Однако в такой ситуации чувствительность повышается лишь на короткое время и лишь в условиях экспериментальной ситуации. Повышения чувствительности позволяют добиться фармакологические вещества, однако и их эффект недолговременен. Ананьева и его коллег интересовали случаи, когда повышение чувствительности становится устойчивым: «Важно выделить из ряда объективных условий такие, которые носят жизненно необходимый характер и приобретают значение постоянно действующего фактора», — писал Ананьев в статье «Труд как важнейшее условие развития чувствительности» (там же, с. 67). Он показывает, что имеется много научных данных о влиянии упражнения на повышение чувствительности. Эти факты вполне укладываются в указанное выше объяснение всех явлений такого рода: наличие глубокой взаимосвязи между двумя основными механизмами нервной деятельности — анализаторами и временными связями. Факты упражняемости в различительной деятельности свидетельствуют о том, что выработка условных рефлексов с анализатора повышает его работоспособность, делает анализатор чувствительным к тем раздражителям, которые были до этого неощущаемыми или неразличаемыми.

Он ссылается на экспериментальные данные Б. М. Теплова, свидетельствующие о сдвигах звуковысотного различения под влиянием тренировки. Например, Тепловым был экспериментально получен сдвиг порога с 226 центов до 94 (Теплов, 1947). В области зрения влияние экспериментальной тренировки в условиях решения испытуемыми значимых для них задач показано в опытах Шварц (1954).

Получено многократное увеличение чувствительности по отношению к исходному уровню. Общим механизмом этих сдвигов чувствительности является образование новых систем условных рефлексов с того или иного анализатора.

Опыты с экспериментальной тренировкой чувствительности свидетельствуют об отсутствии строгих лимитов чувствительности и о больших возможностях ее повышения. Однако не менее важен вопрос и о тех условиях, которые превращают эти возможности в действительность. Имеются основания считать, что таким условием является трудовая деятельность человека. Так, Ананьев ссылается на исследования Селецкой, которая провела изучение влияния производственно-трудового опыта на изменение чувствительности.

Она обнаружила значительное повышение по сравнению с обычным уровнем цветовой чувствительности у сталеваров в области некоторых коротковолновых раздражителей. По оттенкам воспринимаемого цвета сталевар составляет суждение о температуре стенки печи и соответственно регулирует ее температуру. Цветоразличение сталевара включено в его трудовую деятельность, приобретает для него важное значение. В данном случае влияет не только тренировка как таковая. Упражнение связано с предметом и орудиями труда, с общим целенаправленным характером трудового процесса. Селецкая показала, что у рабочих-шлифовщиков зрительная чувствительность развивается в области дифференцировки величин: по сравнению с обычным уровнем различительная чувствительность опытных шлифовщиков возрастает в 20 раз.

Описаны как многочисленные примеры общей задержки старения функций, используемых в процессе социально значимых видов деятельности, так и примеры специфического развития в соответствии с требованиями профессии. Например, исследовались особенности возрастной динамики слуховой чувствительности в зависимости от профессиональных занятий музыкой. Сравнивались пороги чувствительности у пианистов, скрипачей и людей, профессионально не занимающихся музыкой, в детском возрасте (учащиеся музыкальных школ по соответствующим специализациям и дети, не обучающиеся музыке) и у взрослых. Наряду с ожидаемым фактом лучшего слуха у музыкантов во всех возрастных группах был обнаружен и яркий факт различий слуха у взрослых пианистов и скрипачей. Тем и другим давалось стандартное тестовое задание установить тождество или различие по высоте пары звуков, следующих друг за другом. При выполнении стандартных проб значимых различий между результатами не было. Однако при сравнении звуков, различия между которыми составляли микроинтервалы, скрипачи существенно превосходили по точности ответов пианистов. Было предложено следующее объяснение этого факта. Пианист работает с дискретной шкалой – клавиатурой, поэтому чувствительность к микроинтервалам, меньшим чем разница высоты звука между клавишами, для него не является необходимой и им не тренируется. Скрипач же работает с непрерывной шкалой, что и отражается в соответствующей структуре слуховой функции.

Ананьевым и его сотрудниками в широкомасштабных экспериментах продемонстрированы удивительные эффекты индивидуализации онтогенеза психофизиологических функций, в первую очередь, сенсорно-перцептивных, в результате особенностей жизненного пу-

ти личности и становления субъекта профессиональной деятельности, описанные, в частности, в работах «Теория ощущений» (Ананьев, 1961), «Сенсорно-перцептивная организация человека» (Ананьев, 1977) и др. В этих трудах представлены данные, не имеющие аналогов в мировой науке и не утратившие актуальности. Эти работы сегодня остаются практически неизвестными зарубежным коллегам, а российскими учеными также недостаточно востребованы, практически не цитируются в современных исследованиях. В то же время актуальность этих работ сегодня огромна, и лишь возрастает по мере развития биологической науки.

В соответствии с концепцией Ананьева, в процессе индивидуального развития взаимодействие биологических и социальных факторов порождает внутренние противоречия, которые и оказываются движущими силами индивидуального развития. Эти противоречия рассматриваются на уровне психических процессов, в структуре которых Ананьев выделил функциональные, операциональные и мотивационные компоненты (механизмы).

Развитие функциональных механизмов подчиняется законам онтогенеза. Операциональные механизмы развиваются в результате освоения культурно-исторического опыта человечества. Противоречие между природными психофизиологическими функциями и социальными операциями в структуре психического процесса разрешается путем тренировки и структурирования созревающих функций в соответствии с общественно выработанными способами действия, таким образом, направление развития функций определяется содержанием деятельности человека, мотивацией его поведения.

Особенно следует отметить практическую значимость разработанной Ананьевым методологии применительно к задачам в области работы человека с непрерывно совершенствующимися приборами, расширяющими и модифицирующими возможности человека чувственно воспринимать реальность окружающего мира, в первую очередь, с визуальными приборами. В настоящее время эта область исследований выпала из поля зрения российских психологов вместе с заказами, финансируемыми военно-промышленным комплексом. Но эта проблемная область продолжает существовать и потенциально может быть освоена только психологической наукой. То, что оптимизация, ориентированная на закономерности уровня физиологических механизмов, не позволяет в таких задачах добиться успеха, может засвидетельствовать каждый, кто профессионально занимался деятельностью оператора-наблюдателя, вооруженного сложными современными визуальными приборами, например тепловизором.

Изображение предметного мира на экране такого прибора, предъявляемое оператору, часто для неопытного человека представляет собой хаос пятен, который никаким стандартным преобразованием невозможно превратить в привычную картину мира. Но по мере накопления опыта работы с таким прибором, опыта реальной деятельности, ориентации и перемещения на местности, например, человек поразительным образом научается видеть в изображении предметный мир и действовать в нем. То, как человек научается видеть мир по таким изображениям, невозможно объяснить срабатыванием каких бы то ни было врожденных детекторов: подобные изображения отсутствуют в природе, они созданы человеческой цивилизацией.

В таких случаях, возникающих тем чаще, чем быстрее идет технический прогресс, в процессе которого человек сам создает себе новую среду обитания, наглядно подтверждается выдвинутая и обоснованная Ананьевым идея продолжающегося исторического развития системы анализаторов у человека под влиянием трудового преобразования природы, сформулированное им положение о том, что одним из факторов дальнейшего прогресса ощущений является «прогрессивное развитие орудий труда, технических средств, расширяющих поле чувственного познания» (Ананьев, 1977, с. 88). Сегодня прогрессивное развитие наблюдательных приборов для профессиональной деятельности человека-оператора уже не столько обеспечивает оператору все больший комфорт на уровне физиологических механизмов различения видимой проекции, сколько предъявляет к оператору все более высокие требования в отношении его способности увидеть в изображении предметный мир, понять изображение, т. е. требует исследований на уровне психологических механизмов, участия психологов.

В приведенном примере и ему подобных случаях, возникающих тем чаще, чем быстрее идет технический прогресс, в процессе которого человек сам создает себе новую среду обитания, наглядно подтверждается выдвинутая и обоснованная С. Л. Рубинштейном идея о том, что генетически исходной формой познания является *практическое действие*: «Непосредственно реально соприкасаясь с объективной действительностью, проникая внутрь ее и ее преобразовывая <...> действие <...> как бы несет мышление на проникающем в объективную действительность острие своем» (Рубинштейн, 1935, с. 337). Ключом к пониманию описанного процесса научения в работе с новыми визуальными приборами является следующее положение, сформулированное А. В. Брушлинским: «Наглядно-чувственные образы уже не сами по себе, как бы автоматически регулируют

всю активность человека в обход субъекта, а именно и только субъект с помощью своего мышления, совести и т. д. раскрывает вначале отнюдь не очевидное значение сенсорно-перцептивных данных...» (Брушлинский, 1999, с. 121).

Наивно ожидать, что человеческое мышление окажется возможным свести к конечному набору модулей, предназначенных для решения строго ограниченного количества задач, определенных раз и навсегда миллионы лет назад на заре человечества. Как показал А. В. Брушлинский, основываясь на принципе субъектности С. Л. Рубинштейна, саморегуляция человека, в отличие от животного, «осуществляется безотносительно к любому заранее выбранному масштабу, эталону, критерию и т. д.» (Брушлинский, 1999, с. 119). Мыслительная деятельность человека, регулирующая его поведение и определяющая поступки, осуществляется не столько как поиск средств для достижения поставленных целей, сколько как определение целей и их корректировка в процессе деятельности.

Индивидуализация, нарастание индивидуального своеобразия – основной эффект человеческого развития и его показатель для Ананьева. В соответствии с его концепцией *индивидуальное своеобразие* нарастает по мере взросления и служит показателем общего уровня развития, в том числе способностей.

В то же время в западной психологии доминирует представление о единстве законов психофизиологического развития для любого человека, наряду с единым содержательным наполнением этапов развития личности (по Эриксону, Маслоу и др.). Заметим, что в целом представление о едином содержании этапов развития человека, как и представление о наличии так называемых общечеловеческих ценностей, сводит индивидуальность к индивидуальным различиям в выраженности тех или иных качеств из общего для всех набора. Можно отметить, что парадоксальным образом в западной психологии с ее культом индивидуализма индивидуальная свобода приобретает статус эпифеномена, оказывается свободой в выборе средств, но не целей.

Путем достижения гармонии, как внутренней, так и в отношениях с миром, Ананьев считал специализированное развитие человека, его становление как субъекта деятельности. Оптимистический взгляд Ананьева в этом отношении резко отличается от распространенного в западной психологической традиции представления о гармонии как о состоянии, присущем человеку от природы, и утрачиваемом в результате приспособления к требованиям жизни в обществе. Такой взгляд ярко выразил, например К. Г. Юнг, который

полагал, что в силу особенностей нашей цивилизации развитие человека идет по линии специализации, по линии развития только одной из его функций, которая определяет место человека в обществе, обычно род его основных занятий. Эта функция, обычно и от природы наиболее развитая, приобретает высококодифференцированный, сознательный характер. Однако такое усиленное и одностороннее развитие одной из функций приводит к угнетению функции, ей противоположной, которая вытесняется в область бессознательного, приобретает архаический, примитивный, недифференцированный характер. Такой специализированный характер развития Юнг считал причиной внутреннего разлада, драматической расколотости души человека, которую он сравнивал с мучительной раной.

Ананьев считал, что каждый человек является индивидом, личностью, субъектом, но стать индивидуальностью удается далеко не каждому. В том, чтобы помочь людям на этом пути, помочь найти себя, Ананьев видел главную практическую задачу психологии, и в этом колоссальный гуманистический заряд его учения. Формирование индивидуальности Ананьев считал возможным благодаря тому, что биологические и социальные свойства человека взаимно влияют друг на друга в процессе развития, вызывая изменения в широчайшем диапазоне индивидуальной изменчивости.

В отличие от большинства отечественных психологов Ананьев рассматривает *социальную детерминацию* личности не абстрактно, а с уже сформировавшихся к тому времени социологических позиций. Именно поэтому он, определяя, подобно многим, личность как общественного индивида, конкретизирует это определение через социальные ситуации ее развития: статус, образ жизни, социально-психологические и др.

Ананьев, предложив не традиционно динамическое, а историческое, биографическое понимание времени жизни, выявил важнейшие с точки зрения развития личности характеристики: старт, кульминационный момент наивысших достижений в избранной деятельности и финиш, — показал зависимость кульминации от момента старта, а старта от истории воспитания личности. Эти фазы он связал в основном с субъектом деятельности, считая, что «определить основные моменты становления, стабилизации и финиша личности можно лишь путем сопоставления сдвигов по многим параметрам социального развития человека: гражданскому состоянию, экономическому положению, семейному статусу, совмещению, консолидации или разобщению социальных функций (ролей, характера ценностей и их переоценки в определенных исторических обстоятельствах),

смене среды развития и коммуникации, конфликтным ситуациям и решению жизненных проблем, осуществленности или неосуществленности жизненного плана, успеху или неудаче, триумфу или поражению в борьбе» (Ананьев, 1968, с. 161–162). Здесь особо сказывается стремление Ананьева конкретизировать понятие *жизненного цикла человека* в категориях социологии как наиболее прогрессивного в тот период направления и тем самым преодолеть абстрактность принципа социальной детерминации личности, выразить эту детерминацию в приближенных к личности категориях. Типизацию, свойственную социологическому подходу, он дополняет индивидуализацией, которую в данном случае рассматривает применительно к онтогенетическому развитию человека: «Весьма важным направлением влияния жизненного пути (биографии) человека на его онтогенетическую эволюцию является все возрастающая индивидуализация этой эволюции» (Ананьев, 1968, с. 165).

Опираясь на положение Рубинштейна, согласно которому основным для развития личности является *принцип интеграции*, Ананьев приходит к выводу, что «развитие действительно есть возрастающая по масштабам и уровням интеграция – образование крупных „блоков“, систем или структур, синтез которых в определенный момент жизни человека выступает как наиболее общая структура его личности» (Ананьев, 1968, с. 155). Но одновременно, по его мнению, развитие личности есть и «все возрастающая дифференциация ее психофизиологических функций, процессов, состояний и личностных свойств, соразмерная прогрессирующей интеграции» (там же), т. е. существуют конвергентные и дивергентные отношения между дифференциацией и интеграцией.

Концепция личности Ананьева в силу его науковедческого комплексного подхода в целом оказалась наиболее многогранной, многоаспектной, позволившей соединить множество частных или несопоставимых концепций. Он проработал понятийный аспект проблемы личности в континууме понятий *субъект, личность, индивид, индивидуальность*. Личность предстала и как включенная в социум, и как развивающаяся в онтогенетическом цикле и жизненном пути, и как современница своей эпохи и т. д. Концепция личности Ананьева до сегодняшнего дня не потеряла своего эвристического значения.

Личность в теории деятельности А. Н. Леонтьева

А. Н. Леонтьев отчасти продолжал линию Выготского в психологии, утверждая ведущую роль социальной детерминации личности, ми-

нимизируя роль врожденного, наследственного, природного, но в отличие от Выготского вслед за Рубинштейном Леонтьев разрабатывал деятельностный подход.

Эта концепция личности характеризуется высоким уровнем абстрактности. При всем ее отличии от других имеется общая с ними посылка. Суть ее в том, что, по мнению А. Н. Леонтьева, «личность человека „производится“ — создается общественными отношениями» (Леонтьев, 1975, с. 86). Таким образом, очевидно, что в основе представлений отечественных психологов о личности лежит марксистский постулат о ней как о совокупности общественных отношений. Однако толкование этих отношений различно. Как же понимает их Леонтьев? «Личность, как и индивид, есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта. Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений: это специфические для человека общественные отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности» (Леонтьев, 1975, с. 87). Появляется существенное добавление: «Личность создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей *предметной деятельности*».

Взаимодействие индивида с окружающей средой с целью удовлетворения своих потребностей, по Леонтьеву, в процессе эволюции порождает психику, понимаемую как средство адаптации к окружающей среде, которое обеспечивает ориентацию в среде и соответствующую регуляцию собственной активности индивида. По мере усложнения форм взаимодействия со средой, форм деятельности индивида возникают все более сложные формы организации психики и, наконец, личность человека как новое синтетическое образование: «Личность человека ни в каком смысле не является предшествующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается» (там же, с. 173). Деятельность, активное взаимодействие со средой с целью удовлетворения своих потребностей, по Леонтьеву, является ключом для понимания структуры и функций личности, и в отношении общечеловеческих закономерностей, и в отношении индивидуальности. На первый план выступает категория деятельности субъекта, поскольку именно деятельности субъекта являются исходной единицей психологического анализа.

Леонтьеву удастся провести разграничительную линию между понятиями *индивид* и *личность*. Если индивид — это неделимое, целостное, со своими индивидуальными особенностями генотипическое образование, то личность — тоже целостное образование,

но не данное кем-то или чем-то, а *произведенное, созданное в результате множества предметных деятельностей*. Итак, положение о деятельности как единице психологического анализа личности — это первый принципиально важный теоретический постулат Леонтьева.

Другой столь же важный постулат — это обращенное Леонтьевым положение Рубинштейна о внешнем, действующем через внутренние условия. Леонтьев полагает: если субъект жизни обладает «самостоятельной силой реакции», иными словами, активностью, то тогда справедливо положение: «Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» (там же, с. 88).

Итак, развитие личности предстает перед нами как процесс взаимодействия множества деятельностей, которые вступают между собой в иерархические отношения. Личность выступает как совокупность иерархических отношений деятельностей. Их особенность состоит, по выражению Леонтьева, в «отвязанности» от состояний организма. «Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием, они-то и образуют ядро личности» (там же, с. 91), — отмечает автор. Но возникает вопрос о психологической характеристике этой иерархии деятельностей.

Для психологической трактовки «иерархий деятельностей» Леонтьев использует понятия «потребность», «мотив», «эмоция», «значение» и «смысл». Отметим, что само содержание деятельностного подхода меняет традиционное соотношение между этими понятиями и смысл некоторых из них.

Понятие потребности у А. Н. Леонтьева четко разведено с понятием мотива. Потребность — свойство, присущее индивиду, свойство, заключающееся в том, что для того, чтобы жить, он нуждается в некотором особом типе обмена, взаимодействия со средой. Например, пищевая потребность. Сама по себе потребность не может вызвать целенаправленной деятельности, так как она определяется в терминах внутренних состояний субъекта, она слепа и порождает лишь соответствующие эмоциональные состояния. Мотивами Леонтьев называет предметы и явления объективной действительности, которые субъективно представляются нам средством удовлетворения потребности. «До своего первого удовлетворения потребность „не знает“ своего предмета» (там же, с. 93), и потому он должен быть обнаружен. «Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет — свою побудительную и направляющую деятельность, т. е. становится мотивом» (там же, с. 93). Потребность может быть воплощена в целом ряде объектов-мотивов, что обеспечивает, с одной стороны, высокую приспособляемость к разнообраз-

ным условиям существования, а с другой – становится источником ложных, ошибочных устремлений. Момент воплощения потребности в мотиве Леонтьев называет «опредмечиванием». Опредмечивание, по Леонтьеву, может быть как адекватным, так и ложным, что влечет за собой циклы деятельности, не приводящие к удовлетворению потребностей и, соответственно, отрицательные эмоциональные переживания.

В процессе коллективной деятельности субъектов с предметами и явлениями окружающей среды (что, по Леонтьеву, является основной специфически человеческой стадии в эволюции деятельности) формируются значения предметов и явлений и воплощающие их понятия. Значение представляет собой отражение общих для ряда субъектов характеристик действительности, притом отражение, очищенное от роли и места данного объекта в процессе жизнедеятельности отдельно взятого субъекта, от смысла объекта. Значение «принадлежит прежде всего миру объективно-исторических явлений». Подобно тому как потребность должна быть определена в категориях субъектных свойств, а мотив – в категориях объекта, смысл определяется для субъекта относительно его мотивационно-потребностной сферы, а значение – в общих для социальной общности людей языковых понятиях.

Особенность эмоций, по Леонтьеву, состоит в том, что они отражают отношения между потребностями и успехом или возможностью успешной реализации отвечающей им деятельности субъекта. «Они (эмоции) возникают вслед за актуализацией мотива и до рациональной оценки субъектом своей деятельности» (там же, с. 97). Таким образом, эмоция порождает и задает состав переживания человеком ситуации реализации/нереализации мотива деятельности. Рациональная оценка следует за этим переживанием, придает ему определенный *смысл* и завершает процесс осознания мотива, сопоставления и совпадения его с целью деятельности. Именно личностный смысл выражает отношение субъекта к осознаваемым им объективным явлениям.

Таким образом, место просто мотива занимает так называемый *мотив-цель*, понятие, вводимое Леонтьевым как структурный элемент будущего каркаса личности.

Итак, существуют *мотивы-стимулы*, т. е. побуждающие, порой остроэмоциональные, но лишённые смыслообразующей функции, и *смыслообразующие мотивы*, или *мотивы-цели*, тоже побуждающие деятельность, но при этом придающие ей личностный смысл. Иерархия этих мотивов составляет мотивационную сферу личности, центральную в структуре личности Леонтьева, поскольку иерар-

хия деятельностью устанавливается в соответствии с адекватной ей соподчиненностью смыслообразующих мотивов. По его мнению, «структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизованных, мотивационных линий», а «внутренние отношения главных мотивационных линий <...> образуют как бы общий „психологический“ профиль личности» (там же, с. 109).

Все это позволяет Леонтьеву выделить три основных параметра личности:

- широта связей человека с миром (посредством его деятельности);
- степень иерархизованности этих связей, преобразованных в иерархию смыслообразующих мотивов (мотивов-целей);
- общая структура этих связей, точнее, мотивов-целей.

Процесс становления личности, по А. Н. Леонтьеву, есть процесс «становления связной системы личностных смыслов» (там же, с. 104).

С точки зрения определяющего значения деятельности в становлении личности Леонтьев рассматривает и вопрос о сущности так называемых кризисов возрастного развития. С точки зрения Леонтьева эти кризисы порождаются ситуацией смены ведущего типа деятельности, когда закономерно меняется тип взаимодействия со средой. Ключевое значение для прохождения кризиса имеет отношение социума к ребенку, готовность социального окружения воспринять ребенка в новом качестве, предоставить ему возможность функционировать на новом уровне, для которого он внутренне созрел. Следует отметить, что для А. Н. Леонтьева возрастные кризисы – это не раз и навсегда определенная часть онтогенеза, они определены социально детерминированным процессом становления субъекта деятельности, носят конкретно-исторический характер.

Исследования человека в школе В. С. Мерлина

Большинство отечественных психологов рассматривали личность относительно с понятиями *индивид*, *индивидуальность*. Специальной разработке последней проблемы были посвящены труды Б. М. Теплова и В. С. Мерлина, школы которых составили два разных направления – дифференциальной психофизиологии и интегральной теории индивидуальности.

Взгляды отечественных психологов на проблему индивидуальности существенно расходились. Б. Г. Ананьев и С. Л. Рубинштейн

считали индивидуальностью только высший уровень развития личности, а другие психологи, в частности В. С. Мерлин, рассматривали индивидуальность как интегративную структуру любой личности. Третьи полагали, что существующие индивидуальные различия не существенны для характеристики личности, поскольку являются скорее психофизиологическими.

Концепция интегральной индивидуальности В. С. Мерлина — основателя и руководителя пермской школы психологов — с одной стороны, открыла длящуюся до сегодняшних дней дискуссию о соотношении личности и интегральной индивидуальности, с другой — выявила необходимость привлечения категории деятельности для раскрытия соотношения социально-типичного и индивидуального и тем самым привела к формулировке проблемы «стиля деятельности», ставшей ключевой для данной школы и для других психологических направлений (Е. А. Климов).

Под психическими свойствами личности В. С. Мерлин понимает такие свойства, которые характеризуют человека как субъекта общественно-трудовой деятельности.

В отношении психологического содержания этих свойств Мерлин полагал, что для характеристики человека как субъекта деятельности необходимо и достаточно охарактеризовать его *отношение* к объекту деятельности, а каждое психическое свойство личности выражает отношение к действительности. Таким образом, в концепции В. С. Мерлина понятие *отношение* играет центральную и ведущую роль. Вместе с тем автор подчеркивает, что отношение, характеризующее свойства личности, отличается от других психических свойств и явлений, характеризующих отношение человека.

Во-первых, отношения, выражающие свойства личности, это отношения сознания как целого, а не отдельных его сторон. Например, наблюдательность, эмоциональность, внимательность — это свойства отдельных сторон сознания.

Во-вторых, отношения, характеризующие свойства личности, представляют собой отношение к чему-то объективному, находящемуся вне сознания, — это отношение к труду, к людям, к коллективу, вещам и т. п. К примеру, наблюдательность или вдумчивость выражают отношение человека к собственной психической деятельности: потребность наблюдать либо размышлять.

В-третьих, отношения личности представляют собой в высокой степени обобщенные отношения к определенной стороне действительности, имеющей особое значение в общественно-трудовой деятельности.

Последнее отличие отношений, выражающихся в свойствах личности, состоит в их устойчивости и постоянстве. Именно благодаря этому личность способна противостоять воздействиям среды, преодолевать сопротивление внешних условий, осуществлять свои цели и намерения.

Таким образом, заключает В. С. Мерлин, психические свойства личности выражают высоко обобщенное, относительно устойчивое и постоянное отношение сознания к определенным объективным сторонам действительности.

Уточнив свое представление об отношениях личности, В. С. Мерлин подчеркивает, что структуру личности нельзя характеризовать как систему, складывающуюся из нескольких различных групп психических свойств – темперамента, характера, способностей и направленности.

Во-первых, по мнению В. С. Мерлина, свойства темперамента не относятся к свойствам личности, это свойства индивида. А во-вторых, характер, способности и направленность представляют собой *не разные подсистемы (подструктуры), а разные функции одних и тех же свойств личности.*

Действительно, поскольку свойства личности – это далее неразложимые, обобщенные, устойчивые и постоянные отношения сознания, то эти отношения являются выражением и направленности, и характера, и способностей. Таким образом, структура личности предстает в виде многоуровневой системы взаимных связей и организации свойств личности. Именно благодаря связям, в которые вступают между собой отдельные свойства, образуются так называемые *симптомокомплексы свойств личности.* Что такое симптомокомплекс и каковы его параметры?

Симптомокомплексом свойств называются вероятностные связи между свойствами личности (по сути, это факторы, по Р. Кеттеллу). Их ровно столько, сколько относительно независимых отношений личности. Свойства, образующие единый симптомокомплекс, характеризуют тип личности. Действительно, коль скоро отношения личности социально типичны (вспомним параметры устойчивости и постоянства), то и симптомокомплекс социально типичен.

Свойства симптомокомплекса

- *объем и широта* – количество входящих в него отдельных свойств, по числу которых можно судить о степени обобщенности симптомокомплекса;

- *сила и активность* отношений личности, лежащих в основе симптомокомплекса (так называемый энергезирующий мотив);
- *устойчивость* — *пластичность* отношений личности.

Когда отношение личности имеет высокую степень проявления всех свойств, тогда оно в наибольшей мере детерминирует целостную психологическую характеристику личности.

Поскольку одно из центральных положений во взглядах В. С. Мерлина на структуру личности принадлежит *системе связей*, важно установить их *виды и уровни организации*. Здесь мы сталкиваемся с важнейшими достижениями В. С. Мерлина и его учеников в эмпирическом изучении личности, на котором следует остановиться отдельно.

Никто никогда не оспаривал положения о многоуровневой структуре человека, в том числе и личности, как многоуровневого целостного образования. Наиболее распространенным в науках о человеке был традиционный дихотомичный принцип иерархизации систем человека — выделение в нем биологически и социально обусловленных свойств. Как правило, связи между показателями этих двух уровней рассматривались как однозначные или инвариантные.

В. С. Мерлин выдвинул и эмпирически обосновал предположение о существовании в природе другого типа связей — много-многозначных. В силу этого невозможно прямое сведение биологического к социальному, равно как и социального к биологическому.

Таким образом, В. С. Мерлин выделяет, во-первых, *инвариантные функциональные зависимости* внутри подсистем, а во-вторых, *много-многозначные связи* между разноуровневыми свойствами.

К заслуге В. С. Мерлина следует отнести и выделение *сложной иерархии подсистем* интегральной индивидуальности внутри биологического и социального.

Все это позволяет В. С. Мерлину найти способ соединения и, главное, изучения ранее изолированных и независимо друг от друга изучавшихся закономерностей.

Между различными уровнями организации всегда существуют опосредующие звенья, и задача интегрального исследования заключается в установлении процесса опосредования свойств одного уровня свойствами другого и того, как эти опосредования меняются в процессе онтогенеза.

Соединение этих двух принципов — много-многозначных связей и иерархической организации — позволило В. С. Мерлину выстроить свою динамичную структуру личности:

- I. Система индивидуальных свойств организма, которую образуют подсистемы:
 - биохимические,
 - общесоматические,
 - свойства нервной системы (нейродинамические).
- II. Система индивидуальных психических свойств с подсистемами:
 - психодинамических свойств (свойств темперамента),
 - психических свойств личности.
- III. Система социально-психологических индивидуальных свойств с подсистемами:
 - социальных ролей, исполняемых в группе и коллективе,
 - социальных ролей, исполняемых в социально-исторических общностях.

Процесс развития личности выражается в увеличении связей между свойствами, относящимися к разным уровням организации индивидуальности и увеличении тенденции много-многозначности этих связей.

Сильной стороной школы В.С. Мерлина в целом было обращение к эмпирическому исследованию личности. Например, было показано, что уверенность в своих силах у лиц со слабой нервной системой не появится до тех пор, пока не разрушится врожденная связь между слабостью нервной системы и низкой самооценкой, присущей этим людям.

Концептуализация представлений о биосоциальном единстве человека в отечественной психологии конца советского периода

Представления о биосоциальном единстве человека, разработанные в российской научной традиции: проблема развития

Отечественная наука в советский период развивалась в условиях жесткого идеологического давления и контроля. Многим направлениям был нанесен существенный ущерб. После разгрома педологии и психотехники в 1930-е годы стала очевидна невозможность серьезных прикладных, нацеленных на нужды практики исследований, так как их результаты и выводы гарантировали скорее несовпадение, чем совпадение, с марксистско-ленинской теорией. После павловской сессии в 1950-е годы стал окончательно ясен запрет на выход

за пределы естественно-научной парадигмы. Например, в области психологии индивидуальных различий в силу названных причин отечественная наука развивалась преимущественно в русле исследования фундаментальных проблем психофизиологических свойств и отношений человека. Б. Ф. Ломов отмечает: «Дифференциальная психофизиология <...> развивается в нашей стране активно, чего нельзя, к сожалению, пока сказать о дифференциальной психологии» (Ломов, 1984, с. 291). Однако ущербность в развитии ряда отраслей и направлений отечественной психологии не позволяет говорить о ее слабости в целом, об отсутствии в ней сильных разделов, разработок, которые могут претендовать на лидерство в мировой науке. Таким разделом с полным правом могут быть признаны фундаментальные теоретические исследования отечественных ученых в биосоциальной области.

Перспективной с точки зрения возможности соотнесения отечественных и зарубежных концепций представляется область исследований взаимосвязи биологического и социального развития человека, взаимосвязи онтогенеза и жизненного пути личности. В последние десятилетия XX в. теоретико-методологические проблемы биосоциального развития личности находятся в центре внимания интернациональной психологической науки. Подходы к решению этих проблем широко обсуждаются в зарубежной литературе. Актуальность этой тематики показывают как соответствующие статьи в энциклопедиях (Encyclopedia..., 1994, р. 166–170) и реферативных изданиях и периодике (Scarr, 1992), так и крупные монографии авторитетных ученых (Dacey, Travers, 1996; Papalia, Olds, 1995; Santrock, 1997; The Developmental..., 1996).

Исторически сложилось так, что в центре внимания зарубежных научных школ XX в. было преимущественно исследование конституционально заложенных свойств личности. Развитие личности рассматривалось здесь преимущественно либо как реализация индивидуальной программы от начала жизни до наступления зрелости, либо как разворачивание уже имеющихся в зачатке личностных структур в процессе адаптации сложившейся в основном личности к социуму в зрелом возрасте. По традиции зарубежные исследователи исходят из того, что имеет место единая программа развития — природная, т. е. биологическая в своей основе, а среда лишь более или менее травмирующим образом влияет на реализацию этой программы. Даже представители гуманистической психологии, придающие важнейшее значение социальной природе человека и его творческой активности, принимают это положение.

Так, Э. Фромм в своей типологии социальных характеров исходит из того, что существуют природные истинно человеческие свойства, прогрессивное развитие которых приводит к формированию гармоничной личности, в плодотворной творческой деятельности реализующей и развивающей свои способности и благодаря этому счастливой. Влияние же социума в его теории, по сути, сводится к искажению истинно человеческой природы в том или ином направлении и в той или иной степени.

Э. Эриксон описывает жизнь человека как последовательное прохождение восьми стадий психосоциального развития, присущих самой природе человека. В силу средовых условий каждая из этих стадий может быть пройдена успешно или неуспешно, неправильно. Неправильное прохождение любой из стадий приводит к определенным личностным деформациям.

А. Маслоу, хотя и подчеркивает творческий потенциал человека, по сути, тоже ограничивает личность заданными природой рамками — восхождением по пяти ступеням известной иерархии потребностей.

Существенное отличие отечественной методологии от классических зарубежных концепций заключается в отрицании предзаданности форм человеческой психики. Понятие самодетерминации пришло к нам на рубеже XX–XXI вв. из концепций западных ученых, где оно появилось в 1980-е годы и разрабатывается с тех пор в русле телеологического гуманитарного направления гуманистической психологии. Однако идея самодетерминации впервые была сформулирована в российской науке С. Л. Рубинштейном еще в 1920–1930-е годы как понимание человека в качестве «субъекта» своей жизни и деятельности, в качестве активного деятеля, который не только изыскивает возможности для достижения стоящих перед ним целей, но и сам эти цели определяет. Как подчеркивал А. В. Брушлинский, основываясь на принципе субъектности С. Л. Рубинштейна, саморегуляция человека в отличие от саморегуляции животного «осуществляется безотносительно к любому заранее выбранному масштабу, эталону, критерию и т. д.» (Брушлинский, 1999, с. 119). Мыслительная деятельность человека, регулирующая его поведение и определяющая поступки, утверждал А. В. Брушлинский, осуществляется не столько как поиск средств для достижения поставленных целей, сколько как определение целей и их корректировка в процессе деятельности. Именно в русле субъектного подхода сложилось понимание человека как обладающего подлинной индивидуальной свободой — глубоко гуманистическое и в то же время строго научное понима-

ние. А. В. Брушлинский заключает: «Высшим уровнем детерминации субъекта является тот, на котором человек самоопределяется в своей свободе» (Брушлинский, 1999, с. 114). Таким образом, идея субъектности воплощает представление о подлинной и полной самодетерминации человека.

В работах российских ученых на протяжении советского периода идея самодетерминации развивалась в русле доминирующего естественно-научного направления с присущим ему каузальным подходом к постановке проблем исследования. Связи психологии с естественными и гуманитарными науками вечны и неразрывны, однако есть между ними и существенное различие: если детерминистское, научное объяснение закономерностей психической деятельности человека опирается на данные естествознания, то науки гуманитарные: культурология, социология, искусствоведение и пр., – напротив, ищут опоры в психологии. С естественными науками психология в большей степени связана поиском объяснений, причин психических явлений в русле вопроса «Почему?», что придает естественно-научному направлению в психологии каузальный характер. С гуманитарными науками – поиском ответа на вопрос «Зачем?», откуда происходит «понимающая», описательная природа гуманитарного направления: «У психологии обнаружилось два лица, как у Януса: один обращенный к физиологии и естествознанию, другой – к наукам о духе, к истории, социологии; одна наука о причинностях, другая – о ценностях» (Ланге, 1922, с. 63).

Если в телеологических концепциях, развиваемых в русле гуманистической психологии гуманитарного направления западными коллегами, самодетерминация выступает в качестве ответа на вопрос «Зачем?» в отношении поведения человека, то в русле естественнонаучного направления традиционно задается вопрос «Почему?» и предпринимаются усилия для вскрытия причинно-следственных связей.

В исследованиях российских ученых проблема самодетерминации была поставлена прежде всего как проблема детерминирующего влияния личности на функционирование субстрата, на протекание онтогенеза и структурную организацию психических функций.

Этот подход воплотился в теории деятельности А. Н. Леонтьева. Множество конкретно-психологических концепций и экспериментов, которые включает в себе классическая работа ученого «Проблемы развития психики», объединены общей идеей: деятельность, активное взаимодействие со средой, направляемое и определяемое стремлением индивида к удовлетворению своих потребнос-

тей, – вот фактор, детерминирующий развитие психики, не только функционирование ее субстрата, но и в конечном счете структуру субстрата психики.

Это ярко проявляется, например, в особенностях подхода, развиваемого Б. Г. Ананьевым (см. главу 3). Методология и теория Б. Г. Ананьева представляются плодотворными для постановки проблем в интенсивно развивающихся областях мировой психологической науки, которые сложились в интернациональном дискурсе существенно позже, чем в российской науке – лишь в последних десятилетиях XX в. Среди таких областей исследований и актуальных вопросов можно назвать следующие:

- единство онтогенеза и жизненного пути в развитии человека (life-span human development);
- анализ развития в отдельные возрастные периоды с позиций целостного контекста жизни субъекта;
- возрастная динамика взрослости.

В трудах Б. Г. Ананьева сложился и воплощен в широкомасштабных экспериментах подход к исследованию закономерностей развития в отдельный жизненный период с позиций целостного контекста всей жизни субъекта. Интересно, что в уже упомянутой «Психологической энциклопедии» идея объединения различных возрастных периодов психофизиологического развития в единый жизненный цикл характеризуется как новейшее достижение теоретической мысли (Encyclopedia..., 1994, p. 166–170).

В зарубежной психологии понятие развития применяется при анализе психофизиологических функций в период взрослости лишь в смысле адаптации, приспособления в основном заданных структур к условиям существования. Взрослость здесь традиционно представлена как период стабилизации, предшествующий старению. Б. Г. Ананьев рассматривал взрослость как период сложных динамических изменений во всех психофизиологических структурах человека.

В той же энциклопедии возрастная динамика взрослости охарактеризована как малоисследованная и остроактуальная научная проблема.

В вышеупомянутой американской энциклопедии все теории возрастного развития человека делятся на две группы: ориентированные на механистические принципы и ориентированные на принципы функционирования организма. Механистические теории отличаются следующими общими чертами:

1. Личность человека понимается как результат либо биологической наследственности, либо средовых влияний;
2. Человек рассматривается как в общем пассивное существо, активность которого направляется либо внутренними, биологическими силами, либо внешними влияниями;
3. Развитие представлено как непрерывный процесс, состоящий из мельчайших отдельных этапов, которые могут быть количественно измерены.

К механистическим теориям отнесены генетические (А. Л. Гезелл, Ф. Л. Илл, Л. Б. Эймс), этологические (К. Лоренц, Н. Тинберген), теории обучения (Б. Ф. Скиннер, А. Бандура, П. Дж. Баэр, У. Бронфенбреннер и Р. Т. Мишел). К этой же группе отнесены комбинированные теории: этологическо-психоаналитические (Дж. Боулби, М. Д. Айнсворт) и обучающе-психоаналитические (П. Миллер, Дж. Доллард).

Авторы теорий организменного направления исходят из следующих общих принципов:

1. Личность представляет собой результат взаимодействия индивида со средой;
2. Развитие личности, выбор направления развития определяются в основном самим субъектом;
3. Развитие может быть представлено как инвариантная, общая для всех субъектов последовательность стадий, которые качественным образом различаются между собой.

К организменным теориям отнесены: психоаналитические (З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер, Э. Эриксон, Э. Фромм), когнитивные (Ж. Пиаже, Д. Элкиндр), гуманистические (К. Бюлер, А. Маслоу, К. Р. Роджерс) и органические (Х. Вернер).

Очевидно, что отечественная теория биосоциального развития не укладывается в рамки приведенной классификации, ввиду чего эту классификацию приходится полностью пересмотреть.

Например, Л. И. Анцыферова сравнивает идею о превращении этапов психического развития в иерархию уровней психической организации, выдвинутую Ж. Пиаже, его типы диахронического развития, и теорию, разработанную в отечественной психологии Я. А. Пономаревым (в области психологии творчества). Она указывает на существенные ограничения концепций западных генетических психологов в сравнении с позицией советских. Последние включают в принцип иерархии положение о качественном преобразовании генетически раннего уровня в составе более сложного, высшего и не приписывают развитию некие финалистские цели,

конечные состояния. В работах Л. И. Анцыферовой получил свою конкретизацию именно функциональный подход к личности, представление о личности как иерархически организованной системе, развивающейся и функционирующей на протяжении жизненного пути (Анцыферова, 1978, 1981, 1990). Л. И. Анцыферова рассматривает развитие личности в свете некоторых общих закономерностей процесса развития. Она выдвигает также важное обобщающее понятие «психологическая организация личности». Понятие «организация» адекватно для определения личности, поскольку предполагает (и объединяет) и независимый от самой личности, объективно ей присущий способ существования, и субъективный, произвольно определяемый ею самой. Для системно-генетической концепции это понятие особенно существенно, поскольку с его помощью она разрешает имплицитную дискуссию, предлагая объединить до сих пор достаточно разорванные, разобщенные качества (или модальности) личности (и психики) – формально-динамические и содержательно-смысловые. Первые обозначают механизмы (например, темпераментальные) как бы нейтральные по отношению к тому, что называется «содержанием» (обычно под содержанием подразумевается предметное содержание, характеристики бытия, объекта, становящиеся содержанием психического отражения (Асеев, 1990; Русалов, 1990; и др.). Анцыферова рассматривает их не как самостоятельный уровень, а как особое качество психологических механизмов, реализующих ценностное отношение личности к миру.

Существенным достижением отечественной теории является расширение принципа интериоризации, сформулированного Выготским, на формирование личности и ее подструктур. Социум уже не просто влияет на реализацию природной программы развития. Развитие личности предстает как сложное взаимодействие природной индивидуальной программы с интериоризируемой в процессе воспитания программой социального развития. Такой подход существенно углубляет представления о природе личности, пределах и возможностях ее изменения в зарубежных теориях и открывает новые перспективы развития теории биосоциальной природы личности и ее практических применений.

Проблема опосредованности человеческого познания

Еще одна интенсивно развивающаяся область мировой науки, в которой методология и результаты исследований российских ученых представляются высоко актуальными, – проблема опосредован-

ности человеческого познания, личностная и субъектная детерминация психических процессов. Для отечественной науки принцип личностного подхода к исследованию психических процессов является традиционным. В зарубежной психологии это направление исследований может быть охарактеризовано как «зона ближайшего развития». В то же время на фоне успехов биологических наук конца XX—начала XXI в. в западной психологии сильны «биологизаторские» тенденции.

В психологии со времен античности периодически возникают направления, провозглашающие своей целью решение психологических проблем путем применения методологии биологических наук. История психологии убедительно свидетельствует о полезности и значимости такого рода исследований, однако абсолютизация этого подхода в психологии, его расширительное применение приводят в тупик и означают утрату психологией своего предмета, так как психическое не может быть объяснено и описано в терминах физиологических механизмов, как не может быть описана архитектура здания в терминах свойств использованных кирпичей. Тем не менее соблазнительная «объективность» данного подхода вновь и вновь вдохновляет исследователей.

Например, человеческий язык, речь, сегодня все чаще рассматриваются как явления безусловно родственные «языку» животных и производные от последнего. Сущность языка – передача информации о биологически существенных событиях, координация взаимодействий субъектов. Книга С. Пинкера «Речевой инстинкт» (Pinker, 1994) – яркое и показательное явление в русле этого подхода. Не случайно такое множество современных исследований посвящено попыткам обучения речи человекообразных обезьян, и в целом мнение авторов сводится к отсутствию каких бы то ни было серьезных препятствий для этого. Конечно, у обезьян отсутствуют вокальные задатки для овладения человеческой речью, их гортань не обеспечивает фонетики человеческого языка, но овладение понятийной системой через посредство компьютерных алфавитов, языка глухонемых считается для них вполне реальным. Утверждают, что наиболее «способные ученики» владеют названными видами речи на уровне 3–4-летнего ребенка. Разница между человеческой речью и сигналами общения животных считается в рамках этих направлений скорее количественной, чем качественной, т. е. человеческий язык, конечно, сложнее, обеспечивает более сложную систему функций, но по сути принципиальной разницы нет. Основой языка при таком подходе считается возможность символического обозначения предмета, за-

мещения предмета его символом-понятием. Речь рассматривается как оперирование системой таких символов-понятий. То, что у человека в отличие от животных существует множество языков, понятийные системы которых не вполне совпадают, в русле данного направления не считается существенным.

Активно обсуждается сегодня в сравнительной психологии открытие так называемой «культуры» в сообществе шимпанзе, живущих в Гвинее Биссау (Matsuzawa, 2000). Под культурой в данном случае понимается наличие определенного способа раскалывания орехов, который применяется только обезьянами, принадлежащими к данному стаду и передается от матерей к потомству путем целенаправленного обучения. Широко обсуждается значение описанного открытия для понимания сущности культуры вообще и специфики человека среди других живых существ. Однако и в контексте данной дискуссии представляется продуктивной и интересной позиция, выработанная отечественной школой, в соответствии с которой специфика и сущность культуры как чисто человеческого феномена должна быть отнесена не столько к моменту передачи прижизненно приобретенных знаний и умений потомству, что в той или иной мере имеет место на дочеловеческих уровнях развития животного мира, сколько к моменту возникновения в сообществе на основе индивидуальных смыслов психического явления нового уровня — общего для всех участников процесса значения, т. е. к моменту возникновения зачатков языка и сознания (Леонтьев, 1972), что возможно лишь на основе подлинно совместной деятельности его членов.

Психическое не поддается объяснению в терминах физиологических процессов, не сводимо к физиологии. Показательно, что этот предел возможностей применения биологического подхода наиболее отчетливо осознают крупные ученые-биологи. В. Д. Глезер, крупнейший отечественный специалист по физиологии зрения, в своей книге «Зрение и мышление» (Глезер, 1993), которая стала итогом многих лет научной работы, приходит к драматическому заключению — зрение есть мышление: «Модель мира — основное содержание нашего сознания, а мышление отражает процесс ее разворачивания. Поэтому мы можем отождествить зрительное восприятие с конкретным предметным мышлением» (Глезер, 1993, с. 253).

В этих словах он выразил невозможность объяснить зрение в предметном мире в терминах физиологических механизмов зрительного восприятия, осознание того, что задача выходит за рамки его науки. Пользуясь концептуальной системой психологической науки, мож-

но интерпретировать это высказывание таким образом: «Зрение есть психический, а не физиологический процесс».

В силу своей онтологической природы психическое, субстратом которого является взаимодействие субъекта с окружающим миром, не сводимо к физиологическим механизмам. И вопрос о недостаточности прямого физиологического объяснения образного отражения звучит в работах зарубежных специалистов по познавательным процессам все чаще. Характерно, что основной темой лекции, прочитанной профессором из Кембриджа Дж. Д. Моллоном на открытии 29 Европейского конгресса по зрительному восприятию (ECVP, 2006), объединившего психологов, физиологов и специалистов по искусственному зрению из разных стран, было несоответствие между физиологией цветовосприятия и субъективным восприятием цветов, которое проявляется тем больше, чем успешнее идут исследования физиологических механизмов. «Не стоит ли нам поискать ключ к загадке цветовосприятия за пределами нашего тела?» – вопрошает он (Mollon, 2006, p. 1).

Диалектический подход к проблеме соотношения психического и физиологического всегда был сильной стороной отечественных теорий, до сегодняшнего дня в этом направлении работы отечественных ученых не имеют аналогов в мировой науке и в контексте тенденций ее развития представляются зоной ближайшего развития. Так, в широкомасштабных экспериментах Б. Г. Ананьевым и его сотрудниками продемонстрированы удивительные эффекты индивидуализации онтогенеза психофизиологических функций, в первую очередь сенсорно-перцептивных, в результате особенностей жизненного пути личности и становления субъекта профессиональной деятельности, которые были описаны, в частности, в работах «Теория ощущений» (Ананьев, 1961), «Сенсорно-перцептивная организация человека» (Ананьев, 1977) и др. Эти работы сегодня остаются практически неизвестными зарубежным коллегам, а российскими учеными также недостаточно востребованы, практически не цитируются в современных исследованиях.

Самореализация личности: подходы и противоречия

Одной из центральных, самых актуальных и широко обсуждаемых в литературе проблем современной психологии с полным правом может быть названа проблема самореализации. Понимание самореализации как важнейшего неотъемлемого свойства человеческой личности позволяет в новом свете представить самый широкий круг

психологических проблем, в том числе важнейших теоретико-методологических проблем психологии: психофизической, психофизиологической, биосоциальной.

В отношении биосоциальной проблемы актуальным представляется вопрос о том, для чего самореализация нужна, каким целям она служит, какие функции выполняет, иными словами, актуально рассмотрение самореализации как средства. Предметом внимания при такой постановке вопроса оказываются онтологические аспекты самореализации, ее значение и смысл для достижения целей системой более высокого порядка, нежели отдельная личность, — природой, обществом, мирозданием, Творцом, т. е. место самореализации в структуре бытия. Такая постановка проблемы является традиционной для философии. Представляется, однако, что анализ онтологических аспектов самореализации сегодня становится актуальным и для психологической науки.

В рамках подходов, односторонне трактующих личность: либо как существо полностью биологическое, либо лишенное каких-либо свойств, кроме социальных, — личность рассматривается как нечто, существующее исключительно в контексте некоторой единой общности: в одном случае биологической общности вида, в другом — общности культурно-исторической. Соответственно, самореализация личности предстает как обеспечение в одном случае видового выживания, в другом — социокультурного. Индивидуальность личности приобретает статус второстепенного, не столь существенного в контексте самореализации явления.

При такой постановке вопроса индивидуальное человеческое сознание, на уровне которого реализуется рефлексивный механизм самореализации, становится в общий ряд прочих уровней психической регуляции и лишается самостоятельного смысла и значения.

По сути дела, рефлексия является лишь эпифеноменом в процессе выполнения индивидом программы служения общности.

Существенно иные смысл и значение приобретает механизм рефлексии в контексте отечественной теории. Оказавшись в зоне пересечения двух потенциально противоречивых законов — природы и общества, — человек обретает статус подлинного хозяина своей судьбы. Условием становления целостной личности на основе внутренне противоречивых природных и социальных задатков становится «сознательная роль человека как творца своей собственной личности, проявляющаяся в принятии того или иного мировоззрения, в конкретном воплощении последнего в поступках и деятельности и в формировании (саморазвитии) целостности личности»

(Коростылева, Зайцева, 2000, с. 6). Индивидуальное сознание обретает собственную важнейшую функцию, определяя контекст бытия, в котором осуществляется самореализация личности.

Давая самое общее теоретическое определение личности как субъекта в психологии, отечественная теория (Психологическая наука..., 1997) связывает его с наличием противоречия между личностью, ее мотивами, способностями, потребностями и теми требованиями, которые предъявляет к ней общество, — двумя реальностями, которые никогда не соответствуют друг другу. Качество и мера становления личности связаны со способностью и способом разрешения этого противоречия. Личность в качестве субъекта жизни во всех ее личных, социальных, деятельных, коммуникативных и познавательных проявлениях разрешает это противоречие, стремясь найти определенный, оптимальный для своего собственного Я консенсус: или жертвуя свободой, индивидуальностью, активностью в пользу адаптивности, или выбирая независимость и жертвуя социальным одобрением, благами и т. д. Характер, острота этого противоречия и способ его разрешения зависят, естественно, и от того, насколько в данном обществе признаны права личности, и от того, насколько сама личность генетически или прижизненно наделена «рефлексом свободы», индивидуальностью, талантом и т. д. Неспособность, неуспешность личности в разрешении этого противоречия ведут к ее деградации, деструкции, деформации, акцентуации, т. е. к изменению оптимальных пропорций во внутриличностной организации в силу неадекватности способа жизни, ее «неподлинности». Некоторые авторы предлагают не считать людей подобного типа личностями, но мы присоединяемся к мнению (там же, 1997), что они, оставаясь личностями, перестают быть субъектами и становятся исполнителями, «производными» от своего способа жизни.

Когда личность оптимально решает это противоречие, происходит ее развитие в смысле совершенствования, зрелости. Однако поскольку противоречия и глобальны, и конкретны, личность как субъект разрешает постоянно возникающие противоречия, порождаемые ходом жизни, ее обстоятельствами. Масштаб противоречий и конструктивность их решения определяют уровень, достигнутый личностью как субъектом. Личность идет не вдоль жизни, а поднимается по восходящей, как писал Рубинштейн. Предполагается, что в характеристику уровней закладываются и индивидуальные, и человеческие критерии, т. е. принципы человечности и духовности.

Личность становится субъектом, когда она выступает таким центром самоорганизации и саморегуляции, который позволяет ей соот-

носятся с действительностью целостным, а не парциальным способом. Выше мы привели данное Рубинштейном определение личности как триединства того, чего хочет, что может человек и чем он является, т. е. триединства потребностей, мотивов, желаний — с одной стороны, способностей, возможностей — с другой, и характера — с третьей. Перефразируя это определение сегодня, можно сказать, что личность есть субъект, вырабатывающий способ соединения своих желаний (мотивов и т. д.) со способностями в соответствии со своим характером в процессе их реализации в жизни, со своими целями и обстоятельствами жизни. Субъект есть своеобразный «мост» между собственно личностной организацией и обществом (Ананьев называл это «системой», которая, однако, не просто «вписана» в систему общества, а вписывается в него самим субъектом¹). Если личность утрачивает эту субъектную позицию, если ее вписывают в общество, то она перестает быть и субъектом жизни. Защиты, фрустрации, стрессы, комплексы, болезненное самолюбие — феноменология неоптимальных для личности способов решения этой «задачи».

Таким образом, в контексте развиваемого отечественной школой подхода к биосоциальной проблеме оказывается возможным определить самореализацию личности в целостной полноте ее механизмов и уровней, существенно дополнить представления о месте и значении в структуре самореализации ее высших механизмов — рефлексии и экстерииоризации.

Такой подход позволяет существенно дополнить и расширить имеющиеся в мировой науке взгляды, касающиеся места и значения самореализации в структуре бытия, сущности и роли отдельных механизмов самореализации; особенно существенно могут быть дополнены представления о таком механизме, как рефлексия, непосредственно связанная с экстерииоризацией — самым высшим, продуктивным механизмом самореализации.

В русле отечественной теории разработано научное объяснение того, каким образом возникает «загадка человека», слияние в человеческой природе биологического и социального. А. В. Брушлинский пишет: «Психическое <...> существует только как важнейшее качество *субъекта* (отнюдь не чисто духовного) <...>. Субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой» (Брушлин-

1 Следует заметить, что в терминологии Б. Г. Ананьева понятие субъекта существенно уже, чем в описываемом здесь контексте. У Б. Г. Ананьева оно ближе к значению понятия субъекта в данном смысле находится понятие индивидуальности, которое, однако, понятию субъекта, по нашему мнению, не тождественно.

ский, 2000, с. 45). В свете понимания психики как свойства объективно существующего субъекта становится возможным целостный детерминистский подход к ее исследованию, объединяющий в единое целое так называемые гуманитарный и естественно-научный подходы.

Обращение к биосоциальной теории представляется неизбежным следствием гуманистического вектора развития современной мировой науки, понимания психологии как одной из тех наук, которые создают прочный базис для гуманизма. Признание человека, его личности и права на свободное развитие высшей ценностью заставляет психологов искать ответы на вопросы онтологического плана: в чем смысл человеческой жизни, в чем нуждается человек, в чем он свободен и есть ли границы и пределы его свободы? Представляется, что здесь отечественная наука может внести самый существенный вклад в современные дискуссии.

Парадоксальным образом в контексте теории, сформированной в условиях тоталитарной идеологии общества, был воплощен принцип подлинной индивидуальной свободы. В западной психологии с ее культом индивидуального бытия индивидуальная свобода приобретает статус эпифеномена, оказывается свободой в выборе средств, но не целей. Признание человека существом активным не позволяет указать истинную природу присущего ему творческого, созидającego начала. В контексте гуманистической психологии проблема качественного отличия человека как существа, изменяющего мир, от животного, к миру приспособляющегося, не только не решена, но и не поставлена.

В центре внимания Абульхановой-Славской – способность личности решать жизненные противоречия, проблемы, т. е. не только зависеть от жизни, но и определять ее. Эта способность высшего порядка принадлежит личности как субъекту жизни и является качеством, которое вырабатывается в процессе жизни, способом жизни (Абульханова-Славская, 1973, 1977). Эта жизненная способность осуществляется высшими механизмами – сознанием, активностью и способностью к организации времени жизни. В контексте данного подхода открывается возможность связать сознание не только с формами отражения и общественным бытием, но и с жизненным путем личности, с ее активным отношением к жизни. Сознание, таким образом, может быть понято как релевантное всей жизни функциональное образование, регулирующее не только отдельные движения и действия, но всю жизненную стратегию человека (Абульханова-Славская, 1989, 1991, 1994).

К. А. Абульхановой-Славской ответственность определяется как задача, которую ставит перед собой личность при осуществлении деятельности: удержаться на определенном уровне качества ее выполнения, отвечающем притязаниям личности в течение определенного времени и при наличии непредвиденных трудностей (Абульханова-Славская, 1989, 1991). Аналогично и сама активность личности определяется ею как жизненная способность личности удержаться себя в качестве субъекта своей жизни (или — в случае неспособности — превратиться в ее пассивного исполнителя).

Анализ личности в свете дихотомии «активность—пассивность» сближает концепцию Абульхановой-Славской с популярной концепцией внутреннего и внешнего локусов контроля Дж. Роттера. Однако имеет место и существенное различие, которое состоит в том, что если локус контроля присущ личности как один из ее структурных компонентов и является исходным для определения возможностей в той или иной сфере функционирования, то активность определяется отношением личности к ситуации, это свойство, которое можно рассматривать как порождающее по отношению к локусу контроля.

В русле отечественной теории сложилось понимание человека как обладающего подлинной индивидуальной свободой, глубоко гуманистическое и в то же время строго научное. Развивая подход, предложенный С. Л. Рубинштейном, А. В. Брушлинский заключает: «Высшим уровнем детерминации субъекта является тот, на котором человек самоопределяется в своей свободе» (Брушлинский, 1999, с. 114).

Согласно отечественной теории биосоциального развития человека, подлинный смысл и значение приобретает сознание, механизм рефлексии. Оказавшись в зоне пересечения двух потенциально противоречивых законов — природы и общества, — человек обретает статус подлинного хозяина своей судьбы. Индивидуальное сознание человека здесь уже не только рассматривается в ряду прочих форм психического отражения, но обретает собственную важнейшую функцию, определяя контекст бытия, в котором существует и самореализуется личность: «Детерминизм не есть предопределенность, детерминация <...> не дана изначально в готовом виде, а напротив, формируется субъектом как самоопределение в ходе деятельности, поведения и т. д. <...> детерминизм человеческой активности не исключает, а предполагает свободу» (Брушлинский, 2000, с. 46).

В свете отечественной теории обретает смысл и значение проблема ответственности человека за свой выбор, свои поступки. Самооп-

ределяющийся субъект, будь то отдельный человек или человечество в целом, уже не застрахован ни от ошибок, ни от ответственности за них безошибочностью инстинктивного природного поведения, безальтернативностью социальных ролей и культурных норм.

Между описанными выше современными направлениями исследования личности, основанными, с одной стороны, на позициях рассмотрения человека как существа чисто биологического, с другой – на абсолютизации социального начала в человеке, сегодня отсутствуют примеры обнаружения сколько-нибудь значимой связи, дискуссии, сопоставления результатов исследований и моделей. Представляется, что причиной этого является, с одной стороны, известная тенденция к узкой специализации в западной науке, с другой – исторически сложившаяся в западной психологии XX в. традиция, в соответствии с которой биосоциальной проблеме не уделялось существенного внимания в силу исторически объективных причин. Однако в обозримом будущем диалог представляется неизбежным. В контексте данного диалога опыт теоретико-методологической проработки проблемы соотношения биологического и социального может помочь предсказать как зоны «роста», так и пути разрешения конфликтов.

Реальное сопоставление теорий и эмпирических данных различных психологических школ, который необходим для процесса интеграции науки, происходящего на рубеже XX–XXI вв., возможно лишь в структуре единого общенаучного контекста, своего рода общей системы координат, в рамках которой могут быть соотнесены и сопоставлены различные направления и школы. Формирование единого контекста требует от каждой школы специальной работы по уточнению значений используемых понятий и выявлению системы постулатов, лежащих в основе теорий. На основе этого становится возможным конструктивное обсуждение проблем предметных областей, которое должно привести к взаимному обогащению школ в структуре единой психологической науки и повышению уровня самосознания и рефлексии каждой.

Таким образом, можно заключить, что достижения отечественной биосоциальной теории, разработанной в советский период, актуальны в контексте проблем и дискуссий современной зарубежной психологии. В контексте актуальных направлений исследований просматривается общность предметной области с разработками советских ученых, при различных подходах к проблеме и различных теоретических моделях человека, заложенных в основу исследований.

Методология советской психологии

Большинство принципов отечественной теории были заложены еще в первой половине XX в., тем не менее на протяжении всего советского периода происходит углубление и конкретизация теоретических и методологических оснований психологической науки. В 1960–1980-е годы в работах Б. Г. Ананьева, Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, А. А. Смирнова, В. Н. Мясищева, К. А. Абульхановой-Славской, Б. Ф. Ломова, Е. В. Шороховой, А. В. Брушлинского, Л. И. Анцыферовой, К. К. Платонова и др. была решена задача создания системы методологических принципов психологии. Эта система включает в себя (Психологическая наука, 1997):

- принцип диалектико-материалистического детерминизма (причинная обусловленность любого психического явления объективным материальным миром);
- принцип единства личности, сознания и деятельности (сознание личностно и деятельно, личность сознательна и деятельна, деятельность сознательна и личностна);
- принцип отражения (все психические явления есть результат непосредственного или опосредованного психического отражения, содержание которого детерминировано объективным миром);
- принцип развития (постепенное и скачкообразное усложнение психики);
- принцип иерархичности психики (все психические явления рассматриваются как ступени, включенные в иерархическую лестницу, где нижние слои подчинены высшим и управляются ими, а высшие, включая в себя низшие в измененном виде и опираясь на них, к ним не сводятся);
- личностный принцип (понимание личности как системы, определяющей все другие психические явления);
- принцип единства теории, эксперимента и практики (эксперимент, опираясь на теорию, проверяет и уточняет последнюю и вместе с ней подтверждается практикой).

В 1960–1980-е годы в итоге обсуждений и дискуссии, развернувшейся на страницах «Вопросов психологии» (Бассин, 1971), сформировалось и четко определилось представление о предмете психологии: «Было подчеркнуто, что предметом психологии является психика, понимаемая как свойство высокоорганизованной материи, в многообразии механизмов формирования и развития психических явлений, а так-

же в совокупности ее закономерных связей, взаимодействий и опосредований, выявляющихся в отражающей и регулирующей функциях» (Психологическая наука, 1997, с. 133).

Понимание отражательной природы психического и использование методов материалистической диалектики позволило советским психологам к концу 1970-х годов подойти к проблеме выявления законов психического. Появление работ Божович о закономерностях формирования личности в онтогенезе (Божович, 1976), Ломова об исследовании законов психики (Ломов, 1982) означало движение в этом направлении. Была выявлена специфика законов, открываемых в психологии: психологические законы не являются жесткими и однозначными абсолютами, а выступают как законы-тенденции. В начале 1980-х годов на страницах «Психологического журнала» прошла дискуссия по проблемам психологических законов (Бассин, 1982; Генов, 1984; Лебедев, Москаленко, 1984; и др.), где была заложена основа для систематизации и обобщения многочисленных эмпирических исследований и повышения теоретической стройности и строгости психологии как науки.

Начиная с конца 1960-х годов советские психологи проводят работу по уточнению основных общепсихологических понятий и терминов с целью систематизации и уточнения категориально-понятийного аппарата науки. М. Г. Ярошевский выделяет «образ», «действие», «мотив», «общение», «личность» в качестве основных понятий психологии (Ярошевский, 1976), рассматривая систему этих понятий (категорий) в их трансформации как средство изучения истории психологии. В этот период создаются работы, раскрывающие значение для психологических исследований и соотношение между собой таких категорий и понятий, как «отражение» (Леонтьев, 1966; и др.), «сознание» (Шорохова, 1961), бессознательное (Бассин, 1968; Шерозия, 1969), «общение» (Ломов, 1979) и др. Было предложено несколько вариантов выделения системы стержневых психологических категорий. Так, А. Н. Леонтьев в качестве наиболее важных категорий для построения системы психологии выделяет «деятельность», «сознание», «личность» (Леонтьев, 1975). К. К. Платонов в качестве общепсихологических категорий, объем которых совпадает с основной психологической категорией — «психика», — отмечает «формы психического отражения», «психические явления», «сознание», «личность», «деятельность», «развитие психики» (Платонов, 1982). Ломов в качестве базовых категорий называет «отражение», «деятельность», «общение», «личность», «социальное», «биологическое» (Ломов, 1984). Свидетельством большого внимания к проблеме категорий в психо-

логии явилось издание специализированного сборника на эту тему (Категории материалистической... 1988) и разработка тезаурусных словарей по психологии.

Можно утверждать, что к концу 80-х годов в окончательном виде завершается формирование теоретико-методологических основ психологической науки в СССР.

Разработка теории и методологии психологической науки в СССР стала основой для конкретных исследований и разворачивания новых направлений в психологической науке. Можно выделить ряд тенденций, характеризующих развитие психологической науки в СССР в 1960–1980-е годы (Психологическая наука..., 1997):

- расширение проблемного поля исследований;
- углубление междисциплинарных связей;
- усиление связи с практикой;
- изменение проблематики психологических исследований под влиянием научно-технического прогресса (теории информации, кибернетики, освоения космоса, появления автоматизированных систем управления и т. п.);
- развитие комплексных исследований в психологии.

Утверждается идея, что ни одно психическое явление не существует обособленно, но выступает как часть единого целого – человека. Проблемы психологии человека исследуются во всем многообразии их аспектов, во взаимодействии со смежными науками. Развитие междисциплинарных подходов потребовало разработки вопросов комплексного человекознания.

Начиная с 1960-х годов Б. Г. Ананьев и его сотрудники ставят задачу создания единого фундаментального учения о человеке. Итоги комплексных исследований обобщаются в трудах Б. Г. Ананьева «Человек как предмет познания» и «О проблемах комплексного человекознания».

Особую актуальность приобретает в этот период разработка проблем высшей нервной деятельности как основы психики. На стыке психологии и физиологии высшей нервной деятельности формируются плодотворные научные гипотезы и теоретические обобщения. Прежде всего здесь необходимо выделить школу Б. М. Теплова–В. Д. Небылицына, в центре внимания которой изучение физиологических основ индивидуально-психологических различий; школу нейропсихологии, созданную А. Р. Лурией; работы Бернштейна в области физиологической теории построения движений.

В числе наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии советского периода, В. А. Кольцова называет (Кольцова, 2002):

- объективный подход в исследовании психики;
- естественно-научную ориентацию психологии;
- высокую теоретичность и отсутствие позитивистских тенденций;
- единство теоретического и эмпирического уровня в структуре научного знания;
- целостный взгляд на психические явления, реализующийся в принципах комплексного и системного подходов.

Общий методологический каркас выступал в советской психологии в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований и обеспечивающей интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли, в русле единой системы психологической науки. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но, наоборот, обеспечивали возможность реального сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве.

Как указывает Кун, наличие парадигмы выступает показателем зрелости развития науки, обуславливает усиление интенсивности научных исследований, тщательность и глубину анализа явлений.

«В итоге многочисленных теоретических и эмпирических исследований, фундаментальных и прикладных разработок, выполненных несколькими поколениями советских ученых на основе конструктивного использования ими научных традиций, сложившихся в отечественной психологии, в советской психологической науке сформировалось, несмотря на наличие в ней множества оригинальных и самобытных научных школ, единое понимание базовых, ключевых характеристик природы психического, представляющих в своей совокупности его теоретическую модель» (Психологическая наука..., 1997, с. 150). Назовем основные особенности этой модели.

1. Признание отражательной природы психического: психика понимается как свойство органической материи отражать своими состояниями реальную действительность в процессе приспособления к ней.

2. Признание активного характера психического: психика понимается как свойство активного субъекта, антиципация считается одним из важнейших ее свойств.
3. Понимание психического как единства непрерывного и дискретного, которое позволяет наряду с утверждением объективной непрерывности психического выделять в процессе исследования отдельные фазы, этапы процессов.
4. Понимание системного характера психического, наличия многозначных связей между проявлениями и свойствами психики в контексте реальной жизнедеятельности.
5. Включение психики в основную, исходную систему связей деятельного человека с окружающим миром, которое обуславливает признание единства личности, сознания, деятельности и общения.

Анализ развития отечественной школы в психологии на протяжении советского периода ее истории позволяет прийти к следующему заключению.

Отечественная наука в советский период развивалась в условиях жесткого идеологического давления и контроля. Развитию многих направлений, в первую очередь прикладных и гуманитарных, был нанесен существенный ущерб. Однако были и направления, интенсивно развивавшиеся, в русле которых были достигнуты значительные успехи, получены оригинальные результаты. Они по-прежнему остаются недостаточно известными зарубежным коллегам, но могут внести вклад в мировую науку. Таковы фундаментальные теоретические разработки советских ученых в сфере биосоциальной проблемы.

Предпосылками развития представлений о взаимодействии законов биологии и социальных факторов в регуляции психики человека в отечественной психологии явились:

- традиция понимания социального как отмены, запрещения природного, естественного поведения, сложившаяся в отечественной психофизиологии, ее основу заложил И. М. Сеченов, открыв центральное торможение;
- марксистская антропология, в которой диалектически сочетаются естественно-научный взгляд на человека и социоцентризм;
- отечественная философская традиция, в основе которой лежат принципы коллективизма (общинности) и примат духовного начала в человеке, отрицание прагматизма.

Разработка биосоциальной проблемы в отечественной психологии советского периода опирается на уникальную в отношении системы постулатов, заложенных в ее основу, теоретическую модель психики человека, сложившуюся в трудах классиков отечественной психологии:

- человек просоциален, он коллективист, лучшее в нем создается обществом и служит обществу;
- человеческая психика в ее важнейших особенностях формируется прижизненно в процессе социализации и индивидуализации, наследственность не является определяющим фактором;
- человек не подчиняется законам природы, необходимости; с появлением сознания инстинкты не играют определяющей роли в человеческом поведении;
- человек активен, он не только приспосабливается к миру, но преобразует, переделывает его.

В основе теорий западноевропейской и североамериканской психологической науки обнаруживается альтернативная модель:

- культ индивидуализма;
- придание преимущественного значения фактору наследственности;
- понимание инстинкта как основы всех форм поведения, в том числе и человеческого;
- ограничение активности человека в отношениях с миром поиском способов достижения целей, которые однозначно определены контекстом ситуации и наличием «общечеловеческих ценностей».

К концу 1980-х годов полностью сформировались теоретико-методологические основы психологической науки в СССР.

1. В трудах Б. Г. Ананьева, Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, А. А. Смирнова, В. Н. Мясищева, К. А. Абульхановой-Славской, Б. Ф. Ломова, Е. В. Шороховой, А. В. Брушлинского, Л. И. Анцыферовой, К. К. Платонова и др. была решена задача создания системы методологических принципов психологии. Эта система включает в себя: принцип диалектико-материалистического детерминизма, принцип единства личности, сознания и деятельности, принцип отражения, принцип развития, принцип иерархичности психики, личностный принцип, принцип единства теории, эксперимента и практики.

2. Сформировалось и четко определилось представление о предмете психологии: было подчеркнуто, что предметом психологии является психика, понимаемая как свойство высокоорганизованной материи в многообразии механизмов формирования и развития психических явлений, а также в совокупности ее закономерных связей, взаимодействий и опосредований, выявляющихся в отражающей и регулирующей функциях.
3. Была выявлена специфика законов, открываемых в психологии: психологические законы не являются жесткими и однозначными абсолютами, а выступают как законы-тенденции.
4. Был систематизирован и уточнен категориально-понятийный аппарат науки.

В 1970–1980-х годах в советской психологии сформировался общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований и обеспечивающей интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли, в русле единой системы психологической науки. Существенной частью данной парадигмы стала изошренная понятийная и категориальная система, поэлементно несопоставимая с понятийными системами зарубежной психологии.

Внутренняя интеграция советской психологии сопровождалась ее растущей изоляцией от мирового профессионального сообщества в силу парадигмального статуса советской психологии, языкового барьера, социально-политических условий.

Языковой барьер и проблема перевода текстов российской школы

Разработки отечественной школы недостаточно включены в контекст актуальных дискуссий, недостаточно известны зарубежным коллегам, причиной чего во многом является языковой барьер, возникший вследствие длительной изоляции отечественной школы в силу политических и языковых факторов. Главная и наиболее очевидная его причина — государственная политика «железного занавеса», в соответствии с которой в массовой советской школе молодые люди не учились активному владению иностранным языком. Во главу угла ставилось умение читать, что требовало изучения грамматик письменной речи. Установка на «читаю со словарем» обеспечивала специалистам возможность быть в курсе достижений зарубежной науки, при полном блокировании «утечки» на запад информации о том, что происходит в нашей науке. Показательно, что в 1956 г. Ж. Пи-

же, который всегда имел самые тесные контакты с советскими учеными и относился к советской науке с самым большим интересом и симпатией, сетует на возникший языковой барьер, который угрожает разрушить существующий диалог, и призывает советских коллег сопровождать свои статьи хотя бы резюме на английском, французском или немецком языке, чтобы западные ученые могли ориентироваться в издаваемой в России литературе и заказывать нужные им переводы (Piaget, 1996).

В отличие, например, от математики, использующей общую для всех профессионалов символическую систему, психология, как и другие гуманитарные науки, пользуется системой понятий, организованной на основе разговорного языка, придавая словам новые смысловые оттенки и значения. Поэтому адекватный перевод гуманитарного научного текста с языка на язык может быть выполнен человеком, профессионально владеющим не только двумя языками, но и понятийными системами, используемыми специалистами соответствующих стран.

Послевоенное развитие отечественной психологии привело к формированию понятийного аппарата настолько специфичного, что те немногие труды советских ученых, которые переводились на иностранные языки, не были адекватно поняты и интегрированы мировым научным сообществом и не вызвали в скольких-нибудь широких кругах ученых интереса из-за кажущегося несоответствия обсуждаемых вопросов. Существенную роль сыграло и то, насколько изошренной и глубоко проработанной была целостная система категорий, над разработкой которой трудились поколения советских психологов.

Когда в конце 1970-х годов стали появляться переводы трудов российских психологов, среди которых прежде всего надо отметить книги по теории деятельности А. Н. Леонтьева (Leontiev, 1973, 1978, 1979), на фоне возникшего интереса зарубежных коллег (Mammen, Mironenko, 2015), сразу обозначилась проблема существенных трудностей адекватного понимания российских текстов зарубежными учеными в силу особенностей используемого понятийного аппарата. Стало очевидным, что здесь требуются специальные усилия. Интересным примером работы в данном направлении является книга «Основные понятия теории деятельности» американского ученого Ч. Толмена (Tolman, 1988), в которой приводились разъяснения и примеры использования ряда понятий, таких как «действие», «деятельность», «цель» и т. п. Этот пример заслуживает внимания, однако, проблема перевода не утратила своей актуальности и сегодня.

Особую трудность представляет использование понятия «субъект». Неслучайно в работе Толмена (Tolman, 1988) это понятие не было в числе интерпретируемых. Содержательная интерпретация понятия «субъект», корневого для российской психологии, представляется невозможной без разъяснения вопроса о соотношении понятий «субъект» и «личность» в российской психологии. В современной науке личность и субъект находятся в центре внимания исследователей. Абсолютное большинство публикаций и защищаемых диссертаций по психологии обращены сегодня именно к сфере целостных аспектов и проявлений человеческого бытия, к предметной области, обозначаемой вышеназванными двумя понятиями. В то же время, при том что научным сообществом уже затрачены значительные усилия на методологическую проработку каждого из понятий, вопрос об их соотношении остается остро дискуссионным (Моросанова, Аронова, 2007). Это затрудняет коммуникацию ученых и порождает сложности понимания научных текстов, что становится проблемой в ситуации произошедшего стремительного расширения и дивергенции профессионального сообщества психологов в России в постсоветский период.

Внесение ясности и порядка в вопрос соотношения данных понятий представляется актуальным сегодня и в контексте происходящей интеграции российской психологии с зарубежной, преимущественно англоязычной наукой. Если понятие личности является вполне интернациональным, то понятие субъекта употребляется лишь в российской психологии и на сегодняшний день может считаться непереводаемым. Нередко встречаются попытки перевода понятия субъекта на английский язык как *subject*, что приводит к чудовищной и позорной деформации смыслового содержания переводаемого текста.

С.Л. Рубинштейн, который ввел в российскую науку понятие субъекта в 1930-х годах, как известно, не разграничивал в своих работах содержание понятий субъекта, личности, человека. Быть личностью и быть субъектом для него — имманентные свойства, человеку присущие. С.Л. Рубинштейн говорит о человеке как о субъекте, подчеркивая иницирующий, самодетерминированный характер человеческой деятельности, о человеке как о личности, подчеркивая его социальность. Развитие субъектного подхода в российской психологии, однако, потребовало уточнения вопроса о соотношении данных понятий. К этому вопросу обращались едва ли не все российские методологи, в том числе такие как К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский и др. (Проблема субъекта...,

2000). Представляется, что исчерпывающий обзор мнений дается в монографии В. И. Моросановой и Е. А. Ароновой (Моросанова, Аронова, 2007), поэтому ограничимся здесь общим выводом о том, что в литературе нет единства в отношении следующих моментов:

- в какой мере и как перекрываются содержания данных понятий: диапазон мнений здесь — от полного поглощения одного из понятий другим до попыток полностью развести их содержание;
- как соотносятся данные понятия по уровню: обоим понятиям приписывается «высокий» уровень в структуре психики, однако часты попытки поставить одно над другим, в частности, представить одно как высший уровень другого (см. предыдущий пункт).

Эти вопросы решаются по-разному как в общетеоретическом плане, так и на уровне конкретно-психологических интерпретаций.

Существенным фактором, препятствующим, на наш взгляд, нахождению консенсуса в вопросе о соотношении понятий *субъект* и *личность*, является то, что в литературе нет не только единства, но и ясности в отношении того, в каком контексте предполагается определить и разнести данные сущности — *личность* и *субъект*. В то же время любое понятие существует и может быть понято и соотнесено с другим только в контексте некоторой определенной системы понятий. Постановка вопроса о соотношении данных понятий в литературе предполагает, что каждое из них обозначает некоторую подсистему в психической организации человека. Но та или иная подсистема не может быть понята и соотнесена с другой подсистемой иначе как в контексте целостной системы, в которую обе включены. Поэтому, как нам кажется, решение вопроса о соотношении понятий «субъект» и «личность» с необходимостью требует определения целостной теоретической модели психической организации человека, на основании и в структуре которой они только и могут быть соотнесены.

В литературе имеется пример решения задачи соотнесения понятий «субъект» и «личность» в такой постановке. Это концепция Б. Г. Ананьева (1968). В качестве исходной порождающей категории Б. Г. Ананьев вслед за С. Л. Рубинштейном использует понятие «человек». «Человек» — для психологической науки категория не предметного, а объектного толка. Эта категория непосредственно отсылает нас к реальности, которую психологическая наука объясняет и описывает. Понятия же «субъект» и «личность» относятся к предметной сфере психологии, они разработаны психологической наукой и воплощают в себе не только (и, возможно, не столько) объективную ре-

альность, но и теоретические модели, логику и аппарат самой науки. В условиях современного методологического плюрализма при попытке соотнесения этих понятий мы оказываемся в своего рода зеркальном коридоре, в ситуации бесконечного умножения рефлексивных построений, выхода из которой нет. Категория же «человек» выводит нас из зазеркалья в реальность и обеспечивает возможность сопоставления теории не с другой теорией, а с жизнью, возвращает опору и возможность эмпирической проверки теории. В русле его концепции представлен ясный и определенный ответ на вопрос о том, как соотносятся содержания понятий «субъект» и «личность»:

- *на уровне общетеоретическом* личность порождается и существует в контексте отношений человека и социума, в контексте культуры, субъект же существует в пространстве цивилизации, в его основе орудийная производительная деятельность (интересно, что в теории Б. Г. Ананьева ясно прослеживается разведение культуры и цивилизации, о котором культурологи заговорили лишь в конце XX в.);
- *на уровне конкретно научных представлений* описана система свойств, соотносимых с личностью и с субъектом.

Можно ли, однако, рассчитывать, что данный вариант ответа на вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность» будет принят современным психологическим сообществом? На это не приходится возлагать больших надежд. Различия в содержании понятий «индивид», «личность» и «субъект» в данной концепции полемически заострены ценой очевидного сужения их значений, при этом содержание понятий «субъект» и «личность» явно расходится с традицией, установившейся в современной российской психологии. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что свойства, в максимальной степени интересующие современных исследователей, свойства, приписываемые как субъекту, так и личности, которые ученые сегодня как раз и пытаются «поделить» между субъектом и личностью, — саморегуляция, самосознание и др. — в трактовке Б. Г. Ананьева оказываются вынесенными за пределы как личности, так и субъекта. Эти свойства оказываются здесь результатом интеграции субъекта и личности в процессе индивидуального развития.

Однако методологическая основательность концепции Б. Г. Ананьева, ее логическая стройность и эмпирическая доказательность заслуживают внимания в контексте современных дискуссий о соотношении понятий «субъект» и «личность». На наш взгляд, вывод, который можно сделать, рассматривая теоретическую модель, раз-

работанную Б. Г. Ананьевым, в свете современных дискуссий в отечественной и мировой науке, заключается в необходимости изменить ставшую традиционной постановку задачи соотношения понятий.

Исторически сложилось, что и понятие «субъект», и понятие «личность» в современном научном языке обозначают целостную человеческую психическую организацию, поэтому следует отказаться от попыток рассматривать «субъект» и «личность» как подсистемы некоторого целого, от попыток «разделить» между субъектом и личностью психические и другие свойства. Эти две стороны человеческой психики неразрывно слиты: личность непременно обладает субъектностью, а субъектность – атрибут личности.

Исторически сложилось, что в мировой науке общеупотребимым для обозначения целостной человеческой психической организации является понятие «личность», понятие же «субъект» не имеет хождения. В этой связи обращает на себя внимание и более узкое содержательное наполнение понятия «личность» в российской психологии, возможно, как раз по причине укоренившегося здесь понятия «субъект», занявшего часть семантического пространства, в западной психологии занимаемого «личностью». Это различие в содержании понятий существенно затрудняет интеграцию отечественной теории в контекст мировой науки.

Понятие «субъект» ввел в российскую психологию С. Л. Рубинштейн. Субъект – тот, кто активно действует, следует собственным целям. Сегодня при переводе на английский язык субъект переводят как subject, а субъектность как subjectivity, что существенно искажает смысл текстов. В английском языке слово «subject» не несет основной нагрузки на факторе активности обозначаемого. Этим словом называют обсуждаемый или исследуемый предмет, людей, подвергаемых каким-либо воздействиям.

В современной интернациональной науке появились понятия, близкие по смыслу понятию субъекта, такие как «агентность» (Gallagher, 2000; Haggard, Eitam, 2015), «актерхуд» (Frank, Meyer, 2002; Meyer, 2010). Может ли быть решением такой перевод? Представляется, что нет. Каждое научное понятие порождается определенной логикой развития научной мысли и несет в себе эту логику. Понятие субъекта сложилось в российской научной традиции на полвека раньше, чем были предложены соответствующие понятия в англоязычном дискурсе и несет в себе теоретические наработки поколений ученых. Оно должно быть сохранено.

Возможно, адекватным вариантом перевода будет немецкое слово «Subjekt», которое Рубинштейн, получивший философское об-

разование в Марбурге, и использовал. В немецком языке активный «Subjekt» противопоставлен пассивному «Objekt». Такой вариант перевода предлагал А. В. Брушлинский в устном докладе на Европейском психологическом конгрессе 2000 г. Такой перевод не используется, хотя в интернациональной англоязычной психологии имеют место случаи сохранения написания понятий в иных языках: Id, Ego, étant, être и др.

Оставаясь недостаточно известными зарубежной научной общественности, методология и теория анализа биосоциальной проблемы, развитые отечественными учеными, представляются плодотворными в постановке и решении ряда наиболее актуальных сегодня проблем мировой психологической науки. В силу объективных закономерностей развития науки сложилось положение, когда в зарубежной психологии стали остро актуальными вопросы, которые раньше лежали вне зоны интересов основных научных школ на западе, но над решением которых давно и плодотворно работали советские психологи.

Период самостоятельного развития отечественной психологии как своего рода альтернативы западной науке сегодня можно считать закончившимся. Объективные изменения в жизни общества привели к уничтожению как границ, отделявших наших ученых от зарубежных, так и функциональных задач, обеспечивавших существование структуры отдельно взятой советской психологии. Отечественная теория и методология обретают новую жизнь в структуре интернациональной науки, и этот процесс интеграции происходит неоднородно, неравномерно и требует от наших ученых целенаправленной работы. Необходимой представляется и перестройка «самосознания» отечественных ученых, переход от видения в первую очередь различий во взглядах между отдельными отечественными школами, коллективами к осознанию себя как единой школы, которая в контексте мировой науки выглядит достаточно однообразно, несмотря на наличие внутренних противоречий между ее участниками, которые отнюдь не являются антагонистическими, но служат лишь показателями внутреннего потенциала развития. Отметим, что в этом отношении мы следуем традиции, заложенной работами лаборатории истории психологии ИП РАН. Принципиальной особенностью развиваемого подхода является «концентрирование внимания не на поиске различий между разными научными коллективами и учеными, а на выявлении того общего, что объединяет их в рамках единой научной школы-направления — советской психологии» (Кольцова, 2002, с. 10).

Интеграция российской психологии с зарубежной затрудняется существенными различиями в подходах и теоретических моделях человека, заложенных в основу исследований, а также различиями в категориальном аппарате. В то же время формирование единого научного контекста, в рамках которого могли бы быть адекватно соотнесены работы отечественных и зарубежных авторов, представляется возможным на основе общности предметных областей. Эта задача требует от каждой школы специальной работы по уточнению значений используемых понятий и выявлению системы постулатов, лежащих в основе теорий.

О самобытности российской научной традиции

Понятие «российская психология» сегодня можно трактовать по-разному. Под «российской психологией» понимают научное психологическое знание, порожденное и развитое в России, а также современное профессиональное сообщество. В советский период эти сущности совпадали. Сегодня ситуация не столь однозначна. Российская психологическая наука как одна из школ XX в., прославленная И. П. Павловым, Л. С. Выготским, В. М. Бехтеревым, А. Р. Лурией и другими признанными в мировом сообществе учеными, пережила время драматического разлома в постсоветский период и сегодня находится на распутье. Для современного российского профессионального сообщества постсоветский период – это период роста с сопутствующими ему проблемами, характерными для развивающихся стран.

Постсоветский период стал периодом динамичных и радикальных изменений, временем парадоксального сочетания тенденций в развитии российской психологии. Это, во-первых, время интеграции мировой науки после длительного периода, когда «школы» в мировой науке развивались в контексте так называемого кризиса психологии относительно независимо, в отсутствие единой общепринятой теории. Во-вторых, это время распада целостного научного направления, сложившегося в СССР.

Современное нам профессиональное сообщество сложилось на основе разрушения института советской психологической науки, которая в 1960–1980-х годах достигла состояния парадигмы¹. В постсо-

1 «В результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представ-

ветский период были сняты идеологические и другие искусственные барьеры на пути развития психологии, которая в советское время отчасти насильственно удерживалась в русле монометодологического течения, естественно-научного по своей ориентированности и основанного на марксистской философии, с приоритетом фундаментальных теоретико-методологических исследований.

В это же время перед психологами открылись новые горизонты профессиональной деятельности, хорошо обеспеченный финансово рынок психологических услуг потребителю. На фоне сворачивания программ финансирования фундаментальных исследований произошел бум в области психологического образования и психологической практики, который с неизбежностью сопровождался радикальными изменениями в подготовке специалистов и выходом на рынок психологических услуг людей, уже никак не связанных с советской российской психологической школой.

Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР) и в весьма ограниченном количестве, а в 1990-х годах уже более 300 вузов России ежегодно заканчивают более 5000 студентов-психологов. Профессиональное сообщество в 1990-е годы за короткий период выросло в численности в тысячи раз. Такой бурный количественный рост не мог не сопровождаться падением качества образования (в массе) и в массе же сменой ориентации от сложных фундаментальных теоретических построений отечественной науки к западным теориям, в доступной форме представленным в переводных учебниках и обращенным к запросам востребованной обществом психологической практики. Разнообразии форм и содержания подготовки психологов специально отмечается в монографии «Психологическая наука в России в XX столетии» ИП РАН как существенная характеристика постперестроечного периода в развитии психологии в России.

На фоне отхода растущего профессионального сообщества от российской научной традиции последняя в результате длительной изоляции за «железным занавесом» фактически выпала из поля зрения зарубежных коллег. Таким образом, современный процесс интегра-

ляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве» (Психологическая наука в России в XX столетии, 1997).

ции мировой науки для отечественной психологии оказался вызовом самому ее существованию в качестве самобытной школы.

Вхождение в контекст мировой науки для российской психологии осложняется особенностями протекания предшествующего периода, когда общая тенденция раскола и относительной изоляции психологических школ усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития страны, языковым барьером. Об этом пишет А. В. Петровский: «Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года «великого перелома»¹ эти связи стали очень быстро истончаться. «Железный занавес» опустился в середине 30-х гг., наглухо закрыв возможность включения трудов психологов, физиологов, социологов в контекст развития мировой науки <...>. Только со второй половины 80-х гг. оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки» (Петровский, 2000, с. 43–44).

Однако полноценная интеграция разработок российской школы советского периода не произошла и продолжает оставаться большой проблемой. Особое значение имеет языковой фактор. Не только в том отношении, что подавляющее большинство российских психологов говорят и пишут только по-русски, но и в том, что российская психология (прежде всего ее концептуальный аппарат) сформировалась на основе русского языка. Работы известных в мире ученых первой трети XX в. легко вошли в мировую науку, так как сами эти ученые владели иностранными языками и работали в общем контексте интернациональной науки. Впоследствии государственная политика в сфере образования лишила советских людей такой компетенции. Перевод послевоенных российских текстов на иностранные языки представляется большой проблемой и требует не только знания языков, но и герменевтики применительно к концептуальному аппарату. Работы советских классиков, в первую очередь я говорю здесь о работах 1960–1980-х годов — так называемого «золотого века» советской психологии, нельзя переводить, их нужно пересказывать в концептуальной системе интернациональной науки, чтобы они были там восприняты.

Таким образом, в сознании зарубежных коллег отечественная психология представлена в качестве понятия скорее географического: есть огромная Россия, там живут психологи, они чем-то за-

1 В 1929 г.

нимаются — малозначимым, судя по представленности результатов их трудов в зарубежных энциклопедиях. Там работали гениальные И. П. Павлов и Л. С. Выготский, теории которых интегрированы в мировую науку и живут там собственной жизнью. Еще там были такие ученые, как С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев и некоторые другие, имена которых зарубежные коллеги, специализирующиеся в истории психологии, могут назвать, но никто практически не может сказать, чем именно они занимались.

Отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях. Показательно, что в многотомной американской психологической энциклопедии (*Encyclopedia...*, 1994) развитие психологии личности в СССР после С. Л. Рубинштейна не только не освещается, но даже не упомянуто. В той же энциклопедии в специальной статье, посвященной опыту выращивания детенышей обезьян в человеческой семье, отсутствует упоминание о первом в мире эксперименте такого рода, выполненном Н. Н. Ладыгиной-Котс еще в 1913–1915 гг (Ладыгина-Котс, 1935). Статья начинается непосредственно с соответствующих американских исследований, проведенных на двадцать лет позже.

О недостаточной известности за рубежом отечественной школы говорит и такой факт. Накануне XXVII Всемирного психологического конгресса 2000 г. журнал «*European Psychologist*» (*ele-interviews*, 2000) провел опрос среди 30 крупнейших психологов Европы. Их просили назвать основные достижения психологической науки XX в., основные вехи в ее современной истории, те новые тенденции в развитии психологии, которые, по их мнению, будут определяющими в XXI в. В числе опрошенных был только один человек из России — А. В. Брушлинский, ответы которого на вопросы анкеты разительно отличались от остальных. А. В. Брушлинский, характеризуя психологическую науку XX в., говорил прежде всего об отечественной школе, ее теориях и концепциях. Остальные участники не располагали данными о месте и роли отечественной школы в развитии мировой науки. Упоминались часто лишь имена И. П. Павлова и Л. С. Выготского.

В глазах мирового научного сообщества отечественная школа, по всей видимости, — не более чем «позитивизм, обросший марксистской фразеологией» (Юревич, 2004, с. 12)¹. Как собственно на-

1 Отметим, что в числе наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии советского периода, В. А. Кольцова называет высокую теоретичность и отсутствие позитивистских тенденций (Кольцова, 2002).

учная школа она не воспринимается, ее не только нет, но и не было. Отсюда «миссионерское» отношение к нам сегодня западных коллег, представителей мирового мейнстима, стремление просветить и приобщить, но отнюдь не научиться у нас чему-либо.

Проблема образа отечественной психологии в мире – это не отвлеченная проблема адекватного или неадекватного понимания ее особенностей зарубежными коллегами, это проблема онтологическая, проблема бытия нашей психологии в формирующемся едином контексте мировой науки, проблема ее сущности и существования, ее настоящего и будущего – будущего в структуре мировой науки. И над этой проблемой нужно работать. Следует признать, что в настоящее время образ отечественной психологии в восприятии зарубежных коллег находится на стадии аморфного пятна.

В то же время актуальной тенденцией является и утрата самой отечественной психологией претензий на самобытность. А. В. Юревич пишет о том, что в условиях современности «отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т. д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» (там же, с. 13). Примером проявления подобного профессионального самознания является статья группы авторов (Balashova et al., 2004) о российской психологии в изданном в США значительным тиражом учебном издании «Интернациональная психология» (Handbook of International Psychology). В этой статье сказано: «После Октябрьской революции и гражданской войны, начиная с 1920-х годов, в силу социально-политических ориентаций коммунистической идеологии и диктата государственного управления развитие психологии как науки прервалось. На смену эмпирическим исследованиям и свободной научной дискуссии пришел политико-идеологический подход <...>. В силу этого, а также в результате политической и социальной изоляции Советского Союза во время „холодной войны“ развитие российской психологии было задержано, так что ее называют „прерванной наукой“» (там же, 2004, р. 294). Только в результате хрущевской оттепели, по мнению авторов статьи, началось возрождение психологической науки в России, которое – от указанного момента «возрождения» до времени перестройки – описывается в объеме 0,5 страницы и исключительно в терминах открытия факультетов психологии и организации общества психологов¹.

1 Следует заметить, что в качестве исходных, традиционных для российской психологии направлений в статье названы два: клиническая психология

Таким образом, в сознании отечественного профессионального общества существование отечественной психологии как самобытной школы тоже не является фактом.

Для молодых ученых причина этого заключается в том, что вся ситуация, в которой происходило их профессиональное становление, настраивала их прежде всего на активное усвоение опыта зарубежной психологии. Срастание отечественной науки с западной имеет односторонний характер. Отечественные ученые переводят, излагают, цитируют и включают в образовательные программы концепции западных авторов. Встречное же движение фактически отсутствует. Отечественный книжный рынок заполнен переводной зарубежной литературой, в том числе прекрасными современными учебными изданиями, которые все шире используются в учебном процессе в российских университетах как студентами, так и педагогами. В этих учебниках тот или иной раздел психологической науки представлен широко и разносторонне, описан понятным языком. К сожалению, в этих учебниках отечественные теория и методология не только не представлены, но обычно и не упомянуты. Соотнести их с содержанием зарубежных учебников – непростая задача, требующая хорошего владения зарубежной и отечественной теорией.

Ситуация усугубляется тем, что в отечественной науке преимущественно развиваются направления прагматической, прикладной ориентации. Переводятся и воспринимаются преимущественно теории из области прикладной психологии, причем тех ее областей, которые в силу отсутствия социального заказа и идеологических запретов в отечественной психологии советского периода развиты были недостаточно. Соответствующие зарубежные концепции воспринимаются некритично и не соотносятся с положениями отечественной теории и методологии.

Утрата целостности, общей теоретико-методологической основы, ослабление связей между направлениями и отраслями отечественной психологии проходят на фоне ослабления авторитета естественно-научного направления, приоритетного в советской психологии, и интереса к нему (Психологическая..., 1997).

В результате уже сложилась ситуация, зеркально повторяющая ту, которая имела место в период «нормального» развития советской

и экспериментальная. Духовно-нравственное направление, например, оказавшее существенное влияние на развитие экзистенциальной психологии в мире, вообще никак не упомянуто.

науки. Если раньше молодой специалист-психолог знал отечественную теорию и умел ее оперировать, а дополнительно имел некоторые представления о том, что есть еще какие-то иные теории за рубежом, то теперь молодой профессионал, особенно практик, может в доступной ему мере (в рамках того, чему можно научиться, развиваясь вне целостного контекста научной школы, по отдельным переводным изданиям), владеть аппаратом зарубежной науки, имея некоторые представления о том, что были (или есть?) и какие-то отечественные школы.

У наших ученых старшего поколения существует определенное внутреннее сопротивление тому, чтобы воспринимать отечественную психологию как школу. Долгое время мы не воспринимали себя как школу, потому что считали себя чем-то большим, чем школа — психологической наукой как таковой, внутри которой существуют школы: школа Леонтьева, Ананьева, Мерлина и др. В определенной мере это общая тенденция, присущая развитию всех школ в период затухания кризиса психологии. Однако в отечественной психологии эта тенденция проявилась с особой силой по причине парадигмального статуса нашей науки в советский период. Признание наличия парадигмы в советской психологии само по себе вызывает сильное сопротивление у существенной части старшего поколения отечественных психологов, привычно фиксирующих внимание на различиях между «внутренними» школами нашей науки и не желающих за деревьями увидеть лес. Однако можно считать убедительно доказанным исследованиями ученых ИП РАН (Психологическая..., 1997), что в результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но, наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве.

Думать, что российская наука — вся психологическая наука, больше уже невозможно. Тем не менее «геоцентризм», идущий из эпохи парадигмального развития отечественной школы, препятствует ей сегодня в осознании себя как одной из великих школ психологии,

уникальной, но не единственной по своим подходам и разработкам. Между тем выявление самобытности отечественной школы, ее своеобразия и полемического потенциала по отношению к положениям других школ необходимо для того, чтобы разработанные в советский период теория и методология заняли достойное место в формирующемся контексте мировой психологической науки.

Отечественное профессиональное сообщество и каждый из его членов в отдельности стоят сегодня перед необходимостью выбора одного из трех возможных путей развития:

- Согласиться с тем, что ничего существенного, сопоставимого по значимости с достижениями зарубежной психологии советской наукой сделано не было, принять роль представителей «развивающейся» провинции мировой науки. При этом теоретико-методологическое наследие российской психологии советского периода с неизбежностью ждет судьба артефактов умершей цивилизации.
- Признавая достижения отечественных авторов, приняв роль «наследников» советской психологии, перетолковать и переименовать это «наследство» по образу и подобию западной науки, акцентируя сходства и параллели, адаптировать отечественные психологические теории к западным, придать при этом последним статус обобщающих научных систем. В отношении таких достаточно распространенных сегодня попыток актуально звучат слова Л. С. Выготского: «При таких попытках приходится просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в <...> сводимые воедино системы» (Выготский, 1982а, с. 330).
- Обозначить самобытность отечественной психологической школы, акцентировать ее полемический потенциал по отношению к другим школам. Включиться в мировой процесс, не потеряв собственного лица, как самостоятельное направление, которое в принципе не может быть сведено ни к одной из принятых за рубежом теорий.

Третий путь – самый сложный, но только он обеспечит для отечественной науки возможность стать полноценной частью единой мировой психологической науки, которая формируется на наших глазах, ибо «цельность в науке – это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» (Василюк, 2003, с. 3).

Основополагающим моментом и первым шагом в этом плане представляется самоопределение отечественной психологии в контексте мировой психологической науки, которое должно стать основой интеграции отечественной теории и методологии в мировую науку.

Является ли отечественная психология советского периода самобытной школой? Представляется, что есть основания считать ее одной из значительных школ XX в., школой, которая обладает уникальной, изощренной теорией и методологией и существенным опытом экспериментирования и эмпирических доказательств.

Задавшись целью показать самобытность отечественной школы в контексте различных направлений мировой психологической науки, в поисках общих оснований для соотнесения теорий целесообразно обратиться к биосоциальной проблематике, так как именно эта проблематика стала центральной для исследований человека и для практической психологии в XX в. Ускорение исторического процесса в XX в. привело к быстрым и радикальным изменениям в культуре. Биосоциальная проблема, традиционно понимаемая как соотношение в человеке вечного (биологического) и изменяющегося с течением поколений (социального), обрела новое осмысление — соотношение сравнительно устойчивой человеческой психики с изменчивым социумом — и новую актуальность. Каждый период в развитии науки имеет своего рода «визитную карточку» — основную проблему, вокруг которой концентрируются усилия ученых; в поисках решения этой проблемы достигаются максимальные научные достижения своего времени. «Нервом» психологических исследований и теорий всего периода существования «академической» психологии с последних десятилетий XIX в., когда началось развитие психологии как самостоятельной науки, является проблема биосоциальная (Мироненко, 2005, 2015; Мироненко, Журавлев, 2019). Таким образом, представления о биологическом и социальном в детерминации человеческой психики, развиваемые различными школами, можно использовать в качестве базиса для сопоставления этих школ.

Под биосоциальной теорией понимается система обобщенных положений о роли биологического и социального в детерминации человеческой психики. Эта система знаний объединяет различные теоретические направления и отрасли отечественной психологической науки XX в. Она обеспечивает общий теоретико-методологический контекст, в котором эти направления и отрасли могли обмениваться информацией и вступать в конструктивные дискуссии.

Отечественную психологическую науку отличает уникальная, исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей

России, обусловленная достижениями российской физиологической науки рубежа XIX–XX вв. традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, рассмотрения социализации как запрета природного и естественного поведения, подход к культуре как к силе, выводящей человека за пределы власти законов природы. Традиция подлинно диалектического подхода к проблеме развития человека, построенного на понимании развития как разрешения внутренних противоречий, заложенных в самой природе человека, а не являющихся результатом каких-либо дефектов социального окружения.

Представляет ли интерес отечественная теория в контексте актуальных проблем развития мировой психологии?

Можно утверждать, что исследования в русле отечественной биосоциальной теории не повторяют выводы ведущих зарубежных школ и не противоречат им, но заполняют существенно иное предметное пространство. Это предметное пространство ранее на западе практически не исследовалось, а сегодня является областью интенсивных разработок и бурного роста теорий в силу их востребованности и актуальности.

Отечественная теория несомненно самобытна и в большой степени обладает потенциалом интеллектуального вызова оппонентам, потенциалом для полемики. *Почему смелость, радикальность и острая полемичность отечественной теории нуждаются в доказательствах, не являются очевидными?*

А. В. Петровский называет способ существования отечественной психологии при советской власти тактикой выживания (Петровский, 2000). Возможно, как один из аспектов этой тактики следует рассматривать ту своеобразную маскировку «острых углов», затушевывание полемического потенциала работ, которые закрепились в нашей науке в советский период. «Позитивизм, обросший марксистской фразеологией» (Юревич, 2004, с. 12), действительно составлял внешнюю поверхность советской психологии. Внимание цензоров, привлеченное яркими, полемически заостренными положениями, оборачивалось запретом, если не уничтожением, по всей видимости, «на всякий случай», чтобы не пропустить что-нибудь опасное. Вспомним судьбу Л. С. Выготского, В. А. Вагнера, Б. Ф. Поршнева. Эти ученые не грешили против официальной идеологии марксизма, напротив, они были даже слишком последовательными марксистами в использовании диалектического метода, в своем подходе к человеческой психике как к явлению изначально внутренне противоречивому, развитие которого потому и происходит с неизбежностью, что основано на вну-

треннем противоречии. Они не были репрессированы, но их труды фактически не публиковались прижизненно, игнорировались официальной наукой, уже набранными исчезали в типографиях.

А. В. Юревич пишет об утрате современной отечественной социогуманитарной наукой, в первую очередь психологией, претензий на «самобытность», о том, что отечественные ученые «как „интеллектуальные посредники“ <...> играют очень важную и вполне творческую роль, однако свое традиционное предназначение в качестве производителей нового знания они начинают утрачивать.

И это – возможно, главный результат «адаптации» отечественной социогуманитарной науки к тому социальному контексту, который сложился в современной России» (Юревич, 2004, с. 13; курсив мой. – И. М.).

Школа в науке – явление временное. Вероятно, наступает естественный конец той школы, которая сложилась в СССР. В то же время есть основания думать, что возможно возрождение этой школы в новом облике, соответствующем реалиям современности, в чем-то радикально отличной от советского периода, но что-то главное в традиционной парадигме развивающей. Конечно, не следует рассчитывать, что все, получившие диплом психолога в современной России, сплотятся в единое монометодологическое течение, как это было в советский период. Пусть каждый примкнет к той школе, которая ему ближе. Однако есть основания полагать, что и школа, сложившаяся в России, не исчерпала своего потенциала.

В эпоху глобализации с неизбежностью происходит формирование глобальной науки, что предполагает как формирование новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности – научного сообщества. Глобальная психология формируется как многополюсное сетевое образование, включающее весьма различные центры, не как некое новое единое теоретическое течение, но, скорее, как реакция бифуркации, как дивергентное развитие новых и переосмысливаемых старых психологических теорий в попытках дать объяснение новым эмпирическим реалиям, порождаемым эрой глобализации. Дискурс глобальной психологии направлен на становление дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, отразить психологию человека, живущего в современном мире, что невозможно без полноценного участия «локальных» школ, развивающихся на основе национальных культур, вне западно-центрического мейнстрима.

Представляется, что выбора «вступать или не вступать» в формирующуюся глобальную мировую науку у российских психоло-

Глава 2

гов сегодня нет. Но есть еще выбор: войти туда как представители «развивающейся провинции» или как наследники великой школы.

Положение российской психологии в контексте проблемы формирования глобальной науки можно назвать уникальным. С одной стороны, оно радикальным образом отличается от школ, которые в составе мировой науки в сложившейся западноцентрической традиции раньше просто не существовали и которые в русле мейнстрима относятся к «развивающимся» (новые африканские, азиатские школы с их индигенными теориями). Российская школа всегда была частью мировой науки в западноцентрической традиции, описывающей процесс развития психологии начиная с древних греков. В России имеется собственная научная школа, сформировавшаяся в конце XIX—начале XX в., в период, когда формировался основной массив научных школ Европы и Америки, составивших лицо психологической науки XX в. Эта школа внесла существенный вклад в становление мировой психологической науки, и в дальнейшем оказывала и продолжает оказывать заметное влияние на западные школы. Не следует забывать и то, что относительная изоляция российской советской психологии с 1930-х годов носила своеобразный односторонний характер. Советские ученые в достаточной степени имели возможность непосредственно или посредством обзорных работ знакомиться с основными вехами в развитии западной науки. Во всяком случае можно утверждать, что российские ученые знали о западной науке существенно больше, чем западные ученые о российской. С другой стороны, российская психология не является частью современного западноцентрического мейнстрима. Ее односторонняя изоляция на протяжении большей части XX в. привела к тому, что разработанные здесь во второй половине XX в. теории и методология остаются недостаточно известными за пределами России.

В сети глобальной науки российская психология может занять достойное место, обладая серьезным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей многомиллионного народа. В то же время российская психология может и должна сохранить свою особость, специфичность, потому что именно своей уникальностью она может быть интересна и полезна, а значит — востребована. Но это не осуществится само собой. Никто, кроме российских психологов, российские теории в мировую науку не впишет. Движение в этом направлении требует целенаправленной работы и усилий.

Глава 3

Российская психология в постсоветский период

Социальная ниша и социальные процессы в российской психологии в конце XX в.

Изменения в социально-политической жизни России в конце XX в. привели к кардинальным преобразованиям в психологической науке. В развитии психологии в постсоветской России явно выделяются два периода, которые различаются по ведущим тенденциям. Первый период – с конца 1980-х годов до конца века – можно обозначить как постсоветский.

В конце 1980-х годов идеологическое давление и контроль в науке, характерные для советского периода, существенно ослабли. Появились возможности для изложения и отстаивания точек зрения, оппозиционных традиционным для советского периода взглядам. Как отмечается в изданной ИП РАН монографии «Психологическая наука в России XX столетия» (1997), с начала 1990-х годов развернулся процесс пересмотра и критики исходных методологических и теоретических принципов. Прошли «круглые столы», посвященные обсуждению вопросов значения марксизма в психологии, возможностям гуманистической парадигмы и ограничениям естественно-научной ориентации в изучении человека. Был опубликован ряд проблемных статей на тему о нетрадиционных и новаторских подходах в изучении психики.

Возможность подобной дискуссии после десятилетий, когда данная тема считалась запретной, безусловно, явилась значительным достижением и источником развития современной психологии в России. Однако в развитии постсоветской психологии закономерно сочетались как позитивные, так и негативные тенденции.

Характеризуя в целом состояние психологии в России этого периода, авторы монографии «Психологическая наука в России XX столетия» обозначают его как переходный период от устойчивой, унифици-

цированной и моноструктурированной системы к новой, наиболее существенные особенности которой прогнозировались следующим образом (там же):

- научно-практическая и прикладная ориентированность психологических исследований;
- плюралистичность в выборе исходных теоретико-методологических оснований;
- многообразие форм профессиональной подготовки психологов и применения их знаний и умений;
- узкая специализация психологов;
- достаточно жесткая детерминация тематики психологических исследований со стороны запросов общества;
- прагматизация взглядов психологов относительно своего будущего в психологическом сообществе.

Далее в цитируемой монографии отмечено возрастание в российской психологии удельного веса элементов и компонентов западно-европейской и американской моделей.

Важной тенденцией постсоветской психологии в России является принципиальное изменение приоритетности фундаментальных и прикладных разработок в пользу последних (там же). В советской психологии авторитетность фундаментальных разработок была очень высока. Ученые, работавшие в этой области, пользовались поддержкой государственных структур, что обеспечивало им высокий статус и достойную оплату труда. Интересно, что Ж. Пиаже, вспоминая о своем визите к советским коллегам в конце 1950-х годов, отмечает высокий социальный статус ученых в СССР, огромное уважение, которым они пользуются в обществе (Piaget, 1996). Это создавало возможности притока в фундаментальную науку лучших сил, способных людей.

С разрушением системы государственного финансирования фундаментальных исследований и появлением альтернативных государственным источников субсидирования прикладных разработок ситуация резко изменилась. Большинство ученых вынуждены были переориентироваться на работу в области практической психологии. Более того, отмечается (Психологическая наука, 1997), что статус теоретической работы в среде молодых психологов стал достаточно низким. То, что было сильной стороной отечественной школы — наличие мощных теоретических концепций и профессиональных специалистов в области теории и методологии, — оказалось в значительной мере невостребованным.

Адекватное понимание процессов в российской психологии последних десятилетий XX в. невозможно без анализа места и роли психологической науки в российском обществе и порождаемых ситуацией взаимодействия с обществом проблем в развитии науки. Такой анализ представлен в статье А. В. Юревича «Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту» (Юревич, 2004). Данная статья позволяет прийти к следующим выводам.

1. В обществе имелся выраженный и хорошо обеспеченный финансами социальный заказ на проблематику, относящуюся к предметной области психологической науки – к определенной части гуманитарного раздела этой области:
 - обслуживание мира политики: улучшение политических имиджей, подготовка и проведение избирательных кампаний, зондирование и «зомбирование» общественного мнения;
 - в области бизнеса создание наиболее выгодных для продавца условий его взаимодействия с покупателем, оптимизация внутренних механизмов деятельности коммерческих структур, а также оправдание характера современного российского бизнеса и рекомендация его обществу как единственно возможного.
2. Данный спрос породил подъем в развитии социогуманитарных наук, своего рода «бум».
3. Результатами подъема, оживления на рынке, явились:
 - приток в указанную предметную область новых сил, как профессионально подготовленных, так и дилетантов;
 - бум в области гуманитарного образования, сопровождающийся снижением его стандартов и вариативностью форм;
 - усиление и ужесточение борьбы за рынок, развитие разнообразных форм борьбы – от «войн экспертов» до войн теорий.

Кроме того, обширное поле работы с защитными механизмами фрустрированного населения, что также дополняет потребительский «бум» на рынке практической психологии (см.: Андреева, 2000).

В борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области психологии, сегодня активно включились вне- и околонаучные формы познания – поп- и парапсихология, широко и незаконно использующие брэнд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они и сегодня успешно конкурируют с научной психологией (Юревич, 2005в). Происходил целенаправ-

ленный и активный процесс размывания границ социального института психологической науки, как извне (людьми, не имеющими профессионального статуса психолога), так и изнутри (сертифицированными специалистами).

В лаборатории истории психологии ИП РАН под руководством В. А. Кольцовой было проведено исследование направлений и тенденций развития российской психологии в 1980–1990-е годы (Кольцова, 2002). Объектом был избран массив книжных публикаций по психологии, изданных в 1980–1995 гг. Для выявления тенденций развития психологии в указанный период использовалось распределение публикаций по отраслям и направлениям психологии и внутри направлений – по проблемам. Полученные данные позволили обнаружить ряд интересных тенденций, отражающих особенности развития отечественной психологии в последние два десятилетия.

Во-первых, выявлен неуклонный рост количества публикуемых книг по психологии, что свидетельствует о растущей значимости психологического знания в жизни общества, а также о расширении внутренних ресурсов самой психологической науки.

Во-вторых, прослежены связи роста количественных показателей развития науки с социально-историческими факторами, в первую очередь политическими и экономическими, что отражается в пиках подъемов и спадов в количестве публикаций: подъем приходится на 1990 г., спад – на 1992 г.

В-третьих, отмечается несоответствие количества публикаций и рассматриваемых в них проблем за счет таких работ, в которых охватывается сразу несколько проблем, что свидетельствует о расширении междисциплинарных связей. Согласно данным науковедения, это и есть так называемые точки роста в развитии науки.

При изучении распределения публикаций по отраслям и направлениям психологии выделились 4 направления-фаворита, объем публикаций по которым составил от 200 до 503 печатных единиц:

- 1) общая психология (503),
- 2) социальная психология (387),
- 3) психология личности (230),
- 4) парапсихология (203).

Далее по убывающей следуют такие направления:

- 5) история психологии (171),
- 6) научно-популярная литература (145),
- 7) практическая психология (141),

- 8) возрастная психология (114),
- 9) психология труда (95),
- 10) психодиагностика (89),
- 11) педагогическая психология (75),
- 12) психология управления (63),
- 13) психология творчества (61).

Наименее представлены в книжных изданиях анализируемого периода направления, объем публикаций по которым не превысил 5 печатных единиц:

- сравнительная психология (1).
- нейропсихология (3),
- эволюционная психология (3),
- психометрия (4).

Бесспорное лидерство по количеству научных публикаций принадлежит общей психологии как системному основанию психологической науки. По мнению авторов цитируемого исследования, большое количество научных публикаций в этой области свидетельствует о сохранении традиционно высокого уровня теоретичности отечественной науки. Отметим, однако, что рост количества публикаций книг по общей психологии начиная с 1994 г. отчасти может являться и следствием роста популярности психологического образования, который повлек за собой повышение спроса на учебные издания, относимые к данному разделу рубрикатора. Представляется, что подсчет с разделением на отдельные категории учебных и научных изданий мог бы существенно дополнить и изменить картину в отношении общей психологии.

Интенсивный рост социальной психологии связан, по мнению авторов исследования, с усилением научно-практической и прикладной ориентированности психологических исследований, а также с усложнением процессов социальной адаптации человека в условиях изменяющегося общества.

Приоритетная позиция психологии личности ярко отражает тенденцию к гуманизации психологии. В динамике развития психологии личности наблюдается плавное увеличение количества публикаций с 1986 по 1989 гг., а к 1995 число публикаций вырастает почти в два раза по сравнению с началом 1990-х.

Обращает на себя внимание высокая представленность в массе публикаций по парапсихологии, динамика их роста. Начавшись практически с нулевого уровня в 1980–1982 гг., это направление по-

степенно наращивает темпы публикаций, а с 1992 г. их рост становится стремительным. Авторы цитируемого исследования высказывают мнение, что данный факт свидетельствует прежде всего о «феномене конца века» и нестабильности общества, когда на фоне утраты духовных основ растет тревога за будущее и начинается поиск новых «мессий» и смыслов жизни. Также данный факт рассматривается «как показатель начавшегося методологического кризиса науки, размывания ее границ, утраты строгих критериев научности» (там же, с. 16).

Уверенная позиция истории психологии объясняется тем, что в переломные моменты истории особенно сильно проявляется тенденция к осмыслению происходящего и к рефлексии над прошлым. В кризисные периоды обостряется интерес к истории, стремление найти в ней точки опоры для дальнейшего движения. Как отмечает Н. А. Бердяев, само понятие «историческое» выступает как функция переломного, кризисного времени.

В возрастной и педагогической психологии «пик» роста публикаций совпадает и приходится на 1987 г., что является отражением общей тенденции к гуманизации общества и начинающейся перестройки образования. В дальнейшем динамика развития этих двух областей расходится. Интерес к возрастной психологии остается стабильным, число же публикаций по педагогической психологии в 1990-е годы идет на спад.

Существенно снизился по сравнению с доперестроечным периодом интерес к психологии труда, инженерной психологии и психологии управления.

Отмечено появление нового направления — христианской психологии, контуры которой все больше обозначаются к середине 1990-х годов. Ее развитие обусловлено национальной культурой и потребностью людей в осмыслении духовных основ жизни.

Наряду с анализом дисциплинарной структуры психологии в данном исследовании проводилось также описание структуры и динамики проблемного поля психологии. Изучение проблемных зон внутри направлений с помощью метода подсчета количества публикаций и кластерного анализа позволило выделить 20 проблем, поставленных наиболее остро и привлекающих наибольшее внимание в отечественной психологии анализируемого периода.

Приводим перечень проблем, проранжированных в соответствии с количественной представленностью публикаций: психология общения (86); психологическое наследие ученых (65); психология личности (общие вопросы) (59); психология мышления и интеллекта (56);

психология эмоций и чувств (49); история развития направлений в психологии (47); психотерапия (46); социальная психология (общие вопросы) (43); психология памяти (42); психологическое тестирование (41); психология сенсорно-перцептивных процессов (38); методы исследования в психологии личности (36); психология деятельности (29); психологический практикум (27); психология влияния (24); психология творчества (22); возрастная психология (19); психология сознания и самосознания личности (18); психология подросткового возраста (17); психология макросоциальных процессов (16).

Авторы цитируемого исследования отмечают появление новых проблем, ранее не отмеченных особым вниманием психологов: психологии духовности, акмеологии, суицидологии, психологии наркозависимости, психологии безопасности жизнедеятельности, психологии социальной работы, психологии создания информационных систем, психологии бизнеса, рекламы, имиджа и т. п.

Характеризуя в целом общее состояние психологии в России на рубеже 1980–1990-х годов, В. А. Кольцова описывает его как переход от устойчивой, унифицированной и моноструктурной системы к новой системе, построенной на иных основаниях. Контуры ее уже можно было прогнозировать с определенной степенью вероятности:

- возрастание научно-практической и прикладной ориентированности психологических исследований; усиление связи с практикой и ее ориентирующей роли в развитии научно-исследовательской деятельности, что обуславливает интенсивное развитие таких отраслей и проблем, как практическая психология, психодиагностика, психотерапия, прикладные отрасли социальной психологии;
- расширение проблемного поля исследований;
- усиление тенденций к внутринаучной рефлексии и активное освоение опыта зарубежной психологии;
- увеличение числа междисциплинарных комплексных исследований;
- лидирующее положение такой фундаментальной отрасли, как общая психология, что свидетельствует о сохранении тенденции к фундаментальности научных разработок и системному строению психологии и может рассматриваться как результат влияния традиций отечественной науки и внутренней логики ее развития;
- появление и развитие социально-детерминированного блока отраслей – психологии рекламы, бизнеса, имиджа, безопасности

- жизнедеятельности, а также психологии духовности, акмеологии, суицидологии, психологии наркозависимости и др.;
- размывание границ классической научной психологии и проникновение в нее околонуточных (парапсихология) и венаучных (религия, искусство) идей;
 - неравномерный, гетерохронный характер развития отраслей и проблем психологической науки, проявляющийся в неравномерности их подъемов и спадов.

Обнаружены различия в интенсивности и динамике развития дисциплинарно-проблемного строения психологии в советский и постсоветский периоды, что проявляется в резком увеличении количества публикаций по психологии и серьезном изменении проблемного поля исследований. Отход от старой идеологии привел к необратимым изменениям в содержании и структуре научного знания, что еще раз подтвердило: наука является социально детерминированным явлением.

Обращаясь к проблеме интеграции отечественной психологии в общемировой контекст, в свете вышеизложенного можно сформулировать некоторые положения.

Не вызывает сомнения тот факт, что в постсоветский период сразу же сложилась ориентация российской психологии на активное усвоение опыта зарубежной науки. И сегодня срастание отечественной науки с западной продолжается и набирает силу. Однако обозначившиеся в его ходе тенденции внушают определенные опасения: интеграция происходит несимметрично и неравноправно.

Во-первых, процесс принятия и включения в свой контекст чужеродных элементов имеет односторонний характер. Отечественные ученые переводят, излагают, цитируют и включают в образовательные программы концепции западных авторов. Встречное же движение фактически отсутствует, отечественная наука начиная с середины XX в. остается недостаточно известной мировому научному сообществу и не вызывает интереса. Укрепляется отношение к российским ученым как к представителям развивающейся страны, которые следуют по пути, проложенному западными коллегами.

Во-вторых, в силу того что в отечественной науке в постсоветский период преимущественно развиваются направления прагматической, прикладной ориентации, переводятся и воспринимаются преимущественно теории из области прикладной же психологии, причем тех ее разделов, которые в силу отсутствия социального заказа и идеологических запретов в отечественной психологии советского периода развиты были недостаточно, соответствующие концеп-

ции воспринимаются некритично и не соотносятся с положениями отечественной теории и методологии. Можно утверждать, что в отечественной науке конца XX в. нарушены связи, когда-то крепкие, между ее отраслями и фундаментальной теорией. Отечественная теория и методология уже не составляют основу развития отраслей.

Таким образом, отечественная фундаментальная наука оказывается отрезанной от таких источников поддержания жизни, как госзаказ и возможности прикладного использования.

Утрата целостности, общей теоретико-методологической основы, ослабление связей между направлениями и отраслями отечественной психологии проходит на фоне ослабления авторитета естественно-научного направления и интереса к нему (о чем можно судить по цитированным выше данным о публикациях). Минимум публикаций приходится, по данным исследования Кольцовой, на сравнительную психологию — одно из самых ярких, самобытных, теоретически сильных и традиционных направлений отечественной науки. Показательно, что в многотомной американской психологической энциклопедии (Encyclopedia..., 1994) в специальной статье, посвященной опытам выращивания детенышей обезьян в человеческой семье, подобно ребенку, отсутствует упоминание о первом в мире исследовании такого рода, выполненном Н. Н. Ладыгиной-Котс (1935).

В последние годы XX в. ситуация несколько изменилась: вышел из печати ряд книг по зоопсихологии, прежде всего учебников и учебных пособий. Однако обращает на себя внимание тот факт, что авторами в большинстве случаев являются не психологи, а биологи, и книги эти во многом входят в противоречие с основополагающими положениями отечественной школы сравнительной психологии. Да и в большинстве вузов сегодня сравнительную психологию преподают будущим психологам биологи.

Так, в широко распространенных учебниках, написанных биологами (Зорина, Полетаева, 2000, 2001), трактовка соотношения инстинктивного и прижизненно приобретенного поведения, соотношения психики человека и психики животного оказывается ближе к американскому бихевиоризму, чем к положениям, выработанным отечественной школой сравнительной психологии и представленным в трудах В. А. Вагнера, Н. Н. Ладыгиной-Котс, А. Н. Леонтьева, Н. А. Тих, П. Я. Гальперина. Естественно, что положения, выработанные основоположниками школы, могут и должны подвергаться критике и пересматриваться последователями. Однако при сохранении преимущества в развитии школы отказ от установившихся в ней положений должен становиться предметом обсуждения, быть аргу-

ментированным. В данном же случае речь идет о равнодушном игнорировании авторами отечественных психологических концепций.

Таким образом, ослабление интереса отечественных психологов к зоологии, биологии, физиологии и другим естественным наукам приводит к тому, что пограничные области занимают «соседи», уже со своей методологией, и между этими областями и фундаментальной теорией также образуется разрыв. В то же время отечественная теория, в том числе и прежде всего теория биосоциального единства человека, при условии необходимой герменевтики представляется остроактуальной в контексте тенденций развития мировой психологической науки, в которой, как можно судить по материалам последних всемирных и европейских конгрессов, безусловно, преобладают тенденции естественно-научной ориентации, предметно близкие отечественной школе советского периода.

Н. Н. Ладыгина-Котс и другие российские психологи своими трудами еще в начале XX в. заложили фундамент нового раздела психологической науки – эволюционной психологии. Следует отметить, что их подход радикально отличается от того направления эволюционной психологии, которое бурно развивается в современной мировой науке. Эволюционная психология как новейшее научное направление в западной науке (Cartwright, 2000; Dawkins, 1976) возникла в русле развития социобиологии (Wilson, 1975). Исследования современных эволюционных психологов являются областью бурного и плодотворного развития в мировой психологии, здесь уже появились яркие теории, такие как модульная теория мышления (Tooby, Cosmides, 1990, 1992), меметика (Dawkins, 1976); проведены парадоксальные и часто шокирующие эмпирические исследования (Cartwright, 2000; Daly, Wilson, 1988).

Заслуживает внимания то, что в работах российских психологов данное предметное поле начало разрабатываться существенно раньше, чем на Западе и с существенно иных, по сути альтернативных, теоретико-методологических позиций. Представляется, что это различие подходов делает работы отечественных специалистов по сравнительной психологии особенно актуальными в контексте современного развития мировой науки, свидетельством чему является переиздание Оксфордским университетом в 2002 г. самого известного труда Н. Н. Ладыгиной-Котс, «Дитя шимпанзе и дитя человека...» (Ladygina-Kohts, 2002).

Представляется, что и то сближение науки с околонучными (парапсихология) и вненаучными (искусство, религия) подходами, которое наблюдается в отечественной психологии постсоветского пе-

риода, идет в разрез с тенденциями, преобладающими в мировой фундаментальной науке, и не способствует полноценной интеграции отечественной школы в единый мировой контекст.

Также представляются негативными с точки зрения полноценной интеграции плюрализм в формах психологического образования и узкая специализированная подготовка психологов, которые отмечены выше как тенденции развития отечественной школы того периода. В конце XX в. процесс объединения Европы вызвал к жизни ряд проектов разработки единых стандартов профессий. Среди них так называемый проект Europsych, направленный на создание единого диплома о психологическом образовании, действительно во всех европейских странах. Цель утверждения единого диплома – обеспечение возможности работать в любой европейской стране и создание общеевропейской единой правовой базы, регулирующей профессиональную деятельность в сфере психологии, с целью обеспечения гарантий высокого уровня соответствующих профессиональных услуг для населения европейских стран.

Обязательным условием достижения этих целей является формирование единого стандарта знаний, которыми должен обладать специалист, получающий диплом о высшем образовании. Выработка такого стандарта предполагает соотнесение в едином контексте подходов, развиваемых весьма многочисленными и разнообразными научными школами, существующими в современной психологической науке. Это непростая задача, над решением которой работают и Европейский союз психологов, и Европейская федерация профессиональных психологических ассоциаций (Lunt, 2000; Newstead, Makkinen, 1997). Требования европейских психологов к стандарту образования очень высоки.

Снижение требований к психологическому образованию в постсоветской России, стремительное расширение этого образования, недостаточно подкрепленное методически, которое имело место в рассматриваемый период и отчасти продолжается и сегодня, являются факторами, препятствующими полноценной интеграции отечественной психологии в мировую науку.

Представляется уместным вспомнить и трагический опыт отечественной школы – разгром педологии, существенную роль в котором сыграло и то, что педология была скомпрометирована в глазах общества деятельностью недостаточно профессионально подготовленных специалистов, наскоро переученных представителей других профессий, которыми спешно заполняли места в открываемых повсюду педологических лабораториях (Психологическая наука, 1997).

Фундаментальная психология в России в 1980–1990-е годы

В рассматриваемый период продолжалось, несмотря на трудности, развитие фундаментальной психологии в крупных научных центрах, сохранивших традиции и квалифицированные кадры.

Существенной тенденцией в психологии в 1980–1990-е годы стало усиление так называемого гуманистического подхода, в определенном отношении альтернативного социалистической идеологии. Для советской идеологии было характерно не только создание стандартной модели личности «советского человека» и провозглашение утопического тезиса о гармоничной всесторонне развитой личности, но и традиция подхода к человеку (в том числе и к самому себе) как к средству достижения стоящих перед обществом целей, утверждение принципа «советский человек может все»¹. Гуманистический подход к человеку в психологии выразился, прежде всего, в нарастающем внимании к личностно-психологическим затратам человеческой деятельности, ценой которых достигается тот или иной результат. В русле этой тенденции нарастает внимание к проблемам здоровья и болезни, к проблемам психического здоровья личности. Начинается бурное развитие психотерапии, консультирования, психодиагностики.

Важной особенностью развития психологии личности в 1980–1990-е годы является обращение к исследованию реальной личности и создание таких моделей, в которых воплощаются особенности личности данного общества в данный период времени. Эта тенденция не является новой для отечественной школы, она была максимально выражена в психологии 1920-х годов. В силу этой тенденции исследования приобретают все более конкретный характер.

Большинство фундаментальных научных разработок в этот период, несмотря на упразднение в отечественной психологии тех идеологических барьеров, которые сдерживали свободное творческое развитие психологов, по-прежнему опирается на принципы, обоснованные в рамках советской психологии. В 1980–1990-е годы исследования в области психологии личности представлены несколькими направлениями (Психологическая наука, 1997).

Во-первых, предпринимаются попытки рассмотреть личность как целое — как систему, включенную в общественные отношения,

1 Такое отношение имеет глубокие корни в отечественной культуре, например, Л. Н. Толстой в дневниках настойчиво повторяет мысль о необходимости относиться к себе как к оружию улучшения мира, заботиться о себе лишь постольку, поскольку это необходимо для поддержания себя как оружия.

общение (Б. Ф. Ломов, А. А. Бодалев и др.), как развивающуюся систему (Л. И. Анцыферова), как систему, включенную в отношения коллектива (концепция деятельностного опосредования межличностных отношений А. В. Петровского и личностных «вкладов» в другого человека В. А. Петровского).

Второе направление — изучение отдельных личностных образований: способностей, эмоций, мотивов, воли, сознания, самосознания, потребностей. Учениками и продолжателями Рубинштейна разрабатывается концепция зонного (с учетом актуального и потенциального характера) строения системы мотивации (Асеев, 1976, 1990, 1993). В ряде работ раскрываются механизмы духовных, эстетических, нравственных потребностей (Л. И. Анцыферова, Г. С. Тарасов, И. А. Джидарьян) и дискутируется вопрос о самой природе потребностей (П. В. Симонов и др.). В русле деятельностного подхода осуществляются исследования таких высших личностных образований, как сознание (Петренко, 1983; Зинченко, Моргунов, 1994; и др.). Разрабатывается теория самосознания (В. В. Столин, И. И. Чеснокова). Проводится теоретический анализ эмоций (В. К. Вилюнас), соотношения эмоций и чувств (Б. Д. Додонов), предлагаются теоретическая типология переживаний (Ф. Е. Василюк) и эмпирическая типология эмоций (А. Е. Ольшанникова).

В 1980–1990-е годы продолжается теоретическая и эмпирическая разработка одной из труднейших проблем — соотношения личности, субъекта, индивида (как природного уровня организации) и индивидуальности. Сложность проблемы, во-первых, заключается в том, что понятие индивида употребляется в нескольких значениях без их четкой дифференциации. В первом (близком психологии) социально-философском контексте (прежде всего у Маркса) оно обозначает общественного индивида, употребляется для раскрытия социальной сущности личности как совокупности общественных отношений (последнее становится наиболее общепринятым определением личности). Однако понятие индивида в этом смысле не раскрывает сущности личности, так как одновременно понятием «индивид» в философии обозначается любое единичное явление, особь. В самой же психологии все более и более понятие индивида используется для обозначения именно биологической, а не социальной природы человека. Отмечается (Психологическая наука, 1997), что возникает явное противоречие двух значений понятия «индивид» — биологического и социального.

Сложность имеется и в соотношении понятий «индивид», «индивидуальность», «личность». Когда сущность последней связыва-

ется преимущественно с социальными детерминантами, то индивидуальный уровень исключается из ее определения и одновременно из него исчезает особенное, индивидуальное, тем более индивидуальность. Если же индивидуальный уровень включен в определение личности, то требуются уточнение и разведение понятия «индивидуальные различия», которое относится преимущественно к сфере дифференциальной психофизиологии, и понятия «индивидуальность» как определения качества личности, относящегося к области психологии личности.

1980-е годы становятся периодом ренессанса концепции субъекта, которая была разработана С.Л. Рубинштейном и Д. Н. Узнадзе еще в 1920-е годы, позднее конкретизирована Б. Г. Ананьевым, а начиная с 1970-х, с момента выхода в свет книги С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» (1973), стала широко распространяться и была конкретизирована и развита его учениками – К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинским. Она стала основным научным направлением исследовательской работы Института психологии РАН, по крайней мере, на два десятилетия (Брушлинский, 1994).

Субъектный подход предполагает рассмотрение личности как единой, целостной и обладающей произвольной активностью, открытой системы, вплетенной в ткань бытия, динамически изменяющейся и непрерывно изменяющей среду своего обитания в процессе своего становления. Ведущий свое начало от работ С.Л. Рубинштейна и развитый в трудах К. А. Абульхановой, Л. И. Анцыферовой, А. В. Брушлинского и других исследователей, субъектный подход сегодня представляется особенно актуальным в свете современных тенденций ускорения изменений мира, в котором мы живем: «От того, как ответит личность на современные вызовы, зависит не только ее будущее, но и будущее страны» (Воловикова, Харламенкова, 2016, с. 5).

Л. И. Анцыферовой разработана оригинальная концепция личности как открытой системы, в которой ставятся проблемы выхода личности за свои пределы, рассматривается диахроника ее развертывания в жизни и деятельности, условия достижения ею оптимального жизненно-деятельностного состояния (Анцыферова, 1978, 1981). В свете динамической концепции Л. И. Анцыферовой личность существует в процессе постоянного несовпадения с самой собой, процессе постоянного выхода за свои пределы. «Парадоксально, но факт: сохранение устойчивости, интегративности личности связано с ее *постоянным изменением*, осуществлением *личностного роста*» (Журавлев, Харламенкова, 2009, с. 32). Как отмечают А.Л. Журавлев и Н. Е. Харламенкова, Л. И. Анцыферова поставила вопрос

о *скрытых потенциальных ресурсах* человека как личности и субъекта жизни, путь к которым прокладывает он сам. «Именно в этом *движении человека к себе* через познание окружающего мира и Другого, осуществляющего свой собственный путь, лежит *новое понимание* человеческой природы, творческое начало, инициирующее это движение» (там же, с. 32).

К. А. Абульханова разработала концепцию личности как субъекта жизненного пути и проанализировала его структуру, включающую позицию, жизненную линию, перспективу и жизненные задачи. Жизненный путь при этом представляет собой совершенно особое «измерение», особый «масштаб» рассмотрения личности – ценностное человеческое время и пространство: «Функционирование личности, ее самоосуществление, *объективация* и обратный процесс *присвоение*, интеграция в новом *пространстве* и качестве происходят в особом *времени* особой *онтологической реальности* жизненном пути... Функционирование личности – это особый экзистенциально-онтологический процесс ее жизни, в котором качественно различные онтологические системы связываются более/менее *зависимым от самой личности* образом» (Абульханова, 2009, с. 37).

В центре внимания К. А. Абульхановой-Славской – способность личности решать жизненные противоречия, проблемы, т. е. не только зависеть от жизни, но и определять ее. Эта способность высшего порядка принадлежит личности как субъекту жизни и является качеством, которое вырабатывается в процессе жизни, способом жизни (Абульханова-Славская, 1973, 1977). Эта жизненная способность осуществляется высшими механизмами – сознанием, активностью и способностью к организации времени жизни. При этом личность предстает как система, существующая в непрерывном взаимодействии с окружающей средой и в то же время обладающая единством и целостностью. Ее индивидуальность является новым способом индивидуальной композиции, индивидуальной *организации* личностных качеств. «Личность потому и личность, что *сама осуществляет индивидуальным образом* эту интеграцию, не присущую ей изначально и априорно по определению. Какие отношения, каких уровней, в какой композиции связываются ею в целое, зависит от *нее самой*, не исключая при этом противоречивости отношений, которые она интегрирует» (Абульханова, 2009, с. 35).

Если в предшествующие периоды развития отечественной психологии сущность подхода к личности проявлялась либо в утверждении идеала гармонически развитой личности и стремлении ее сформировать (Веденов, 1956; Вопросы..., 1965; Давыдов, 1986; Кос-

тук, 1949; Макаренко, 1957–1958; Психологические основы..., 1981; и др.), либо более глубоко и содержательно в понимании ее развития как человеческого духовно-нравственного становления (Л. И. Анцыферова, В. Э. Чудновский и др.), в признании ее индивидуальности, то в 1970–1990-е годы она сосредоточилась вокруг категории субъекта, превратившейся в целую проблемную область. Для возглавляемого А. В. Брушлинским направления исследований центральной стала не констатация наличия у личности неких ценностей, мировоззрения, включающего морально-этические принципы, а с одной стороны, более классическая, с другой – весьма актуальная задача выявления того, как личность решает моральные проблемы и задачи.

В 1980–1990-е годы отечественные ученые все больше обращаются к проблеме субъекта и ее психологическим аспектам. Само введение этого понятия в психологию свидетельствует о гуманизации психологического знания, увеличивает удельный вес личностной проблематики, позволяет обратиться к высшим личностным модальностям – ее активности, развитию, сознанию. Но появление нового понятия потребовало его соотнесения с понятиями «личность», «индивид», «индивидуальность». Такое соотнесение остается еще не до конца решенной задачей психологической науки. Именно потому, что психология ориентирована на эту общую категорию, она получает возможность одновременно с дифференциацией разных субъектов – *субъект общения, субъект деятельности, личность как субъект жизненного пути, группа как субъект* и т. д. – осуществить интеграцию, обобщение знаний на единой основе. Многое для раскрытия понятия субъекта и его соотношения с понятиями «индивид», «личность», «индивидуальность» дало изучение личности, ее развития в жизненном пути (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Т. Б. Карцева и др.).

Основным для понимания личности как субъекта оказывается парадоксальный переворот в самой постановке проблемы личности. Она не есть «корзина», набор потребностей, ценностей, способностей, характера, воли, темперамента, который так или иначе пытались, каждый на свой лад, структурировать психологи, она есть субъект в той мере, в какой использует свой интеллект, свои способности, подчиняет свои низшие потребности высшим, строит свою жизнь в соответствии со своими ценностями и принципами.

В работах Л. И. Анцыферовой был конкретизирован функциональный подход к личности, представление о ней как иерархически организованной системе, развивающейся и функционирующей на жизненном пути (Анцыферова, 1978, 1981, 1990). Жизненный

путь представляет собой совершенно особое «измерение», особый «масштаб» рассмотрения личности — ценностное человеческое время и пространство.

К. А. Абульхановой-Славской введено понятие личностной организации времени, осуществлено многолетнее эмпирическое исследование реально существующих типов личностной организации времени. Была выдвинута гипотеза: структура личностного времени состоит из осознания, переживания и практической регуляции времени, которые находятся в разном функциональном соотношении у разных типов, что определяет особенности организации всего жизненного пути (активно-продолженный, пассивно-продолженный, активно-ситуативный и пассивно-ситуативный типы) (Ковалев, 1979). Эмпирически выявлены особенности типов — их возможности и ограничения в тех или иных временных режимах профессиональной деятельности, в условиях дефицита времени, прежде всего (Абульханова-Славская, 1990). В контексте данного подхода открывается возможность связать сознание не только с формами отражения и общественным бытием, но и с жизненным путем личности, с ее активным отношением к жизни. Сознание, таким образом, может быть понято как релевантное всей жизни функциональное образование, регулирующее не только отдельные движения и действия, но всю стратегию жизни человека (Абульханова-Славская, 1989, 1991, 1994).

В психологии сложилось два в известном смысле противоположных представления об иерархических закономерностях психических систем (прежде всего личности). В соответствии с одним закономерности высшего уровня преобразуются и конкретно проявляются на низшем. В соответствии со вторым высшее «снимает» низшее — в том смысле, что, например, свойства темперамента могут преобразовываться и изменяться на уровне характера. Абульханова-Славская поддерживает идею возможности «снятия» высшими уровнями личностной организации особенностей и закономерностей низших, их коренного преобразования. Однако она полагает, что такое «снятие» является не универсальным законом, а проявлением основных особенностей личности, зависит от способа саморегуляции, самоорганизации личности, благодаря которому одерживают верх ее высшие или низшие уровни. Этот способ регуляции составил основу типологии, охватывающей личность в ее соотношении с действительностью. Предложенная Абульхановой-Славской типология охватывает не соотношение «личность—организм» и не соотношение «личность—деятельность», но соотношение «личность—жиз-

ненный путь» (Абульханова-Славская, 1989, 1991, 1994). В качестве основания для определения личности приняты характеристики активности и саморегуляции.

Саморегуляция как операциональный механизм реализации притязаний является гибким механизмом, который воплощает в себе не фиксированную, а экзистенциальную (в терминологии С.Л. Рубинштейна) или процессуальную (в понимании А.В. Брушлинского) сущность личности. Притязания – идеальная проекция личности, которая экзистенциально реализуется саморегуляцией, а последняя в таком понимании (в отличие от понимания дифференциальной психологии и психофизиологии) охватывает не только «внутренний контур» личности (даже если иметь в виду разные уровни ее организации), а контур, сочетающий внешнее и внутреннее. Саморегуляция является той вертикалью в личностной организации и самоорганизации, которая определенным образом соподчиняет и соотносит все уровни личностной организации. Такое понимание «задач» и функций саморегуляции преодолевает альтернативу, выявленную Х. Хекхаузенем, когда одни личностные концепции рассматривают детерминацию личности, а другие – ее ситуативную обусловленность (Хекхаузен, 1986). Этой альтернативой статика приписывается самой личности, а динамика – внешним условиям, ситуациям (что является типичным для западной психологии, как уже отмечалось).

Построенная К.А. Абульхановой-Славской на этих исходных теоретических основаниях типология имела прогрессивный, открытый характер, поскольку представляла собой скорее эмпирическую методологию или стратегию исследования высших личностных способностей, в частности активности, дифференцированной на две основные формы – инициативу и ответственность. Она строилась не на структурных, а на функциональных принципах, и поэтому типобразующие параметры были не априорно заданы, а представляли искомое, которое обнаруживалось в эмпирическом исследовании, моделирующем ситуации по типу естественного эксперимента (Абульханова-Славская, 1989, 1991). Были получены типологии инициативы, ответственности, семантического интеграла активности личности, личностной способности к организации времени, социального мышления личности и ряда других, сопоставление которых давало возможность отработки типологического метода или стратегии (Абульханова-Славская, 1989; 1991; Григорьев, 1991; Дементий, 1990; и др.).

Л.И. Анцыферова развивает динамическую концепцию личности, в которой ставятся проблемы выхода личности за свои пределы,

рассматривается диахроника ее развертывания в жизни и деятельности, условия достижения ею оптимального жизненно-деятельностного состояния, поиска новых мотивов, условия совпадения с характером деятельности (Анцыферова, 1981). В начале следующего десятилетия, опираясь на результаты проведенных под ее руководством исследований, она рассматривает уже не столько развитие личности как проявление общих закономерностей развития, не только развитие личности как динамику жизни и ее периодов, а развитие как высшую форму ее динамики, как ее качественное преобразование. Оно связано с повышением уровня организации, с возрастанием способности осуществлять себя в более сложной системе жизненных отношений и воспринимать мир по-новому: более структурированным, более интегрированным и содержательным. Ею выделяется специальная способность личности к развитию – способность удерживать и сохранять все позитивное содержание своей истории, аккумулировать результаты развития, актуализировать потенциальное содержание своего сознания и создавать нечто новое в мире и в самой себе, расширяя тем самым зону потенциального. Анцыферова обобщает результаты исследований «субъективной картины жизни» как отражения в сознании человека прошлого, настоящего и будущего, субъективного переживания тех или иных периодов жизни человека, их насыщенности событиями.

Она разрабатывает не только абстрактно-теоретические проблемы жизненного пути, но и актуальные сегодня проблемы трудных жизненных ситуаций, которые составили характерную для второй половины XX в. психологическую проблему «совладания» личности с этими ситуациями, выявления конструктивных, неконструктивных и порождающих стратегий такого совладания. Она дает глубокую классификацию таких стратегий совладания, связанную с психологическими особенностями сознания и поведения личности, обобщая опыт мировой психологии в разработке данной теоретико-практической проблемы. Типологический подход к личности позволяет ей сформулировать положение о неоднозначном влиянии на личность трудных жизненных ситуаций, что в конечном итоге выступает как новое звучание тезиса о личности как совокупности внутренних условий, о личностном опосредствовании процесса взаимодействия человека с миром.

Можно отметить, что в 1980–1990-е годы произошла наметившаяся ранее дифференциация ряда направлений изучения личности (Психологическая наука, 1997):

1. Первое направление — исследование личности в деятельности (точнее, исследование деятельностных модальностей личности: целевых, установочных, диспозиционных, потребностно-мотивационных и, конечно, способностей).
2. Второе направление — исследование личности в общении, причем последнее также дифференцируется на реальную коммуникацию и особенности включения в нее личности и идеальный, «интериндивидуальный» и даже «метаиндивидуальный» пласт личностных проекций (Дорфман, 1993, 1994; Петровский, 1996а, б; и др.).

Внутри первого направления, в свою очередь, исследования личности и личностных особенностей познавательной деятельности постепенно дифференцируются от исследований личности в деятельности. Под последней имеют в виду профессиональную, трудовую, т. е. практическую, деятельность (Маркова, 1996).

В. Д. Шадриков сделал новый шаг в понимании психологической системы деятельности. Он реализует функциональный подход к деятельности, опираясь на идеи П. К. Анохина и С. Л. Рубинштейна, и на этой основе раскрывает всю сложность деятельности как функциональной системы, связывая способ ее осуществления с субъектом и выделяя не только традиционные мотив и цель, но и личностные характеристики, выражающиеся в уровне притязаний и характере достижений, критериях субъективной приемлемости — неприемлемости результата. Шадриков акцентирует и сам принцип выдвижения субъектом критериев принятия решений, составления программ деятельности и их изменения в зависимости от тех или иных условий психологических стратегий. Он рассматривает процесс становления личности субъектом деятельности как процесс качественного преобразования, реорганизации включенных в нее и обеспечивающих ее психических и личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности и критериями самой личности. В высшей степени существенно, что при характеристике требований деятельности автор не ограничивается их частно-эмпирическим описанием, а выдвигает новую формулу нормативных способов социальной деятельности, отвечающих характеристике деятельности как труда, параметрами которой являются производительность, качество и надежность. В данной монографии раскрыта «сущность процесса перехода от психических свойств к ПВК» (Шадриков, 1994, с. 78), механизм перестройки личностных способностей, их развития, координации и нового соподчинения в *связи* с требованиями деятельности и ста-

новлением личности в качестве субъекта. Процесс реорганизации способностей, их превращения в ПВК прослежен на разных уровнях: как на уровне самих способностей (микроуровень), так и на уровне личности (макроуровень), а последний описан в категориях выбора профессии, обучения, научения и включения в профессию. Таким образом, концепция системогенеза деятельности, выдвинутая Шадриковым ранее, получает здесь не только принципиально новое развитие, но и является отражением нового уровня постановки проблемы соотношения личности, ее способностей, психических процессов и деятельности.

Работы последних десятилетий позволяют говорить о тенденции в отечественной психологии рассматривать саму личность как личностно ориентированное знание, по терминологии Полани. Показано, что личностное основание присутствует в исследованиях речи (Латынов, 1996), мышления (Брушлинский, Темнова, 1993), памяти. Усилилась тенденция определять и описывать основные функции психических процессов и состояний в контексте функционирования самой личности. Например, В. К. Калинин пишет: «Одним из важнейших методологических вопросов проблемы воли является вопрос о том, в рамках какого целого может быть раскрыта функция воли. А через это понята ее сущность» (Калин, 1989, с. 7). Речь здесь идет о том, чтобы понять функциональные возможности самой личности, связанные с механизмами воли.

Таким образом, функции отдельных подсистем личности, ее мотивов, способностей, ответственности, воли зависят от стратегии, которую личность избирает в конкретной ситуации. Так, например, в системе понятийного анализа В. Д. Шадрикова в одних случаях личность в качестве субъекта деятельности придерживается принципа «достаточности», в других — принципа достижения «максимума». В работах В. Д. Шадрикова и В. Н. Дружинина представлена новая стратегия исследования способностей как свойств личности, которые по-разному проявляются в зависимости от условий ее функционирования. Такой подход оказывается весьма продуктивным в контексте практически ориентированных разделов психологии, например, психологии профессиональной деятельности.

Для направления исследований, которое возглавлял А. В. Брушлинский, в центре внимания находилась задача выявления того, как личность решает моральные проблемы и задачи. Эти исследования соотносились с кольберговской концепцией уровней морального развития личности (Воловикова, Ребеко, 1990). В исследованиях, руководимых А. В. Брушлинским, были выявлены личностные

детерминанты мыслительного процесса, а также обнаружено неоднозначное соотношение интеллектуального и морального развития ребенка, что опровергло тезис Кольберга об опережении интеллектуальным морального развития. На детях были выявлены типы, из которых первый, не достигший определенного уровня интеллектуального развития в соответствии со схемой Кольберга, не рассматривал моральные задачи как собственно проблемные. Но зато второй тип, со столь же невысоким уровнем интеллектуального развития, оказавшись в ситуации, когда он был лично вовлечен в решение моральных проблем в семье, демонстрировал ведущую роль именно морального развития, побуждаемого ситуацией моральных противоречий, к уровню которого подтягивалось затем интеллектуальное. Также был выявлен тип, который, не будучи интеллектуально развит, решал моральные проблемы «умозрительно», лично отстранено, что свидетельствовало о его нравственной глухоте.

Личностные характеристики в самом высоком смысле слова (а не только мотивацию, способности и т. д.) выдвигают в качестве решающих психологи профессиональной деятельности, в частности таких наиболее сложных и рискованных ее видов, как летная. В. А. Пономаренко, воссоздавший в деталях специфику профессионального труда летчика, начиная от вхождения в профессию и кончая проблемами профессионального долголетия, отстаивает (в том числе и прежде всего в практическом отношении) необходимость учета прав личности человека, доказывает роль личности как гаранта надежности, раскрывает совершенно особый духовно-нравственный тип личности летчика.

Начало XXI в. отмечено вниманием исследователей к динамике ценностных ориентаций личности в условиях социально-экономических преобразований общества (Н. А. Журавлева), развивается духовно-нравственный подход к проблемам психологического здоровья личности (С. С. Бубнова, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко). В фокусе разработок – осуществление психологической помощи современной личности в условиях социально-экономических перемен.

***Ленинградская школа в постсоветский период.
Концепция психологии человека В. Н. Панферова***

Традиции комплексного подхода к проблеме человека, к проблеме биологического и социального в человеке, присущие ленинградской-петербургской школе, получают развитие в концепции

В. Н. Панферова, ставящего перед собой задачу создания целостного представления о психологии человека, в котором синтезированы психологические знания о человеке из различных отраслей психологии и других наук. Для этого оказывается необходимым соотнести философские представления о человеке и аналитические знания о нем, содержащиеся в частных науках.

Основополагающим оказывается выделение двух подходов к человеку в научном познании: объектного, в рамках которого человек рассматривается как объект, независимо от свойств его души, и подхода психологического, субъектного. «Вопрос „Кто такой человек?“ адресован к душе, к психике человека, к тому, что делает его субъектом. Вопрос „Что такое человек?“ направлен к телесной, соматической организации человека, к тому, что характеризует его как объект природы» (Панферов, 2002, с. 20).

Таким образом, человек рассматривается в рамках объектных и субъектных свойств, которые между собой находятся в сложных взаимосвязях. Это предопределяет три ракурса рассмотрения проблемы человека:

- в плане материальных (физических и биологических) свойств;
- как духовное существо, наделенное особой психической организацией;
- с точки зрения взаимосвязи материальных и идеальных свойств человека.

Последнее находится в центре внимания В. Н. Панферова и представляет собой его версию решения биосоциальной проблемы. Психические свойства человека рассматриваются как результат трансформации природного потенциала человеческого организма в процессах субъектного взаимодействия с миром вещей и людей. Через анализ свойств человека, соматических и психических, и их объединение в целостную структуру автор приходит к формулированию своего представления о психической организации человека через выделение функций психики. Выделяются функции имплицитные, внутренние (гностические, аффективные, регуляторные), и эксплицитные, внешние (коммуникативные, информационные, когнитивные, эмотивные, конативные, креативные).

Процессы психической деятельности человека являются механизмами трансформации психических свойств, в результате которой происходит интериоризация психических образований во внутреннюю структуру психической организации человека. В то же время процессы субъектной активности человека трансформируют его вну-

тренний психический потенциал в особенности предметных действий, поступков, поведения, которые экстерииорируются как психические свойства личности.

В. Н. Панферов предлагает две взаимосвязанные теоретические модели структурной организации психики: в процессе интериоризации и в процессе экстерииоризации.

Модель структурной организации психики в процессе интериоризации содержит пять блоков психических образований, взаимодействующих между собой в структуре целого.

1. *Психофизиологические образования.* К направлению взаимодействия человека с самим собой (интериоризации) отнесены следующие психофизиологические образования: потребности, эмоции, темперамент, чувства, настроение, воля, внимание. Психофизиологические образования, синтезируясь, порождают эффекты самочувствия как результат психического отражения человеком органического баланса со средой.
2. *Психофизические образования* (ощущения, восприятие, память, представления, мышление, воображение, картина мира) являются результатом интериоризации познавательной деятельности человека как процессов конкретно-чувственного, конкретно-логического, абстрактно-логического отражения материальных свойств объектов окружающего мира, которые представляют субъективный интерес для удовлетворения потребностей человека.
3. *Психорефлективные образования* (сознание и самосознание, дух и душа, Бог и совесть, вера, надежда, любовь) отнесены к сверхинтегративным явлениям человеческой психики, так как в них трансформируются и психофизиологические, и психофизические образования.
4. *Социально-психологические образования* (психические, психологические, социальные установки, стереотипы поведения, отношения к людям, к себе, к деятельности, к предметной и природной среде, речь) возникают на векторе взаимодействия людей.
5. *Деятельностно-психологические образования* (общие и специальные способности, опыт, интересы, знания, умения, навыки, мастерство, талант, гениальность, стиль деятельности) возникают в процессе предметно-практического взаимодействия с миром вещей и людей.

Модель структурной организации психики в процессе *экстерииоризации* содержит пять блоков психических образований, взаимодействующих между собой в структуре целого.

1. «*Я – хочу*» (потребности, влечения, склонности, желания, интересы, намерения, ценностные ориентации, мотивы, мечты).
2. «*Я – могу*» (задатки, сензитивность, работоспособность, опыт, знания, умения, навыки, способности, темперамент, характер, социальное происхождение).
3. «*Я – интимное*» (самосознание, мировоззрение, установки, ожидания, вера, надежда, любовь, чувства, суеверие, личные проблемы, достоинство).
4. «*Я – должен*» (сознание, воля, внимание, эмоции, убеждения, цели, совесть, мораль, закон, общественное мнение).
5. «*Я – реальное*» (телесные движения, предметные действия, поступки, поведение, деятельность, внешний облик, речь, межличностные отношения, социальное положение).

Социально-психологическое направление в отечественной психологии личности

Существенной тенденцией в развитии психологии в России в последние десятилетия XX в. является усиленное развитие гуманитарных направлений, в первую очередь социальной психологии, и широкая экспансия социальной психологии в предметную область психологии личности, которая закономерно предполагает занятие определенной позиции в отношении места и значения в ее структуре и развитии природных и социально-культурных факторов. Проблема личности закономерно привлекает внимание социальных психологов. Б. Д. Парыгин называет личность среди «острейших и требующих безотлагательного решения социально-психологических проблем» (Парыгин, 1999, с. 153). Современность, по его мнению, настоятельно требует исследования путей и возможностей «соотнесения всех психических сил и возможностей личности, ее духовно-нравственного и социально-психологического потенциала с ее же психологической готовностью дать адекватный ответ на вызов своего времени» (там же, с. 153).

В качестве примеров социально-психологических теорий, развивавшихся в этот период, можно привести концепции динамической структуры личности Б. Д. Парыгина, диспозиций личности В. А. Ядова и полиментальности России В. Е. Семенова.

Концепция динамической структуры личности Б. Д. Парыгина

В основу концепции Б. Д. Парыгина положено представление о личности как о сложном, многоплановом и внутренне противоречивом явлении (Журавлев, Мироненко, 2012, 2016).

Личность рассматривается Парыгиным как единство общечеловеческого (проблема философии), социально-типического (проблема социологии) и индивидуально-неповторимого (проблема социальной психологии). Существенной особенностью авторского видения феноменологии личности является ее рассмотрение и трактовка в качестве не «замыкающей» ряд объектов исследования, как это принято в социологическом подходе к ней и даже встречается в социальной психологии (Г. М. Андреева, М. Р. Битянова и др.), а в качестве именно исходного и ключевого феномена и категории (Журавлев, Мироненко, 2012, 2016). В настоящее время такая позиция поддерживается и развивается в научных работах и учебных пособиях, выполненных в Институте психологии РАН (Журавлев, Мироненко, 2012; Методы социально-психологического исследования..., 1995; Методики социально-психологической диагностики..., 1990; Психология XXI века, 2003; Соснин, Журавлев, Красников, 2011; Социальная психология, 2002).

Личность в единстве динамики ее внешнего (в контексте социального взаимодействия) и внутреннего индивидуально-неповторимого бытия является тем центром, к которому сходятся основные линии анализа в трудах Парыгина. Личность предстает здесь и исходной посылкой для понимания проблем социума, и основной проблемой современного общества. Парыгин анализирует личность в контексте конкретных проблем современной культуры, что делает его труды не только теоретически интересными для методологов, но и остро актуальными с точки зрения современной прикладной науки.

Личность в трактовке Парыгина предстает не столько в качестве объекта или продукта социальных или биосоциальных детерминант, сколько в качестве субъекта своей жизнедеятельности, эмоционально-психических состояний, внутреннего настроения и т. д. Этим акцентам соответствует и вытекающая из сказанного структурно-динамическая концепция личности, которая предполагает рассмотрение двух основных подструктур личности — статической и динамической.

Б. Д. Парыгин предлагает оригинальный выход в поисках решения традиционной для психологии личности проблемы — описать и объяснить то, что, с одной стороны, обладает определенной устойчивостью и внеситуативным постоянством, а с другой — изменчиво и текуче в зависимости от ситуации. В его концепции представлена не структура личности вообще, а различные подходы к ее построению и соответственно две качественно различные модели структуры личности: статическая и динамическая.

Статическая структура личности. Под статической структурой личности Парыгин понимает предельно отвлеченную от реально функционирующей личности абстрактную модель, характеризующую основные аспекты, пласты или компоненты психики индивида.

При наиболее обобщенном подходе статическая структура личности рассматривается им как состоящая из трех основных пластов: 1) общечеловеческого, 2) социально-специфического, 3) индивидуально-неповторимого.

Каждый из трех названных пластов может быть далее дифференцирован, расчленен на составляющие. Однако независимо от степени дифференцированности основным признаком статической структуры остается ее отвлеченность от реального процесса функционирования, психического состояния и поведения.

Общечеловеческими в соответствии с данной моделью в психике человека являются: во-первых, комплекс основных психических процессов (ощущение, восприятие, память, мышление, воля) и состояний, подчиняющихся общим для всех людей закономерностям психофизиологических механизмов, обеспечивающих функционирование психики; во-вторых, факт биосоциальной детерминированности психического мира и поведения человека, результатом и проявлением чего являются такие устойчивые черты и свойства личности, как ее темперамент и характер; в-третьих, факт социальности психики человека в отличие от психики животного.

К социально-специфическим относятся те особенности психики, которые связаны с принадлежностью человека к той или иной социальной общности. За принадлежностью личности к той или иной общности стоит предписанная извне программа поведения, система требований, правил, шаблонов поведения. Все элементы социально-специфического опыта личности выполняют функции регламентации, регулирования, санкционирования, направляют поведение индивида. К ним относят роли, нормы, ценности и символы.

Степень интернализации индивидом социального опыта может быть различной. Процесс усвоения социального опыта Парыгин разделяет на четыре стадии. На первой индивид получает исходную информацию о требованиях социума, знание. На следующей стадии обретается социально-психологический стереотип восприятия, положительное или отрицательное отношение к социальным нормам и ценностям. На третьей стадии данные стереотипы закрепляются, переходят от симпатии к глубокому убеждению. Завершающей, высшей ступенью в процессе усвоения индивидом социального опыта становится переход от убеждения к побуждению, обозначающему

волевое усилие, необходимое для того, чтобы готовность к действию переросла в само действие.

Парыгин выделяет два интегральных образования личности, характеризующих ее отношение к социально-специфическому опыту, — позицию личности и ее самосознание.

Динамическая структура личности. Модель динамической структуры личности фиксирует основные компоненты в психике индивида в непосредственном контексте человеческой деятельности, ситуации. Это модель психического состояния и поведения человека, которая позволяет понять механизмы взаимосвязи всех структурных пластов в психике индивида. Важной особенностью динамической структуры личности в отличие от статической является ее приуроченность к какому-то конкретному отрезку времени, в течение которого можно говорить об определенном состоянии психики или деятельности человека. В соответствии с этим нужно различать два основных аспекта динамической структуры личности: внутренний (структура психического состояния) и внешний (структура поведения). И внешний, и внутренний аспекты могут носить характер как вербальный (осознанный), так и невербальный (неосознанный). В контексте динамической модели личности Б.Д. Парыгин вводит понятие психического настроя личности (Парыгин, 1971). Под последним подразумевается интегральное структурное образование, которое характеризует тональность и степень предметной направленности психического состояния человека на данном отрезке времени.

Значимость психического настроя личности определяется многообразием его функций: 1) в качестве аккумулятора всей текущей информации, воспринимаемой и перерабатываемой индивидом в единицу времени; 2) в качестве регулятора и тонизатора активности человека; 3) в качестве установки восприятия информации и деятельности; 4) в качестве фактора ценностной ориентации личности. Психический настрой может рассматриваться в качестве эквивалента той части модели динамической структуры личности, которая связана с психическим состоянием человека. Психический настрой личности представлен, с одной стороны, неосознанным эмоциональным фоном, что соответствует невербальному психическому состоянию, с другой — умонастроением, что соответствует вербальному психическому состоянию.

Важное место в концепции Парыгина отводится понятию *духовного потенциала личности*, которое самым органичным образом связано с представлением о динамической структуре личности, понимаемой как ее сиюминутный статус. Под потенциалом личнос-

ти понимают определенный уровень ее психических возможностей и внутренней энергии, направленной на самовыражение и самоутверждение. Психические возможности личности складываются из ее интеллектуального, эмоционального и волевого потенциалов.

В концепции Парыгина нам представляется реализованным присущее отечественной психологической школе понимание проблемы социального в контексте взаимодействия социального и природного в человеческой психике, если можно так выразиться, интрапсихологический подход в социальной психологии, отличающийся от понимания социального как противоположности индивидуному, индивидуальному, присущего западноевропейской и североамериканской традиции, где в центре внимания социальной психологии находится взаимодействие индивида и группы, т. е. реализуется интерпсихологический подход в социальной психологии.

В монографии (Парыгин, 1999) внимание автора обращено в первую очередь на анализ противоречий в развитии личности в условиях ее социального бытия. *Главным противоречием* личности и социума, по мнению Парыгина, становится постепенно растущий разрыв между умножающимся потенциалом новых объективных возможностей человека как субъекта деятельности и неуклонно снижающимся уровнем его собственной психологической готовности как к освоению новых возникающих условий, так и к реализации своих внутренних резервов для решения этих задач.

Парыгин формулирует и описывает трудность разрешения выделенного противоречия в рамках развиваемой им на протяжении многих лет концепции *социально-психологических барьеров* личности (Парыгин, 1975, 1999). Согласно этой концепции, реализацию всех (как открытых для повседневного использования, так и скрытых) резервов огромного духовно-психического потенциала личности тормозит, частично нейтрализует или даже полностью блокирует целая система социально-психологических барьеров. Последние тормозят, перекрывают процесс формирования психологической готовности человека к эффективной деятельности в условиях эскалации опосредованности и психической напряженности, роста противоречий и экстремальных ситуаций в современном мире. (Об этом подробнее см.: Парыгин, 1976, 1978, 1981.)

Поиск решения, которому уделено существенное внимание в последней монографии Парыгина (2010), может быть связан с развитием прежде всего средств *психологической самозащиты личности*. Это предполагает осмысление и развитие ее способности к самоидентификации как неповторимой индивидуальности, а тем самым

и формирование психологической готовности личности к реализации собственных и пока во многом скрытых социально-психологических резервов.

Представляется, что в концепции духовного потенциала личности Парыгина особенно ярко проявилась его философская ориентация: суть личности, ее центральное образование и источник энергии, понималась им не как результат и форма проявления реальных социальных взаимодействий в духе марксизма, а как проявление некоего духовного начала, заданного а priori социальной реальностью и ею не столько порождаемого и развиваемого, сколько блокируемого в случае несоответствия этой реальности потребностям индивида.

Говоря об ориентации Парыгина на духовно-нравственное направление в отечественной науке, отметим и такой интересный факт, раскрывающий то важнейшее значение, которое он придавал в развитии социальной психологии фактору духовного состояния и духовных потребностей общества. Характеризуя причины возрождения социальной психологии в 1960-е годы, он отмечает рост религиозности в обществе (Парыгин, 1999), трактуемый им как потребность общества в духовных практиках и культурном оформлении душевной жизни. Он подробно останавливается на этом обстоятельстве, фактически никем более не упоминаемом, и лишь списком обозначает факторы: «Вместе с тем в числе факторов, которые способствовали возрождению социальной психологии, были: растущие запросы общества, связанные с потребностью изучения и учета социально-психологических знаний во всех областях социальной жизни, необходимостью более полного представления о структуре общественных отношений и общественного сознания; успехи психологической науки в сфере изучения взаимоотношений личности в коллективе; изменение идеологической атмосферы в стране, начавшееся в 1960-е годы, известное под названием „оттепели“, когда на волне общественно-политического подъема, вызванного разоблачением культа личности, советским руководством было допущено некоторое смягчение идеологического контроля в духовной жизни общества в целом и научной сфере в частности» (Парыгин, 1999, с. 76).

О последовательной приверженности Парыгина отечественной духовно-философской парадигме свидетельствует и его очень определенная позиция по отношению к зарубежным направлениям в социальной психологии, знакомство с которыми сыграло огромную и неоднозначную роль в процессе становления российской социальной психологии. Как уже было отмечено, «для 60-х – периода „оттепели“ – и особенно 70-х годов характерно все более интенсивное

освоение теории и методов зарубежной психологии. <...> Отечественная социальная психология обогатилась категориальным, понятийным аппаратом мировой психологии, и это сыграло огромную роль в ее оформлении в самостоятельную область психологии... Однако повышение профессионального уровня отечественной социальной психологии создает глубокое противоречие в ее развитии, которое до сих пор полностью не выявлено» (Психологическая наука, 1997, с. 401). Полноценный синтез отечественных наработок и зарубежных концепций достигнут в социальной психологии не был, в результате чего «ее особенностью оказалось двойное „гражданство“ – категориально-понятийный аппарат имел отечественное и «импортное» происхождение, но только в исключительных случаях осуществлялось их согласование» (там же, с. 407).

В этой ситуации, прекрасно зная иностранные источники и полемизируя с западными коллегами в своих работах, Парыгин остается на позициях целостной разработанной им методологии в отношении категориально-понятийного аппарата. В отношении разработки предметной области он также сохраняет ориентацию на национальную специфику и культурную традицию. Попытки же разрабатывать предметную область, в которой сложились западные концепции (в первую очередь он говорит здесь об исследованиях взаимодействия индивидов в группе), по его мнению, ставят российских ученых «в положение ведомых и обреченных на роль постоянно отстающих и безнадежно пытающихся догнать вырвавшегося далеко вперед лидера, имеющего огромный потенциал возможностей для наращивания скорости своего продвижения» (Парыгин, 2010, с. 495).

Нельзя не согласиться с Г. М. Андреевой, которая пишет, что в советской социальной психологии ««идеологический диктат» не насаждался цензурой или прямым вмешательством со стороны партийно-государственных органов, скорее, он проявлялся как «внутренняя цензура», поскольку основная масса профессионалов была воспитана в традициях марксистской идеологии... Принятие деятельности как важнейшего методологического принципа в значительной степени обусловило весь «образ» советской социальной психологии» (Андреева, 1997, с. 10).

Никак не умаляя достоинств и значимости деятельностного подхода в российской социальной психологии, следует признать, что система взглядов Парыгина к деятельностному подходу отнесена быть не может. Парыгин органически не принимает «понимание социально детерминированной предметной деятельности как творца человеческих отношений» (Петровский, 2000, с. 142), а также положение,

что «такое понимание детерминирующей роли предметной деятельности может быть распространено на интерпретацию любых межличностных отношений, хотя эффекты деятельностного опосредствования в них могут быть стертыми, неявными» (там же, с. 143).

Деятельность предстает в трудах Б. Д. Парыгина не как системная детерминанта психического, а, напротив, как область проявлений динамики психических состояний личности, где определяющее значение имеет «сфера межличностного общения, играющая особенно существенную роль как мощный стимулятор психической активности индивида» (Парыгин, 2010, с. 323). Парыгин считает «глубокую и органическую потребность человека в понимании, сопереживании и эмоциональном отклике себе подобному» (там же) фактором, детерминирующим включенность человека в предметную деятельность, в том числе трудовую, и, соответственно, фактором, определяющим мотивацию и эффективность самой предметной деятельности.

Человек в представлении Парыгина – прежде всего социальное существо, рождающееся в процессе общения как основного механизма социализации и живущего в переплетении пластов и нитей общения – «Человек общающийся».

В истории науки традиционно отмечается значимость фактора личности ученого. Когда мы обращаемся к анализу вклада в социальную психологию Б. Д. Парыгина, становятся очевидными не только присущие его творчеству особенности метода, но и черты, в которых отразилась его личность.

Среди личностных характеристик его творчества отметим следующие:

- масштабность и целостность его подхода;
- способность остро воспринимать актуальную жизнь социума, что обеспечивало конкретно-исторический подход всем его работам;
- инновационность – способность видеть тенденции развития общества и науки, благодаря чему он часто опережал свое время;
- укорененность его методологии в российской научной традиции;
- оригинальность и самобытность.

Целостность системы взглядов Б. Д. Парыгина проявилась, прежде всего, в масштабности его подхода. Парыгин разработал представление о социальной психологии в качестве целостной системы научного знания, которая включает методологию, общую социально-

психологическую теорию и прикладную социальную психологию, в контексте которой общие и частные вопросы теории, методологии и практики рассматриваются с единых методологических позиций. Свою систему взглядов Парыгин последовательно развивал на протяжении всей своей профессиональной жизни. Уже в первой опубликованной в 1967 г. монографии (Парыгин, 1967) он ставит задачу построения социальной психологии как самостоятельной системы знаний и исследований, обращается к характеристике самой природы этой отрасли психологической науки, основных этапов и тенденций ее развития, возможностей и перспектив. В 1971 г. вышел в свет главный труд Парыгина «Основы социально-психологической теории», где была предложена общая социально-психологическая концепция, в центре которой были личность и общение, которые рассматривались здесь с позиций структурно-динамического анализа. В 1999 г. выходит новая монография «Социальная психология: Проблемы истории, методологии и теории», где он снова, но уже в свете радикальных изменений, произошедших в жизни общества и в психологической науке, подходит к рассмотрению как личности, так и общения на новом уровне структурно-динамического анализа. В 2010 г. вышла в свет последняя книга Б. Д. Парыгина «Социальная психология: истоки и перспективы», где он обобщает написанное ранее и характеризует специфику и модификации социально-психологической парадигмы в XXI в.

Последовательно развивая свою систему взглядов, Парыгин удивительно тонко чувствовал и адекватно отражал реальность жизни социума в каждый момент времени, обращал свой анализ к актуальным проблемам его развития, направлял усилия на поиск их решения. Эмпирические, направленные на решение конкретных практических задач работы Б. Д. Парыгина были не только апробацией его теоретических конструктов, но и в существенной степени той почвой, на которой эти теоретические конструкты выросли. На каждом этапе творчества его поиск обращен к анализу социума в конкретно-исторической реальности и вслед за изменением предметной сферы развивается сам метод.

Эмпирические и прикладные разработки Парыгина советского периода обращены к проблемам жизнедеятельности реальных трудовых коллективов (научных, инженерно-технических и рабочих). Специфика таких групп состоит в том, что, во-первых, это реальные коллективы (а не спонтанно или лабораторно организованные сообщества) со сложившимися отношениями (внутригрупповой структурой, лидерами и официальным руководителем). Во-вторых, это

группы, которые подчинены целям предметно-функциональной деятельности, а не интересам только общения, как это происходит в группах встреч или в лабораторно организованных условиях. Это определяет и специфику проявления социально-психологических феноменов в таких группах: они возникают не просто из межличностных коммуникаций, а на пересечении межличностных и заданных характером институциональных задач, функционально-ролевых деловых отношений. Применительно к таким группам Парыгин рассматривает актуальные проблемы организации групповой деятельности и общения – лидерства и руководства; вопросы диагностики, прогнозирования и регуляции социально-психологического климата. Лидерство и руководство Парыгин рассматривал в качестве важнейших факторов, определяющих структуру общения в группе и групповую интеграцию как специфические способы социального контроля, организации и мобилизации групповой, коллективной и массовой деятельности. Им предложена теоретическая модель типологии лидерства, построенная на трех различных основаниях: содержания, стиля и характера деятельности лидера. Вошла в учебники предложенная им система качественных различий руководства и лидерства, заслужила общую известность его модель социально-психологического климата коллектива (СПК), включающая методы измерения и регуляции СПК.

Особый интерес представляют сегодня работы Парыгина постсоветского периода, где отражены радикальные изменения в жизни социума, обозначены новые актуальные проблемы и предложено направление их решения. Так, в монографии «Социальная психология территориального самоуправления» (1993) Парыгин объясняет имевшие место неудачи в организации территориального самоуправления в ходе перестройки несформированностью у населения готовности к преобразованиям. Обращает на себя внимание конструктивность такого подхода по сравнению с традиционными апелляциями к особенностям национального характера, так как в отличие от веками формирующегося и достаточно стабильного национального характера индивидуальные и общественные состояния динамичны и доступны регуляции. В то же время именно состояния определяют протекание и результаты деятельности в большинстве ситуаций и особенно в стрессовых ситуациях, едва ли не в большей степени, чем свойства субъектов.

Парыгин в высокой степени обладал способностью видеть тенденции развития общества и науки, он продуцировал подлинно новые идеи и во многом опережал свое время.

Уже в 1970-х годах он обращается к проблеме влияния ускорения научно-технического прогресса на человека (Парыгин, 1976, 1978). Он утверждал, что социально-психологические тенденции научно-технического прогресса характеризуются интенсификацией, возрастанием сложности (эскалация опосредованности), персонификацией и деперсонификацией психической деятельности человека.

Внимание Парыгина обращено в первую очередь на анализ противоречий в развитии личности в условиях ее социального бытия. Главным противоречием личности и социума, по мнению Парыгина, становится постепенно растущий разрыв между, с одной стороны, умножающимся потенциалом новых объективных возможностей человека как субъекта деятельности и, с другой – неуклонно снижающимся уровнем его собственной психологической готовности как к освоению новых возникающих условий, так и к реализации своих внутренних резервов для решения этих задач.

Персонификация, рассматриваемая в качестве одной из ведущих социально-психологических тенденций НТП, сопровождается ростом духовного потенциала, самосознания и жизненных притязаний личности. Тенденцию персонификации Парыгин связывает с таким существенным показателем личностной активности, как механизм выбора альтернатив поведения, принятия решения, который, по его мнению, представляет собой фокус всей структуры саморегуляции, психической автономии индивида. Он считает, что современный научно-технический прогресс больше, чем когда-либо раньше, активизирует фундаментальную основу персонификации личности – ее *функцию выбора*. Жизнь постоянно ставит человека не только перед возможностью, но и перед необходимостью принятия решений. В этом избытке возможностей и вытекающем из него обязательном напряжении выбора заложен импульс, способный породить эффект, прямо противоположный персонификации, – деперсонификации личности, которая здесь оказывается защитным механизмом, предохраняющим психику индивида от перегрузки и внутреннего дискомфорта.

Сегодня в отечественной науке активно обсуждаются вопросы растущей динамичности социальных процессов, возрастания неопределенности и, как следствие, места и значения функции выбора в жизни человека, которые Парыгин поднимал задолго до того, как на них сместился фокус общего внимания ученых. Предложенные им изящные теоретические модели и содержательные практические рекомендации остаются сегодня в зоне слепого пятна научного сообщества, хотя заслуживают внимания коллег в современных дискус-

сиях. Его последняя монография остается неосвоенной российскими социальными психологами. Возможно, ее время еще не настало.

Уже в 1993 г. Парыгин проводит масштабную конференцию под названием «Человек в изменяющемся мире: социальные и психологические проблемы», опубликованные материалы которой составили три тома. Четверть века спустя формулировка «Человек в изменяющемся мире» становится широко тиражируемым клише.

Важной особенностью личности Парыгина является его глубокая и постоянная приверженность отечественной научной традиции с присущей ей высокой духовностью. Его поиск обращен к глубинным духовно-нравственным структурам социально-психологических явлений. Уже в первых монографиях Парыгина 1965 и 1971 гг. большое внимание уделяется российским авторам конца XIX—начала XX в., которых сегодня относят к так называемому религиозно-философскому или духовно-нравственному направлению в дореволюционной российской науке — Бердяеву, Михайловскому и др. Парыгина с полным основанием можно отнести к ученым, имплицитно продолжающим традицию этого направления, которое после более чем полувекового запрета так мощно развернулось в постсоветский период.

В своих позднейших работах Парыгин прямо ставит задачу формирования новой фундаментальной парадигмы: «Последняя начинает уже приобретать определенные очертания в качестве альтернативы бихевиоризму и возврата, теперь уже на новой основе, к идее души человека в качестве истинного предмета психологии, отброшенного в начале прошлого века... к заявленной еще в конце XIX—начале XX века представителями отечественной философской мысли (М. Троицкий, Г. Плеханов, С. Франк и др.) идее изучения духовных основ жизни общества и души человека в качестве главного социально-психологического явления» (Парыгин, 2010, с. 495—496).

Такого рода прямые высказывания, конечно, были невозможны в работах 1960—1970-х годов, однако об определенности философских взглядов Парыгина свидетельствует то, что он, декларируя свою приверженность марксизму, всегда остается вне идеологически одобренного деятельностного «мейнстрима» советской психологии.

В сложном и противоречивом дискурсе российской социальной психологии его труды занимают особое место, отличаются «лица не общим выраженьем». Никак не умаляя достоинств и значимости деятельностного подхода в российской социальной психологии, следует признать, что система взглядов Парыгина не может быть

отнесена к нему. В очень непростой ситуации советского и постсоветского государства, Парыгин последовательно шел своим путем в науке. Никому не подражал, ни отечественным авторам, ни зарубежным, никогда не был в мейнстриме. Его подход отличается подлинной оригинальностью и самобытностью. В разные исторические эпохи, обращаясь к анализу новых явлений в жизни социума, он оставался самим собой, не изменял себе, следуя веяниям научной моды. В этом проявилась целостность и сила его личности как ученого и как человека.

Концепция диспозиций личности В. А. Ядова

В основу своей концепции В. А. Ядов положил установочные, или диспозиционные, механизмы регуляции социального поведения личности. Это означает, что поведение личности регулируется ее диспозиционной системой, однако в каждой конкретной ситуации в зависимости от ее цели ведущая роль принадлежит определенному уровню диспозиций. Поскольку сама диспозиция (установка) формируется при наличии потребности и соответствующей ей ситуации, в которой она может быть реализована, то иерархии диспозиций соответствуют иерархия потребностей, с одной стороны, и иерархия ситуаций, с другой.

Что касается *иерархии потребностей*, то их классификация осуществляется В. А. Ядовым по принципу предметной направленности человеческих потребностей как потребностей физического и социального существования. Основанием классификации, по словам автора, с одной стороны, выступает разделение потребностей на биогенные и социогенные, а с другой – выделение различных видов социогенных потребностей на основе включения личности во все более расширяющиеся сферы деятельности, общения. На этом основании выделяются следующие виды потребностей:

- психофизиологические, витальные;
- в ближайшем семейном окружении;
- включения в многочисленные малые группы и коллективы;
- включения в целостную социальную систему.

Условия деятельности или ситуации, в которых могут быть реализованы данные потребности, также образуют иерархическую структуру. За основание классификации автор принимает «длительность времени, в течение которого сохраняется основное качество данных условий», иными словами, устойчивость ситуации.

Низший уровень этой структуры составляют наименее устойчивые *«предметные ситуации»*. В течение короткого промежутка времени человек переходит из одной ситуации в другую.

Следующий уровень — это *«условия группового общения»*. Эти ситуации более устойчивы, поскольку основные требования группы, закрепленные в *«групповой морали»*, сохраняются неизменными в течение значительного времени.

Еще более устойчивы во времени *условия деятельности в той или иной социальной сфере* — труда, досуга, семейной жизни.

Максимально устойчивыми оказываются *общие социальные условия жизнедеятельности человека* — экономические, политические, культурные. Эти условия претерпевают значительные изменения в рамках *«исторического»* времени.

Поскольку, как отмечалось выше, диспозиции личности представляют собой продукт *«столкновения»* потребностей и ситуаций, в которых потребности удовлетворяются, формируется соответствующая иерархия (система) диспозиций.

Первый, низший уровень образуют *элементарные фиксированные установки*. Они формируются на основе потребностей физического существования и простейших предметных ситуаций. Эти установки лишены модальности и не осознаваемы. Они лежат в основе сознательных процессов.

Второй уровень диспозиционной системы — *социально фиксированные, или социальные, установки*. Ведущими факторами их формирования являются социальные потребности, связанные с включением личности в первичные группы и соответствующие им социальные ситуации. Социальные установки образуются на базе оценки отдельных социальных объектов (или их свойств) и отдельных социальных ситуаций. По сути, это *«отношения личности»* по В. Н. Мясищеву.

Третий уровень системы составляет *общая (доминирующая) направленность интересов личности*. Она формируется на основе более высоких социальных потребностей и представляет собой predisposition к идентификации с той или иной областью социальной деятельности. У одних людей мы обнаруживаем доминирующую направленность интересов в сферу профессиональной деятельности, у других — семьи, у третьих — досуга (хобби) и т. д.

Высший уровень диспозиционной системы *образует система ценностных ориентаций* на цели жизнедеятельности и средства их достижений. Она формируется на основе высших социальных потребностей личности (потребность включения в социальную среду) и в соответствии с образом жизни, в котором могут быть реализованы

социальные и индивидуальные ценности личности. Именно этому уровню принадлежит решающая роль в саморегуляции поведения.

Элементы и уровни диспозиционной системы не изолированы друг от друга. Напротив, они тесно взаимодействуют между собой, а сам механизм взаимосвязи, по мнению В. А. Ядова, следует рассматривать как механизм мотивации, обеспечивающий целесообразное управление поведением личности, его саморегуляцию.

Важнейшая функция диспозиционной системы состоит в регуляции социального поведения личности. Само поведение представляет собой сложную структуру, внутри которой можно выделить несколько иерархически расположенных уровней.

Первый уровень — это *поведенческие акты*, реакции субъекта на актуальную предметную ситуацию. Их целесообразность детерминирована необходимостью установления адаптивных отношений между средой и индивидом.

Следующий уровень поведения — *привычное действие или поступок* — формируется из целого ряда поведенческих актов. Поступок — это элементарная социально значимая единица поведения, цель которого состоит в установлении соответствия между социальной ситуацией и социальной потребностью.

Целенаправленная последовательность поступков *образует поведение в той или иной сфере деятельности*, которая представляется для человека максимально значимой. К примеру, ярко выраженное профессиональное поведение, реализующее себя в стиле профессиональной деятельности.

Наконец, *целостность поведения в различных сферах жизнедеятельности человека* и есть собственно проявление деятельности во всем ее объеме. Целеполагание на этом уровне представляет собой некий «жизненный план».

Завершая характеристику своей концепции личности, В. А. Ядов подчеркивает, что диспозиционная регуляция социального поведения в то же время является и его диспозиционной мотивацией, т. е. механизмом, обеспечивающим целесообразность формирования различных состояний готовности к поведению. При этом регуляция социального поведения должна быть истолкована в контексте всей диспозиционной системы личности.

Концепция полиментальности России В. Е. Семенова

В центре внимания В. Е. Семенова — цивилизационно-культурная специфика личности в том или ином обществе, игнорирование ко-

торой в теоретическом отношении не позволяет правильно понять личность в ее конкретно-историческом существовании, а в практическом — «чревато социальными, конфессиональными и национальными конфликтами» (Семенов, 2001, с. 22). Ключевым понятием в концепции В. Е. Семенова является понятие менталитета.

Под менталитетом В. Е. Семенов понимает «исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном (познавательном), эмоциональном и поведенческом воплощении, присущее представителям той или иной социальной группы (общности)» (там же, с. 20). В соответствии с концепцией В. Е. Семенова неверно говорить о национальном, этническом менталитете как о едином образовании, так как каждому народу, а тем более такому народу, как русский, присущ не один менталитет, а некоторое множество менталитетов, характеризующих отдельные группы населения, при том что нормы, ценности и установки данных групп могут существенно различаться.

Семенов говорит не о едином менталитете современного русского народа, а о некотором множестве «основных российских менталитетов нашего времени». Для определения этих менталитетов он пользуется системой философских универсальных категорий-оппозиций:

- дух (Бог) — материя (идол),
- общество (коллектив) — личность (индивидуальность).

Исходя из данных философских, культурно-исторических и социопсихологических предпосылок и подкрепляя их результатами эмпирических исследований, В. Е. Семенов выделяет следующие базовые российские менталитеты:

- Православно-русский. Этот менталитет имеет тысячелетнюю историю на Руси и в России, активно возрождается с конца 1980-х годов. Опирается на ценности Бога, Духа, заповедей Христовых, святости, совести, соборности.
- Коллективистско-социалистический. Этот менталитет зародился в крестьянской общине, рабочей артели, партийной ячейке, сформировался за три четвери века в СССР. Он выражает ценности коллективизма, вождизма, конформности, социальной справедливости, труда на благо общества.
- Индивидуалистско-капиталистический. Возник на Западе, постепенно проник в Россию, где сформировался в XIX в. и возрождается в наше время (как отмечает В. Е. Семенов, скорее в одиоз-

- ном виде). Этот менталитет выражает ценности индивидуализма, упрощенного рационализма, личного успеха, прагматизма, денег.
- Криминально-мафиозный. Исповедует вульгарный материализм и гедонизм, культ грубой силы и обмана, клановую иерархию, мифологию, ритуалистику.

Названные менталитеты В. Е. Семенов рассматривает как основные для нашего общества, помимо которых существует еще ряд менталитетов: других конфессий (прежде всего исламский), переходные, промежуточные настроения на основе базовых и др.

Обращаясь к традиционно значимым для российской идеологии спорам между славянофилами и западниками и между идеалистами и материалистами, В. Е. Семенов анализирует духовные и идеологические приоритеты современных россиян, в частности петербуржцев, которые считаются в наибольшей степени «европейцами» в нашей стране (Семенов, 2001). В серии репрезентативных социопсихологических исследований 1999–2000 гг. в Петербурге сотрудники НИИКСИ под его руководством получили ряд данных.

Петербуржцам, в частности, предлагалось выразить свое мнение о том, какой бы они хотели видеть свою страну в будущем – самобытной или похожей на какую-либо высокоразвитую страну. Ответы распределились следующим образом: самобытной Россию хотят видеть 75% петербуржцев, похожей на Германию – 5%, похожей на Францию или США – по 2%, на Японию – 1,7%. Образ будущей России в целом явно не представляется прозападным. Характерен и тот факт, что в качестве стран, являющихся настоящими друзьями России, петербуржцы прежде всего называют Белоруссию (51% опрошенных), Украину (17%), Китай (13%), Индию (11%), Югославию (9%). Среди западных стран более или менее часто петербуржцы называли только Финляндию – страну-соседа (8%).

Кризис российской постсоветской психологии

В контексте обсуждения проблем профессионального самосознания постсоветской отечественной психологической науки и дискуссий о путях ее развития существенное место занимает так называемый кризис психологии. Правомерна ли оценка состояния психологической науки как кризисного, – задается вопросом В. А. Кольцова, – и, если да, то каковы причины, характер и проявления кризиса (Кольцова, 2007, с. 8)? В цитируемой работе В. А. Кольцова справедливо отмечает, что ответы на эти вопросы в современной науковедческой

литературе опираются на анализ состояния кризиса мировой психологии конца XIX—начала XX в. в работах К. Бюлера, Н. Н. Ланге, С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, М. Г. Ярошевского, А. Н. Ждан и других отечественных и зарубежных ученых. В качестве основных «симптомов» кризиса в часто цитируемой работе А. В. Юревича (2005а, с. 251–252) указаны:

- отсутствие единой, общеразделяемой теории;
- разобщенность на психологические «империи», такие, как когнитивизм, психоанализ, бихевиоризм и т. п., каждая из которых живет по своим собственным законам;
- отсутствие универсальных критериев добывания, верификации и адекватности знания;
- некумулятивность знания, объявление каждым новым психологическим направлением всей предшествующей ему психологии набором заблуждений и артефактов;
- раскол между исследовательской и практической психологией;
- расчлененность целостной личности и «недизъюнктивной» психики на самостоятельно существующие память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции;
- различные «параллелизмы» — психофизический, психофизиологический, психобиологический, психосоциальный, которые психология осознает как неразрешимые для нее «головоломки».

Доминирует в литературе представление о кризисе психологии как о перманентном и системном. Так, в качестве наиболее остро переживаемого проявления кризиса А. В. Юревич указывает отсутствие прогресса в устранении вышеназванных симптомов: «Оценки методологического состояния психологии, которые давались У. Джемсом или Л. С. Выготским, ничем не отличаются от современных оценок» (Юревич, 2005а, с. 252). А. В. Юревич говорит о перманентном кризисе, присутствующем в самосознании психологов на всем протяжении самостоятельного существования их науки.

С нашей точки зрения, для понимания того, в какой мере и в каком смысле приложимо к современному состоянию психологической науки понятие кризиса, необходимым является разделение, выделение и обособление в кризисной симптоматике того, что может быть выделено и обособлено. Среди названных симптомов кажется необходимым выделить два существенно различных по своей сути кластера:

- симптомы, связанные с раздробленностью психологической науки на независимые «империи» — школы;

- симптомы онтологического рода, проявляющиеся в недостаточности понимания психологией своего предмета и пр.

Очевидно, что данные два кластера симптомов не слишком тесно между собой связаны и не обуславливают друг друга непосредственно, хотя в литературе традиционно рассматриваются в единстве.

Нам представляется необходимым прежде всего сосредоточить внимание на очевидной и общепризнанной симптоматике — на так называемом расколе психологии на слабо связанные между собой школы. Под углом зрения именно этих «симптомов» рассмотрим более чем вековую историю кризиса психологии.

Принято выделять следующие периоды кризиса:

- 1) период возникновения кризисной ситуации: третья четверть 1870-х годов—первое десятилетие XX в.;
- 2) период открытого кризиса: начало 1910-х—середина 1930-х годов;
- 3) период «затухания» борьбы школ: с конца 1930-х годов, окончание не определено (История психологии, 1992, с. 6).

Возникновение кризиса в психологии явилось непосредственным следствием введения экспериментального метода В. Вундтом, ассоцианистическая система которого была наиболее распространенным направлением в европейской психологии второй половины XIX в. Введя в психологию эксперимент, Вундт ограничил возможности его применения областью простейших психических процессов, преимущественно ощущения и восприятия, не считая возможным экспериментальное изучение «высших психических функций». Однако вскоре после своего возникновения экспериментальный метод проникает практически во все области психологии. Новые факты требуют новых теоретических обобщений. В полемике с психологией Вундта зарождается психология актов Ф. Brentano, появляются австрийская, вюрцбургская школы психологии мышления, система У. Джемса и возникший на ее основе функционализм, а также многие другие оригинальные направления.

Яркую картину этого периода дал Н. Н. Ланге: «В этом огромном и новом движении, при явном разрушении прежних схем и еще недостаточной определенности новых категорий, при, так сказать, бродячем и хаотическом накоплении новых терминов и понятий, в которых даже специалисту не всегда легко разобраться, мы получаем такое впечатление, будто самый объект науки — психическая жизнь — изменился и открывает перед нами такие новые стороны, которых раньше мы совсем не замечали, так что для описания их прежняя психологическая терминология оказывается совершенно недостаточной.

При этом, однако, обнаруживается вторая характерная черта новых психологических направлений <...>: крайнее разнообразие течений, отсутствие общепризнанной системы науки, огромные принципиальные различия между отдельными психологическими школами <...>. Ныне общей, т. е. общепризнанной системы в нашей науке не существует. Она исчезла вместе с ассоцианизмом. Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» (Ланге, 1922, с. 42).

Второй период кризиса, называемый периодом «открытого кризиса», начинается с выступления бихевиоризма в 1913 г. Этот период характеризуется возникновением новых ярких теоретических направлений, заявивших о себе как об общепсихологических теориях. В качестве основных влиятельных в психологии того времени школ Л. С. Выготский в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» называет психоанализ, рефлексологию, гештальтпсихологию и персонализм.

Во время открытого кризиса, или, как его еще называют, борьбы школ, между этими направлениями существовала активная полемика, велись постоянные дискуссии. Книга «Исторический смысл психологического кризиса» написана Л. С. Выготским в 1927 г. — и написана непосредственным наблюдателем и участником событий. В этой книге поражает абсолютно точное видение автором тех тенденций, которые в полной мере развились позже и определили развитие мировой науки во время так называемого третьего этапа кризиса психологии. Во время Выготского дискуссия между школами еще существовала, но ведущей уже стала тенденция к прекращению контактов, полному распаду психологии на отдельные не согласующиеся между собой «науки», обозначенная ученым так: «В психологии происходит не борьба воззрений, которые можно привести к соглашению и которые уже объединены общностью врага и цели; даже не борьба течений или направлений внутри одной науки, а *борьба разных наук*. Есть много психологий — это значит: борются различные, взаимно исключают друг друга реальные типы науки. Психоанализ, интенсиональная психология, рефлексология — это все *типы разных наук*, отдельные дисциплины, тендирующие к превращению в *общую психологию*, т. е. к подчинению и исключению других дисциплин» (Выготский, 1982а, с. 374).

Выготский последовательно анализирует причины и признаки происходящего раскола. Корнем раскола является разное понимание самого предмета психологии. Подобно тому как астроном, наблюдая солнечное затмение, фиксирует не все случайные признаки, но лишь

то, что делает явление астрономическим фактом, психолог, исследуя разнообразные явления душевной жизни, непременно должен выделять, описывать в них лишь то общее, что делает их предметом его науки. При этом традиционный психолог определяет в качестве психических явления непространственные и доступные восприятию лишь самого переживающего субъекта. Рефлексолог выделяет в качестве предмета своего анализа факты поведения, соотносительной деятельности, рефлексy. Психоаналитики считают психическими явления, в основе которых лежит бессознательное. Соответственно определены три разных предмета изучения – три разных науки. Любой факт, выраженный в понятиях каждой из этих трех систем, примет три различные формы. Вернее, пишет он, это будут три различных факта. По мере накопления фактов мы получим три различных обобщения, три различных закона, три отдельные системы, которые будут тем дальше от первого факта и друг от друга, чем успешнее они развиваются. Выготский отмечает, что психоанализ, бихевиоризм и субъективная психология уже оперируют не только разными понятиями, но и разными фактами: «Для В. Штерна <...> психоаналитические толкования, столь же обыденные в школе З. Фрейда и столь же несомненные, как измерение температуры в госпитале <...>, напоминают хиромантию и астрологию XVI в. Для Павлова утверждение, что собака вспомнила пищу при звонке, есть тоже не больше чем фантазия» (Выготский, 1982а, с. 300).

Выготский отмечает, что сама мысль о том, что психологические направления расходятся и тяготеют к превращению в самостоятельные, не связанные между собой науки, носилась в воздухе. Об этом говорил К. Коффка, в этом смысле высказываются И. П. Павлов и В. М. Бехтерев.

И все же книга Выготского проникнута удивительной верой в необходимость и возможность синтеза, формирования единой науки, в структуре которой были бы соотнесены все научные знания о закономерностях душевной жизни в единстве ее субъективных и объективных проявлений.

Выготский говорит как о проблеме первостепенной важности для только что сложившегося профессионального сообщества психологов о разработке общей психологии. Существенно, что под общей психологией он понимает не теоретическую психологию в ее противопоставлении прикладной, не психологию некоторого усредненного взрослого человека в ее противопоставлении дифференциальной, возрастной, сравнительной, патопсихологии, но общую науку, в структуре которой были бы обобщены, соотнесены и сис-

тематизированы знания, накопленные отдельными психологическими дисциплинами.

«В последнее время, — пишет Л. С. Выготский в 1927 г., — все чаще раздаются голоса, выдвигающие проблему общей психологии как проблему первостепенной важности. Мнение это, что самое замечательное, исходит не от философов, для которых обобщение сделалось профессиональной привычкой; даже не от теоретиков-психологов, но от психологов-практиков, разрабатывающих специальные области прикладной психологии <...>, представителей наиболее точной и конкретной части нашей науки. Очевидно, отдельные психологические дисциплины в развитии исследования, накопления фактического материала, систематизации знания и в формулировке основных положений и законов дошли до некоторого поворотного пункта. Дальнейшее продвижение по прямой линии, простое продолжение все той же работы, постепенное накопление материала оказываются уже бесплодными или даже невозможными. <...> Из необходимости — на известной ступени знания — критически согласовать разнородные данные, привести в систему разрозненные законы, осмыслить и проверить результаты, прочистить методы и основные понятия, заложить фундаментальные принципы <...> из всего этого и рождается общая наука» (Выготский, 1982а, с. 292).

Выготский полагал, что материалистическая психология, развиваясь в непосредственном взаимодействии с практикой, сможет достичь единства и что основой для нее послужит марксизм. Этот прогноз не оправдался. Исторически сложилось, что раскол единой психологической науки на малосвязанные между собой независимо развивающиеся направления продолжился на длительном третьем этапе кризиса, который начался в 1930-е годы и получил название периода затухания борьбы школ. Отечественная теория, основанная на марксистской философии, не стала базой для объединения зарубежных школ, но, напротив, вступила в длительный период относительной изоляции за «железным занавесом». Связь отечественной науки с практикой, в которой Выготский видел важнейший нерв ее развития, была практически полностью разорвана после разгрома педологии и психотехники во второй половине 1930-х годов, практические исследования для советских психологов на многие десятилетия стали областью смертельного риска.

Мировая психологическая наука вслед за периодом открытого кризиса вступила в так называемый период затухания кризиса, когда связь между школами практически прекратилась и развитие психологии на протяжении большей части XX в. осуществлялось в рамках

отдельных школ, которые, в соответствии с гениальным предвидением Выготского, становились тем дальше друг от друга, чем успешнее они развивались.

Можно ли говорить как о типичном явлении о муках недостаточного понимания психологией своего предмета, о симптомах «онтологического» кризиса применительно к данному периоду, к периоду максимальной разобщенности школ? Я думаю — нет. Если выводы о принципиальной недостаточности психологических теорий и делались, то лишь по отношению к чужим теориям и чуждым школам, примером чего является представление о кризисе *буржуазной* психологии, бывшее неотъемлемой частью советской истории психологии. В советской психологии послевоенного времени никакого кризиса собственной науки никогда не диагностировалось. Да и в классической работе Л. С. Выготского наряду с констатацией отсутствия взаимопонимания среди психологов, принадлежащих к разным школам, ясно звучит оптимистическая уверенность в грядущей победе той школы, к которой он сам принадлежал, и в ее высоком научном потенциале в отношении преодоления актуальных проблем.

Таким образом, в качестве отдельного явления истории мировой психологической науки целесообразно выделить ее кризис, суть которого сводится к единому комплексу проявлений — распаду психологии на отдельные, слабо связанные между собой школы. Этот кризис начался в последней трети XIX в. и в 1980-х годах завершился.

Современное состояние мировой психологической науки, как и состояние других сторон жизни человечества, характеризуется выраженной тенденцией к интеграции. Мир становится единым. Информационный обмен и нужды практики, необходимость разработки единых стандартов профессий уже изменили то состояние мировой психологической науки, в котором она пребывала с конца XIX в. на протяжении более ста лет, — состояние «феодальной раздробленности» школ, фактического отсутствия единого общенаучного контекста. Так, процесс объединения Европы вызвал к жизни ряд проектов соответствующей направленности. Важнейшие цели, которые были поставлены в рамках данных проектов, — создание единого диплома о психологическом образовании (*Europpsychologist diploma*), действительного во всех европейских странах, что должно обеспечить общеевропейский рынок труда для психологов и формирование общеевропейской единой правовой базы, регулирующей профессиональную деятельность в сфере психологии с целью обеспечения гарантий высокого уровня соответствующих профессиональных услуг для населения европейских стран.

Обязательным условием достижения этих целей является формирование единого стандарта знаний, которыми должен обладать специалист, получающий диплом о высшем образовании. Выработка такого стандарта предполагает соотнесение в едином контексте подходов, развиваемых весьма многочисленными и разнообразными научными школами, существующими в современной психологической науке.

Необходимость соотнести различные подходы в контексте единой психологической науки стала актуальной задачей. В мировой психологической науке закономерно возникли попытки обобщения и соотнесения психологических теорий, создания «теории теорий» психологии, используя выражение А. В. Петровского.

В современной мировой науке сложились и упрочиваются устойчивые приемы сотрудничества представителей разных школ в рамках международных объединений, как практических, так и образовательно-теоретических. Коммуникация между школами активно и с неизбежностью налаживается, и ведущую роль играет в этом фактор институционализации психологической практики, становление психологии как профессии. Отечественная психология участвует в общем движении, она интегрируется в мировую науку после периода относительной изоляции.

Теперь обратимся к «онтологической» кризисной симптоматике постсоветской российской психологии. Хочу подчеркнуть, что наблюдаемые в нашей науке явления: переживание психологией собственной несостоятельности, переживание психологами несостоятельности собственных теорий – представляют собой, во-первых, явление новое, появившееся в постсоветский период. Для советской российской психологии ничего подробного характерно не было. Как уже говорилось выше, критиковали «соседей», но отнюдь не сетовали на несовершенство собственной методологии.

Возьму на себя смелость утверждать, что «онтологическая» кризисная симптоматика – суть проявление нового, локального кризиса, лишь опосредованно связанного с первым, который длился более века и суть которого заключалась в феодальной раздробленности школ. Данный кризис имеет ярко выраженный локальный характер, отнюдь не перманентный. Это кризис российской постсоветской психологии, причины которого имеют конкретно-историческую природу, коренятся в ситуации, сложившейся в российской науке этого периода.

В. А. Мазилев (2006) в контексте проблемы кризиса задается «вечными» вопросами: «Кто виноват? Что делать? С чего начать?». Огра-

ничусь здесь ответом на последний. Начать следует с непримиримого и четкого размежевания с психологией ненаучной, с психологией, которая открыто не желает «стесняться» себя рамками критериев научности, отрицает специфику научного психологического познания, размывает границы между психологическим познанием научным и ненаучным. Следует четко и институционально размежеваться с такой психологией и лишить ее представителей права на использование «бренда» науки на рынке психологических услуг.

Такой шаг позволит преодолеть раскол между психологической наукой и психологической практикой.

Этот шаг позволит преодолеть и раскол между восточной и западной психологией, так как под видом «восточной» в российской психологии функционируют сейчас в первую очередь именно ненаучные психологические воззрения. И кризис рационалистической методологии, и возрастание веса дезинтеграционных моделей – все эти симптомы суть следствие одной причины.

Я полностью согласна с А. В. Юревичем, когда он говорит о необходимости «рациональной психотерапии», т. е. изменении самосознания отечественной науки.

С моей точки зрения, такая «рациональная психотерапия» должна заключаться в переходе к восприятию российской психологической науки, а именно того направления, которое сложилось и развивалось в России советского периода как одна из школ мировой науки, не тождественная психологической науке в целом. Так как в основном все эти симптомы представляют собой переживания по поводу соринки в чужих глазах, которые – увы! – мешают этим глазам смотреть по-нашему. За названными симптомами стоит осознаваемая или неосознаваемая тоска по «единой теории», конечно, такой, которая в основе своей будет иметь наши сегодняшние воззрения. Тоска и надежда навязать соседу свое видение недостатков его теоретических позиций и обратить его в свою веру. Этим надеждам не суждено сбыться. Следует понять, что психология, какой она исторически сложилась в мире, – наука мультипарадигмальная, и путь ее интеграции – развитие коммуникации (В. А. Мазиллов) между школами, взаимного понимания, знания и признания. У каждой школы есть своя зона компетентности и свои ограничения. Когда мы осознаем себя в качестве великой школы, обладающей существенным потенциалом развития и сегодня (Ждан, 2006; Кольцова, 2007; и др.), но не единственной, не тождественной всей психологической науке, в поле нашего внимания окажутся решаемые проблемы, что резко повысит уровень оптимизма и самооценки.

Глава 4

Методологические дискуссии в постсоветской психологической науке

На рубеже тысячелетий в российской психологии развернулся ряд методологических дискуссий.

Дискуссия о предмете психологии

Вопрос о предмете психологии закономерно находится в центре внимания ученых в последних десятилетиях XX в.: его постановки требует логика развития психологической науки. Этот вопрос важнейший и главный. Не случайно в литературе на протяжении всего постсоветского периода наблюдается лавинообразный рост числа публикаций по этой теме. Стало очевидным, что «проблема предмета психологии – центральная методологическая проблема всей (в особенности новейшей) психологии» (Мазилев, 2004, с. 207).

Более века назад именно с разногласий в отношении предмета начался так называемый кризис психологии, когда мировая психологическая наука фактически распалась на независимые «империи», в контексте которых относительно изолированно продолжалось ее развитие на протяжении всего XX в. Бурные дискуссии о предмете периода открытого кризиса не привели к общему, приемлемому для всех решению.

В современной мировой психологической науке доминирует тенденция к интеграции, важнейшим фактором которой стало развитие психологической практики во второй половине XX в., становление психологии как профессии, что настоятельно требует единых стандартов в этой области. Смена ведущей тенденции, поворот от изоляции к диалогу позволяют утверждать, что кризис психологии в выше-названном его понимании завершился (Мироненко, 2008б). Таким образом, круг замкнулся, и психология вновь, на новом этапе развития, в посткризисный период, стоит перед задачей определения своего предмета, определения, на основе которого станет возмож-

ной интеграция школ и направлений в контексте единой мировой психологической науки.

Для отечественной школы постсоветский период имел особый, в определенном смысле парадоксальный характер. Во-первых, изоляция отечественной школы, характерная для периода кризиса, усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития страны, возникшим языковым барьером. Это была изоляция, в которой, наряду с общей для всех школ тенденцией замыкания внутри себя, преимущественного обмена информацией внутри школы, присутствовал и специально созданный государством барьер, препятствующий выходу информации за пределы научной школы. В советской общей средней школе разговорному иностранному языку не учили. Изучалась грамматика и отчасти словарь, так что общая формулировка о степени знания языка в анкетах не случайно была «читаю со словарем». Понятийный аппарат советской психологии сложился на основе русского языка, так что проблема перевода здесь становится проблемой интерпретации. Это делает проблему интеграции в единый контекст мировой науки специфически сложной для российской науки.

Во-вторых, в советской России развитие психологии с помощью идеологического пресса отчасти насильственно удерживалось в рамках единого направления. В настоящее время отечественная психология уже не является монометодологической областью знания с единой парадигмой. Развитие бурно растущих прикладных отраслей психологической науки в современной России происходит преимущественно на основе иных подходов: гуманитарных, заимствованных из смежных наук, ассимилированных из зарубежной психологии. Фундаментальные теоретические работы также не ограничиваются руслом направления, сложившегося в советский период. Таким образом, современный период стал и временем распада прежде единой отечественной школы.

Все это делает вопрос о предмете психологии вдвойне актуальным и драматичным для российского профессионального психологического сообщества: это вопрос не только интеграции теорий мировой науки, но и вопрос возможности или невозможности воссоединения еще недавно единого отечественного профессионального сообщества.

Для того чтобы в процессе интеграции сложилась единая мировая психологическая наука, ученые, принадлежащие к различным школам, должны определить в качестве своего предмета нечто приемлемое для всех, что позволит обмениваться информацией и кон-

структивно обсуждать общие вопросы. Предлагаемое сегодня определение предмета должно быть достаточно широким — в этом нельзя не согласиться с В. А. Мазиловым (2004) — и, главное, не должно основываться на постулатах, принятых в одной из школ и для других неприемлемых. Мне представляется бесперспективным предлагать сложившиеся в отдельных школах «частные» варианты решения, не позволяющие вписать в рамки декларируемого предмета исследования психологов, не принадлежащих к данному направлению, как бы продуктивны эти определения ни были «во внутреннем пользовании» школ. Поведение, деятельность, мозговые механизмы, сознание, бессознательное и др. — прекрасные конструкты. Исследования в русле, определяемом ими, существенно обогатили психологию, фактически из этих исследований сложилась современная психология. Но ни одно из этих понятий не годится в качестве определения общего предмета психологии, так как ни одно из них не позволяет интерпретировать и полноценно интегрировать достижения психологии, полученные за пределами «родной» школы.

О том, что такой предмет существует, может свидетельствовать практика: становление профессии психолога во второй половине XX в. как профессиональной деятельности в единой предметной области; работа международных научных и научно-практических союзов и объединений психологов, принадлежащих к разным школам, в частности таких крупных и успешных, как International Union of Psychological Science (IUPsyS), International Association of Applied Psychology (IAAP), American Psychological Association (APA) и др., сфера деятельности которых включает в себя издание научных журналов и проведение представительных научных форумов; логика развития профессионального психологического образования, которое идет в направлении выработки единых стандартов в разных университетах и странах. Практика убедительно свидетельствует о наличии единого общего предмета исследования для специалистов-психологов, принадлежащих к самым разным школам и направлениям. Проблема в том, что не удастся найти приемлемое для всех его определение. Трудности в решении этой задачи убедительно свидетельствуют о необходимости специального теоретического исследования, разработки, по выражению В. А. Мазилова, «концепции предмета» (Мазилов, 2004).

В поисках широкого, обобщающего определения предмета психологии многие российские психологи обращаются к понятию души. Знакомство, например, с работами, вошедшими во второй том Трудов Ярославского методологического семинара (Труды..., 2004),

целиком посвященный проблеме предмета психологической науки, показывает, что именно в этом направлении движется наиболее целеустремленный, активный и сплоченный отряд наших методологов. И. П. Волков предлагает использовать понятие души «в качестве базового концепта, методологического принципа психологии, необходимого для адекватного теоретического отображения источника психической реальности» (Волков, 2004, с. 37). По его мнению, именно «понятие о душе как общетеоретическая категория психологии могло бы снять проблему междисциплинарной несовместимости в психологии» (там же, с. 34). В. И. Зацепин, который видит будущее нашей науки в русле развития так называемой интегральной психологии, допускает, что «генеральным предметом интегральной психологии может стать именно душа» (Зацепин, 2004, с. 95). В. И. Зацепин называет в числе тех, кто призывает к возврату психологии к душе в качестве своего предмета, И. П. Волкова, В. В. Козлова, А. И. Субетто, Н. П. Фетискина, В. Н. Шадрикова и др. Возможность использования категории души в психологии обсуждают в названном выше сборнике такие известные методологи, как В. П. Зинченко (2004) и В. А. Мазилев (2004).

Примечательно, что развернутая аргументация в пользу категории души практически не встречает возражений. Наиболее скептически настроенные авторы лишь высказывают сомнения в том, что введение категории души позволит решить все методологические проблемы современного развития науки и немедленно приведет нас к процветанию. На страницах сборника также дважды приводится предостерегающее высказывание М. Я. Ярошевского: «Когда ныне рушится вся привычная система ценностей, захлестываемая грозной волной бездуховности, возвращение к душе представляется якорем спасения. Но наука, в отличие от мифологии, религии, искусства, имеет свои выстраданные веками критерии знания, которое в основе своей является детерминистским, т. е. знанием причин, знанием закономерной зависимости явлений от порождающих их факторов, доступных рациональному анализу и объективному контролю» (Ярошевский, 1994, с. 96). Прошло много лет с тех пор, как были написаны эти строки. Состояние психологии в России существенно изменилось. Но вопрос о том, может и должна ли психология быть наукой о душе, не утратил своей актуальности, требует обсуждения и новых аргументов.

Я считаю обращение к категории души глубоко неверным шагом, не только бесполезным, но и весьма опасным для развития отечественной психологической науки.

Во-первых, содержание понятия «душа» не более определено, чем содержание понятия «психика». Часто повторяемая в литературе мысль о том, что «психика» — плохое определение предмета науки, так как в свою очередь требует экспликации, полностью может быть отнесена и к понятию души. В работах сторонников использования этого понятия уже можно видеть как существенные различия, так и высочайшую степень неопределенности в отношении того, что же собственно предлагается называть душой.

Во-вторых, душа, как известно, полагалась предметом психологической науки на ранних этапах становления научного рационального познания, когда психология еще не выделилась, не «отпочковалась» от целостного способа понимания мира, присущего древним, не отделилась от житейского психологического познания, религиозного мировоззрения. На протяжении уже нескольких столетий понятие души не используется научной психологией в качестве специального термина, на что есть свои причины.

Понятие души в современной культуре неразрывно связано прежде всего с религией. В этой области веками разрабатываются представления о душе. Эти представления весьма определены и существенно различны в разных религиях и конфессиях. Попытка использовать понятие души в качестве термина в интернациональной и построенной на единых законах человеческой логики науке, придать этому понятию единое и определенное значение, с одной стороны, привела бы к засорению науки вненаучными элементами, а с другой — оскорбила бы чувства верующих. Вот как, например, смотрит на проблему познания души Русская православная церковь: «Человеческая душа (*психэ* по-гречески) есть вечно живая умная сущность — *дух*, сотворенный Богом по своему образу и подобию. Дух не поддается научному исследованию как физический объект или биологический феномен, но, обладая самосознанием, душа сама ощущает себя и выражает собственное бытие посредством мышления, речи, проявления воли и чувств» (Михайлов, 2005, с. 3).

Допустимо ли по отношению к такому явлению исследование, основанное на принципах детерминизма? Вера не знает сомнений и не нуждается в доказательствах: ей принципиально чужды эти неотъемлемые черты науки.

Какие последствия влечет за собой обращение к понятию души в качестве предмета психологического исследования, наглядно показывает опыт духовной психологии — направления, развивавшегося в России в конце XIX—начале XX в., предметом которого как раз и полагалась душа. Вера и знание признавались здесь тож-

дественными как по их психологической природе, так и по логическому строению (Психологическая наука..., 1997). В рамках духовной психологии уделялось большое внимание обоснованию тезиса о том, что «самооткровение духа» может служить источником его познания, «о чем свидетельствует обилие статей на эту тему, опубликованных в различных философско-религиозных, богословских и других изданиях» (Психологическая наука, 1997, с. 40). Таким образом, интроспекция считалась методом исследования более приемлемым, чем методы объективные. Кроме того, в контексте названного направления утверждалась непрерывность процесса сознания: «Перерыв его равнялся бы прекращению жизни души» (цит. по: Психологическая наука, 1997, с. 40). Существование бессознательных явлений отрицалось. С точки зрения и современных религиозных мыслителей, «ученые США и Западной Европы <...> погрязли <...> в мистике гештальтизма, экзистенциализма, пансексуальной мифологии Фрейда» (Михайлов, 2005, с. 7).

Очевидно, что весьма существенная часть современных психологических теорий в чем-то идет вразрез с религиозными представлениями. Можно ли рассчитывать, что такого рода представления позволят интегрировать накопленную информацию? Более того, попытки вступить в прямой диалог с приверженцами религиозного мировоззрения и предлагать им какие-либо гипотезы и теории имели бы для психологии самые тяжелые и разрушительные последствия. Любые попытки утверждать что-либо о душе с позиций современной мировой психологической науки были бы с гневом отвергнуты религиозными мыслителями. Потому что душа не относится к явлениям объективно существующего реального мира, объяснить который призвана наука в единстве ее естественно-научных, точных и гуманитарных разветвлений. То, что люди называют душой, не доступно научному исследованию, а придумывать что-то новое и называть это душой в каком-то новом, «научном» понимании — не принесет ничего, кроме вреда и раздора.

Призыв избрать душу в качестве предмета психологической науки, на мой взгляд, стоит в одном ряду с известной концепцией «интегративной психологии» (К. Уйбер, В. В. Козлов), в рамках которой утверждается «идея признания общего истока и глубинного единства всех представлений о психическом, включая не только психологические школы, но и мировые религии, различные духовные традиции, философские и психотерапевтические, эзотерические и профанические» (Козлов, 2004, с. 206). В обоих случаях мы видим устремление людей науки к стиранию границ между психологической наукой

и другими способами психологического познания, такими как искусство, религия, здравый смысл и иные. Это нередкое сегодня явление основывается на сомнениях относительно того, должна и может ли психология быть наукой в полном смысле слова. В качестве аргументов отрицательного ответа часто ссылаются на то, что психология не может соответствовать строгим критериям проверяемости, детерминизма, кумулятивности и др., которые предъявляются к подлинно научному знанию. Однако ни одна из наук не может считаться совершенной, в любой науке существуют противоречия, недоказанные гипотезы и т. п. В такой безусловно научной области знания, как физика, мирно сосуществуют классическая механика Ньютона и фактически ее отменяющая теория относительности. Каждая находит применение там, где она наиболее эффективна.

Критерии «научности» определяют направления развития теорий, правила, по которым они создаются и принимаются научным сообществом и гарантируют само существование науки как специфической формы познания, а не совершенство, непротиворечивость и абсолютную истинность продукта науки – научного знания, которые никогда не могут быть достигнуты. Что касается постмодернистских тенденций в развитии психологии, либерализации в современной науке критериев научности знания, в моем представлении, под этим следует понимать не отмену правил, а их усложнение, переход к представлению законов психологии в терминах многомерных, многосвязных и нелинейных теоретических моделей. Постмодернистская психологическая наука остается наукой, и она ничуть не ближе к мифологии, чем классическая, подобно тому как теория относительности не более мифологична, чем классическая механика.

Современная психология сложилась как наука мультипарадигмальная. С самым глубоким уважением относясь к концепции коммуникативной парадигмы развития психологии, предлагаемой В. А. Мазилковым, в контексте которой, как предполагается, будут развиваться научившиеся понимать друг друга различные психологические школы, я не могу согласиться с предложением включить в процесс коммуникации на равных правах и вненаучные формы познания. «Проблема состоит в том, чтобы обеспечить возможности „рационального анализа“ и „объективного контроля“, *если, конечно, мы хотим, чтобы психология оставалась наукой*» (Мазилков, 2004, с. 209). Возможен ли рациональный анализ и объективный контроль в отношении «мировых религий, различных духовных традиций, философских и психотерапевтических, эзотерических и профанических»? Можно ли применить в научном исследовании «идею непротиворе-

чивости» как принцип жизни и мышления научного сообщества, сформулированную, например, так: «Мы должны стремиться к объединению и жить в духе непротиворечивости» (Козлов, 2004, с. 206)?

Путь к пониманию и определению предмета психологии на новом этапе ее развития лежит, на мой взгляд, через осознание очевидного.

«Специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяется отчетливо и ясно — это наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т. п. — все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано» (Рубинштейн, 2009, с. 10), — писал С. Л. Рубинштейн.

Вряд ли кто-либо из коллег будет возражать против такого определения, всем хорошо известного, однако то, что споры о предмете не утихают, свидетельствует о том, что данное определение не представляется достаточным. Почему?

Л. М. Веккер уже в 1970-е годы придавал проблеме предмета огромное, основополагающее значение для развития психологии, однако рассматривал он эту проблему существенно по-иному, чем она ставится в большинстве современных работ. Л. М. Веккер обсуждал не формулировку, а содержание, сущность предмета психологии. Его интересовал сам процесс обретения и осознания психологией своего предмета: «Существует глубокая и все более отчетливо раскрывающаяся аналогия между фазами становления отдельных актов индивидуального человеческого познания (восприятия или мысли) и ступенями исторического развития научных понятий. Из экспериментальной психологии восприятия хорошо известно, что процесс формирования образа начинается с различения и далее идет через опознание к полному и адекватному восприятию данного объекта <...> Аналогичным образом <...> историческое становление научных понятий начинается именно с их различения. Так, формирование и развитие понятия *психического* явления или процесса естественно начинается с различения психического и непсихического, т. е. с противопоставления сферы психических явлений всему многообразию остальной реальности, которая в эту сферу не включается. Такое первичное различение по самому своему смыслу покоится на выделении исходной совокупности отличительных признаков, *общих* для всех процессов, относящихся к категории психических...» (Веккер, 1974, с. 9–10). Л. М. Веккер справедливо полагал, что научное познание начинается с выделения эмпирических, феноменологических характеристик предмета (будем называть это определением вида А. За этим следует собственно научный анализ, итогом кото-

рого становится возвращение к предмету на новом витке: создание теоретической модели предмета, которая должна позволить объяснить его известные свойства и прогнозировать ранее не выявленные (определение вида Б).

Если обратиться к определению предмета психологии как мира душевных (психических) явлений, непосредственно переживаемой нами психической реальности, становится очевидным, что это определение феноменологическое (вида А). Споры же идут по поводу применимости в современной науке тех или иных определений теоретических моделей (вида Б). Таким определением было классическое для советской науки определение психики: психика – системное свойство высокоорганизованной материи, являющееся особой формой активного отражения субъектом объективной реальности. Такого рода определение предлагает Н. И. Чуприкова: «...психология занимается воссозданием (воспроизведением, реконструкцией, построением моделей) содержания, структуры, динамики и закономерностей отражательной и регулирующей поведение деятельности мозга на основе детального изучения ее внешних поведенческих проявлений в известных и контролируемых обстоятельствах» (Чуприкова, 2004, с. 104).

Предложенная Н. И. Чуприковой теоретическая модель целостной функциональной системы психического отражения и регуляции поведения и деятельности (Чуприкова, 2004, 2006, 2009) вызывает интерес профессионального сообщества и служит предметом дискуссий. Признавая разрабатываемый Н. И. Чуприковой подход чрезвычайно полезным и обогащающим психологическую науку, я в то же время считаю его принципиально ограниченным в своих возможностях и опасным в случае выхода за их пределы, так как означает утрату самого предмета психологии, не тождественного предмету физиологии

Примером может быть история ожиданий, порожденных детекторной теорией зрения в последней трети XX в. Исследования Д. Хьюбела и Т. Визела в 1960-е годы выявили возможности работы рецептивных полей различной сложности как детекторов определенных пространственных свойств объекта (размера предъявляемого стимула, ориентации и длины линии, и пр.). Эти исследования, отмеченные Нобелевской премией, вызвали волну новых работ в поисках все более сложных детекторов и целый ряд теорий, описывающих зрительное опознание с этой точки зрения.

Гипотеза Хьюбела и Визела состояла в том, что в основу обработки информации зрительной системой положен принцип последова-

тельной интеграции и усложнения рецептивных полей. Так, простые корковые поля выделяют определенным образом ориентированную линию в определенном участке поля зрения. Объединение таких полей на выходной нейрон следующего уровня образует сложное рецептивное поле, выделяющее линии определенной ориентации относительно к их местоположению в поле зрения. Гиперсложные поля первого порядка выделяют отрезки прямых определенной ориентации, заканчивающиеся в определенной точке, а гиперсложные поля второго порядка — отрезки определенной ориентации и длины инвариантно к местам их концов.

Последователи Хьюбела и Визела предположили существование нейронов, избирательно реагирующих на изображение определенного объекта инвариантно к его размеру, положению, ориентации («гностические единицы» Конорского и др.). Сами Хьюбел и Визел были осторожны в своих заключениях. Им не удалось обнаружить более генерализированных рецептивных полей, и они стали сомневаться в возможности дальнейшей интеграции и в правильности первоначальных представлений.

В процессе исследований сторонников детекторной теории были обнаружены многие виды детекторов. Выявлены детекторы, позволяющие обнаружить линию определенной длины и ориентации, независимо от ее положения на сетчатке глаза, нейроны, чувствительные к изменению бинокулярной диспаратности, разнице в ориентации линии, отклоненной относительно фронтальной плоскости, к величине и знаку бинокулярной диспаратности и мн. др. Все они, несомненно, составляют определенную физиологическую основу зрения, но не позволяют объяснить целостного восприятия, так как все обнаруженные детекторы реагируют только на отдельные свойства стимула и исследователям не удалось обнаружить детектора ни одной, даже самой простой целостной формы.

Можно утверждать, что детекторная теория существенно дополнила представления о природе зрения, но не может служить объяснением целостного предметного восприятия.

Психология на протяжении всей своей истории как между Сциллой и Харибдой движется между двумя соблазнами:

- избавиться от субъективности своего предмета, стать наконец «настоящей» наукой, исследовать объективно существующие явления,
- раскрыть загадку человеческой души: научно доказать, обосновать, что является смыслом человеческой жизни, что нужно че-

ловеку для счастья и к чему он должен стремиться, что есть добро и зло.

Полагаю, что как первое, так и второе в конечном счете невозможно, а попытка сделать движение к любой из этих целей единственным вектором развития психологии ведет к разрушению психологической науки, к утрате ею либо своего подлинного предмета, либо статуса научного знания.

Ограниченность подхода Чуприковой – в его исходных постулатах, в эксплицитном и имплицитном содержании представления о предмете психологии, что влечет за собой и соответствующую трактовку вопроса о субстрате психики.

Психика – не просто обеспечение взаимодействия организма со средой путем отражения нужных свойств среды, что имплицитно следует из теории Н. И. Чуприковой. Это совершенно определенная часть бытия, которая, в частности, может трактоваться таким образом. Но одно не тождественно другому. Мы можем определить корову как млекопитающее, но понятие «млекопитающее» не исчерпывает содержания понятия «корова», как понятие «источник энергии» не позволяет исчерпывающе объяснить строение и функции атомной электростанции.

В психологии исторически сложилось представление о том, что, собственно, она изучает, это тот специфический круг явлений душевной жизни, который «составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано» (Рубинштейн, 2009, с. 10).

Все это в контексте теории Чуприковой становится эпифеноменом, может быть легко вынесено за скобки, что ею и делается.

Из вышеизложенного однозначно следует ответ на вопрос: можно ли в терминах физиологических процессов описать собственно психическое? И что можно описать этими терминами? Можем ли мы то, что физиологическими терминами описывается, считать исчерпывающим предметную область нашей науки? Концепция Чуприковой существенно обогащает психологию в части психофизиологической проблемы, однако, попытки претендовать на все поле психологии кажутся, мягко говоря, несостоятельными. Здесь ставится вопрос о прямом отождествлении психического с физиологическим как о пути преодоления психофизиологического дуализма: «Деятельность мозга, регулирующая поведение, должна быть квалифицирована как деятельность психическая, как психика. При этом речь идет не о том, чтобы свести психику к деятельности мозга или вы-

вести ее из этой деятельности. Речь идет о том, что там, где долгое время видели две разные сущности, две разные реальности, на самом деле существует одна сущность, одна реальность» (Чуприкова, 2009, с. 125), т. е. физиологические процессы. Чуприкова отрицает, что ее концепция предполагает прямое отождествление души и тела, однако единственное указываемое ею ограничение этого тождества в том, что *не все* мозговые процессы есть психика. Есть целый ряд телесных процессов, которые не есть психика. Психикой, таким образом, является определенная и наделенная заданными свойствами часть мозговых процессов.

Думается, все-таки стоит помнить, что «психология – это психология, а физиология – это физиология» (см.: Петровский, Ярошевский, 1996, т. 1, с. 180–181)¹.

Следует отметить, что великие российские физиологи, работы которых заложили основы естественно-научной российской школы в психологии, очень осторожно подходили к исследованиям «одухотворенного тела» и «овнешненного, объективированного духа» (цит. по: Зинченко, 2004, с. 102). Н. А. Бернштейн, А. Н. Северцов, И. М. Сеченов, А. А. Ухтомский и другие «верующие реалисты» (цит. по: Зинченко, 2004, с. 102) избегали прямого отождествления в постановке вопроса о соотношении психического и физиологического и видели в доступных объективному изучению физиологических процессах лишь показатели и индикаторы психических явлений, с помощью которых может осуществляться объективное исследование психического.

На первых страницах «Рефлексов головного мозга» в 1863 г. И. М. Сеченов пишет: «Разница в воззрениях школ на предмет лишь та, что одни, принимая мозг за орган души, отделяют по сущности последнюю от первого; другие же говорят, что душа по своей сущ-

1 «Можно сослаться лишь на устный рассказ академика АПН СССР Т. А. Власовой, работавшей в начале пятидесятых годов в Отделе науки ЦК партии, которым в то время заведовал Ю. А. Жданов. Она говорила, что после „павловской“ сессии уже был подготовлен проект документа, который должен был стать основой для постановления, аналогичного принятому в 1936 г. по поводу педологии. В частности, в нем содержалось предложение „закрыть“ психологию, заменив ее повсюду физиологией высшей нервной деятельности. Документ был представлен на утверждение Сталину. Получив и просмотрев проект, он сказал: „Нет, психология – это психология, а физиология – это физиология“. На этом „научные“ проблемы были решены и к ним больше не возвращались».

ности есть продукт деятельности мозга. Мы не философы и в критику этих различий входить не будем. Для нас, как для физиологов, достаточно и того, что *мозг есть орган души*, т. е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность» (Сеченов, 1961, с. 2; курсив мой. — И. М.). Можно видеть, что самостоятельное и несводимое к деятельности мозговых механизмов существование мира душевных явлений здесь сомнению не подвергается.

В 1909 г. Павлов разъяснял: «Я хотел бы предупредить недоразумение в отношении ко мне. Я не отрицаю психологии как познания внутреннего мира человека. Тем менее я склонен отрицать что-нибудь из глубочайших влечений человеческого духа. Здесь и сейчас я только отстаиваю и утверждаю абсолютные, непререкаемые права естественно-научной мысли всюду и до тех пор, где и куда она *может* проявлять свою мощь. А кто знает, где кончается эта возможность!» (Павлов, 1973, с. 88).

Павлов с большим уважением относился к психологической науке, он приветствовал открытие Психологического института в Москве, а также уже при советской власти приглашал его бывшего директора, профессора Г. И. Челпанова на работу в Колтуши, о чем пишут Петровский и Ярошевский (1996, с. 181). То, что Павлов в своей лаборатории запрещал использовать психологические термины, на мой взгляд, свидетельствует о том, что он глубоко понимал принципиальное различие между физиологическими и психическими феноменами и не допускал их отождествления.

К сожалению, в отечественной психологии имя Павлова прежде всего ассоциируется с пресловутой «павловской сессией», которая наряду с определенным позитивным влиянием на развитие ряда направлений нанесла российской психологии и существенный урон. Вклад Павлова в психологическую науку традиционно недооценивается российскими психологами. О нем лучше позволяют судить зарубежные работы, например, блестящая монография, написанная Д. Тодесом (Todes, 2014).

В силу своей онтологической природы психическое, субстратом которого является взаимодействие субъекта с окружающим миром, не сводимо к физиологическим механизмам. И вопрос о недостаточности прямого физиологического объяснения образного отражения звучит в работах специалистов по познавательным процессам все чаще. Характерно, что основной темой лекции, прочитанной профессором из Кембриджа Дж. Д. Моллоном на открытии 29 Европейского

конгресса по зрительному восприятию (ECVP, 2006), объединившего психологов, физиологов и специалистов по искусственному зрению из разных стран, было несоответствие между физиологией цветовосприятия и субъективным восприятием цветов, которое проявляется тем больше, чем успешнее идут исследования физиологических механизмов. «Не стоит ли нам поискать ключ к загадке цветовосприятия за пределами нашего тела?» – вопрошает он (Mollon, 2006, p. 1).

Н. И. Чуприкова начинает свою статью словами: «В настоящее время... вряд ли кто-нибудь всерьез сомневается в том, что психика животных и человека целиком и полностью порождается их работающим мозгом, является специфической функцией этого специализированного для осуществления данной функции органа тела» (Чуприкова, 2016, с. 3). На мой взгляд, здесь есть весьма веские основания для сомнений.

Примем вслед за Н. И. Чуприковой, что «В отечественной психологии сложилось общепринятое понимание психики как отражения действительности, необходимого для регуляции поведения и деятельности. Такое понимание сущности психики исходит из положения о нерасторжимой связи организма и среды как двух взаимодействующих подсистем» (там же, с. 9). Очевидно, что психика в такой трактовке представляется системным свойством, порождаемой взаимодействием организма и среды. Активное взаимодействие организма и среды – вот субстрат психики, а отнюдь не «целиком и полностью» работающий мозг! Это возражение не следует понимать, как некое излишнее уточнение того, что и так само собой ясно. Мозг – лишь одна из подсистем живого действующего тела, организма, который, в свою очередь, лишь подсистема целого, включающего в себя организм и среду, с которой он активно взаимодействует. А системное свойство потому и является системным, что оно не порождается ни одной из подсистем, отдельно взятой.

Не следует ли полагать, что в порождении психического самую существенную роль играет граница между телом и средой, сенсорные и двигательные системы, непосредственно взаимодействующие с окружающим миром? Здесь, на границе, происходит «кодирование» качественно разнообразной информации о внешнем мире, которая затем поступает в центральные отделы нервной системы уже в виде общей энергии нервных процессов. Здесь происходит и декодирование нервных импульсов, обеспечивающее адекватное среде движение. Не здесь ли нужно искать истоки собственно психического отражения? Можно ли утверждать, что вся информация, поступающая в анализатор, передается в мозг? Возможно ли это и необходимо ли?

«Невозможность понять происхождение качественных характеристик психических явлений на основе однородных по качеству лежащих в их основе нервных активностей» (там же, с. 13). Чуприкова пытается снять достаточно слабым предположением: «Если бы в работающем мозге, помимо однородных электрических импульсов, существовали еще какие-то другие, качественно разнородные процессы, то они, по-видимому, могли бы быть подходящим материалом для построения многокачественной картины наших ощущений, чувств и переживаний» (там же). Однако, если бы такие «другие» процессы в мозге существовали, то при современном уровне развития нейрофизиологической науки, их, скорее всего, уже открыли бы, при том, что поиски в данном направлении, как следует из статьи самой Н. И. Чуприковой, безуспешно ведутся уже более полувека.

Л. М. Веккер в своих лекциях неоднократно говорил о том, что объяснить психическое отражение напрямую из нервных импульсов без принятия в расчет системы декодирования невозможно.

Объяснять деятельность анализатора, рассматривая лишь то, что происходит в мозговом отделе, все равно, что утверждать, что пищеварительная система исчерпывается функциями желудка.

Следует к тому же помнить, что «внутренняя репрезентация характеристик мира», о которой часто говорит Чуприкова, носит вторичный характер, возникает на основе первичного отражения, ощущения и восприятия, образы которых обращены отнюдь не внутрь, а вовне! Именно в этом, в отнесенности первичного образа в пространство внешнего мира, в котором живет и действует субъект, состоит базовое свойство психического отражения – свойство проекции.

Использовать принцип дополнительности для объяснения единства духа и тела в русле монизма Спинозы – прекрасная и очень перспективная идея. Однако она не спасает концепцию Чуприковой, так как не физиологические процессы в мозге, а процессы реального взаимодействия живого существа с миром составляют материальный субстрат психического.

Чуприкова достаточно подробно останавливается на критике различных вариантов теории тождества психики и деятельности мозга и вариантов параллелистического решения психофизической проблемы. Однако ее попытки дистанцироваться от этих подходов, доказать, что ее концепция не является редукционистской, сводятся к декларациям.

Важнейшей частью предметной области психологии является психология человека. Чуприкова утверждает, что в предложенную ею схему строения целостной функциональной системы психики

«непротиворечиво вписываются эмпирические и философские характеристики сознания человека» (Чуприкова, 2009, с. 127). Так ли это? Цитирование литературных произведений не может серьезно рассматриваться как доказательство верности предлагаемой ею теоретической модели. Это только фигуры речи. Можно согласиться с тем, что в приведенных трех кратких фразах из «Войны и мира» — «вся сущность психики и сознания человека, их место в мире и Вселенной» (там же, с. 128), однако причем здесь отождествление психического с физиологическими процессами мозга?

Представляется, что из «исходного фундаментального понимания психики как отражения действительности и регуляции на этой основе поведения и деятельности», истоки которой *«коренятся в самой природе жизни, предполагающей нерасторжимую связь организма и среды, постоянное их взаимодействие»*, как раз невозможно вывести основные *человеческие* качества.

Л. Н. Толстой, которого цитирует Н. И. Чуприкова, писал: «Если человек — только телесное существо, то смерть есть конец чего-то ничтожного» (Толстой, 1956, с. 472—473).

Согласимся ли мы считать, что человек — это *только* организм? Пусть даже альтруистически и просоциально связанный с группой других, биологически или социально близких ему *организмов*? Можно ли, приняв это, жить *человеческой* жизнью? Обладать *человеческой* культурой? Кьеркегор писал: «В чем вообще смысл жизни? — Людей, собственно, можно разделить на два класса: один должен работать, чтобы поддержать жизнь, другой не нуждается в этом. Но не в работе же людей первого класса смысл жизни! Если допустить это, выйдет колоссальное противоречие: постоянное добывание условий станет ответом на вопрос о значении того, что этим обуславливается! Жизнь другого класса тоже не имеет никакого иного смысла, кроме потребления готовых условий. Сказать же, что смысл жизни в смерти — вновь, кажется, противоречие...» (Кьеркегор, 2016, с. 55). По нашему мнению, психология как наука мультипарадигмальная в принципе не может иметь в качестве определения своего предмета теоретическую модель (вид Б), неизбежно порожденную в рамках лишь одной парадигмы. Как показал Л. С. Выготский в своей актуальной сегодня, хотя и написанной в 1927 г. книге «Об историческом смысле психологического кризиса», расхождение психологических теорий как раз уходит своими корнями в различное понимание сущности предмета психологии. При этом традиционный психолог определяет в качестве психических явления непространственные и доступные восприятию и осознанию лишь самого пережива-

ющего субъекта. Рефлексолог выделяет в качестве предмета своего анализа факты поведения, соотносительной деятельности, рефлекссы. Психоналитики считают психическими явления, в основе которых лежит бессознательное, недоступное осознанию субъектом. Соответственно определены три разных предмета изучения – три разных области применимости теории, которые потребуют разработки трех различных понятийных систем для описания и анализа фактов. Предвидение Выготского, что, чем более успешно будут развиваться школы, тем дальше они будут становиться друг от друга, подтвердилось ходом истории психологической науки, когда этап открытого кризиса психологии, современный Выготскому, перешел в этап затухания, продолжавшийся более полувека. Чтобы понять друг друга, разным теоретическим школам необходимо вернуться к началу, к эмпирике, породившей теории.

Общим определением предмета мультипарадигмальной психологической науки может быть только определение эмпирическое (вида А), отражающее феноменологию общего предмета исследования, объединяющего различные по его теоретическому осмыслению школы.

Работа исследователей по созданию концепции предмета психологической науки сегодня должна быть направлена именно на осмысление и уточнение феноменологии психической реальности. Такая работа имеет место, однако остается пока не частым явлением. Так, задача «провести различие между психическим и непсихическим, определить, в чем заключается своеобразие психики в ее отличие от других явлений» ставится в работе И. Н. Карицкого (2004, с. 138).

Существенное внимание анализу эмпирических характеристик психического уделял Л. М. Веккер (1998, 1974). В его трудах приводится перечень выявленных им атрибутов психического, который заслуживает самого пристального внимания.

1. Предметность. Это исходный, критический, по Л. М. Веккеру, признак психического. Проявляется предметность в том, что «процессуальная динамика механизма и интегральная характеристика результата в психическом акте отнесены к разным предметам: первая – к органу, вторая – к объекту. Так, восприятие, которое является функцией органа чувств, нельзя описать иначе, чем в терминах формы, величины и пр. воспринимаемого объекта. Это свойство Л. М. Веккер называл корневым свойством психики и великим парадоксом психического, парадоксом проекции, кардинально отличающим психические явления от явлений физиологических.

2. Субъектность. Внутренняя динамика сдвигов в состоянии органов-носителей, которые тот или иной психический процесс реализуют (мозговые процессы и пр.), остается совершенно скрытой, непредставленной в картине психического процесса. Прямое построение предметно-структурированной картины восприятия, чувства или мысли с их устойчивыми, инвариантными характеристиками из «материала» стандартных нервных импульсов или градуальных биопотенциалов и их динамики осуществлено быть не может.

Добавлю, что современная наука предоставляет нам все больше свидетельств сложного системного и опосредованного характера связи психического и физиологического, а значит, невозможности полноценной интерпретации всей психологической проблематики на языке физиологии.

3. Чувственная недоступность. Психические процессы недоступны прямому чувственному наблюдению. Л. М. Веккер отмечает, что «вопреки долго существовавшему в традиционной психологии мнению, они скрыты и от прямого чувственного восприятия субъекта, являющегося их носителем». «Человек не воспринимает своих восприятий, но ему непосредственно открывается картина их объектов <...>. Психический <...> процесс, воспроизводя картину предметной структуры своих объектов, сам по отношению к этой картине остается совершенно прозрачным и тем самым невоспринимаемым. Это прозрачность и невоспринимаемость психического процесса составляет такой же его необходимый атрибут, как и, наоборот, воспринимаемость фотографического, скульптурного, сценического или другого изображения в технике, природе или искусстве» (Веккер, 1998, с. 23–24).

Отметим, что трактовка Л. М. Веккера противоречит постулату о непосредственной данности психического его носителю, принятому в традиционной психологии и нередко возрождаемому в современной. Психическое здесь предстает лишь как средство, механизм познания объективной действительности, недоступное субъекту, как недоступны ему и физиологические механизмы психики, открытые внешнему объективному анализу. Из принятия или непринятия тезиса о чувственной недоступности психики (на мой взгляд, убедительно аргументированного Л. М. Веккером) следуют далеко идущие выводы в отношении как применимости интроспекции в качестве метода исследования психической реальности, так и — еще раз — возможности познания человеком

души, если понимать под ней некую сущность, которая проявляет себя в психических (душевных) явлениях.

4. Спонтанная активность. Психическая активность прямо не вытекает ни из физиологии внутренних процессов организма, ни из физики, биологии и социологии его непосредственного внешнего окружения. В ней нет также жестко фиксированной во всех ее конкретных реализациях программы, и субъект может действовать «на много ладов». Психическая активность проявляется и эмпирически различается как активность свободная.

Эмпирические признаки, которые выделены в цитируемых работах Л. М. Веккера, не закрывают проблему описания феноменологической реальности, вокруг которой выросла и сложилась современная психологическая наука и практика. Но они могут послужить основой для конструктивного обсуждения ученым, заинтересованным в установлении взаимного понимания и единого пространства общения в современный посткризисный период развития мировой психологии. Именно в этом направлении сегодня должны быть продолжены исследования «одухотворенного тела» и «овнешненного, объективированного духа» (цит. по: Зинченко, 2004, с. 102), основы которых были заложены А. А. Ухтомским, А. Н. Северцовым, И. М. Сеченовым, Н. А. Бернштейном и другими «верующими реалистами». Феноменология психических явлений, ее анализ и уточнение, представляется той основой, на которой может строиться разработка концепции предмета в современной мультипарадигмальной психологической науке. Той основой, которая позволит представителям различных школ вести конструктивный диалог, понять друг друга и соотнести в едином предметном пространстве теории, разработанные на основе различных постулатов и методических приемов.

Таким образом, в своем видении разработки концепции предмета мы основываемся на необходимости решения двух основных задач современного этапа в развитии психологии: во-первых, интеграции направлений и школ в структуре единой мультипарадигмальной науки; во-вторых, сохранения психологией статуса и сущности науки, что требует размежевания с венаучными формами психологического познания.

Определение предмета должно быть достаточно широким и не должно основываться на постулатах, принятых в одной из школ, а для других неприемлемых. Таким определением, по нашему мнению, может быть только определение эмпирическое, отражающее

феноменологию предмета исследования, объединяющего школы, различные по теоретическому его осмыслению. Разработка концепции предмета психологической науки должна идти в направлении осмысления и уточнения феноменологии психической реальности.

Необходимо перейти от споров о предмете, о том, какое из предлагаемых определений является наиболее истинным, обоснованным (поскольку обоснования теоретических моделей покоятся на взаимно неприемлемых для направлений и школ психологии системах постулатов), к обсуждению соответствия предлагаемых эмпирических определений критериям научности.

Дискуссия о естественно-научной и гуманитарной парадигмах в психологии

На рубеже тысячелетий ситуация в мировой психологической науке определенно сходна с той, которую описывал Л. С. Выготский в работе «Исторический смысл психологического кризиса». В обоих случаях выражена тенденция к интеграции школ и стимулом к этой интеграции является практика, жизнь. И в обоих случаях имеет место противостояние, даже борьба, естественно-научного и гуманитарного направлений. Исторический смысл кризиса психологии, по Л. С. Выготскому, как раз и заключается в борьбе двух направлений в психологии, которые он связывает: первое — с естественно-научной методологией, второе — с гуманитарными науками.

Психология всегда была и остается двуликой, обращенной одним своим лицом к естественным наукам, другим — к гуманитарным. Такова особенность ее предмета. Связи психологии с естественными и гуманитарными науками одинаково вечны и неразрывны, однако есть между ними и существенное различие: если детерминистское, научное объяснение закономерностей психической деятельности человека опирается на данные естествознания, то науки гуманитарные: культурология, социология, искусствоведение и пр., напротив, ищут опоры в психологии. С естественными науками психология в большей степени связана поиском объяснений причин психических явлений в русле вопроса «Почему?», что придает естественно-научному направлению в психологии его известный каузальный характер. С гуманитарными — поиском ответа на вопрос «Зачем?», с которым к ней обращаются эти науки, откуда проистекает «понимающая», описательная природа гуманитарного направления: «У психологии обнаружили два лика, как у Януса: один — обращенный к физиологии и естествознанию, другой — к наукам о духе, к исто-

рии, социологии; одна наука о причинностях, другая — о ценностях» (цит. по: Выготский, 1982а, с. 385).

Такая двойственность психологической науки сама по себе не предполагает борьбы между «парадигмами» — обычно имеет место мирное сосуществование естественно-научного и гуманитарного направлений в той или иной форме, как на уровне науки в целом, так и на уровне индивидуального сознания ученого, который обращается к достаточно широкой проблематике. Вспомним, например, В. Вундта с его описательным, гуманитарным подходом к человеческому сознанию и экспериментальным — к «низшим» психическим функциям.

Однако в некоторые моменты, кризисные в развитии психологии, возникает противостояние этих парадигм, борьба между парадигмами. Такой момент в развитии психологии отразил Л. С. Выготский, подобный момент, по моему мнению, наступил и сейчас.

Возьму на себя смелость сказать, что в моменты подобных кризисов, моменты борьбы естественно-научной и гуманитарной парадигм в психологии ярлык естественно-научности или гуманитарности используется лишь условно, для обозначения и объединения под общим знаменем неких вступивших в борьбу на территории психологии сил, которые в данный исторический момент в большей степени сосредоточены либо в области гуманитарного направления, либо в области естественно-научного.

Анализ Выготского показал, что в 1920-е годы борьба в психологической науке шла между идеализмом и материализмом: «*Психологий* существует две, т. е. два разных, непримиримых типа науки, две принципиально разные конструкции системы знания; все остальное есть различие в воззрениях, школах, гипотезах; частные, столь сложные, запутанные и перемешанные, слепые, хаотические соединения, в которых бывает подчас очень сложно разобраться. Но борьба действительно проходит только между двумя тенденциями, лежащими и действующими за спиной всех борющихся течений» (там же, с. 381). Он заключает: «Создание общей психологии есть дело не соглашения, а разрыва» (Выготский, 1982а, с. 381).

Путем к выходу из кризиса Выготский считал «вынос за скобки» психологической науки ее «описательной», «понимающей», т. е. основанной на теории и методологии идеализма части. Эта часть психологии должна быть отдана области искусства, она и так «все больше уходит в роман <...>, в метафизику» (там же, с. 427).

Можно утверждать, что кризис, описанный Выготским, закончился победой материализма в мировой психологической науке.

В ней утвердился материалистический ответ на основной вопрос философии: материальный мир объективно существует, независимо от нашего сознания.

Вопрос о взаимоотношениях в постсоветской российской психологии естественно-научной и гуманитарной парадигм – болевая точка в состоянии нашей науки. В статье А. В. Юревича обозначена авторская позиция «признания господства в современной психологии, по крайней мере, в отечественной, гуманитарной парадигмы и защиты естественно-научной парадигмы, оказавшейся в осадном положении» (Юревич, 2005б, с. 147).

При чтении статьи Юревича сразу же возникает вопрос: чем и как определяется разделение психологических теорий и практик на естественно-научную и гуманитарную парадигмы? Идет ли речь о традиционно понимаемых естественно-научном и гуманитарном направлениях? Этот вопрос возникает сразу же и остается без ответа. С одной стороны, мы читаем (там же, с. 149), что одна из парадигм «ориентирована на естественные науки, а вторая – на социогуманитарные», что составляет основу традиционного разделения психологии на гуманитарное и естественно-научное направления. С другой – множество характеристик, которые даются той и другой парадигме на протяжении статьи, вряд ли может быть безусловно отнесено к этим направлениям в традиционном их понимании.

Понятия «естественно-научная парадигма» и «гуманитарная парадигма» оказываются неоднозначными, внутренне противоречивыми. В их содержании переплетаются сущностные положения и предвзятые оценки. Полагаю, что ключом к раскрытию значений, вкладываемых в данные понятия в контексте современных дискуссий, может послужить анализ *порождающих эти понятия смыслов*.

Борьба каких сил в постсоветской отечественной психологии стоит за противостоянием естественно-научной и гуманитарной «парадигм»? Чтобы найти ответ на этот вопрос, обратимся к представленной в другой статье А. В. Юревича модели отношений видов познания, «которые преподносятся массовому сознанию от имени психологической науки» (Юревич, 2005а, с. 151): естественно-научная парадигма в психологии – гуманитарная парадигма – практическая психология – «поп-психология» – парапсихология. С одной стороны, эта модель, которую автор называет «континуумом», в сфокусированной форме отражает действительно существующие в настоящее время связи и отношения. С другой – привносит много противоречий в привычный психологу образ его науки и заставляет искать ответы на встающие вопросы.

Характеристики и оценки, даваемые данным направлениям в работах Выготского и Юревича, с одной стороны, сходны, с другой – разительно отличаются. Так, практическая психология в книге Выготского тесно связана с естественно-научным направлением, а у Юревича оказывается ближе к гуманитарной парадигме. Сам Выготский себя относит к естественно-научному направлению, а Юревич определяет его как принадлежащего к гуманитарному.

Далее, А. В. Юревич цитирует шесть отличительных признаков гуманитарной парадигмы, противопоставляемой парадигме естественно-научной, приводимых в вышедшей в 1988 г. «Social Psychology of Knowledge» (Юревич, 2005б, с. 148):

- 1) отказ от культа эмпирических методов;
- 2) признание научным не только верифицированного знания, подтвержденного «внесубъектным» эмпирическим опытом;
- 3) легализация интуиции и здравого смысла исследователя;
- 4) возможность обобщений на основе частных случаев;
- 5) единство исследования и практического воздействия;
- 6) изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст».

Нельзя не увидеть, что образ естественно-научного направления здесь оказывается карикатурно искаженным. Сразу же возникает целая серия вопросов.

- Как быть с общепризнанной ориентированностью отечественной естественно-научной психологии на изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст»? Следует ли признать теорию сенсорно-перцептивной организации Б. Г. Ананьева, например, принадлежащей к гуманитарной парадигме?
- Разве нуждаются здравый смысл и интуиция исследователя в легализации в рамках естественно-научного направления, если они вполне легально используются и в самих естественных науках. Достаточно вспомнить известную историю открытия периодической таблицы Менделеевым, самоанализ математического творчества А. Пуанкаре и пр.
- Разве не используется широко в естественно-научном направлении возможность обобщений на основе частных случаев? Разве не стали классикой естественно-научного направления отечественные и зарубежные исследования развития детенышей обезьян, помещенных в условия, подобные создаваемым для человеческого ребенка, как и описания развития человеческих детей,

выросших волею судьбы среди животных? Разве анализ частных случаев не является одним из ведущих методов нейропсихологии?

Неужели приписываемые здесь гуманитарной парадигме характеристики действительно несовместимы с той теорией и методологией, которая «еще недавно полностью доминировала в нашей психологии» (Юревич, 2005б, с. 147)? Сравним образ приведенной выше естественно-научной парадигмы (Bar-Tal, Kruglansky, 1988) с описанием отечественной школы в трудах ученых ИП РАН (Кольцова, 2002; Психологическая наука..., 1997). В числе наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии советского периода, В. А. Кольцова называет:

- высокую теоретичность и отсутствие позитивистских тенденций;
- единство теоретического и эмпирического уровня в структуре научного знания;
- целостный взгляд на психические явления, реализующийся в принципах комплексного и системного подходов.

Привязка парапсихологии к гуманитарному крылу, а не к естественно-научному в модели Юревича также не кажется бесспорной. Парапсихология во многом оперирует понятиями, заимствованными именно из наук естественных, выдвигает «естественно-научные» объяснения описываемых феноменов.

Поиск ответов на эти и другие вопросы позволяет обнаружить скрытые в отечественной психологии противостоящие друг другу силы, подобно тому как отклонения орбит небесных тел от расчетных могут свидетельствовать о существовании невидимой нами планеты.

Ключом к пониманию сложившихся в постсоветской России отношений между названными выше видами психологического познания может служить анализ места и роли психологической науки в современном российском обществе и порождаемых ситуацией взаимодействия с обществом проблем в развитии науки. Не следует забывать и о том, что идеи вырастают из мотивов и за идеалами стоят интересы. Процессы, происходящие в российской психологической науке, во многом определяются социальной реальностью, в которой эта наука существует, и отражают противоречивые интересы взаимодействующих в этом поле людей. Понимание сущности, причин и грядущих последствий происходящего размывания границ научного и ненаучного психологического познания в России невозможно без учета социального контекста развития науки.

Под этим углом зрения рассмотрим вопрос о взаимоотношении видов познания, которые выстраивает в модель-континуум А. В. Юревич: естественно-научная парадигма в психологии — гуманитарная парадигма — практическая психология — «поп-психология» — парапсихология.

Выготский сделал вывод о ведущем значении практики в развитии психологического кризиса начала XX в., и снова становится очевидной ключевая роль практики для понимания процессов развития теорий.

Наука обеспечивает и порождает специфический род человеческой практики — целенаправленное и опосредованное преобразование действительности. Опосредованное системой научных методов, принципов, законов и закономерностей, которые составляют существо и содержание науки, отвечают принципам детерминизма и кумулятивности, рациональности и верифицируемости, а также — главное — гарантированно обеспечивают результат. Если в отдельных случаях научные законы выступают как тенденции и имеют вероятностный характер, это не меняет сути дела, они остаются законами.

Именно развитие науки позволило человечеству за несколько тысяч лет многократно расширить ареал своего обитания, размножиться и стать доминирующим видом. О том, в какой мере мифологична идеализация «природных» способностей человека к выживанию и насколько человечество своим положением доминирующего вида на Земле действительно обязано науке как особой форме детерминистского, рационального, эмпирически проверяемого познания, можно судить, например, по следующим фактам. «Ускоренный рост численности населения начался примерно 8000 лет назад с развитием земледелия, благодаря которому стала возможной жизнь в городах. В нынешнюю фазу, характеризующуюся колоссальным ростом численности населения и освоением все новых районов, человечество вступило лишь в самое последнее время, с развитием индустриализации <...>. Общее число людей в эпоху неолита определяют примерно в 5 млн, а в период появления первых крупных городов — в 20–40 млн. Современному виду *Homo sapiens* потребовалось около 20000 лет, чтобы достичь численности 200 млн. (во времена Римской империи). В последующие 1500 лет (к 1600 г. н. э.) население земного шара возросло до 500 млн, спустя еще 200 лет — более чем удвоилось (около 1 млрд в 1800 г.)» (Харрисон и др., 1979, с. 582). В наши дни на земле проживает около 7 млрд человек.

Не стоит забывать и о колоссальном увеличении продолжительности жизни человека на протяжении последних нескольких поколений.

Авторы изданной Оксфордским университетом в 1977 г. монографии «Биология человека» отмечают: «Человек как биологическое существо добился решающего успеха лишь недавно, лишь в самое последнее время. Люди обычно забывают или недостаточно ясно представляют себе, насколько непрочным было их положение на Земле в первые тысячелетия их существования» (там же, с. 8).

Что же касается упреков в том, что обобщенные теоретические модели, которыми оперирует наука, ни в одном конкретном случае не исчерпывают всех сторон индивидуального своеобразия бытия объекта, то подобные упреки раздаются и применительно к таким с точки зрения стороннего наблюдателя «благополучным» в отношении собственной практики наукам, как физика. Так, обсуждается, в частности, вопрос о том, что преподавание физики в университетах следует перестроить, так как изучаемые теоретические модели, законы не имеют прямого отношения к действительности, напрямую не применяются в инженерной практике и потому трагически не вызывают интереса у современного студенчества, воспринимаются студентами как пустая схоластика. Тем не менее о схизисе в области инженерной практики говорить не приходится.

Везде, где речь идет о преобразовании объективной действительности, в том числе в деятельности человека (что прямо относится к предметной области психологии), наука остается самым прямым путем к цели.

Постнеклассические тенденции в развитии психологии не ослабляют значимости принципа связи научной теории и практики взаимодействия человека с миром. М. К. Мамардашвили, размышляя о сущности науки, главной, онтологической проблемой здесь называет проблему «того, в каком виде научное познание задает место и возможности человека в мире, независимом от человека и человечества, и того, насколько оно само определяется этими возможностями, реально этим миром допускаемыми и развиваемыми» (Мамардашвили, 1990, с. 291).

Именно особая, существенная и сущностная связь с практикой оказывается у Мамардашвили главной и системообразующей функцией науки: «Мы можем рассматривать научные образования в качестве сложных преобразователей или аппарата преобразований наших естественных возможностей и способностей. А это означает, что то, что мы не могли бы сделать как природные существ-

ва, мы делаем как существа культуры в науке — не прямым действием ума и восприятия, а именно преобразованиями, для которых должны быть, конечно, „органы“, „орудия“. Проблема с точки зрения поддержания уникальности человеческого феномена во Вселенной и состоит, как мне кажется, в наличии таких культурных орудий...» (там же, с. 45).

Нередко приходится слышать, что для рядового пользователя объяснение того, что при нажатии на выключатель свет зажигается в результате замыкания контакта в электрической цепи, ничем не лучше объяснения благорасположенностью домашних духов. Но это не так: ремонт выключателя гораздо эффективнее магических пассов в тех случаях, когда свет не зажигается. Поэтому так популярна на рынке марка науки и так часто ее используют для рекламы и продажи внеучного продукта.

Везде, где речь идет о преобразовании объективной действительности, в том числе деятельности человека, естественно-научное направление в психологии все-таки остается самым прямым путем к цели. Однако человек не только преобразует мир и делает это не всегда целенаправленно. Другие практики, другие цели требуют иных видов познания.

Преобразуя мир с помощью естественно-научного познания, человек оказывается перед необходимостью жить в преобразованном мире, что само по себе оказывается нетривиальной задачей. При современном уровне развития цивилизации трудность приспособления человека к миру уже стала предметом внимания ученых, предлагающих свои объяснения. Так, неслучайно растет популярность эволюционной психологии, представители которой исходят из предположения, что механизмы человеческой психики сложились в далеком прошлом, когда происходил процесс образования вида современного человека в так называемой среде эволюционной адаптации (СЭА), и закреплены генетически. Эволюционные психологи полагают, что множество бед современного человека, его постоянный стресс, растущее количество неврозов можно объяснить тем, что современный мир существенно отличается от СЭА и потому плохо подходит человеку: задачи, которые ставит перед нами современная жизнь, не соответствуют природе наших возможностей познавать и принимать решения.

Более конструктивное решение проблемы приспособления к изменяющемуся (т. е. изменяемому) миру предлагает культурно-историческая теория, с точки зрения которой человеческая психика как раз и приспособлена к миру цивилизации, благодаря своей культурно-ис-

торической природе. Высшие психические функции, составляющие лицо человеческой психики, с точки зрения этой теории не закреплены генетически, а формируются культурой в процессе социализации, целенаправленного воспитания человека. Формирование человека, способного жить в цивилизованном мире, т. е. обладающего соответствующим мировоззрением и культурой, — практическая цель так называемых гуманитарных наук. В этом смысле гуманитарные науки если и противостоят естественным, то диалектически, образуя с последними единое целое в духовном облике человечества, его мировоззрении, образе мира. В этом смысле развитие технократической цивилизации непосредственно стимулирует развитие гуманитарного знания.

Важнейшим фактором кризиса психологии и столкновения в ней гуманитарного и естественно-научного направлений, о которых писал Выготский, явилось радикальное усложнение проблемы адаптации человека к миру: ускорение исторического процесса на рубеже XIX–XX вв. привело к тому, что смена поколений уже не успевала за изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда на глазах существенно меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, справедливости, понятия о том, как следует поступать в той или иной ситуации и как следует относиться к тем или иным явлениям.

В этой ситуации резко увеличился спрос на практическую психологию — недаром у Выготского именно психологическая практика является ключевым фактором в анализе исторического смысла психологического кризиса. Проблема адаптации человека к изменяющемуся социуму в большей степени относилась к сфере гуманитарного крыла психологии, где и разгорелась борьба, описанная Выготским. Характерно, что «победа» естественно-научного направления означала отнюдь не уничтожение разделов психологической науки, связанных с науками гуманитарными, но вытеснение из психологической науки в целом и из гуманитарного ее направления (за практику которого и шла борьба) идеалистических учений. Можно сказать, что гуманитарная область психологии явилась ареной борьбы противоборствующих сил. Именно отсюда шло наступление в дальнейшем поверженного противника.

Впоследствии в психологической практике XX в. все более актуальным становится известный принцип: если мы не можем изменить мир, следует изменить свое отношение к нему. XX в. прошел под знаком внимания к связи эмоциональных и когнитивных компонентов отражения. В 1950-е годы на основе широкого круга предпо-

сылок и прообразов сформировалось несколько наиболее известных теорий когнитивного соответствия: структурного балланса Ф. Хайдера, коммуникативных актов Т. Ньюкома, когнитивного диссонанса Л. Фестингера, конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума. Психология социального познания — едва ли не наиболее актуальное и востребованное с точки зрения прямых практических применений направление в современной психологии (Андреева, 2000).

Нет необходимости доказывать, что возможности науки преобразовывать реальность огромны, но не безграничны. Есть вещи, очень нужные для отдельного человека, для общества в целом, а наука оказывается бессильной. Обширнейшую часть современной практики психолога составляет работа с защитными механизмами психики. К сожалению, часто психолог не в состоянии помочь человеку и обществу выстроить приемлемые образ мира и Я-концепцию. «Потребительский спрос» же огромен, особенно в постсоветской России (о постсоветском сознании см., напр.: Андреева, 2000). Полагаю, что именно этот в большей своей части неудовлетворенный спрос и послужил важнейшим фактором столкновения естественно-научной и гуманитарной парадигм в постсоветской российской психологии.

В борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области гуманитарной психологии, активно включились вне- и околонучные формы познания: поп- и парапсихология, широко и незаконно использующие брэнд психологической науки для продвижения своего товара. Истинная же суть этих «направлений» — мошенничество, выкачивание денег из легковерного и/или фрустрированного заказчика путем создания и продажи мифов. На российском рынке они успешно конкурируют с научной психологией.

Хочу заметить, что тенденция использования ярлыка науки для ненаучных форм психологического познания и воздействия во многом является специфичной для России и может быть понята как следствие постпарадигмальных процессов в отечественной науке и культуре, как своеобразная ностальгия по «единственно правильной» научной теории, которой мы еще недавно обладали, по теории, которая являлась не только научным знанием, но и верой, и мировоззрением, и идеологией общества и авторитет которой был непререкаем.

В психологии всегда существовали и, наверное, будут существовать естественно-научное и гуманитарное направления в их традиционном понимании. Неизбежно будет между ними и определенная разница в методологии и — в большей степени — в методах исследова-

ния. Однако никакого антагонизма между направлениями ожидать не следует. Внутренние противоречия лишь обеспечивают развитие целостной психологической науки, продвижение по пути постижения человеческой психики. Борьба, которая в настоящее время находит выражение в «осаде» естественно-научной парадигмы, происходит между профессионалами, представителями науки психологии, и продавцами мифов, которые борются за российский богатый рынок практических применений гуманитарного направления психологической науки, стремясь вытеснить из него людей науки и обосновать свое право на звание ученых, на использование брэнда науки.

Нельзя не согласиться с А. В. Юревичем, когда он пишет о необходимости использования социальных критериев для прочерчивания границ между психологической наукой и ненаукой (Юревич, 2005а). Имеет место активный процесс размывания границ социального института психологической науки как извне людьми, не имеющими профессионального статуса психолога, так и изнутри, сертифицированными специалистами, стремящимися к стиранию границ между психологической наукой и другими способами психологического познания, такими как искусство, религия.

Мне кажется не только возможным, но и необходимым использовать и собственно критерии научности знания для проведения искомых границ.

Выготский в своем анализе психологического кризиса начала века приходит к выводу, что выход из него является «делом не соглашения, а разрыва». Развитие психологической науки в России, как мне кажется, требует того же – разрыва, четкого проведения границ между психологической наукой и ненаукой. Только это обеспечит нормальное развитие психологической науки в нашем обществе как в плане теории и методологии научного познания, так и в плане материального обеспечения науки за счет соответствующего социального заказа. И обязательным условием этого, я полагаю, является глубокое методологическое осмысление критериев научности психологического знания на современном этапе, критериев демаркации науки и ненауки; в этом назрела самая острая необходимость. Отечественная наука более, чем какая-либо другая школа в мире, обладает для этого необходимой базой, достаточно вспомнить исследования А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, в которых проблеме определения границ психологической науки как специфической формы психологического познания уделено самое пристальное внимание, вспомнить развиваемые этими учеными представления

о научном познании как о познании проверяемом, опосредованном, кумулятивном и построенном на основе принципа детерминизма.

Каждая самостоятельная научная дисциплина выстраивается от определенного видения предмета исследования, научного факта, о чем уже говорилось выше, через обобщение фактов и их экспериментальную проверку к формулировке научных законов. Научная система предполагает единство метода и наличие определенного объяснительного принципа, адекватного ее предметному содержанию. Важнейшее значение имеет терминология, сложившаяся в контексте научного направления. Выготский называл слово зародышем науки, считая, что именно появление термина, понятия, делает явление действительности научным фактом, доступным проверке и рациональному анализу.

Наука — особый вид познания, познания рационального и проверяемого. Пределы применимости научной дисциплины четко очерчены ее предметной областью. Выготский показывает катастрофичность эклектических систем для психологии, которая в контексте этих систем перестает быть наукой: «...чувства системы, ощущения стиля, понимания связи и обусловленности каждого частного положения центральной идеей всей системы, <...> лишены все <...> эклектические <...> попытки объединения разнородных и разноприродных по научному происхождению и составу частей двух или больше систем <...>. Можно количество жителей Парагвая умножить на число верст от Земли до Солнца и полученное произведение разделить на среднюю продолжительность жизни слона и безупречно провести всю операцию, без ошибки в одной цифре, и все же полученное число может ввести в заблуждение того, кто захочет узнать, каков национальный доход этой страны» (Выготский, 1982а, с. 326).

На протяжении периода идеологического противостояния ученые отечественной школы часто в силу необходимости выстраивали критику западных теорий, пытаясь — не всегда вполне обоснованно — представить взгляды отечественной школы как альтернативные западным. Оспаривали суждения, игнорируя существеннейшие различия в содержании используемых понятий. После падения «железного занавеса» эта тенденция сменилась тенденцией некритического принятия западных теорий, жадой слияния, декларированием, часто также необоснованным, сходства подходов. Теперь нередко подчеркивается сходство суждений на фоне игнорирования различий в содержании понятий.

Эклектические системы плохи тем, что в их контексте знания уже не являются проверяемыми и рациональными, но становятся

вопросом веры и интерпретации, т. е. эти системы уже не являются научными в строгом смысле. Особенно актуально звучат слова Выготского о путях и трудностях интеграции отдельных школ, об опасности эклектических попыток построения научных систем, претендующих на статус обобщающих по отношению к отдельным школам и дисциплинам. «При таких попытках приходится просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в <...> сводимые воедино системы» (Выготский, 1982а, с. 330).

Накануне XXVII Всемирного психологического конгресса 2000 г. журнал „European Psychologist“ провел опрос среди 30 крупнейших психологов Европы (Tele-interviews, 2000, р. 90–162). Их, в частности, просили назвать те новые тенденции в развитии психологической науки, которые, по их мнению, будут определяющими в XXI в. Практически все в качестве важнейшей тенденции назвали влияние на развитие психологии достижений генетики и биологических наук в целом. На этом фоне не может не вызывать сожаления ослабление интереса отечественных психологов к естественно-научному направлению, традиционно сильному в России и несомненно конкурентоспособному на мировом уровне.

Дихотомия описательной и объяснительной парадигм в постсоветской психологии

Основное требование к знанию с точки зрения обеспечения его научности, основной критерий научности — это его рациональность, детерминистский характер. Необходимость соответствовать требованию рациональности и детерминизма — условие достаточно жесткое, не только невыполнимое для форм ненаучного психологического познания, но и позволяющее подвергнуть сомнению научность положений целого ряда признанных научных направлений.

Вопрос о соответствии метода требованиям рациональности и детерминизма (т. е. требованиям строгой научности) непосредственно обсуждается и является центральным в контексте дискуссии о соотношении объяснительной и описательной парадигм в психологии. Эта дискуссия разворачивается в литературе в непосредственном единстве с дискуссией о естественно-научной и гуманитарной парадигмах психологии (Юревич, 2005б). Дихотомическое деление психологии на объяснительную и описательную в основе своей производится по отношению к используемому исследователем методу. Известно, что в рамках естественно-научной парадигмы типичным

является использование объяснительного метода, а в рамках гуманитарной — описательного.

Следует отметить, что, на наш взгляд, споры между сторонниками описательной и объяснительной парадигмы традиционно носили весьма жаркий и непримиримый характер. Достаточно вспомнить призыв Л. С. Выготского «вынести за скобки» психологической науки ее «описательную», «понимающую» часть: эта часть психологии должна быть отдана области искусства, она и так «все больше уходит в роман <...> в метафизику» (Выготский, 1982а, с. 427). Именно бескомпромиссный разрыв с описательной психологией Л. С. Выготский полагал путем к выходу из кризиса психологии, к преодолению растущего раскола направлений и школ в 1920-х годах. «Создание общей психологии есть дело не соглашения, а разрыва», — заключает он (там же, с. 381). В постсоветской российской психологии противостояние названных парадигм не менее жестко, что отражено, в частности, в статье А. В. Юревича «Естественно-научная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскачанный маятник», в которой положение естественно-научной парадигмы характеризуется как «осадное» (Юревич, 2005б, с. 147).

Критика объяснительной парадигмы психологии и призывы к выходу за ее рамки в первую очередь относятся к тому, как в ней представлен предмет исследования на исходном этапе анализа.

В рамках объяснительной методологической традиции предполагается причинно-следственная детерминация событий объективной реальности, что и позволяет сформулировать научную (т. е. рациональную) гипотезу и произвести опытную проверку. Неприемлемость такого «объективного» исходного описания предмета исследования для психологии является постоянным аргументом критики объяснительной психологии в методологических дискуссиях, ведущихся уже более века. Именно невозможность подойти к анализу психической реальности в ее истинной сущности при использовании рационального объяснительного метода традиционно служит обоснованием обращения к методу описательному от В. Дильтея, с именем которого связывают зарождение описательного метода в психологии, до современных авторов.

Нападки на естественно-научную парадигму в постсоветской российской психологии, аргументация ее непригодности для психологического исследования, упреки в ригоризме и позитивизме, — объясняются прежде всего преимущественным использованием в русле этой парадигмы объяснительного метода, предполагающего детерминистски-рационалистическое понимание психической реальности.

Альтернативой объяснительной парадигме является парадигма описательная, в русле которой психика как предмет анализа выступает во всем богатстве своей феноменологии. Здесь принимаются в расчет не только те характеристики предмета, которые укладываются в рациональную детерминистскую причинно-следственную картину, но и те, которые открыты непосредственному переживанию субъекта, интуитивно постигаемы, однако недоступны рациональному анализу и объяснению.

Известная слабость описательного подхода во всех его вариантах заключается в сомнительности соответствия результирующих описаний, порождаемых теоретических моделей требованиям научности, т. е. детерминизма и рациональности.

Как сказано в статье В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили, «либо объективность метода достигается ценой отказа от понимания психической реальности, либо сохранение психического достигается ценой отказа от объективности анализа» (Зинченко, Мамардашвили, 2005, с. 62).

Таким образом, слабость объяснительной парадигмы – в исходном описании предмета, слабость описательной – в характере результирующих теоретических моделей (таблица 1):

Сочетание описанных характеристик парадигм приводит к тому, что в русле описательной психологии оказываются неприемлемыми исходные постулаты объяснительной, а в русле объяснительной отвергаются итоговые теоретические модели описательной. Это существенно затрудняет взаимопонимание и взаимодействие направлений, использующих объяснительный и описательный методы. Полагая интеграцию направлений и школ психологической науки в единый контекст мультипарадигмальной мировой психологической науки одной из основных задач современного этапа в ее

Таблица 1

Сильные и слабые стороны объяснительной и описательной парадигм

Парадигма	Адекватность феноменологии предмета исследования (исходное описание эмпирических характеристик)	Соответствие итога исследования требованиям рациональности и детерминизма (результатирующее описание, теоретическая модель)
Объяснительная	Отсутствует	Соответствует
Описательная	Присутствует	Не Соответствует

развитии, мы оказываемся перед необходимостью поиска путей преодоления противоречия. Представляется, что здесь может оказаться полезной методология, предложенная Максом Вебером, основоположником так называемой понимающей социологии, незаслуженно мало известным в психологическом профессиональном сообществе (Мироненко, Сорокин, 2008).

М. Вебер предлагает своеобразное решение задачи сочетания рациональности как определяющего свойства самого научного познания и иррациональности как неотъемлемой составляющей предмета всех социогуманитарных наук, включая психологию и социологию.

Вебер исходил из положения о том, что природа и общество живут по разным законам и что каждой из сфер должен соответствовать свой тип знания и своя методология – естественно-научная или социогуманитарная. Первая практикуется преимущественно в естествознании, но используется и в сфере социальных проблем. Ее главное свойство – объективизм как запрет на привнесение субъективных, личностных моментов в картины описываемых социальных фактов, явлений, событий. Здесь используется объяснительный метод.

Вторая методология характерна для социогуманитарных наук. Она позволяет исследователю привносить элементы своего субъективно-личностного мироотношения в описания изучаемых предметов. Здесь используется метод описательный.

В конце XIX–начале XX в. ведущие позиции в мировой социологии занимал структурный функционализм позитивистского толка, представленный прежде всего Э. Дюркгеймом, который отстаивал необходимость распространения рационализма на познание социальных явлений, необходимость исследования социальных явлений с помощью метода, характерного для естественных наук. М. Вебер не принимал использования естественно-научных методов для анализа общества, подчеркивая то обстоятельство, что в отличие от неизбежных связей между явлениями неживой природы в обществе действуют качественно иные причинные связи и для их познания нужна другая методология. При этом М. Веберу импонировала идея рациональности, которая обрела в его трудах новое содержание.

Многие труды М. Вебера признаются классическими в современной социологии (в особенности «Протестантская этика и дух капитализма», 1903), однако, несмотря на всеобщее признание значимости его научного вклада, сама методология понимающей социологии (включая ее ядро – метод «идеальных типов») практически не использовалась после него. Не используется и сегодня. Возможно, причиной служит давность возникновения метода, возможно, его прин-

ципиальная оригинальность и необычность или тот факт, что сам М. Вебер никак не занимался его популяризацией. Для других социальных наук, в частности для психологии, метод «идеальных типов» остается практически неизвестным.

Социальные науки, по мнению М. Вебера, имея свою специфику, обладают общими качествами, характерными для наук вообще, т. е. представляют собой рациональное познание. Совмещение метода понимания различного рода субъективных факторов и научного статуса самой дисциплины социологии, требующего рациональности и точности, рождает серьезные методологические затруднения. Понимание всегда приблизительно. Оно приблизительно даже в ситуации непосредственной интеракции людей друг с другом лицом к лицу. Может ли наука определить степень приближенности при анализе тех или иных конкретных социальных действий людей? В качестве ответа на этот вопрос М. Вебер предложил оригинальный метод – *конструирование идеально-типической модели социального действия индивида*.

В соответствии с этим методом, чтобы уяснить действительные причинные связи, имеющие место в социальной реальности, и дать возможно более полное и комплексное толкование социальным действиям, необходимо, прежде всего, сконструировать идеальные типы – *недействительные*, извлекаемые из эмпирической реальности, заостренные, выделенные элементы, которые представляются *типическими* для социолога в его стремлении найти *общие правила событий*. Они должны выражать то, что наиболее характерно, типично для общественных явлений или социальных действий своего времени, должны быть выведены из анализа религиозных, мировоззренческих, эстетических, моральных ориентиров времени, из того, что служило *реальными ценностями* для людей, являющихся объектом исследования. Поэтому идеальный тип Вебер называл «интересом эпохи».

Так, например, можно сконструировать идеально-типическую модель студента или государственного служащего, семьи или даже самого государства. Но модель идеального типа не есть цель познания, а лишь своеобразное *методическое средство*, позволяющее анализировать социальные реалии. Как же этим средством пользоваться?

Понятно, что в реальной жизни не может быть идеального студента или чиновника, семьи или любого другого социального института. Реальное общественное явление всегда будет иметь отклонения от идеального типа. Здесь-то и открываются возможности для *сравнения* реальности с идеальным типом.

Согласно Веберу, идеальный тип позволяет сравнить, насколько явление или действие по своим количественно-качественным параметрам походит на идеальный тип. По отклонению от идеального типа исследователь может установить характерные тенденции протекания событий. Мыслительный образ нереального, идеально-типического события позволяет понять, как действительно протекало то или иное историческое событие. Вот, как это описывает Вебер в работе «Основные социологические понятия»:

«Для *типологического* научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и изображать их в качестве „отклонений“ от чисто целерационально сконструированного действия. Так, например, для объяснения „биржевой паники“ целесообразно сначала установить, каким *было бы* рассматриваемое поведение без влияния иррациональных аффектов, а затем ввести эти иррациональные компоненты в качестве „помех“. Равным образом и при исследовании какой-либо политической или военной акции целесообразно установить, каким *было бы* поведение участников события при знании ими всех обстоятельств дела, всех намерений и при строго целерационально (в соответствии со значимым для нас опытом) ориентированном выборе средств. Лишь в этом случае возможно свести отклонения от данной конструкции к обусловившим их иррациональным факторам. Следовательно, в подобных случаях конструкция целерационального действия — вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности — служит в социологии *типом* („идеальным типом“), с помощью которого реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как „отклонение“ от чисто рационально сконструированного» (Вебер, 1990, с. 623–624). И далее: «Лишь с помощью *чистого* («идеального») типа возможна социологическая казуистика <...>. Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем *дальше* они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение» (там же, с. 624).

Образуюсь в результате абстрагирования социологического сознания от множества эмпирических деталей, «идеальный тип» не только отображает социальную реальность, но и противостоит ей, указывая на то состояние, в котором может или должна пребывать данная реальность, и в этом втором качестве он представляет собой «утопию логи-

чески возможного». «Идеальный тип» возникает в результате целенаправленных усилий исследовательского мышления, создающего из пестрого хаоса социальных фактов логически стройный концептуальный «микрокосмос». В зависимости от степени аутентичности и эвристичности «идеальные типы» могут либо напоминать бэконовские «призраки» и скорее препятствовать, чем способствовать успешному познанию, либо же успешно функционировать в познавательной практике на протяжении долгого времени.

В приведенной выше цитате автор использует термин «целерациональное действие» как вид социального действия в целом. По моему мнению, данное понятие представляет собой центральный, самый важный «идеальный тип», по аналогии с которым Вебер и предлагает классифицировать социальную реальность. Остановимся подробнее на этом моменте.

М. Вебер дифференцирует социальные действия следующим образом:

- 1) целерациональные действия, ориентированные на социальный успех, предполагающие сознательный выбор как целей, так и средств для их достижения, а также исключающие присутствие каких-либо иррациональных (эмоциональных, аффективных) компонентов;
- 2) ценностнорациональные действия, зависящие от ценностных ориентаций личности и предполагающие готовность субъекта пренебрегать успехом: поведение, имеющее самостоятельное значение для личности безотносительно к его результатам;
- 3) аффективные действия, детерминированные вспышками эмоций и зачастую оборачивающиеся нарушениями поведенческих стандартов, выходом за рамки моральной и правовой нормативности;
- 4) традиционные действия, направляемые обычаями и привычками.

Необходимо понимать, что ни один из указанных видов социального действия практически никогда не встречается в «чистом» виде. Это — «идеальные типы», инструменты познания, но не единицы знания.

М. Вебер предлагает интересное решение задачи сочетания рациональности как определяющего свойства самого научного познания и иррациональности как неотъемлемой составляющей предмета всех социогуманитарных наук, включая психологию и социологию. Социология, по мнению М. Вебера, является научной дисциплиной лишь благодаря тому, что люди действуют рационально, по крайней мере, значительную часть времени, и это позволяет осуществ-

лять типизацию их поведения, систематизацию собственно социальных фактов.

В эпоху социологического позитивизма, которая предшествовала изысканиям Вебера, ученые убрали из предмета все иррациональные составляющие, «очищали» предмет от всего «лишнего», рисуя социальную реальность идеальной, рационально правильной. Таким был «чистый» позитивизм Огюста Конта, Герберта Спенсера и других мыслителей. По сути, это было мифотворчество, а не научная деятельность, поскольку предмет рассмотрения указанных авторов изначально нереален, мифичен. Макс Вебер первым из социальных мыслителей обратил внимание на настоящую, во многом иррациональную реальность, живую и противоречивую. «Идеальный тип» есть то звено, которое связывает рациональное научное мышление с социальной реальностью. Если до Вебера научные концепции были сами по себе «идеальными типами», т. е. весьма слабо соотносились с социальной действительностью, то, как видно, выдающийся немецкий мыслитель пошел значительно дальше. Наука, говорит Вебер, — это не только конструирование тех или иных непротиворечивых, приятных сознанию «идеальных типов», но это сравнение полученных конструкций с реальной действительностью и изучение степени отклонения реальности от созданного ученым «микрокосмоса».

Макс Вебер предложил достаточно тонкое и оригинальное решение, позволяющее совмещать должную меру рациональности научного метода со сложностью социального и психического миров, иррациональных в значительной степени. Знакомство с его идеями может оказаться бесполезным для современных психологов. В психологии достаточно широко используется метод типологии (классификации темпераментов, характеров и пр.). Однако выделяемые типы используются в качестве лишь своего рода «шкалы наименований» для анализа реальных явлений, они являются по сути атрибутом описательной парадигмы. Выявляются типы обычно интуитивным путем и используются для приписывания комплекса качественных характеристик анализируемому с их помощью явлению.

Используя в качестве типологических вариантов конструкты, построенные на основе рационального анализа, М. Вебер получает возможность с их помощью произвести своего рода измерительную процедуру по отношению к целостному явлению действительности, взятому в единстве его различных сторон и проявлений. Следует отметить, что в психологии до сих пор шкалы интервалов и метри-

ческие шкалы используются лишь в отношении отдельных свойств и черт психических явлений, но не явлений в целом.

Возможно, поиск в направлении, подсказанном методом «идеальных типов» М. Вебера, позволит найти конструктивные подходы к проблеме интеграции направлений, принадлежащих к объяснительной и описательной парадигмам в психологической науке, и тем будет способствовать разрешению одной из острых проблем современного этапа в развитии психологической науки (Мироненко, Сорокин, 2008).

Психологическая наука и поп-психология

Наиболее вероятный конец человечества —
воинствующая глупость.

Человечество погибнет от своей глупости.

А. А. Зиновьев

Общеизвестным и часто обсуждаемым в печати фактом является то, что психологическая наука и психологическая практика в рассматриваемый период существенно расходятся. «Формально практическая, или прикладная, психология — это психологическая практика, имеющая такое же отношение к психологии как к науке, какое инженерная практика имеет к физике. Однако в действительности <...> исследовательская и практическая психология фактически представляют собой две разные науки <...>, использующие разные „языки“, разные „единицы анализа“ и различные „логики“ его построения» (Юревич, 2005а, с. 165).

Ф. Е. Василюк указывает на социальную разобщенность соответствующих профессиональных сообществ: «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью, как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты <...>, разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» (Василюк, 1996, с. 26).

Практически общепринятым в русле обсуждения вопроса о соотношении науки и практики в литературе является и то, что:

- 1) расхождение психологической теории и практики оценивается как негативное явление;
- 2) ответственность за это расхождение возлагается на академическую науку «как слишком консервативную и ригидную для того, чтобы производить применимое на практике знание» (Юревич, 2005а, с. 166).

Иными словами, достаточно распространенным стал сегодня упрек в адрес научной психологии, сводящийся к тому, что она «слишком научна», чтобы быть практически полезной.

Необходимость для научной психологии следовать нормам и стандартам научного знания (требованиям детерминизма, рациональности, эмпирической проверяемости знания) рассматривается едва ли не как досадная слабость, недостаток, от которого следовало бы либо избавиться, либо уж как минимум за него извиниться.

На наш взгляд, можно говорить о том, что у научной психологии сегодня сформировался своеобразный комплекс практической неполноценности.

Данная ситуация представляется в определенном смысле парадоксальной, в силу того, что:

- научное знание как детерминистское и эмпирически проверяемое представляет собой именно наиболее практически действенную, надежную и полезную форму знания;
- несмотря на это, налицо ситуация, когда академическая психология проигрывает в зоне психологической практики.

Хотя первое утверждение в контексте современных дискуссий не представляется самоочевидным, с нашей точки зрения, оно остается верным, аргументы в пользу чего приведены выше.

Второе, если признать справедливость первого, требует новых объяснений. Если не базальное несовершенство психологии академической как таковой, то что же лежит в основе объективно и несомненно наблюдаемого «схизиса»? И каковы перспективы и пути его преодоления?

Представляется, что ключом к пониманию ситуации в области взаимодействия психологической науки и психологической практики снова может послужить анализ положения психологии в постсоветской России. Есть существенная разница в том, кто является заказчиком продукта в том и другом случае и, соответственно, как с этим заказчиком строится взаимодействие. Для психологической науки заказчик исследований в постсоветской России, как и для любой другой науки, плохо определен, безличен и скуп, оплата за проведенные исследования практически не зависит от оценки их результатов, целью исследований в основном является выяснение каких-либо характеристик реального положения вещей, а качество исследований определяется нормами, действующими внутри научного психологического сообщества. Для психологической практики заказчиком является конкретный клиент, коллективно, а чаще индивидуально-

но принимающий решение о выборе исполнителя. Оплата работы достаточно высока и определяется тем, насколько результат работы клиенту нравится. Важной и едва ли не основной целевой установкой, которая определяет стратегию и тактику психологической практики, является простое и непосредственное стремление угодить клиенту. Сделать так, чтобы работа клиенту понравилась, для чего нужно правильно определить не столько то, что происходит на самом деле, сколько то, что хочет клиент об этом думать, причем желательно определить еще до проведения исследования, на этапе борьбы за клиента, потому что именно это и обеспечивает успех в этой борьбе.

При столь различных целевых установках схизис может представляться неизбежным и неизбывным, однако, на наш взгляд, он вполне преодолим, более того, есть основания надеяться на то, что тенденция к его преодолению усиливается и становится доминирующей. Основанием для такого оптимизма является наличие у психологической науки и профессиональной психологической практики общего врага, врага тем более опасного и вредного, чем шире распространяется в обществе профессия психолога. Думаю, в ближайшем будущем психологическую науку и практику ждет крепкая «дружба против» этого врага. Речь идет о популярной психологии, или поп-психологии, как ее называет А. В. Юревич.

А. В. Юревич справедливо рассматривает поп-психологию как часть поп-науки, которая, в свою очередь, является порождением и частью поп-культуры. Поп-культура при этом понимается как важная специфическая черта нашего времени, ведущая тенденция времени: «Наше многоликое время можно охарактеризовать по-разному, в том числе и как время поп-культуры, не только проникающей во все сферы общественной жизни, но и диктующей ее новые правила» (Юревич, 2007, с. 3). Поп-психология представляет собой существенно новое явление: «Хотя издававшуюся в прежние годы популярную литературу можно считать предшественницей современной поп-психологии, последнюю не следует отождествлять с популяризацией психологической науки прежде всего потому, что это была популяризация преимущественно *научной* психологии <...> в то время как поп-психология <...> представляет собой существенно иной вид знания и рекомендаций по его практическому применению» (там же, с. 4). Основные особенности поп-психологии, отличающие ее от психологии академической и практической, состоят не только в форме представления психологического знания, что диктуется ее адресатом — «человеком с улицы», но и в самом содержании этого знания. Основные отличия поп-психологии сформулированы Юревичем:

«Для академической психологии область возможного ограничения научными представлениями о мире, для поп-психологии — практически не ограничена. <...>

Академическая психология уделяет первостепенное внимание доказательству и верификации утверждений, <...> в то время как в поп-психологических текстах подобная верификация, как правило, вообще отсутствует. <...>

Для поп-психологии несущественны разграничительные линии между знанием и не-знанием — мифами, заблуждениями и др. Ее главные задачи — сформулировать наиболее интересную для „человека с улицы“ версию психологического знания, предложить ему способы решения его психологических проблем в отсутствие заботы об адекватности и научной обоснованности этих способов» (там же, с. 7–10).

Мне кажется целесообразным разделить и противопоставить научно-популярную психологию и то, что А. В. Юревич называет поп-психологией, по следующему критерию: популярная психология представляет собой изложение знания, порожденного в контексте научной психологии, популярным языком, понятным для «человека с улицы». Поп-психология же (а я бы назвала ее псевдонаучной психологией) представляет собой движение в противоположную сторону, — это изложение вненаучных измышлений таким образом, что они уподобляются научному знанию, это мимикрия вненаучной психологии под образ науки.

А. В. Юревич справедливо указывает на существенное и, более того, растущее значение поп-психологии в культуре постсоветского российского общества, где «достаточно выраженный массовый интерес к психологии сочетается с редким обращением к профессиональным психологам и психотерапевтам, удовлетворяясь в основном с помощью телепередач и литературных изданий» (там же, с. 7): «Чтобы получить представление о масштабах этого явления достаточно зайти в любой наш книжный магазин...» (там же, с. 3). Однако вывод А. В. Юревича о том, как следует относиться к поп-психологии, его взгляд на бум в области производства «самоучителей жизненного успеха» как на явление в общем безобидное, безопасное и даже могущее быть полезным — вызывают у меня сомнения.

С одной стороны, позиция, занимаемая А. В. Юревичем, заслуживает глубокого уважения: все сущее разумно; раз поп-психология разрастается в культуре — значит, так и должно быть, не следует сопротивляться закономерному ходу вещей, «да и какой от этого прок в обществе, где не действуют никакие запреты?» (там же, с. 13). С другой стороны, мне представляется сомнительным, что эта муд-

рая позиция — единственно правильная. Мне кажется необходимым специально обсудить вопрос об отношении к поп-психологии психологии научной. Должна ли научная психология жить в мире или вступить в конфликт с поп-наукой? Или снизойти до противостояния последней? На мой взгляд, последнее было бы оправданно.

Поп-психология опасна и враждебна научной психологии:

- во-первых, потому что как механизм оглубления людей она опасна для общества, в котором живет и развивается психологическая наука;
- во-вторых, она опасна как механизм дискредитации психологической науки, под которую современная поп-психология усердно маскируется;
- в-третьих, опасна как конкурент на рынке психологических услуг, отнимающий потенциальных клиентов у практических психологов (очевидно, во вред этим людям): зачем идти к специалисту, когда вот она — книга, где все написано.

Аргументы в пользу данных утверждений в избытке содержатся в рассматриваемой статье А. В. Юревича:

«Поп-психология легализует и преподносит обывателю „от имени науки“ знание (а нередко и псевдознание), не получившее научной сертификации. Она представляет прибежище откровенной эзотерике, превращая порожденные ею мифы в рабочие понятия и схемы для психологического самоанализа, внося вклад в, перефразируя известное выражение М. Вебера, „иррационализацию всей общественной жизни“, которая и так слишком характерна для постсоветской России <...> Поп-психология предлагает „человеку с улицы“ немало психологических рецептов, которые могут оказаться вредными для него. Она во многом дискредитирует психологическую науку и практику, подавая накопленное ими знание в сочетании с эзотерическими и заведомо ложными воззрениями. Поп-психология способствует *всеверию* как очень опасному состоянию умов, открывающему неограниченные возможности для манипуляции массовым сознанием» (там же, с. 10–11).

Комментарии, как говорится, излишни. «Однако, — заключает А. В. Юревич, — все это не дает достаточных оснований предавать поп-психологию „анафеме“ (да и какой от этого прок в обществе, где не действуют никакие запреты?)» (там же, с. 11). Он постоянно, с первой до последней страницы статьи, напоминает читателю, что не является врагом поп-психологии и ни в коем случае не призывает к конфронтации с ней.

То, что поп-психология, во всяком случае та ее существенная и совершенно определенная часть, о которой здесь идет речь, оказывает оглуляющее и иррационализирующее влияние на индивидуальные потребители ее продукции и на общество в целом, наверное, не вызывает сомнений ни у кого из представителей психологической науки. Даже у тех, кто не склонен к агрессии по отношению к поп-психологии, о чем свидетельствует цитируемая статья А. В. Юревича. По всей видимости, сторонники «мира» с поп-психологией не считают это явление слишком опасным или достаточно опасным, чтобы с ним было необходимо бороться. Мне, однако, кажется, что с разрастанием поп-психологии необходимо бороться, пока «воинствующая глупость» (по выражению А. А. Зиновьева – 2006, с. 521), инкубатором которой она является, не разрушила основания человеческой культуры, самой человеческой жизни.

Так ли все страшно?

А. В. Юревич характеризует современное общество как «психологическое» (Юревич, 2007, с. 5) в смысле наличия психологических проблем у абсолютного большинства людей и осознанной (!) потребности в психологическом знании. С этим нельзя не согласиться. В то же время академическая и практическая психология не предлагают простых и понятных «человеку с улицы» решений, и вряд ли можно ожидать таковых в обозримом будущем. Простые и понятные решения предлагает поп-психология и в каком-то смысле тем обеспечивает своему потребителю облегчение, но облегчение временное и чреватое опасными последствиями. Следуя рецептам поп-науки, человек, во-первых, совершает поступки, усугубляющие его проблемы, а во-вторых, воздерживается от обращения к специалисту, который мог бы оказать помощь.

За снисходительным отношением к поп-психологии стоит осознанная или неосознанная вера в то, что психологические проблемы, которые имеются у большинства наших современников, суть проблемы пустяковые, нестрашные. Так ли это?

На мой взгляд, «психологизация» общества есть не что иное, как следствие комплекса важнейших и болезненных противоречий современной культуры и цивилизации, комплекса проблем, порожденных объективным ходом человеческой истории, суть которых прямо относится к предметному полю психологической науки. Эти проблемы поставлены самой жизнью и имеют жизненное, экзистенциальное значение для современного человека. Решение их – не забава, а насущная необходимость.

Важнейшим фактором развития психологической науки и практики в XX в. явилось радикальное усложнение проблемы адаптации человека к миру: ускорение исторического процесса на рубеже XIX–XX вв. привело к тому, что смена поколений уже не успевала за изменениями в культуре. Рубеж XX–XXI вв. обнажил новые – психологические – проблемы.

Среди таких проблем можно назвать то смятение в отношении идеалов и ценностей, свидетелями которого мы являемся в современном мире, осознающем себя в своей мультикультуральности, множественности цивилизаций, основанных на различных системах ценностных ориентаций. Сказки об общечеловеческих ценностях уже мало кого убаюкивают, в то же время налицо отсутствие психологической готовности людей адекватно понимать друг друга и взаимодействовать в ситуации множественных и неопределенных ценностных ориентиров.

Психологические проблемы современного человека – больше, чем просто психологические проблемы. Это отражение общих, самых острых насущных проблем развития человеческой культуры, главных проблем современной цивилизации. Приспособиться к опережающим изменениям в культуре становится сверхзадачей, для решения которой индивид должен употребить все силы, часто подорвать душевное здоровье, внутреннюю гармонию.

Именно психология сегодня призвана дать ответ на поставленные временем вопросы в силу своего статуса науки о человеке во всей полноте и противоречивом единстве сторон и форм его бытия. Ни одна другая наука не может сделать этого по причине недостаточности своего предметного поля. Именно психология сейчас необходима, как никакая другая наука. В этой ситуации «психологическое шоу» поп-психологии (по выражению А. В. Юревича) представляется экзистенциально опасным для отдельных индивидуумов и для общества в целом. Это «шоу» является мощным катализатором всеверия и иррационализма – той самой воинствующей глупости, от которой, по мнению А. А. Зиновьева, человечеству и стоит ждать гибели.

Академическая наука, возможно, не самая практически полезная дисциплина в плане решения многочисленных жизненных проблем современного человека. На вопрос «Что делать?» научная психология, как правило, не дает ясного и однозначного ответа. Однако она может дать ясный и однозначный ответ на вопрос «Каким рецептам не нужно следовать?». Научная психология и только она может противостоять поп-психологии, может разоблачить шарлатанов от поп-психологии, ясно и внятно свидетельствовать, что рецепты,

содержащиеся в «самоучителях жизненного успеха», не имеют статуса научного знания и представляют собой не более чем досужий вымысел, частное мнение, за которым нет никаких научных доказательств. Если не ученые-психологи, то кто сделает это? *Наука может и должна стать противоядием от глупости и тем самым уже окажется весьма практически полезной обществу. Может быть, в этом сегодня и должна состоять главным образом практическая полезность академической психологии.* На мой взгляд, действенная установка научной психологии на активное противостояние тем, кто насаждает всеверие и иррационализацию общественной жизни, является сегодня нравственным долгом нашей науки перед обществом, даже если это трудно, не всегда достигает эффекта и происходит «в обществе, где не действуют никакие запреты». Какой же в этом прок? В качестве ответа на этот вопрос привожу слова М. К. Мамардашвили: «Древние философы утверждали, что зло делается само собой, а добро нужно делать специально и все время заново, оно, даже сделанное, само не пребывает, не существует. Этот вывод, как мне представляется, в равной мере относится <...>, с одной стороны, к науке как познанию (этой мерцающей, пульсирующей точке, связанной с возможным человеком и требующей постоянного, специального усилия), а с другой стороны, к науке как собственно культуре (в смысле человекообразующего действия упорядочивающих жизненный хаос структур)» (Мамардашвили, 1982, с. 57).

Представляется, что именно критерий неразрывной связи теории и опыта следует обозначить и использовать в качестве ключевого для решения задачи демаркации научного и ненаучного психологического познания. Парадоксальным образом в контексте дискуссий об отношении научной психологии и ненаучных форм психологического познания все чаще декларируются два положения, которые, на мой взгляд, являются грубым искажением, подтасовкой фактов:

- ненаучное психологическое познание тесно связано с практикой, в отличие от научной психологии;
- постнеклассические тенденции в психологии предполагают размывание границ между научным и ненаучным знанием.

Удивляет не то, что эти положения декларируются сторонниками размывания границ науки, а то, что эти декларации практически не встречают развернутых возражений.

В то же время именно научное знание предполагает проверяемость и обязательно опирается на эмпирические доказательства в отличие от других видов знания.

Размывание в отечественной психологии существующих границ научной и ненаучных форм психологического познания не продвигает нашу практическую психологию. Практика всегда эклектична, использует и научные методы, и интуитивные озарения, и здравый смысл. Подобное размывание на руку лишь тем практикам, которые не владеют научными знаниями и не имеют соответствующей профессиональной подготовки. Оно лишило бы клиента возможности сознательно выбирать качество услуги на рынке и способствовало бы общему снижению качества оказываемых услуг. Для отечественной теории такое размывание означало бы лишь то, что «замусоренная» часть психологии оказалась бы за границами науки и была бы «вынесена за скобки» мировой науки.

Ситуация в России такова, что границы научной психологии сегодня нуждаются в защите. Поэтому, как мне кажется, объяснение в психологии должно быть обязательно в первую очередь научным: рациональным, детерминистским, допускающим проверку практикой. Следует противостоять соблазнительной легкости бытосания и некритичному полету фантазии. В сложившейся ситуации это требует достаточно напряженных усилий от нашего профессионального сообщества.

Практическая психология, предлагающая потребителю рынок профессиональных услуг, не менее психологии академической заинтересована в уничтожении опасного конкурента — поп-психологии, бороться с которым она может лишь с позиции единения с психологией научной. Общий враг, таким образом, представляется тем фактором, который позволит преодолеть схизис в обозримом будущем.

Глава 5

Биосоциальная природа личности в теориях мирового мейнстрима

Классические теории личности в зарубежной психологии XX в.

Человеческая личность, понимаемая как самосознание «я», как отношение к другому «ты», как обобщенный человеческий индивид, как неповторимая субъективность, всегда была и остается самой важной, всегда актуальной и вечно неисчерпаемой проблемой для человеческого познания, в том числе познания научного. Особое значение имеет проблема личности человека для психологической науки. В своей книге «Человек как предмет познания» Б. Г. Ананьев помещает психологию в самый центр системы наук о человеке. Именно психология, по его мнению, призвана решить задачу синтеза знаний о человеке, получаемых другими науками, как естественными, так и гуманитарными.

Не менее важен для психологии и другой аспект общенаучной проблемы человека — мировоззренческий. Явно или неявно, психологические теории и конкретно психологические исследования исходят из определенной философской концепции, версии человека, подтверждают или опровергают какие-то представления о сущности человека и его предназначении.

П. С. Гуревич (1995) выделяет в мировой культуре ряд философско-антропологических концепций — «контрастных версий человека».

- Первое, теистическое (иудейское и христианское) представление о человеке уходит корнями в религиозную веру, Ветхий Завет и Евангелие. Центральное место здесь отведено мифу о первородном грехе человека, его падении и как результат о глубинном переживании страха. Человек «краткодневен и пресыщен печалью», он по природе своей несовершенен и обречен на страдания. Мера ценности человеческой личности — ее устремление к Богу, любовь к Богу и безграничная вера. Цель человеческой жизни — переход в иную жизнь, вечную жизнь в Боге, через испытания

жизнью земной, временной, не имеющей самостоятельной ценности.

- Другое представление о человеке восходит к античной культуре, это концепция «человека разумного». Человеческое самосознание здесь провозглашается высшей ценностью, оно поставлено над всей остальной природой.
- Романтическая концепция человека высшей ценностью провозглашает не его способность осознать и познавать существующий мир, а иное его качество. Романтики считали человека особым существом, способным открывать в себе самом беспредельные миры. Преображая реальность, человек творит свой неповторимый внутренний мир, уникальный и неисчерпаемый. Так утверждается самоценность духовно-творческой жизни человека.
- Натуралистический подход к человеку предполагает рассмотрение его как принадлежащего к особому виду животного. Специфичность человека, его разума и уникальность субъективности натуралистической традицией отрицается. Сущность человека в том, что он принадлежит природе. Человек — высокоразвитое живое существо, его дух и разум — это лишь возведенные на новую ступень высшие психические способности животных. Это направление зародилось в глубокой древности и проходит через всю историю философии и естественных наук (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Милль, Ч. Дарвин, Ж. Б. Ламарк); ярко представлено оно и в современной науке.

Существует огромное количество психологических представлений о человеческой личности, разработано множество теорий личности. Это проявляется уже в самом разнообразии трактовок понятия «личность» в мировой психологической науке.

Гордон Олпорт в своей первой книге «Личность: психологическая интерпретация» (1937) приводит более 50 различных определений личности. В авторитетном учебнике по психологии личности Л. Хьелла и Д. Зиглера (1997) многообразие значений понятия «личность» в психологии авторы демонстрируют, обращаясь к взглядам ряда известных теоретиков. Карл Роджерс описывал личность как организованную, долговременную, субъективно воспринимаемую сущность, составляющую самую сердцевину наших переживаний. Г. Олпорт определял личность как внутреннее нечто, определяющее характер отношений человека с миром. Обобщая различные трактовки понятия личности, Хьелл и Зиглер приходят к выводу,

что большинство теоретических определений содержат следующие общие положения.

- Понятие личности включает в себя внешний социальный образ, общественное лицо, обращенное к окружающим.
- В личности представлены такие особые черты, благодаря которым конкретный человек отличается от всех остальных людей; понятие личности неразрывно связано с понятием индивидуальности, индивидуальных различий между людьми.
- Личность рассматривается как нечто, определяющее и организующее поведение. Личность — абстракция, основанная на выводах, полученных в результате наблюдения за поведением человека.
- Личность рассматривается как нечто, возникающее в процессе жизни на основе биологической наследственности и влияния окружающей среды.
- Личность относительно неизменна и постоянна во времени. Она обеспечивает чувство непрерывности во времени и при изменении внешних обстоятельств.

В отечественной психологии наиболее общепринятым является определение личности как человеческого индивида в системе его отношений с обществом.

Личность — термин, обозначающий:

- 1) человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности;
- 2) устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как человека того или иного общества или общности (Психологический словарь, 1983).

Личность — системное качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении, характеризующее его со стороны включенности в общественные отношения (Краткий психологический словарь, 1985).

Чтобы представить в какой-то степени целостную картину имеющихся психологических теорий личности, их обычно объединяют в те или иные группы, создавая таким образом классификацию теорий по какому-либо основанию. Таких классификаций может быть достаточно много.

Наиболее употребляемая и общепринятая классификация психологических теорий личности состоит в разделении их на две группы: интраиндивидуальные и интериндивидуальные теории.

Интраиндивидуальный подход преобладает в общей психологии. Теории этой группы изучают личность как некое интегрирующее начало, связывающее воедино различные психические явления и сообщающее поведению необходимую последовательность и устойчивость. В центре внимания здесь интраиндивидуальные структуры, такие как, например, темперамент, характер.

Интериндивидуальный подход рассматривает личность в структуре ее взаимодействия с другими людьми и обществом. Этот подход преобладает в социальной психологии. В центре внимания здесь такие свойства личности, как статусно-ролевые характеристики, стиль общения, лидерство, конфликтность.

Выделяют также три основных подхода к трактовке личности: антропологический, социологический и персоналистический (Парыгин, 1999). В русле антропологического подхода личность рассматривается как носитель родовых общечеловеческих свойств. С позиций социологического подхода личность рассматривается как объект и продукт социальных отношений, как система ролевого поведения, обусловленного совокупностью социальных ожиданий. В русле названных подходов личность рассматривается как функция биосоматической (антропологический подход) и социальной (социологический подход) программ. Соответственно, индивидуальные различия между людьми предстают как вариации воплощения общих единых структурных принципов. Иными словами, люди различаются между собой, как различаются листья одного дерева, где нет двух одинаковых, но все подобны по своей структуре. Люди различаются, как различаются словарный запас и синтаксис в речи субъектов, говорящих на одном языке. Противовесом таким представлениям может считаться персоналистический подход, в соответствии с которым подчеркивается индивидуально-неповторимая целостность личности, абсолютная автономность ее внутреннего мира, ее подлинного существования.

Феномен личности в психологии проявляется настолько многообразно и разносторонне, ученые обращаются к нему в контекстах таких различных, что, наверное, всегда будет существовать целый ряд теорий личности, если не альтернативных, то дополняющих друг друга. Теории различаются прежде всего по тем вопросам, которые ставят перед собой ученые, работающие в их русле. Вопросы эти продиктованы как закономерностями развития самого научного познания, так и социальным заказом того или иного общества и потребностями общественной практики. Какие практические задачи можно увязать с классическими направлениями в психологии личности?

Психоанализ

Зигмунд Фрейд создал психоанализ в процессе терапевтической работы со своими пациентами. Целевая установка помочь человеку прийти к состоянию гармонии с миром и с самим собой, освободиться от мучительных внутренних противоречий, определила концептуальный строй теории. Проблема достижения человеком счастья и избавления его от страданий – наиболее значительная и перспективная область применения психоанализа, психоаналитической терапии. В то же время можно сказать, что нет другой теории, которая имела бы такую широкую область применения. Она пригодна для понимания почти любой сферы человеческого поведения. Влияние психоанализа испытали философия, антропология, социология, религия, история, искусство, экономика, образование, криминалистика, медицина. Психоанализ подвергается критике за то, что преувеличивает негативную, патологическую сторону человеческой жизни, недооценивая позитивные, здоровые аспекты. Но даже критики признают его большой вклад в решение проблем личности.

Структурная модель личности, предложенная З. Фрейдом, едва ли не самая известная из моделей личности, когда-либо созданных. В ее составе – три подструктуры.

Ид (Оно). Это первичная подструктура, природная по своему происхождению. Ид является источником энергии личности (либидо), которую Фрейд полагал полностью сексуальной. Таким образом, Ид представляет собой мотивационно-аффективный комплекс. Активность Ид подчиняется принципу удовольствия, иными словами, получению приятных переживаний при разрядке возбуждения, постоянно возникающего в Ид, – основная и единственная цель Ид. Ид порождает рефлекторные действия и так называемые первичные психические процессы – своего рода фантазии, которыми Ид пытается добиться разрядки возбуждения, не предпринимая реальных действий во внешнем мире. Ид сравнивают со слепым королем, который подчиняется лишь собственным желаниям и не способен увидеть реальность, как она есть.

Активность Ид, однако, не может обеспечить выживания человека. Младенец, психика которого в начальный период полностью относится к этой подструктуре, не способен долго удовлетворяться фантазиями, не имея пищи и комфортных условий, которые обеспечивает взаимодействие с окружающим миром. Поэтому на очень ранних стадиях развития складывается еще одна подструктура личности – Эго (Я). Эго представляет собой своего рода «исполнитель»

ный орган» Ид, из которого оно возникает. Цель Эго — обеспечить удовлетворение потребностей Ид в контакте с реальностью. Эго продуцирует вторичные психические процессы. К ним Фрейд относит логическое мышление, в контексте которого разделены реальность и фантазии, порождаемые Ид. Эго действует по принципу реальности.

Третья подструктура личности называется Супер-Эго (Сверх-Я). Супер-Эго представляет собой усвоенную, интериоризированную систему норм, ценностей, существующих в социуме. Социум, вступая во взаимодействие с индивидом, заставляет его действовать по своим правилам и внедряется в его психику. Супер-Эго существует в двух формах: совесть и идеал. Совесть — это карающий орган, идеал — награждающий положительными эмоциями за «хорошее» поведение.

Ид полностью относится к сфере бессознательного. Эго и Супер-Эго захватывают все три этажа психики, по Фрейду: сознание, предсознательное и бессознательное.

Концепция Фрейда представляет собой яркий диалектический вариант постановки биосоциальной проблемы. Биологическое и социальное здесь изначально противопоставлены. Социум враждебен Ид, полностью животному по своей природе, накладывает запреты на стремление Ид к удовольствиям.

Основная идея психоаналитической терапии — через изучение бессознательного помочь больному осознать истинные причины болезненных явлений, таких как иррациональный страх, тревога и пр. Более глубокое осознание своих мотивов приводит к усилению Эго. Через осознание своих проблем пациент получает возможность контролировать их и руководить собственной жизнью. Психоанализ ставит своей целью достижение коренных изменений в структуре личности индивидуума. Его задачи: повышение уровня осознания, интеграция личности, социальная эффективность и психологическая зрелость.

Используются обычно следующие методы: метод свободных ассоциаций, анализ сновидений, интерпретация сопротивления, анализ переноса.

Классический психоанализ занимает много времени, вызывает болезненные усилия и дорого стоит. Он может продолжаться годами, и часто его продолжительность ограничивается только финансовыми возможностями пациента. Современные психоаналитики все чаще используют следующие новшества: во-первых, ограничение во времени (обычно 25 сеансов), более структурированный и целенаправленный характер процесса. Во-вторых, групповой или семейный процесс, позволяющий учесть, как взаимодействуют между собой

участники. Наконец, в-третьих, некоторые современные психоаналитики используют лекарства наряду с классической процедурой.

«Производными» от психоанализа в отношении вопросов, ответ на которые теория призвана дать, можно считать неофрейдизм и гуманистическую психологию. Подобно классическому психоанализу, в центре внимания здесь проблемы личного счастья и внутренней гармонии. А вот представления о душе человека, о характере ее гармоничного состояния и пути к нему существенно изменились. Несомненно, важнейшим фактором, вызвавшим к жизни направление неофрейдизма, явилось перенесение практики классического психоанализа на новую социальную почву, когда многие психоаналитики переехали из Европы в США перед Второй мировой войной, спасаясь от угрозы фашизма. Модель Фрейда, построенная в основном на материале неврозов женщин из обеспеченных слоев общества, где царил строгая мораль в сфере сексуальной жизни, не всегда и не во всем соответствовала реалиям жизни американцев.

Основные моменты, которые были подвергнуты пересмотру, — пансексуализм Фрейда и, как следствие, общие теоретические представления о месте и роли биологического и социального факторов в психике человека и их соотношении. Неофрейдисты отказались от представлений З. Фрейда о том, что исключительно сексуальные влечения составляют основу жизненной энергии человека. Отказались они и от жесткого разделения и противопоставления биологического и социального начал в человеке. Последнее положение с классическим психоанализом разделяет лишь марксистская психология. Яркими примерами неофрейдистских теорий являются аналитическая психология К. Г. Юнга, индивидуальная теория личности Альфреда Адлера и эго-психология Эрика Эриксона.

Психологические типы К. Г. Юнга

Карл Густав Юнг (1875—1961), швейцарский психолог и психиатр, наряду со своим учителем З. Фрейдом относится к числу ученых, именами которых обозначаются целые периоды в истории науки, направления в ее развитии. Юнг достаточно рано разошелся во взглядах со своим учителем и порвал с ним. Он вышел из Психоаналитической ассоциации и стал основоположником нового направления — аналитической психологии, которое и сегодня продолжает интенсивно и плодотворно развиваться. В центре внимания Юнга и его последователей — структура и динамика психики, сознания и бессос-

знательного. Наиболее широкую известность среди обширного круга работ Юнга получила его теория психологических типов. По свидетельству автора, эта теория возникла из опыта его клинических наблюдений. Затем она получила теоретическое обоснование в результате широкого исторического обзора мифологии, эстетики, психопатологии и художественной литературы.

К. Г. Юнг утверждает, что все люди разделяются на два основных типа: экстраверты и интроверты. Про одних — экстравертов — можно сказать, что течение их судьбы определяется объектами их интересов. Под объектами в данном случае понимаются любые внешние обстоятельства и явления: другие люди, карьера, профессия и т. д. На экстраверта объект действует как магнит, притягивает мысли, чувства, интересы. Объект «обуславливает» субъекта, определяет его поведение и состояние. Приспосабливаясь к объекту, человек изменяет свои собственные свойства, уподобляется объекту и «отчуждается» от самого себя, так что можно подумать, что полное подчинение объекту является смыслом жизни субъекта. Можно представить, что в системе «субъект—объект» вся жизненная энергия направлена от субъекта к объекту.

При интроверсии течение судьбы, напротив, определяется некоторой собственной внутренней жизнью субъекта. Субъект является средоточием всех своих интересов, мыслей, переживаний. Складывается впечатление, что жизненная энергия направлена от объекта к субъекту, препятствуя тому, чтобы объект приобрел в жизни субъекта хоть какое-то значение. Энергия уходит от объекта, как будто субъект — это магнит, который притягивает ее к себе. Объект обесценивается, всегда имеет второстепенное значение по сравнению с субъектом. Иногда воспринимается субъектом лишь как внешний знак, символ идей, переживаний, мыслей субъекта.

Для обозначения названной жизненной энергии Юнг использует понятие «либидо». Либидо он понимает как психическую энергию, интенсивность всех психических процессов, глубинную бессознательную энергию влечений человека, определяющую его поведение. Таким образом, интроверт стремится отнять либидо у объекта, подчинить объект себе и испытывает постоянный страх перед возможностью стать подчиненным объекту. Экстраверт, напротив, стремится раствориться в объекте, передать ему свое либидо.

Юнг рассматривает экстраверсию и интроверсию как формы приспособления и усматривает аналог в животном мире, где существуют две формы приспособления: «прожорливый» тип и «плодовитый». Плодовитый тип обеспечивает выживание вида путем рожде-

ния большого количества особей, растрачиваясь, распространяясь в среде. При этом отдельный индивид слабо защищен и наделен меньшей продолжительностью жизни. Прожорливый наделен меньшей плодовитостью при большей защищенности индивида от средовых воздействий.

Анализируя вопрос о природе экстраверсии и интроверсии, Юнг приходит к утверждению о том, что движение либидо никогда не может быть полностью односторонним, всегда направленным в одну сторону. Как биение сердца в систоле и диастоле, в психической жизни каждого индивида должны быть представлены оба механизма. Однако присущий человеку жизненный ритм этих механизмов в силу природного предрасположения и обстоятельств жизни обычно оказывается «сдвинутым» в сторону преобладания либо экстраверсии, либо интроверсии, и тогда мы говорим о типе интроверта или экстраверта. Сравнение с систолой и диастолой сердца ярко показывает уязвимость каждого выраженного типа. Если один из механизмов, которые в идеале должны быть уравновешены, превалирует над другим, неизбежно возникает тенденция к компенсации этой односторонности. Как происходит эта компенсация, объясняет теория вторичных типов Юнга.

В соответствии с общим положением глубинной психологии, работа по компенсации тех «перегибов», которые творит наше сознание, по удержанию биологически целесообразного равновесия со средой ложится на бессознательную часть нашей психики. Итак, чем более экстравертирована наша сознательная жизнь, чем сильнее в нас стремление ассимилироваться в объекте, подчинить свою жизнь работе, семье, требованиям обстоятельств, тем сильнее эгоцентрическая установка бессознательного. Чем полнее экстравертированность сознательной установки, тем инфантильнее, грубее и архаичнее бессознательная установка. Тем более примитивный, эгоистический, инфантильный характер приобретает бессознательное. Юнг пишет, что у выраженных экстравертов бессознательное наполнено лишь инстинктами, ибо все, что было в психике культурного, отдано в пользу объекта. Здесь бессознательное становится таким, каким описывал его З. Фрейд.

До тех пор, пока «крен» сознания не чрезмерен и бессознательное справляется с работой по компенсации, все в порядке. Как только экстравертированность сознательной установки становится больше, чем допускают возможности компенсации, появляется на свет бессознательное и становится в оппозицию к сознательной установке, нарушая целостность и приспособление личности.

Так, типичными невротическими проявлениями для экстравертов являются различного рода телесные недуги, вызываемые нарушением здоровья психики. Приступы астмы, сердечные приступы, боли в желудке, затруднения при глотании нарушают ход жизни экстраверта, подчиненный полностью внешнему объекту. Таким образом бессознательное защищает субъекта от полного разрушения властью экстравертированной сознательной активности, не учитывая реальных возможностей и потребностей субъекта. Ненормальные телесные проявления выступают для души и тела, приносимых в жертву объекту, как способ «обратить на себя внимание». При интроверсии, напротив, бессознательное обретает экстравертированную установку.

Юнг рассматривает экстраверсию и интроверсию как общие свойства психики, биологически заложенные в индивиду. Однако конкретная структура психики может быть весьма различной в зависимости от присущей индивиду структуры основных психических функций.

Юнг выделяет четыре основные психические функции, обслуживающие сознательную жизнь субъекта: две рациональные (разум и чувства) и две иррациональные, т. е. не подконтрольные рас судку (ощущение и интуиция). Разум отвечает на вопрос, что есть предмет. Чувство говорит о том, какую ценность предмет представляет. Разум и чувство находятся в антагонистических отношениях между собой, мешают друг другу. Также в антагонистических отношениях находятся ощущение, доставляющее информацию об актуальной ситуации, и интуиция, связывающая нас с прошлым и будущим.

Юнг полагает, что в силу особенностей нашей цивилизации развитие человека идет по линии специализации, совершенствования только одной из его функций, которая определяет место человека в обществе, обычно род его основных занятий. Эта функция, обычно и от природы наиболее развитая, приобретает высококодифференцированный, сознательный характер. Однако такое усиленное и одностороннее развитие одной из функций приводит к угнетению противоположной функции, которая вытесняется в область бессознательного, приобретает архаический, примитивный, недифференцированный характер. В случае невротических или психических срывов развитие патологических явлений будет идти именно по линии активности этой ущемленной функции.

Сочетание экстравертированности/интровертированности основной установки сознания и бессознательного с особенностями

структуры основных психических функций в индивидуальной психике порождает систему вторичных типов личности.

Рассмотрим для примера человека, для которого ведущей установкой сознания является интроверсия, а ведущей функцией — разум. Основное содержание сознательной внутренней жизни его представляет собой стремление придать ясность и стройность потоку своих идей, которые он ищет и обретает не в мире фактов, а в собственной душе, факты он использует лишь как иллюстрации для заполнения рамок своей теории. В сознательном мире своих идей это полноценный, мощный разум. Но чем более развит и дифференцирован интровертированный разум, тем более архаичны, недифференцированы, примитивны и недоступны сознанию его чувства. Они экстравертированы, отданы объекту, внешней действительности и в целом имеют характер тягостных переживаний.

В общении он малоэффективен, проявляет общую необоснованную враждебность и недоверчивость, в основе которых страх объекта, свойственный интровертной установке сознания. Но, если кому-либо удалось «втереться к нему в доверие», убедить в своей безобидности, он становится доступным любому влиянию, позволяет грубо эксплуатировать себя, не видит, когда ему вредят в практическом отношении. В случае декомпенсации развитие патологических явлений идет по линии ухода в себя, самоизоляции, погружения во внутренний конфликт, основа которого — объективный конфликт с окружением, не нашедший адекватного разрешения сознательным образом (сознание отдано миру идей, реальному миру отношений просто ничего не досталось). Этот конфликт подкрался со стороны бессознательного, понемногу парализуя личность, творческая активность которой уступает место состоянию войны со всем миром, выстраиванию мер самообороны и защиты. Эта война ведется им за субъективно понятую истину, однако на деле субъективная истина бессознательно отождествляется с собственной личностью и замещается ею.

Индивидуальная теория личности А. Адлера

Адлер мечтал создать теорию личности, которая согласовывалась бы с повседневной жизнью, давала бы объяснения причин неврозов и служила основой для их лечения.

В соответствии с его теорией, суть невроза — самые разнообразные симптомы, за которыми стоит цель: избежать ответственности и сохранить самооценку. Невротическая личность имеет снижен-

ный уровень активности, эгоцентрически стремится к превосходству, ведет пассивный, изнеженный образ жизни. Характерна задержка в развитии социального интереса.

Причина невроза по Адлеру коренится обычно в детстве. Это может быть:

- неполноценность органа,
- чрезмерно балующее воспитание,
- пренебрежение ребенком.

Названные причины вызывают развитие стратегии психологической защиты.

Цели терапии, по Адлеру:

- выявление ошибочных суждений о себе и других,
- устранение ложных целей,
- формирование новых жизненных целей, которые помогут реализовать личностный потенциал.

Цели достигаются через понимание пациента терапевтом, повышение уровня понимания пациентом самого себя и укрепление в нем социального интереса. Последнее — главная цель. Терапия представляет собой своего рода упражнение в сотрудничестве, когда задачей терапевта становится обучить пациента такому межличностному взаимодействию с окружающими, когда на них переносятся пробуждающиеся социальные чувства. В результате происходит переориентация пациента, ложные жизненные цели замещаются полезными, он становится увереннее, может жить без психологической защиты. У него формируется здоровый стиль жизни.

Эго-психология Э. Эриксона

Особое внимание Эриксон уделяет эго-идентичности, ее формированию в подростковом и юношеском возрасте. В соответствии с его теорией основные вопросы, стоящие перед современной молодежью: «Кто я такой?», «Как я впишусь в мир взрослых?».

В традиционных культурах, в обществах с жесткими социальными нормами проблемы идентичности невелики, а демократическая система в Америке, где работал Э. Эриксон, создает серьезные трудности. Демократия требует идентичности в ключе «сделай себя сам»: надо найти собственную нишу в жизни. Быстрые изменения в социуме, длительный период образования увеличивают количество альтернатив и время выбора.

Кризис идентичности, по Эриксону, проявляется в трех основных сферах жизни подростка: в колебаниях относительно выбора профессии, который становится выбором стиля жизни, образовании подростковых групп, употреблении алкоголя и наркотиков.

Гуманистическая психология продолжила и усилила намеченную неофрейдизмом линию представлений о человеке как о существе активном и просоциальном. Креативность, стремление к творческой деятельности на благо общества — таким представляется путь к человеческому счастью представителям этого направления.

Типология социальных характеров Э. Фромма

Социальным характером Фромм назвал ту совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов определенной социальной группы и возникает в результате общих для них переживаний и общего образа жизни.

Понятие социального характера Фромм считал ключевым для понимания общественных процессов: «Если мы хотим понять, каким образом человеческая энергия направляется в определенное русло и работает в качестве производительной силы при данном общественном строе, главное внимание надо уделить социальному характеру» (Фромм, 1992, с. 62).

Фромм выделяет две основные функции социального характера — субъективную и объективную. Субъективная функция заключается в том, чтобы направлять деятельность человека в соответствии с практическими нуждами и давать ему субъективное удовлетворение от его деятельности. Иными словами, приспособляясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты характера, которые побуждают его действовать в соответствии с ожиданиями социума.

Объективная функция социального характера заключается в том, что структура личности человека приспособляется к объективным задачам, которые человек выполняет в данном обществе, и тем самым психическая энергия людей превращается в необходимую для данного общества производительную силу.

Таким образом, социальный характер интериоризирует внешнюю необходимость и мобилизует человеческую энергию на выполнение задач, поставленных перед ним общественным устройством. Однако социальный характер отдельного человека и общественное устройство не связаны однозначно. Общество развивается, и возникают новые условия жизни, в которых прежние свойства характера становятся бесполезными или даже вредными.

Человек также не пассивно приспосабливается к условиям жизни в социуме, но динамически к ним адаптируется. Динамическая адаптация, по Э. Фромму, происходит на основе неотъемлемых свойств человеческой природы, заложенных биологически или возникших в ходе истории, главнейшее из которых – стремление к развитию, реализации своих возможностей.

Социальные характеры классифицируются Э. Фроммом по типу отношений с миром или по так называемым ориентациям. Ориентации, посредством которых индивид вступает в отношения с миром, определяют суть его характера. Каждая из описываемых ориентаций приписывается определенному типу социальных отношений, возникшему в обществе в тот или иной период истории. Кроме того, все ориентации оцениваются как плодотворные или неплодотворные с точки зрения соответствия целям самореализации и развития.

Неплодотворные ориентации

Рецептивная ориентация. Человек этой ориентации смотрит на мир оптимистично и дружелюбно, ожидая подарков от судьбы. Все ценности, духовные и материальные, он видит во внешнем мире, не считая себя ни их обладателем, ни существом, способным завоевать их, он только лишь надеется получить их в дар. Подобная ориентация часто складывается в обществе, где за одной группой закреплено право эксплуатировать другую, например, в рабовладельческом обществе. Раб уверен, что сам не способен повлиять на свою судьбу и благодарен доброму хозяину. В современном обществе люди рецептивной ориентации живут мечтами о быстром и чудесном обогащении, выигрыше в лотерею, прекрасном принце, который придет за ними однажды. Именно для этих людей пишутся и продаются книги о том, как стать счастливым и богатым.

Все надежды на лучшее будущее эти люди связывают с кем-то, кто принесет это в дар. В любви главное – это быть любимым. Они очень ценят любовь к себе и буквально бросаются за всеми, кто ее предлагает. Очень тяжело переживают отдаление любимого, его уход. Их верность – следствие благодарности тому, кто питает их своей любовью, и страха его потерять. В любой ситуации им трудно сказать «нет», везде они зависимы и беспомощны.

Людей рецептивной ориентации отличают и определенные внешние особенности. Жесты плавные, манящие, на лице часто улыбка, рот приоткрыт.

Эксплуататорская ориентация. Как и в вышеописанном типе, источник всех ценностей и благ эксплуататорски ориентированные люди видят во внешнем мире, не считая себя способными создавать. Однако способ овладеть благами здесь иной – их надо взять силой, присвоить, украсть. Единственное право, которое они признают – это право силы. Этот тип личности присущ пиратам, феодалам, грабителям. Этих людей взрастил свободный рынок, каким он сложился на основе конкуренции в XVIII и XIX вв. В современном мире этот тип стоит за хищнической эксплуатацией человеческих и природных ресурсов.

В межличностных отношениях этим людям присуща смесь враждебности и стремления манипулировать другими. Они подозрительны, завистливы, циничны и ревнивы. Внешне характерны язвительное выражение лица, агрессивные и резкие жесты. В любви это «клептоманы», для которых всегда стремятся увести чужого партнера.

Стяжательская ориентация. В отличие от вышеописанных типов люди со стяжательской ориентацией мало надеются получить от жизни что-то новое, ценное. Скорее можно потерять то, что имеешь. Любые траты поэтому воспринимаются как угроза безопасности, а наилучшим способом поведения считается стяжательство и экономия. Их отличает скупость, вокруг себя они строят невидимую стену, за которую стремятся как можно больше принести и из-за которой как можно меньше вынести. Смерть и разрушение представляются им более реальными, чем жизнь и развитие. Их лозунг – нет ничего нового под солнцем. Высшие ценности – порядок и безопасность. Символ их Я – собственность. Идеал – стабильный, безопасный и управляемый мир.

Этот тип характера присущ среднему классу, он сформировался и существовал бок о бок с эксплуататорским.

Внешне этих людей отличает педантичная аккуратность, маниакальная чистоплотность, упрямство. Губы плотно сжаты, жесты чопорные. В межличностных отношениях, в любви стремятся получить как можно больше, давая как можно меньше.

Рыночная ориентация. Этот тип характера сформировался в наше время. Ему свойственно восприятие самого себя, собственной ценности как менового товара на «личностном рынке». Фромм считает этот тип социального характера еще более вредным, губительным для человека, чем вышеописанные. В отличие от них здесь не развивается что-то, уже потенциально присутствующее в человеке, но возникает своеобразная «свобода от индивидуальности», готовность к смене установок в зависимости от «моды на личность». Даже в собствен-

ных глазах человек оказывается ценным, только если он добивается успеха, преуспевает. Таким образом, самооценка оказывается в зависимости от факторов, не подвластных человеку, что приводит к разрушению чувства собственного достоинства и самоуважения.

Плодотворная ориентация

Вышеописанные ориентации Фромм считал неплодотворными, так как личность, для которой они характерны, не реализует своих природных предпосылок и возможностей развития, которые могут привести человека к счастью. Характер плодотворной ориентации — это человек-творец, в творческой деятельности реализующий и развивающий свои способности. В этом характере не отражается какая-либо конкретная форма государственного устройства, наоборот, суть его в реализации природных, истинно человеческих свойств. Таким образом, конкретные формы общественного устройства можно оценивать мерилom благоприятности условий жизни в обществе для развития плодотворно ориентированных характеров.

Мышление плодотворно ориентированных — заинтересованное и уважительное. В межличностных отношениях их отличает чувство ответственности и забота о людях.

Классификация Фромма, подобно большинству других, допускает существование смешанных типов. При смешении плодотворной ориентации с одной из неплодотворных смягчаются недостатки последней, а присущие ей достоинства проявляются в полной мере. Так, например, вполне проявятся такие достоинства эксплуататорской ориентации, как активность, инициативность, уверенность в себе, и такие достоинства стяжательской ориентации, как упорство, аккуратность, преданность, методичность, терпение, осторожность и практичность.

Основная сфера практических применений как классического психоанализа, так и неофрейдизма и гуманистической психологии — помощь человеку в его личностном росте и становлении, достижении мира и гармонии с самим собой и своим окружением. Гуманистическая психология стала очень популярной в нашей стране. Однако думается, что восприятие идей названного направления нашими учеными существенно опосредовано отечественной теорией, многие положения которой «приписываются» западным коллегам без должного основания, читаются между строк их книг, не будучи там на деле обозначены. Причина такой «любви» к гуманистической психологии российских коллег — близость школ в отношении понимания

человека как существа активного и деятельного. Однако между положениями гуманистической психологии и отечественной теорией, основанной на принципе субъектности С.Л. Рубинштейна, имеются существенные различия и не обсуждавшиеся до сих пор в литературе противоречия, подробно проанализированные в данной книге в главе, посвященной отечественной биосоциальной теории.

Диспозициональное направление

Если потенциальный «потребитель» вышеназванной группы теорий — человек, который хочет разобраться в собственном душевном мире, то диспозициональное направление широко применяется там, где нам нужно предсказать поведение другого человека — при подборе персонала, в профотборе, профориентации, при прогнозировании брачной совместимости.

Родоначальник диспозиционального направления в теории личности Гордон Олпорт полагал, что единицей анализа личности и предсказания поведения является черта. Черта — это предрасположенность (диспозиция) вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций. Согласно теории Олпорта, поведение человека достаточно стабильно во времени и сходно в разнообразных ситуациях. Общительный человек проявляет себя и на работе, и в транспорте, и в магазине, и в кафе. Человек, которого отличает высокая тревожность, сходным образом ведет себя и на экзамене, и на приеме у врача, и в ожидании транспорта. Олпорт полагал, что каждая личность уникальна, а основу уникальности личности составляет неповторимая комбинация отдельных личностных черт.

Множество ситуаций, приводящих в действие данную черту, называются равнозначными относительно этой черты стимулами. Равнозначные стимулы обуславливают множество эквивалентных относительно данной черты реакций, т. е. многие ситуации, воспринимаемые человеком как равнозначные, дают толчок к действию определенной черты, которая затем инициирует разнообразные виды поведения. Эта концепция эквивалентности стимула и реакции, объединенных и опосредованных чертой, является главной составляющей теории Олпорта. Черты личности не дремлют в ожидании внешних стимулов, способных их пробудить. Черты являются движущим элементом поведения, они побуждают людей к поиску ситуаций, в которых данные черты наиболее полно проявятся. Таким образом, черты личности выстраивают поведение индивидуума.

Олпорт проводил различие между общими чертами и индивидуальными. Первые (называемые также измеряемыми) включают в себя характеристики, распространенные в обществе. В результате сравнения множества индивидуумов по выраженности общей черты получается кривая нормального распределения. Измеряемость общих черт позволяет сравнивать одного человека с другим по значимым психологическим параметрам. Индивидуальные черты обозначают такие характеристики индивидуума, которые не допускают сравнения с другими людьми. Олпорт полагал, что единственный путь к пониманию индивидуальности – выявление индивидуальных черт личности, которые в своих поздних работах он стал называть индивидуальными диспозициями, оставив понятие «черта личности» только за общими чертами.

Соотношение общих черт и индивидуальных диспозиций Олпорт объяснял следующим образом. Черту можно рассматривать либо в контексте личности, у которой она обнаружена (в ее уникальности), либо по ее распространенности в обществе (как универсальную). В первом случае мы изучаем влияние данной черты на жизнь конкретного человека. Например, такая черта, как доминантность, может проявляться у разных людей весьма различно, и с точки зрения ситуаций, в которых она активизируется, и в плане разнообразия вызываемых ею реакций. Во втором случае мы изучаем эту черту универсально, путем построения надежной и валидной шкалы доминантности и определения индивидуальных различий по этому параметру.

В центре внимания Олпорта были индивидуальные диспозиции. Он предложил выделять три типа диспозиций: кардинальные, центральные и вторичные. *Кардинальной* диспозицией обладают немногие люди. Это своего рода главная страсть, в высшей степени генерализованная черта, которая пронизывает все существование человека, руководит всеми его поступками. Наличие кардинальной диспозиции делает ее обладателя необычным и в своем роде выдающимся человеком. В качестве примеров Олпорт приводит исторические и вымышленные характеры, такие как Макиавелли, Дон Жуан, Жанна Дарк. Весь ход жизни таких людей обнаруживает всепроникающее влияние кардинальных диспозиций. *Центральные* диспозиции не столь всеобъемлющи, но все же ярко характеризуют человека. Это основные его особенности, которые легко обнаруживают окружающие (например, пунктуальность, ответственность, любопытство, общительность и т. п.). Олпорт полагал, что таких диспозиций у человека может быть немного, обычно от 5 до 10. *Вторичные* диспозиции представляют собой черты менее обобщенные, менее

устойчивые. Обычно они ситуационно обусловлены, т. е. проявляются только в особых ситуациях и потому менее заметны, часто обнаружить их можно, только очень близко познакомясь с человеком. Все индивидуальные диспозиции интегрированы в единую структуру, организующую внутреннее единство личности и целенаправленное поведение — проприум.

К диспозициональному направлению принято относить и классические теории Р. Кеттелла и Г. Айзенка, разработанные в русле подхода к личности с позиций факторного анализа, а также современную пятифакторную модель описания личности.

Бихевиоризм

Бихевиоризм как мощная психологическая школа сложился в США, однако теоретические основы этого направления, по свидетельству самих зарубежных коллег, были заложены в трудах И. П. Павлова. Парадоксальна судьба учения Павлова в психологической науке. Его теория условных рефлексов, разработанная на стыке физиологии и психологии, в российской физиологической науке породила великую школу, в российской психологии же, даже насильственно насаждаемая, она не была по-настоящему принята и фактически не имела развития. В США психологи, не пытаясь проникнуть в тайны физиологических механизмов мозга, подхватили идею непосредственного формирования поведенческих реакций варьированием средовых стимулов. Так возник американский бихевиоризм. О судьбе этого направления в России написана книга М. Г. Ярошевского «Наука о поведении: русский путь».

Теории этого направления сегодня имеют очень широкую сферу применения. В его русле непосредственно ставится задача изменить поведение человека или группы, добиться требуемых видов и способов поведения. Основные области применения бихевиористских моделей:

- образовательные технологии (включая технические устройства программного обучения, управляющие системы);
- менеджмент, включая отношения в коллективах и субъективную удовлетворенность;
- психолингвистика, обучение навыкам вербального поведения;
- терапия общих расстройств поведения, личностных проблем: алкоголизации, аутизма, фобий;
- психофармакология (изучение влияния лекарств).

Классической для бихевиоризма считается *теория оперантного научения Б. Ф. Скиннера*. Личность рассматривается Скиннером как индивид, обладающий приобретенным набором поведенческих реакций. Путем познания личности считается лишь объективный функциональный анализ поведения. Выделяются респондентное (отвечающее на воздействие среды) и оперантное (инициирующее) поведение. В центре внимания – режимы подкрепления, т. е. способы закрепления желательных форм поведения и отторгивания нежелательных. Режим подкрепления – правило, устанавливающее вероятность, с которой подкрепление будет происходить. Самым простым вариантом является режим непрерывного подкрепления, когда подкрепляется каждая желаемая реакция. Этот режим обычно используется на начальных этапах любого оперантного научения, когда индивид учится производить правильную реакцию. В большинстве ситуаций повседневной жизни это либо неосуществимо, либо неэкономично. В большинстве случаев подкрепление предъясняется только иногда (прерывистое подкрепление). Скиннер изучал, как режим такого частичного подкрепления и его вид влияет на эффективность закрепления навыка.

Теория оперантного научения и сегодня широко применяется в области социально-психологического тренинга навыков общения и желательных форм поведения.

Более современные бихевиористские теории учитывают сложные взаимодействия внешних и внутренних факторов: возможность для человека учиться не только на собственных ошибках, но и путем наблюдения; влияние на поступки людей не только реалий окружающего мира, но и субъективных представлений о мире. Таковы социально-когнитивные теории личности А. Бандуры и Дж. Роттера, когнитивная теория личности Дж. Келли. На основе необихевиористских теорий разработаны высокоэффективные виды тренинга.

Пятифакторная модель личности

В 1980–1990-х годах наиболее популярной для описания личностных различий становится так называемая пятифакторная модель. Эта модель не имеет одного какого-то определенного автора. Она сложилась стихийно в русле работ англоязычных психологов, использующих для анализа личности метод факторного анализа. Этот математический метод отличается тем, что исследователь без всякой предварительной гипотезы закладывает в компьютер большое количество данных о самых различных личностных свойствах лю-

дей. В результате факторизации происходит так называемый «развал на кучи»: определяются группы тесно связанных между собой свойств. Предполагается, что за каждой такой группой стоит некая обобщенная черта личности, или фактор, который и должен интерпретировать, т. е. объяснить, определить, исследователь.

Факторы, образующие названную модель, интерпретируются следующим образом:

I – экстраверсия;

II – дружелюбие;

III – решительность, ответственность (воля);

IV – эмоциональная стабильность;

V – гибкость ума и чувств, интеллигентность и культура.

Достоинством модели является легкость ее соотнесения с основными классическими моделями личности. Не менее важно то, что используемые свойства позволяют перебросить мостик от внутренней природы личности к ее социальным проявлениям, особенностям межличностных отношений, которые привлекают особое внимание психологов-практиков. С точки зрения теоретических фундаментальных представлений о личности эта модель сегодня представляется эклектичной. Однако популярность среди практиков позволяет рассматривать ее как этап накопления знаний в диалектическом процессе познания истины, предшествующий обобщению.

Классификации теорий личности с помощью биполярных шкал

В современной психологической науке есть весьма разные представления о личности, в связи с чем важнейшей задачей оказывается классификация теорий, установление их соотношения между собой. Для сопоставления различных теорий личности в монографии Л. Хьелла и Д. Зиглера (Хьелл, Зиглер, 1998) использована система основных философских фундаментальных положений о природе человека, которую можно считать вариантом дихотомического анализа. Хьелл и Зиглер справедливо полагают, что теоретики психологии личности, подобно всем мыслящим людям, имеют определенные аксиоматические представления о человеческой природе. Эти базисные представления, не всегда осознаваемые, глубоко влияют на восприятие людьми себя и друг друга, а также на создание теорий личности. Ни одна теория не может быть полностью понята и соотнесена с другими безотносительно к имплицитно заложенной в ней системе положений о человеческой природе.

Л. Хьелл и Д. Зиглер, размышляя о происхождении таких аксиоматических представлений, высказывают предположение, что корень их следует искать в личном опыте авторов теорий, поэтому в их монографии изложению каждого из теоретических подходов к личности предшествует биография автора, детали которой должны послужить ключом к пониманию особенностей его теории.

Не отрицая влияние личного индивидуального опыта на становление взглядов человека и формирование им теоретических представлений о личности, мы полагаем, что еще более значимым оказывается влияние фактора культуры, к которой принадлежит автор теории, представлений о природе человека, заложенных в ней, и социального заказа. Некоторые возможные варианты философских версий человека в мировой культуре рассматривались в начале данной главы. Наше исследование также показывает влияние культуры на ход развития психологической науки XX в.

Л. Хьелл и Д. Зиглер предлагают систему биполярных шкал, в которой каждому персонулогу может быть приписана определенная точка между крайними полюсами каждой шкалы. Отметим, что выбор тех или иных шкал, их количество, никак не обосновываются авторами. Несомненно, что называемые Хьеллом и Зиглером шкалы не являются и независимыми друг от друга, т. е. они не ортогональны. Отсутствует также утверждение, что данные шкалы позволяют исчерпывающим образом характеризовать аксиоматические представления о человеческой природе, присущие всем людям или распространенные в какой-либо культуре. Возможно также, что шкалы, использованные Л. Хьеллом и Д. Зиглером, пригодны лишь для классификации теорий, созданных в контексте западной культуры, по отношению к которым они и применяются авторами. Так, теории личности, разработанные отечественными учеными, не только отсутствуют в данной схеме, но и их оценка с применением данных шкал, на наш взгляд, кажется затруднительной, если и вообще возможной. В связи с этим представляется целесообразным продолжение исследований в русле разработки классификационной системы шкал, отражающих имплицитные представления о личности, заложенные в основания психологических теорий.

Выделены следующие шкалы:

1. *Свобода—детерминизм.* Данное положение относится к вере автора теории в возможность сознательного контроля людьми своего поведения. Детерминистски ориентированные теории исходят из предположения, что поведение человека однозначно

определяется какими-либо факторами, чаще не осознаваемыми: внешним подкреплением, генетической предрасположенностью, неосознанными мотивами и пр. Те, кто исходит из веры в возможность сознательного выбора поведения, считаются ориентированными на свободу. В качестве примера теорий, в высокой степени ориентированных на постулат свободы, называются теории А. Адлера, А. Маслоу, К. Роджерса. Примером детерминистски ориентированных теорий служат теории З. Фрейда и Б. Ф. Скиннера.

2. *Рациональность—иррациональность.* В основе этой шкалы постулируемый тип управления поведением: разумом, когнитивными процессами или некими «подводными течениями». Очевидна тесная связь данной шкалы со шкалой «свободы—детерминизма». В обоих случаях речь идет о соотношении сознания и бессознательного в управлении поведением: в первом случае в отношении выбора целей, природы мотивации личности, во втором — в отношении определения тактики поведения, познавательных и регуляционных психических процессов. В качестве примера теорий, постулирующих рациональность поведения, выступают теории Г. Олпорта, А. Бандуры, Дж. А. Келли, А. Маслоу, К. Роджерса. К противоположному полюсу отнесена только теория Фрейда. Можно полагать, что к теориям, исходящим из предположения об иррациональных основах поведения, относятся и теория когнитивного диссонанса Фестингера, и ее более современные интерпретации (см.: Аронсон, 1984, с. 111–126) и когнитивные теории эмоций, и теория Курта Левина. Эти теории не рассматриваются в монографии Л. Хьелла и Д. Зиглера. Представляется спорным отнесение Олпорта к теоретикам, постулирующим рациональность поведения: диспозиции, определяющие поведение, как подчеркивается в той же монографии (Л. Хьелл, Д. Зиглер, 1998), Г. Олпорт рассматривал как заложенные в самой структуре личности психофизические системы непосредственно откликающиеся на соответствующие воздействия среды.
3. *Холизм—элементаризм.* Сторонники холистического положения утверждают, что поведение можно понять, только изучая личность как единое целое. Противоположная позиция предполагает изучение отдельных аспектов поведения. К «холистам» отнесены Адлер, Эриксон, Маслоу, Роджерс, к «элементаристам» — Скиннер.
4. *Конституционализм—инвайронментализм.* Среда или наследственность: что играет определяющую роль в становлении инди-

видуальности? К умеренным «конституционалистам» отнесены З. Фрейд, Дж. А. Келли, А. Маслоу, К. Роджерс. К «инвайронменталистам» — А. Бандура, Э. Эриксон, Скиннер. Обращает на себя внимание отсутствие авторов, которым Л. Хьелл и Д. Зиглер приписывали бы сильную приверженность к конституционализму. В соответствии с нашими представлениями, все теории, упоминаемые в данном контексте Хьеллом и Зиглером, как и вся западная психология личности в целом, основываются на представлениях о ведущем значении наследственности в становлении человеческой психики. Представляется, что вопрос «среды—наследственности» в нашем понимании здесь вообще вынесен за скобки: определяющее значение наследственности в становлении основных структурных компонентов личности, наследуемость видового шаблона структуры личности не подвергается сомнению в кругу теорий, рассматриваемых Л. Хьеллом и Д. Зиглером. Речь идет лишь о мере индивидуальной изменчивости в отношении общих свойств и об истоках этой изменчивости.

5. *Изменяемость—неизменность.* Может ли изменяться основной склад личности в течение жизни? Являются ли те изменения в поведении, которые мы наблюдаем в течение жизни у себя и других людей, лишь поверхностными или отражают подлинную структурную перестройку личности? К сторонникам изменяемости личности причислены Э. Эриксон, Б. Ф. Скиннер, А. Бандура, А. Маслоу, К. Роджерс. К идеологам неизменности З. Фрейд и А. Адлер. Несомненна связь данной шкалы с предыдущей. Фактически речь идет о соотношении в личности наследственного и определяемого воспитанием, только под разным углом зрения: в первом случае мы рассматриваем определенный срез личности во времени, задаваясь вопросом, каково происхождение обнаруживаемых свойств, во втором — задаемся вопросом о возможности изменения существующих свойств с течением времени. Ответ на первый вопрос по сути содержит в себе ответ на второй.
6. *Субъективность—объективность.* Поведение человека определяется как объективными факторами внешней среды, так и субъективными особенностями его внутренних психических состояний и свойств. Данная шкала оценивает ориентированность теоретика на зависимость поведения от первого или от второго. Высокую оценку по шкале объективности получает Б. Ф. Скиннер, на субъективность ориентированы А. Адлер, Дж. А. Келли, А. Маслоу, К. Роджерс.

7. *Проактивность—реактивность*. Где следует искать истинные причины поведения человека? Следует ли рассматривать поведение как серию ответов на внешне стимулы, или истоки поступков коренятся в личности? Снова мы встречаемся со случаем, когда шкалы очень близки по смыслу — данная и предыдущая. Различаются вопросы, а не основания ответов. В обоих случаях речь идет о преобладающем влиянии на поведение внешних стимулов или внутренних побуждений. К сторонникам проактивности отнесены А. Адлер, Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс. К авторам, исповедующим реактивность человека, отнесен Б. Ф. Скиннер.
8. *Гомеостаз—гетеростаз*. Это положение относится к природе мотивации человека. Движет ли индивидуумом прежде всего стремление уменьшить напряжение и сохранить состояние внутреннего равновесия, или основная его мотивация направлена на развитие, поиск новых стимулов и самореализацию? К сторонникам гомеостатической модели человека относится З. Фрейд. К сторонникам гетеростаза А. Адлер, Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс.
9. *Познаваемость—непознаваемость*. Данная шкала позволяет оценить склонность того или иного теоретика к выходу за пределы строгой науки в своих построениях. Введение этой шкалы отражает внутренний кризис психологической науки, ее специфическое самосознание на грани науки и иных способов познания душевной жизни. К сторонникам познаваемости отнесены З. Фрейд, Б. Ф. Скиннер, А. Бандура. К сторонникам непознаваемости А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс.

Попробуем убрать из предложенной Л. Хьеллом и Д. Зиглером системы шкал измерения, которые, как нам кажется, не относятся к категории аксиоматических положений о природе личности. В первую очередь следует убрать шкалу 9, «познаваемость—непознаваемость», которая характеризует скорее осознанность методологии автора какой-либо теории.

Шкалы 3 и 5 («холизм—элементаризм» и «изменяемость—неизменность»), по нашему мнению, также отражают не аксиоматические положения о природе человека, а предметное поле теории: позволяют разделить теории, обращенные к свойствам личности (собственно персонологические теории), и теории, обращенные к исследованию процессов, в которых личность рассматривается в ее связи с психическими процессами. Учитывая и «вынося за скобки» нашего анализа фактор предметной обращенности теорий к процессам или к свойствам, объединим следующие пары:

- шкалы 1 и 2 («Свобода–Детерминизм» и «Рациональность–Иррациональность»), различие между которыми как раз в обращенности шкалы 2 к процессам, а шкалы 1 – к свойствам, объединим единой шкалой «Сознание как основа личности и поведения – Бессознательное как основа личности и поведения».
- аналогичным образом объединим шкалы 6 и 7 («Субъективность–Объективность» и «Проактивность–Реактивность») в единую шкалу «Внешнее (взаимодействие со средой) как основа психики и ключ к ее пониманию – Внутреннее (субъективный опыт переживаний личности) как основа психики».

Таким образом, рассматриваемая система аксиоматических представлений о личности может быть сведена к трем шкалам:

- Среда–Наследственность (является источником индивидуального своеобразия);
- Сознание–Бессознательное (основной уровень управления поведением);
- Внешнее–Внутреннее (основа психической деятельности и предмет исследования психологии личности).

Напомним, что данная система шкал выявлена нами на основе анализа основных зарубежных теорий личности Л. Хеллом и Д. Зиглером.

Интересная система биполярных шкал для сопоставления теорий зарубежной психологии и отечественной теории предложена В. Ф. Петренко в статье «Школа А. Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли» (Петренко, 1999).

В итоговую таблицу шкал (или, как их называет автор, конструктив-оппозиций) вошли следующие:

- 1) Активность–Реактивность;
 - 2) Наличие субъекта деятельности–Отсутствие субъекта деятельности;
 - 3) Анализ по единицам (гештальтам)–Элементаризм;
 - 4) Идея знаковой (культурной) опосредованности–Натуральная данность;
 - 5) Эволюционизм–Неизменность;
 - 6) Формализуемость–Неформализуемость;
 - 7) Направленность исследований на механизмы психического–Обратное;
- (Максимальные оценки по этому фактору приписываются, например, бихевиоризму, гештальтпсихологии, когнитивизму, минимальные получают гуманистическая психология и психоанализ.)

- 8) Направленность исследований на содержание сознания – Обратное;
(Максимально оцениваются гуманистическая психология, психоанализ, школа Келли, минимальную оценку получает бихевиоризм.)
- 9) Представление о психике как об особой реальности (нередуцируемость психики) – Обратное;
(Максимально выражено в школе Пиаже, гуманистической психологии, психоанализе; минимально присуще бихевиоризму.)
- 10) Идея самореализации – Обратное;
(Максимально выражено в гуманистической психологии, минимально – в бихевиоризме, гештальтпсихологии и пр.)
- 11) Направленность исследований на познавательные процессы;
- 12) Направленность исследований на личность;
- 13) Находит применение в педагогике;
- 14) Находит применение в психотерапии;
- 15) Находит применение в исследованиях социума;
- 16) Находит применение в инженерной психологии.

В. Ф. Петренко проводит в цитируемой статье сравнение теорий по целому комплексу особенностей, не только в отношении имплицитных представлений о природе личности, положенных в их основу. Отбросим те шкалы, которые не относятся к аксиоматическим представлениям о личности: 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16. Добавим шкалу «Внешняя активность как основа психики – Обращенность к внутренней жизни», которую автор называет в тексте, но не включает в таблицу конструкторов-оппозиций. Полученная система шкал оказывается в достаточной степени подобной исходной системе шкал Л. Хьелла и Д. Зиглера.

В результате факторного анализа оценок психологических школ по выделенным конструктам В. Ф. Петренко построил трехмерное (но не ортогональное) семантическое пространство.

Первый выделенный им фактор был назван фактором активности, произвольности субъекта деятельности. По своему содержанию он представляется нам подобным фактору «Сознание–Бессознательное», выделенному нами на основе анализа шкал Хьелла и Зиглера. Оставшиеся два фактора, «Ориентированность на исследования личности – Ориентированность на исследование познавательных процессов» и «Формализуемость», относятся к особенностям психологических школ, выходящим за рамки аксиоматических представлений о личности.

Таблица 1

Системы шкал, по В. Ф. Петренко и Л. Хьеллу, Д. Зиглеру

Шкалы, по В. Ф. Петренко	Шкалы, по Хьеллу и Зиглеру
Активность—Реактивность	Проактивность—Реактивность
Наличие—Отсутствие субъекта деятельности	Холизм—Элементаризм
Анализ по гештальтам—Элементаризм	
Культурная опосредованность—Натуральность	Конституционализм—Инвайронментализм
Эволюционизм—Неизменность	Изменяемость—Неизменность
Формализуемость—Неформализуемость	Познаваемость—Непознаваемость
Идея самореализации—Отсутствие таковой	Гомеостаз—Гетеростаз
Внешнее—Внутреннее	Субъективность—Объективность
	Рациональность—Иррациональность

Вернемся к выделенной в нашей работе системе конструкторов-оппозиций (термин В. Ф. Петренко). В рамках отношения к биосоциальной проблеме это дихотомии «Наследственность—Среда», «Коллективизм—Индивидуализм», «Свобода—Необходимость».

Шкала «Наследственность—Среда» присутствует в системе Хьелла и Зиглера. Ее выявленность, очевидность, объясняется тем, что социальный заказ, формирующий позицию школы, здесь возникает как некое раздвоение единого, раскол общности на враждующие группы, поскольку речь идет о сохранении стабильности в обществе или революционных переменах. Этот заказ также очень динамичен. На протяжении XX в., когда складывались рассматриваемые теории личности, и в западных странах, и в России можно отметить смену тенденций от направленности к революционным переменам на тенденцию к стабилизации, что находило свое выражение в позиции школ по отношению к вопросу о влиянии среды и наследственности на структуру личности. Основы отечественной биосоциальной теории, как и основных классических зарубежных школ, создавались в первой трети XX в., в период революций. В процессе дальнейшего развития советского общества в послевоенный уже период, когда идеи мировой революции утратили актуальность и социальный заказ сместился в сторону стабилизации общества, возникает тенден-

ция к биологизации человека, выражением которой стала известная павловская сессия Академии наук.

Дихотомия «среда—наследственность» на всем протяжении развития психологической науки включена в поле самосознания науки и является постоянным предметом дискуссий.

По-иному обстоит дело с двумя прочими дихотомиями. Противопоставление «коллективизм—индивидуализм» характеризует глубинные ценностные ориентации той или иной культуры. Оно не так часто обращает на себя внимание и служит предметом дискуссий людей в целом и ученых психологов, так как определенная аксиоматическая позиция по данному вопросу обычно разделяется всеми, принадлежащими к какой-либо общности, и редко подвергается сомнению. Соответствующие представления можно отнести к сфере «подсознательного» психологических школ. В данном случае имеет место проявление особенностей того, что в социальной психологии называют имплицитной моделью личности. К этой же сфере относится и дихотомия «Свобода—Необходимость».

Таким образом, наш анализ позволяет предложить в качестве основания для оценки и описания теорий личности систему следующих дихотомических шкал-категорий, характеризующих аксиоматические представления авторов о природе личности:

***Система основных парных категорий,
раскрывающих аксиоматические представления авторов
теорий о природе человека***

- *Среда и Наследственность* (при выделении главного фактора, определяющего формирование человека);
- *Внешнее и Внутреннее* (при выделении психики как субъективной реальности);
- *Индивидуализм и Коллективизм* (при выделении базовых человеческих ценностей);
- *Сознание (осознанное) и Бессознательное* (при характеристике основных механизмов функционирования человеческой психики);
- *Свобода и Необходимость* (при характеристике детерминированности человеческого поведения).

Попробуем приписать в нашей системе шкал оценки теоретическим направлениям в исследованиях личности, описанным в монографии Хьелла и Зиглера и в статье В. Ф. Петренко, отечественной школе в ее обобщенном варианте (т. е. в определенной степени пре-

небрегая изменениями, которые имели место на протяжении советского периода в ее развитии), а также направлениям, сложившимся в конце XX в., о которых говорилось выше (см. таблицу 2).

Необходимо отметить различия между оценками, даваемыми теориям в монографии Л. Хьелла и Д. Зиглера, и нашими оценками в отношении шкал, названия которых кажутся сходными. Дело в том, что при внешне сходных названиях шкал содержание понятий существенно различается.

Так, в отношении шкалы «Среда—Наследственность» названные авторы приписывают Эриксону, которого следует относить к гуманистической психологии, склонность к рассмотрению средовых воздействий как фактора, определяющего формирование личности. Дело в том, что, с точки зрения Л. Хьелла и Д. Зиглера, которые являются представителями западной психологии, природная заданность структуры личности вообще не может быть подвергнута сомнению. Их шкала оценивает лишь большее или меньшее, в основном искажающее влияние среды на реализацию природной видовой программы. В сопоставлении с воззрениями западных психологов в позиции отечественной школы выявляется качественно иной уровень влияния среды — как задающей свою программу. В процессе взаимодействия со средой формируется подлинная индивидуальность человека, как это представлено, например, в концепции Б. Г. Ананьева. По той же причине мы приписываем «конституционализм» диспозициональному направлению, которое Хьелл и Зиглер оценивают как лишенное выраженной ориентации по данному признаку. Хотя форма проявления черт личности в свете диспозициональных теорий может изменяться, сами черты носят от природы заданный характер.

В отношении шкалы «внешнее—внутреннее» можно отметить сходный момент. Необихевиоризм и диспозициональное направление в отличие от определения Л. Хьелла и Д. Зиглера мы оцениваем как ориентированные на понимание психики как системы, обеспечивающей внешнее поведение, взаимодействие со средой, хотя в контексте этих направлений и предлагаются модели организации внутренних механизмов, это взаимодействие обеспечивающих.

Последние две предлагаемые нами шкалы, «Индивидуализм—Коллективизм» и «Свобода—Необходимость», у Хьелла и Зиглера отсутствуют; причины этого рассмотрены выше.

В предлагаемой системе шкал оказывается возможным соотнести отечественную теорию и представления о личности, разработанные другими школами, показать специфику подхода к личности отечественных ученых, самобытность отечественной школы.

Таблица 2
Классификация теорий личности

Факторы	В большей степени ориентированы на факторы	В большей степени ориентированы на факторы	Факторы
Среда	Бихевиоризм Необихевиоризм Отечественная теория Кросс-культурная психология Социальный конструктивизм	Психоанализ Неофрейдизм Гуманистическая психология Диспозициональное направление Эволюционная психология	Наследственность
Внешнее	Бихевиоризм Необихевиоризм Диспозициональное направление Отечественная теория Эволюционная психология Кросс-культурная психология Социальный конструктивизм	Психоанализ Неофрейдизм Гуманистическая психология	Внутреннее
Сознание	Гуманистическая психология Отечественная теория Социальный конструктивизм Необихевиоризм	Психоанализ Неофрейдизм Диспозициональное направление Бихевиоризм Эволюционная психология Кросс-культурная психология	Бессознательное
Индивидуализм	Бихевиоризм Необихевиоризм Психоанализ Диспозициональное направление Неофрейдизм Гуманистическая психология	Отечественная теория Эволюционная психология Социальный конструктивизм Кросс-культурная психология	Коллективизм
Свобода	Отечественная теория Социальный конструктивизм Кросс-культурная психология	Бихевиоризм Необихевиоризм Психоанализ Неофрейдизм Гуманистическая психология Диспозициональное направление Эволюционная психология	Необходимость

Как уже было отмечено, в представленной таблице отечественная теория оценивается в определенной степени в отрыве от временного фактора как парадигмальная теория советского периода по ее состоянию на 1970–1980-е годы. В настоящее время отечественная психология уже не является монометодологической областью знания, объединенной единой парадигмой. Развитие прикладных отраслей психологической науки в современной России происходит преимущественно на основе иных подходов: гуманитарных, заимствованных из смежных наук, ассимилированных из зарубежной психологии. Однако потенциал описанной теоретической модели далеко не исчерпан.

Социобиология и эволюционная психология о биосоциальной природе человека

Актуальность биосоциальной проблематики на рубеже тысячелетий обусловлена не только тем, что эта проблематика пронизывает предметные области всех психологических направлений XX в. и тем самым может служить базой для соотнесения теорий, но также и тем, что представления о биологическом и социальном в детерминации психики человека интенсивно разрабатываются в контексте новейших направлений в зарубежной психологии, которые сложились в последней трети XX в., крайних и радикальных в отношении подхода к биосоциальной проблеме.

В зарубежной психологии на рубеже XX–XXI вв. сложились новейшие теоретические направления, в контексте которых человек рассматривается подчеркнуто односторонне, его биологическая сущность либо игнорируется, либо характеризует человека в целом. Эти направления сложились на стыках психологии с бурно развивающимися смежными науками, с одной стороны, с культурологией и лингвистикой, с другой — с комплексом биологических наук. И сейчас они во многом определяют передний край развития мировой психологической теории.

Высокая актуальность биосоциальной проблемы в начале XXI в. определена достижениями биологических наук последних десятилетий XX в., прежде всего генетики, которые перевели проблему наследственности из области идеологизированных стереотипов и вероятностных рассуждений в область экспериментов и точных расчетов.

Важнейшее реформирующее значение для понимания биосоциальной природы личности человека имело открытие генетиками механизмов так называемого группового наследования во второй по-

ловине 1970-х годов. Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид, а группа, связанная родственными узами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись биологически обусловленному индивидуному эгоистическому поведению, — различные проявления альтруизма и самопожертвования. В свете новых открытий стали понятными вещи, которые сам Дарвин объяснить не мог и считал парадоксальными, — случаи, достаточно распространенные в животном мире, когда индивиды воздерживаются от того, чтобы иметь собственное потомство, создавая взамен наилучшие условия для выращивания потомства своих сородичей. Так, необъяснимым для Дарвина было существование рабочих муравьев. Наличие генов, обеспечивающих в сообществе проявления альтруизма, несомненно, биологически целесообразно и обеспечивает ему в целом лучшие условия для выживания по сравнению с группами, члены которых не помогают друг другу.

Вследствие этих открытий возникло новое направление науки — социобиология (Wilson, 1975). Социобиология претендует на объяснение биологической целесообразностью всех видов общественного поведения животных и той или иной доли в социальном поведении человека. В крайних вариантах под логику биологической целесообразности в борьбе за существование вида подводится все социальное поведение людей.

Так, Даукинс рассматривает индивида как своего рода машину, приспособление, создаваемое генами для выживания и распространения (Dawkins, 1976). Вот как он говорит о генах: «Вы не встретите их плавающими в одиночку без защиты в море жизни <...>. Эти путешественники организованы в большие колонии, живущие в безопасности внутри огромных подвижных конструкций, спрятанные от внешнего мира и взаимодействующие с ним через посредство дистанционных органов управления. Они в вас и во мне, они создали нас, наши тела и души, и их сохранение — конечная цель нашего существования <...>. Их называют генами, а мы — конструкции, созданные для обеспечения их жизни» (Dawkins, 1976, p. 21).

На сходных позициях основано и новейшее научное направление — эволюционная психология (Cartwright, 2000; Dawkins, 1976), которую ряд авторов отождествляет с социобиологией (Dawkins, 1976; Wilson, 1975). В центре внимания эволюционных психологов познавательные механизмы человека, функциональные системы, определяющие способы и правила принятия решений. Сторонники этого направления полагают, что эти механизмы сложились в далеком про-

шлом, когда происходил процесс образования вида современного человека, и закреплены генетически. Естественно, при таком подходе большое значение приобретает исследование той среды, в которой обитал человек на заре своего существования и в процессе приспособления к которой он формировался — так называемой среды эволюционной адаптации (СЭА). Интенсивно обсуждается в литературе этого направления, какой была эта среда, какие задачи необходимо было решать нашим предкам для того, чтобы выжить в ней. Эволюционная психология активно взаимодействует со сравнительной психологией и этологией, заимствуя из описаний жизни современных нам приматов материал для гипотетических реконструкций СЭА. Эволюционные психологи полагают, что множество бед современного человека, его постоянный стресс, растущее количество неврозов можно объяснить тем, что современный мир существенно отличается от СЭА и потому плохо подходит человеку, что задачи, которые ставит перед нами современная жизнь, не соответствуют природе наших возможностей познавать и принимать решения.

Остается непонятным, как объяснить такую невероятную стабильность человека в условиях изменяющейся динамической среды. Эволюционные психологи приводят в качестве аргумента то, что *homo sapiens* произошел всего 200000 лет назад, а современный нам человек, появление которого они связывают с так называемой неолитической революцией (появлением земледелия) — всего 10000 лет назад. В масштабах времени эволюции жизни на Земле это, конечно, небольшой срок. Однако, оставляя в стороне саму спорность оценок времени существования человека, заметим, что в соответствии с теорией Дарвина скорость эволюционного процесса далеко не абсолютна и определяется скоростью именно средовых изменений. Вид может оставаться очень стабильным в течение миллионов лет, обитая в неизменных условиях, тому множество примеров. В то же время изменение средовых условий приводит к резким и быстрым изменениям. Трудно поверить, что разительное изменение условий жизни человечества никак не сказалось на его наследственности. Представляется, что это означало бы как раз отмену закона естественного отбора.

Примером названного подхода может служить монография Карtrighta, где с точки зрения их роли в обеспечении выживания вида анализируются не только формы поведения, связанные с полом и гендером, формы организации семьи в человеческом обществе, но и обширная сфера деятельности человека в сфере культуры, практически все формы человеческого поведения (Cartwright, 2000). Ши-

роко обсуждается научной общественностью монография С. Пинкера «Инстинкт речи» (Pinker, 1994).

Мера альтруизма и взаимопомощи в сообществе, исходя из теории родственного отбора, должна быть пропорциональна родственной близости. Многочисленные исследования зоопсихологов указывают, что в сообществах животных это действительно так. Обстоит ли так же дело у людей? В пользу последнего предположения собраны многочисленные свидетельства. Большинство людей предпочитают жить с родственниками, вместе или в непосредственной близости. Именно среди родственников принят обмен дорогими подарками, завещания в абсолютном большинстве случаев делаются в пользу родственников пропорционально генетической близости. Родственные отношения имеют очень большое значение в эмоциональной жизни людей. Характерно, что общественные движения, стремящиеся к высокой сплоченности своих участников, широко используют понятие братства. Таковы обращения «братья и сестры» в религиозных общинах и др.

В контексте темы естественной симпатии и привязанности между родственниками ставится вопрос о запрете инцеста, сексуальных отношений между близкими родственниками, существующий практически во всех без исключения культурах. Несомненным фактом является то, что во всех известных культурах сексуальная близость между родственниками имеет место значительно реже, чем между людьми, не связанными родственными отношениями. Каковы причины этого явления? Существует два объяснения, одно из которых было предложено З. Фрейдом. В соответствии с его точкой зрения между родственниками существует сильное влечение, однако существующие в обществе табу препятствуют его удовлетворению. С точки зрения сторонников эволюционного подхода, такого влечения быть не может, так как инцест вреден, он приводит к вырождению. «Если бы Фрейд лучше понял Дарвина, мир был бы избавлен от таких фантастических тупиковых концепций, как эдипов комплекс и инстинкты смерти», — писал Дэйли (Daly, 1997, p. 2). В процессе эволюции должен был сложиться механизм запрета инцеста на биологическом уровне. Интересно, что уже в 1891 г. финский антрополог Эдвард Вестермарк предложил соответствующую теорию (Westermarck, 1891), в соответствии с которой близкородственное скрещивание у людей исключается тем, что люди не испытывают влечения к тем, с кем общаются в раннем детстве, вместе растут. Такой механизм будет достаточно надежной преградой на пути инцеста в подавляющем большинстве случаев.

Теория Вестермарка не получила широкой известности, возможно, в силу резко отрицательного отношения к ней Фрейда. Тем не менее в пользу ее говорят не только рассуждения эволюционных психологов, но и факты. Так, в Израиле существуют так называемые кибуцы, небольшие своеобразные коммуны, где дети, не являющиеся кровными родственниками, растут и воспитываются вместе, как братья и сестры. Статистика показывает, что браки между детьми из одного кибуца крайне редки (Parker, 1976), хотя тесные дружеские отношения связывают их часто всю жизнь. Похожую картину рисует исследование, проведенное на материале совсем иной культуры, на Тайване (Wolf, 1970), где существовал обычай так называемых «детских браков», когда семья, где имеются сыновья, принимает на воспитание чужую девочку, чтобы впоследствии она стала женой сына. Статистика показывает, что браки, заключенные таким образом, часто неблагоприятны: процент разводов в них в три раза выше среднего для браков, совершенных иначе; в этих семьях рождается на 40% меньше детей; существенно чаще случаются супружеские измены.

Нетривиальные результаты получили эволюционные психологи, анализируя статистику преступлений. Психологические корни преступлений против личности, прежде всего убийств, традиционно ищут в дефектах воспитания, негативных врожденных личностных особенностях или в какой-либо психопатологии преступника. Таким образом, биологическая, природная составляющая здесь, если ее наличие и признается, рассматривается как дефект развития на уровне генотипа или фенотипа, отклонение от видовой нормы.

Предлагается принципиально иной взгляд. Эволюционная психология рассматривает все виды поведения человека как инстинктивные, генетически закрепленные путем естественного отбора в период доисторического существования человека, когда сформировался и с тех пор остался неизменным вид *homo sapiens*. Предполагается, что и убийство должно быть рассмотрено как способ поведения, закрепленный естественным отбором благодаря его адаптивной природе, т. е. полезный с точки зрения выживания, но не в сегодняшнем обществе, где такой способ поведения карается по закону и уже не является адаптивным актом, а в условиях доисторической жизни.

С этой точки зрения за разнообразием индивидуальных особенностей преступлений против личности должны быть обнаружены общечеловеческие закономерности, объясняемые биологической целесообразностью убийства при определенных обстоятельствах в условиях доисторического существования. Ряд таких общечеловеческих

закономерностей преступлений против личности выявлен и описан эволюционными психологами. Рассмотрим эти данные.

Влияние родства на вероятность агрессии и убийства. Тот факт, что множество преступлений против личности совершается близкими родственниками, противоречит доказанной генетиками теории родственного отбора. В соответствии с этой теорией субъектом борьбы за существование является не только и не столько индивид, сколько сообщество, родственная группа как носитель определенного набора генов. В свете этой теории многие виды поведения, ранее рассматривавшиеся как альтруистические, обретают прямой биологический смысл. На различных видах животных показано, что уровень агрессии в отношениях между индивидами обратно пропорционален степени их генетического родства. С целью доказать наличие подобного механизма у человека были проанализированы случаи убийства взрослых людей, когда убийцей оказывался человек, проживающий совместно с жертвой. Сравнивался относительный риск стать жертвой в случае совместного проживания с супругом, с человеком, не связанным родственными отношениями, с ребенком и с родителем. Риск определялся как отношение реального числа случаев к статистически вероятному. Показано, что этот показатель для людей, не связанных родством, равен 3,33, для супругов – 3,32, для родителей (когда убийцей оказывается ребенок) – 0,27, для детей – 0,69 (см.: Cartwright, 2000).

Инфантицид как инстинктивное поведение. Инфантицид, т. е. детоубийство, рассматривается в контексте эволюционной психологии как часть адаптивной стратегии размножения в доисторические времена. Предполагается, что поскольку для того, чтобы вырастить ребенка, необходимы огромные вложения биологических ресурсов родителей, в первую очередь матери, в ряде случаев инфантицид оказывается оптимальным решением с точки зрения выживания потомства в целом. Расчеты эволюционных психологов указывают на «зоны риска» в зависимости от таких переменных, как возраст матери и возраст ребенка. Расчеты подтверждаются данными статистики, в том числе кросс-культурными исследованиями, на примере как «цивилизованных» жителей Канады и США, так и индейцев Амазонии.

В плане возраста представляют опасность очень молодые женщины до 19 лет. Объяснением служит то, что в неблагоприятной ситуации (например, внебрачный ребенок) женщина, имеющая впереди многие годы репродуктивного возраста, увеличит свою общую биологическую продуктивность в будущем, не стесняя себя мла-

Таблица 3

Зависимость риска стать жертвой убийства по месту постоянного проживания от степени родства совместно проживающего

Степень родства совместно проживающего	% совместно проживающих среди взрослого населения	Наблюдаемое число убийств (А)	Ожидаемое число убийств (В)	Относительный риск: А/В
Супруг	60	65	20	3,32
Родственных отношений нет	10	11	3	3,33
Дети	90	8	29	0,27
Родители	40	9	13	0,69

денцем в настоящем. Следующая по уровню риска с большим отрывом группа – женщины старшего возраста, старше 35–39 лет. Можно полагать, что появление нового ребенка у немолодой матери ставит под угрозу выживание уже имеющихся детей, требуя от женщины слишком больших затрат биологических ресурсов. С точки зрения общей биологической продуктивности в этом возрасте может быть выгоднее вырастить уже имеющихся детей.

В плане возраста ребенка жертвой инфантицида от руки матери и в меньшей степени отца оказываются очень маленькие дети, до года. В них еще вложены минимальные затраты родителей. С возрастом, по мере того, как в ребенка вкладываются все большие биологические ресурсы, вероятность стать жертвой в своей семье нелинейно убывает и к подростковому возрасту становится почти нулевой. Конфликтный и «трудный» для родителей подросток оказывается самым «дорогим» и ценным в биологическом смысле: в него уже вложены колоссальные затраты ресурсов родителей, осталось совсем немного, и он будет готов к тому, чтобы передать гены следующему поколению. Интересно, что в этом возрасте риск быть убитым неродственником многократно повышается по сравнению с возрастом 5–10 лет. Факт «бережного» обращения родителей с конфликтным подростком, предсказанный расчетами эволюционных психологов, представляется нетривиальным.

Дети разводов. Шокирующее впечатление производят данные об инфантициде в отношении этой группы детей. По данным статистики США и Канады риск быть убитым для ребенка, живущего в семье, где один или оба родителя не являются биологическими, в сто с лишним раз повышается. Когда эти факты были опублико-

ваны в США, общество было шокировано. В современной западной культуре сложился стереотип отношения к проблемам детей разводов как к чему-то безусловно важному и существенному, но относящемуся сугубо к сфере эмоциональных переживаний и рефлексивных проблем. То, что за этим стоит грубая реальность, описанная в сказках о злых мачехах и книгах зоологов об организации семьи в животном мире, где лев, наследующий прайд, убивает львят своего предшественника, а дикая утка разбивает яйца своей предшественницы, создавая новую семью с селезнем, противоречит культивируемым представлениям о мире, где существенное значение придается праву взрослого человека любить и создавать семью по любви, совсем не обязательно однажды. Конечно, семьи, где совершается насилие над детьми, нельзя считать нормальными. Однако это не меняет значения того факта, что агрессия оказывается направленной на чужого, а не на своего ребенка. Можно предположить, что в нормальных семьях такие дети также оказываются дискриминированными, например, в плане наследования доли имущества родителей, однако данные об этом в литературе отсутствуют.

В отношении принципиальных исходных теоретических положений описываемый подход не просто существенно отличается от позиций отечественной психологической школы, но и является по сути альтернативным. Представляется, что конструктивная дискуссия здесь возможна по самому широкому кругу вопросов: от неизменности природы человека с доисторических времен до адаптивности инстинктов человека.

Самостоятельный интерес представляют эмпирические факты и закономерности, которые позволяет обнаружить эволюционный подход. Они могут помочь предсказать возможные «зоны риска».

Рассматривая человеческое поведение в свете теории Дарвина, нельзя обойти вниманием такой предмет, как красота человеческого лица и тела. Если основополагающую роль в нашем поведении действительно играет скрытое стремление обеспечить своим генам наилучшие условия для распространения в будущем, то:

- а) за разнообразием представлений о красоте, существующих в различных культурах, должны быть скрыты некие общие, видовые, общечеловеческие характеристики;
- б) эти общие характеристики должны быть непосредственно связаны со способностью обеспечить выживание потомства.

Сам Дарвин перед лицом многообразия стандартов красоты в разных культурах, пришел к выводу о том, что единого представления

о красоте не существует. Однако современным исследователям удалось ряд таких особенностей выявить и описать.

Примером определенного стандарта красоты можно назвать победительницу конкурса «Мисс Америка». Анализировались параметры фигуры Мисс Америка с 1920 года по 2000 г. (Singh, 1993). Рост и вес красавиц существенно изменился. В целом можно отметить тенденцию уменьшения веса и увеличения роста на протяжении XX в. Однако удалось найти почти абсолютно стабильный показатель. Это отношение объема талии к объему бедер (ОТБ), равное 0,7. Этот показатель оказался универсальным критерием красоты, связанным непосредственно со здоровьем женщины и способностью к деторождению. Показано, что ОТБ тем ниже, чем выше уровень эстрогена (женский гормон). Это правило действует как для женщин, так и в отношении мужчин, у которых при введении эстрогена с лечебными целями отмечено понижение ОТБ. Обратное влияние оказывает уровень мужского гормона тестостерона. Чем он выше у мужчин, тем выше у них ОТБ. Введение тестостерона женщинам тоже приводит к повышению ОТБ. Диапазон типичных значений ОТБ для европеоидных женщин от 0,67 до 0,8, для мужчин от 0,8 до 0,95.

С целью проверить значение ОТБ для оценки красоты и привлекательности женщины были проведены специальные эксперименты (Singh, 1993). Мужчин просили ранжировать по привлекательности схематические изображения женских фигур, которые различались по ОТБ и по общей полноте: худые, средние и полные. Гипотеза эксперимента полностью подтвердилась. Важнейший и универсальный фактор привлекательности женской фигуры – низкое значение ОТБ. Аналогичный эксперимент был проведен с изображениями мужских фигур, женщин просили оценить их привлекательность. Показано, что привлекательными кажутся фигуры с высоким ОТБ (т.е. высоким содержанием мужского гормона), оптимальным для мужской фигуры оказалось значение ОТБ, равное 0,9.

Большое значение при оценке красоты придается лицу человека. В таблице ниже представлены особенности лица (женского и мужского), которые, по мнению эволюционных психологов, являются общечеловеческими индикаторами красоты, и объяснения возможной роли этих особенностей как индикаторов биологической полнотности (Cartwright, 2000).

Мужские лица с особенностями, указывающими на высокий уровень тестостерона, оценивались как особо привлекательные женщинами, когда давалось задание выбрать мужчину, с которым хотелось бы провести короткое время. При установке на выбор постоян-

Таблица 4

Особенности лица как индикаторы красоты

Особенности лица мужчины или женщины	Значение в процессе естественного отбора
Отсутствие волос на лице женщины, выщипывание бровей	Показатель юного (т. е. детородного) возраста, так как с годами волосы на лице женщины становятся заметнее
Светлая кожа на лице женщины	Показатель юного возраста, так как с годами кожа на лице женщины темнеет
Детское личико у женщины (маленький подбородок, нос, широко расставленные большие глаза)	Маленький подбородок и нос являются показателями низкого уровня тестостерона (мужской гормон); детские черты могут вызывать у мужчины родительский инстинкт покровительства
Симметричность правой и левой половин лица для мужчин и женщин	Симметричность — показатель устойчивости фенотипа к внешним патогенным воздействиям, показатель гетерозиготности
Широкая улыбка	Показатель здоровья, благополучия, способности устанавливать и поддерживать социальные контакты
Большой подбородок и выдающиеся скулы у мужчин	Высокий уровень тестостерона
Наличие волос на лице мужчины	Показатель зрелости, зрительно увеличивает подбородок
Усредненность лица	Коррелирует с симметрией. Также может служить индикатором оптимального среднего в распределении показателей в группе

ного партнера выбор смещался в сторону менее высоких показателей гормона. Можно усмотреть в этом определенный биологический смысл, так как мужчина с очень высоким уровнем тестостерона проявляет высокую сексуальную активность, однако не склонен становиться хорошим семьянином (Perrett et al., 1998).

Большой интерес представляют попытки анализа человеческой культуры с позиций дарвинизма. Под культурой понимается информация (включая знания, идеи, верования, идеалы, ценности и пр.), которая не содержится в человеческом геноме и которая распространяется и передается путем социальных контактов. Именно благодаря наличию культуры или социокультурных адаптаций человечество за последние несколько тысяч лет освоило практически все эколо-

гические зоны Земли и распространилось повсюду, став безусловно главенствующим биологическим видом на Земле. В русле данного подхода культура либо рассматривается как специфически человеческое проявление общих биологических закономерностей поведения, либо, если она не относится к биологии прямо, рассматривается как явление, подчиняющееся биологическим законам, прежде всего закону естественного отбора. Ярким примером такого подхода является новейшее и очень модное направление *меметика* (Blackmore, 1999; Dawkins, 1976).

Меметика исходит из существования некоего «мира идей», иными словами, неких продуктов и носителей культуры — мемов. Первым ввел понятие мема Доукинс. Мемами могут являться идеи, идеалы, представления, социальные стереотипы, бытующие в обществе, верования, знания и т. д. Мемы непосредственно не связаны с генами, не обязательно вообще они должны иметь материальную природу, но живут и распространяются в соответствии с законами, открытыми Дарвином. В основу модели положены следующие постулаты:

1. Существуют в реальности некие сущности (мемы), способные к самовоспроизведению.
2. В процессе воспроизведения случаются ошибки и отклонения, так что копии не всегда абсолютно подобны оригиналам.
3. Количество копий зависит от свойств оригинала и среды его обитания.
4. В силу того, что ресурсы среды ограничены, не бесконечны, мемы размножаются с различной скоростью и успехом.

Мемы могут распространяться вертикально — от родителей к детям в процессе воспитания, и горизонтально — вне родительской семьи. При вертикальной передаче мемы сопутствуют генам, при горизонтальной — с последними никак не связаны. Основной путь распространения мемов — через механизм подражания людей друг другу.

Выживание и распространение мемов прямо не связано с их биологической полезностью. Так, существуют мемы, вредно влияющие на биологическое воспроизводство своих носителей — людей, в сознании которых они поселились, например, идеи безбрачия и отказ иметь детей ради карьеры женщины. Большинство мемов полезны для своих носителей, это правила гигиены, приемы общения и т. д. Многие мемы существуют не обособленно, но объединяясь в комплексы, поддерживая и питая друг друга. Так, мемы *религиозные представления* сосуществуют с мемом *представление о ценности веры*. Сторонники меметики предлагают Я-концепцию считать

также сложным мемокомплексом, играющим роль защитной оболочки по отношению к мемам, наполняющим сознание личности.

Меметика является несомненно дуалистическим подходом по своим философским основаниям. До сих пор в истории философии никому еще не удалось построить целостную научную картину мира на дуалистическом основании. Но меметика – направление совсем молодое, и его сторонники продолжают надеяться, что им удастся предложить конструктивную модель взаимодействия материальных тел людей и мозга с миром мемов.

Работа физиологических механизмов, обеспечивающих психическое отражение, не является непосредственной реакцией на свойства среды, она существенным образом опосредована закономерностями собственно психической деятельности. Однако подход «физиологической психофизики» по понятным причинам соблазнительной простоты и кажущейся объективности привлекателен для психологов и периодически возрождается в психологической науке. Ярким явлением в психологии познавательных процессов конца XX в. стала сложившаяся в контексте эволюционной психологии так называемая модульная теория мышления (Tooby, Cosmides, 1990, 1992). Предлагается считать, что мозг представляет собой набор дискретных модулей, сложившихся в процессе эволюции для решения строго определенных задач. Структура мозга при этом полагается однозначно связанной с мышлением (а также с обработкой информации, познанием, сознанием и поведением человека).

Основные принципы модульной теории мышления можно сформулировать следующим образом (Cartwright, 2000):

1. Ум и сознание человека – порождение мозга. Мозг можно уподобить компьютеру, который получает определенным образом структурированную информацию на входе и в соответствии со стимулом продуцирует реакции на выходе. Полагая, что в основе поведения и сознания лежат непосредственные побуждения – инстинкты, сторонники данной теории считают, что в большинстве сложных ситуаций человеческой жизни поведение не может быть управляемо непосредственно инстинктами. В любой ситуации необходимо учитывать целый комплекс составляющих – условий деятельности, противоречивых мотиваций. Выбор оптимального поступка представляется функцией своеобразного живого компьютера (мозга), который принимает решение исходя из сложного взаимодействия непосредственных побуждений (инстинктов) и комплекса параметров, описывающих ситуацию.

2. Нейронные структуры, составляющие мозг, были созданы естественным отбором для решения тех проблем, которые ставила жизнь перед нашими далекими предками в процессе эволюции. Важнейшая общая особенность этих разнообразных проблем заключается в том, что они являются проблемами адаптации. Они постоянно и закономерно вставали перед нашими предками, и эффективность их решения имела прямое влияние на выживание в процессе борьбы за существование, естественного отбора. Такие проблемы возникают в области особенностей роста и взросления организма, способности выживать в сложных условиях, добывания пищи, умения избегать нападения и выбирать партнера, размножения и т. п.
3. Мы осознаем только небольшую часть работы нашего мозга, большая часть его деятельности скрыта от нашего сознания. Интуитивно человеку свойственно сильно упрощать в своем представлении работу мозга, которая протекает бессознательно, что приводит к тому, что исследователи недостаточно учитывают эту часть мозговой деятельности.
4. Мозг организован не как единый когнитивный аппарат, что было бы неэффективно, но как набор дискретных функционально высокоспециализированных модулей. Каждый из модулей реагирует на проблемы, возникающие только в одной ограниченной области жизнедеятельности. Можно уподобить такую организацию мозга складному ножу, в котором скрыты разнообразные отдельные лезвия и другие приспособления, предназначенные для разных целей (Tooby, Cosmides, 1990).
5. Когнитивные механизмы, которые были выработаны естественным отбором за миллионы лет первобытной жизни человека, охотника и собирателя пищи, не обязательно являются адаптивными в сегодняшней нашей жизни. Мозг современного человека остался таким же, каким был в каменном веке.
6. Поскольку все люди принадлежат к одному биологическому виду, между всеми особями которого возможно скрещивание и смешение хромосомного материала, индивидуальное разнообразие познавательных способностей должно быть ограничено. Таким образом, набор специфических для областей жизнедеятельности модулей является общим для всех людей с небольшими и несущественными индивидуальными и групповыми различиями, подобно общности анатомического строения человеческого тела.
7. Сторонники модульной теории мышления полагают, что природный «враг» данной концептуальной модели — социально-психо-

логический подход. Единственное положение, которое разделяют приверженцы двух альтернативных направлений – то, что генетические различия между индивидами и группами не объясняют наблюдаемых различий в поведении. Во всех остальных моментах имеют место принципиальные противоречия. Основное из них заключается в том, что с точки зрения социально-психологического подхода организация и структура познавательных процессов взрослого человека определяются культурой, которая независима от природных особенностей и относительно независима от условий и обстоятельств индивидуальной жизни. От природы в соответствии с этим подходом дается лишь способность овладевать культурой. Таким образом, мозг можно уподобить компьютеру, который черпает программы из внешней культуры.

Каким же может быть набор познавательных модулей нашего мозга? Попыткам выявления отдельных модулей и определения и обоснования состава их необходимого набора посвящена достаточно обширная литература. Популярной является следующая общая структурная схема (Geary, 1998):

Каждый из модулей работает отдельно от других и избирательно активируется в соответствующей ситуации. Как же решается вопрос, который из модулей должен быть активирован? Г. Гигерензер (Gigerenzer, 1997; Gigerenzer, Hug, 1992; Gigerenzer, Todd et al., 1999) предлагает следующее решение. Должен существовать некий механизм, распознающий и классифицирующий ситуации и запускающий соответствующий модуль. Этот механизм должен срабатывать очень быстро и при этом быть способным классифицировать бесконечное разнообразие жизненных коллизий. Гигерензер полагает, что такой механизм может работать соответствующим образом, если он организован иерархически, от грубых обобщенных определений ко все более детальным, причем на каждом шаге реагировать на небольшое число простых однозначных стимулов. Для сферы социальной жизни такими стимулами могут быть жесты, мимика, интонации и пр.

Модульная модель мышления широко дискутируется сегодня в мировой науке. В рамках этой дискуссии обсуждается целый ряд вопросов:

- Можно ли утверждать, что существовал некий единый тип окружающей среды, применительно к которому и сформировался человеческий мозг (Betzig, 1998)? Какой была эта среда обитания?
- Необходима ли привязка познающих модулей к отдельным сферам жизнедеятельности (Betzig, 1998; Shapiro, Epstein, 1998)? Не-

Таблица 5

Структура познавательных модулей мозга человека

Сферы жизнедеятельности			
Социальная		Экологическая	
Индивидуальная	Групповая	Биологическая	Физическая
<ul style="list-style-type: none"> • Язык • Узнавание лиц • Распознавание лжи • Представления о человеческом мышлении 	<ul style="list-style-type: none"> • Отношения с близкими • Внутригрупповые отношения • Межгрупповые отношения • Социальные идеологии 	<ul style="list-style-type: none"> • Флора • Фауна 	<ul style="list-style-type: none"> • Движение • Образы объектов

- льзя ли допустить существование модулей, которые использовались бы в целом спектре разнообразных ситуаций? Возможна ли эволюционная изменчивость специализации отдельных модулей?
- Как соотносятся модули с нейрофизиологическими структурами мозга? Уже стало очевидным, что прямую и непосредственную связь с мозговой нейрофизиологической организацией отдельных модулей установить не удастся. Представляется, однако, что какая-то связь должна быть. Какова же она?
 - Следует ли рассматривать все виды адаптивного поведения как результат когнитивных процессов? В процессе поведения решаются сложные адаптационные задачи, однако это не обязательно должно требовать участия познавательных структур. Возможно, в ряде случаев достаточно физиологических процессов. Так, сердце человека обеспечивает сложную координацию ритмов и уровней активности без всякого участия нашего сознания. Сложный набор физиологических механизмов обеспечивает поддержание температуры тела.
 - Насколько велики индивидуальные и групповые различия в модульной структуре мозга? Спектр мнений достаточно широк. Крайним является утверждение, что все люди имеют принципиально общую структуру познавательных модулей, имеются лишь поверхностные малозначимые различия (Tooby, Cosmides, 1990). Другие авторы придают существенное значение разнице адаптивных проблем, встающих перед мужчинами и женщинами, и считают, что существует как минимум два разных вида познающих механизмов – женский и мужской (Cartwright, 2000). Представлена также точка зрения, согласно которой у человека важную

роль играет фенотипическая пластичность, когда в зависимости от условий среды один и тот же генотип может порождать существенно различные фенотипы, что возможен существенный генетический полиморфизм, существование как бы подвидов внутри единого вида человека, подобно тому, как это имеет место у некоторых видов животных (Wilson, 1994).

Модульная теория мышления находится в центре внимания научной общественности и определяет направления научного поиска в лабораториях крупнейших научных центров Западной Европы и США. Новый подход к предмету позволил переосмыслить традиционные представления о том, что, собственно, называется мышлением и в чем оно эмпирически проявляется. Так, в последнее десятилетие мощная критика обрушилась на традицию понимания мышления как действия, производимого субъектом над какими-либо объектами (предметами или символами).

Абсолютное большинство известных классических теорий мышления именно так описывают свой предмет. На таком понимании мыслительного процесса построена и теория Ж. Пиаже, и теория Дж. Брунера, и вся когнитивная психология второй половины XX в. Такое представление преобладает и в сравнительно-психологических исследованиях. Таковы классические тесты Келлера для высших обезьян, таковы и новые известнейшие достижения в области измерения интеллекта животных (Timberlake, 1993): шкалы категоризации Херрстайна, тесты Паркера для измерения интеллекта обезьян, основанные на применении теории стадий интеллектуального развития, по Ж. Пиаже, шкалы для измерения интеллекта собак Гагнока и Доре, шкалы для измерения интеллекта кошек Дюма и Доре.

С точки зрения эволюционного подхода в структуре интеллекта на первый план выходит не умение сложным образом манипулировать предметами, а умение выживать среди себе подобных, строить отношения в группе, избегать нападков и получать выгоду от сделок. Эти функции интеллекта, традиционно называемые социальным интеллектом и редко привлекавшие к себе внимание исследователей познавательных процессов, теперь признаются едва ли не основной его частью. Вспомним, что в свое время феномены социальной перцепции, впервые обнаруженные исследователем когнитивных процессов Дж. Брунером, не стали предметом существенного внимания в психологии мышления, но были «отданы» социальным психологам и исследовались в дальнейшем в этой парадигме.

Несомненно, «социальная» среда у всех животных, ведущих общественный образ жизни, составляет важнейшую, опаснейшую

и наиболее динамичную часть окружающей среды в целом, умение приспособиться к которой является важнейшим и обязательным условием выживания. Гигерензер пишет, что, по его мнению, у обезьян социальный интеллект развивается быстрее и превышает по своему уровню другие интеллектуальные функции (Gigerenzer, 1997). Молодому шимпанзе требуется несколько месяцев, чтобы научиться использовать острый камень для раскалывания орехов. В то же время даже бабуин, стоящий на более низкой ступени развития, виртуозно справляется с задачей, избегает гнева вожака, направив этот гнев на конкурента и воспользовавшись ситуацией, хватает вкусный банан.

Положение о том, что психическая деятельность человека протекает исключительно в соответствии с видовыми программами, а поведение является инстинктивным, представляется необоснованным. В соответствии с этим положением человеческое познание ограничено поисками решения ряда вечных задач, направленных на выживание и фиксированных в структурной организации мозга. С таким представлением входят в противоречие разработки отечественной школы, позволяющие утверждать, что человеческое мышление представляет собой в большей степени выбор целей, чем поиск способов их достижения.

В целом следует отметить, что подход «биологизаторских» направлений к психической деятельности человека как к форме приспособления, обеспечивающей выживание индивида и вида, близок к положениям отечественной теории и представляется плодотворным. Однако взгляды, в соответствии с которыми психическая деятельность человека протекает по видовым программам, поведение является инстинктивным, а развитие личности и самореализация должны быть рассмотрены как реализация единой общевидовой программы, входят в противоречие с разработками отечественной школы, позволяющими утверждать, что развитие личности, в том числе психофизиологическое, не определяется единой видовой программой, а осуществляется в процессе активного самоопределения личности.

Биосоциальная проблема в социальном конструктивизме

Наряду с описанной экспансией биологии в область психологических проблем сложились и укрепляют свое влияние в психологической науке новые подходы, в которых подчеркивается определяющее значение социальных факторов в формировании и функционировании личности.

В последние десятилетия XX в. за рубежом (в первую очередь в Англии, США и Канаде) сложилось и стало популярным новое направление – социальный конструктивизм (Gergen, 1973; Gergen, Gergen, 1984). Исходя из того, что в различных социальных контекстах (группах общения, видах совместной деятельности) люди проявляют различные личностные качества, социальный конструктивизм рассматривает личность как порождение социальных контекстов и отрицает существование свойств личности, не социальных по своему происхождению.

Корни социального конструктивизма лежат в социальной психологии, однако его революционные положения о связи личности и общества вызвали развитие нового подхода к целому ряду вопросов, традиционно рассматриваемых общей психологией, в частности о структуре и механизмах формирования личности, о психологии речи.

Основной силой, породившей социальный конструктивизм, было растущее осознание учеными «заказного» характера западной (в первую очередь североамериканской) социальной психологии. Осознание того, что социальная психология не только имеет мощный заряд практической полезности, широкий спектр применения, не только развивается преимущественно в направлениях, заказываемых практикой, но и теории свои выстраивает таким образом, что они отвечают актуальным запросам общества – утверждению престижа правящих социальных групп, государственной идеологии. Социальные конструктивисты утверждают, что за большинством теоретических представлений, разработанных западной социальной психологией, стоит сверхзадача утверждения ценностей, насаждаемых обществом, прежде всего идеала независимого, свободного, самостоятельно принимающего решения и проводящего их в жизнь одиночки.

Знаменитые эксперименты Эша по исследованию конформности, практически все работы в области психологии малых групп (а западная социальная психология в отличие от отечественной сложилась как психология малых групп) демонстрируют снижение компетентности и эффективности личности во всех областях деятельности в результате ее пребывания в группе. Социальные факторы рассматриваются как отрицательно, разрушительно влияющие на личность, которая сама по себе обладает вечными общечеловеческими ценностями и способностями. Как уже указывалось на страницах этой книги, это положение пронизывает и западные теории личности, в частности ярко выявлено в гуманистической психологии.

По мнению социальных конструктивистов, эти теории и подтверждающие их эксперименты, конечно, не фальсифицированы, но односторонни, созданы по заказу социальной системы, которая зиждется на психологии индивидуалиста. Социальные конструктивисты отмечают, что марксизм как теория, направленная на разрушение капиталистической системы, естественным образом предлагает свою версию идеала человеческой личности, в основе которой лежит коллективизм.

Социальный конструктивизм можно рассматривать как результат изменений, произошедших в мире в конце XX в., глобализации мира и динамической перестройки существующих в мире социальных систем, которые обнажили относительность идеологий и связь социальных наук с идеологией общества. В центре внимания социальных конструктивистов — относительность и социальная заданность представлений людей о мире и о самих себе. В текстах социальных конструктивистов постоянно повторяется словосочетание «психология и социальная психология». Так, в учебнике В. Бурр «Введение в социальный конструктивизм» (Burr, 1995) оно встречается едва ли не на каждой второй странице. Восприятие психологии и социальной психологии как дисциплин одного уровня нетрадиционно, более привычным является представление о социальной психологии как о части психологической науки. Придание социальной психологии статуса самостоятельной науки и, соответственно, ее отделение от психологической науки свидетельствует о «самоосознании» направления как независимой отрасли знания.

Социальный конструктивизм представляет собой достаточно разнородное течение. Тех авторов, которые принадлежат к нему, объединяют следующие взаимосвязанные положения (там же):

- Подвергается сомнению достоверность представлений о мире и о себе самих, которые мы черпаем из непосредственного опыта. В этом смысле социальный конструктивизм противостоит позитивизму и эмпиризму традиционной науки, какой она сложилась начиная с эпохи Просвещения, с ее верой в истинность опыта субъективных наблюдений объективного мира. Социальные конструктивисты полагают, что те категории, в которых мы воспринимаем и оцениваем действительность, не всегда присущи самой воспринимаемой реальности, но чаще приписываются ей социально сложившимися нормами суждения. Так, разделение музыки на классическую и популярную имеет в своей основе не различие физической природы звуков музыкальных

- инструментов, а стереотипы восприятия, сложившиеся в человеческой культуре. Образ мира, таким образом, рассматривается не столько как отражение реальности, сколько как проявление системы условных категорий, которыми оперирует культура.
- Подчеркивается историко-культурная природа наших знаний и представлений о мире. Категории и понятия, формирующие образ мира, существенно различны у людей, принадлежащих к различным культурам. Любое знание, научное знание в том числе, относительно, привязано к определенной культуре, и ни одна система представлений не может считаться более истинной, чем другая. Заметим, что это положение кажется бесспорным в отношении взглядов, развиваемых различными психологическими школами. Модели и теории привязаны к базовой системе понятий, принятых школой, на язык другой школы непосредственно непереводимы. Представления о личности, развиваемые, например, психоанализом и диспозициональным направлением, не альтернативны, одно не может считаться более правильным, чем другое. В отношении представлений людей о реальной жизни данное положение не бесспорно.
 - Система понятий и представлений, формирующая наш образ мира, порождается не во взаимодействии субъекта с материальным миром, с вещественной средой обитания субъекта, но в контексте социальных взаимодействий людей, социальна по своей природе.
 - Представления и знания о мире неразрывно связаны с определенными формами поведения, иными словами, представление об объекте определяет способ обращения с этим объектом. Какие-то действия разрешаются, какие-то запрещаются. Так, если в обществе закреплено представление о недопустимости двоеженства, человек, нарушающий этот запрет, может быть подвергнут общественным санкциям, вплоть до заключения в тюрьму. Если двоеженство считается нормальным явлением, никаких санкций не будет.

Очевидно, что социальный конструктивизм существенно отличается от традиционных психологических теорий. Можно отметить его следующие основные отличия (Вигг, 1995).

Наиболее радикальная из отличительных особенностей социального конструктивизма – отрицание наличия собственных свойств (сущностей) у социальных объектов. Поскольку социум, его структура, люди, входящие в него, социальные отношения порождаются

динамическими социальными процессами, социальные конструктивисты полагают, что у объектов и субъектов социальных отношений не может быть собственных свойств, присущих им изначально и существующих безотносительно к социальному контексту бытия. В разных социальных контекстах каждый из нас ведет себя существенно по-разному, проявляет разные личностные свойства. В одной компании мы играем роль лидера, проявляем решительность, активность, агрессивность, в другой — склонны соглашаться с мнением товарищей, податливы и дружелюбны. Иными словами, нельзя считать кого бы то ни было честным, умным, общительным вообще, мы можем лишь констатировать, что данная личность проявляет названные свойства в актуальных социальных контекстах. Нет оснований полагать, что при изменении контекста свойства будут по-прежнему проявляться.

Следует подчеркнуть радикальный характер данного тезиса. Речь идет не о том, что социальный контекст влияет на проявление свойств личности, а об отсутствии свойств личности вне контекста вообще. «Свойства» личности и любого социального объекта не являются чем-то реально существующим. Они приписываются субъекту в контексте динамических социальных взаимодействий в соответствии с существующей в социуме системой норм. Личность изменчива, множественна, лишена целостности и постоянства. Очевидно, что представление о личности и ее природе, развиваемое социальным конструктивизмом, предполагает существенное сужение круга эмпирических проявлений и свойств субъекта, которые атрибутируются личности. К личности относятся только свойства, не вещественные по своей природе, проявляющиеся не непосредственно, а через посредство социальных взаимодействий. Так, все свойства, называемые в отечественной традиции индивидуальными: пол, возраст, телосложение, цвет глаз и пр., — личностными не считаются. Не считаются личностными и такие свойства, как профессия, официальный статус и другие подобные характеристики, фиксированные в социальной структуре общества. Относятся к личностным лишь такие свойства, как авторитарность, общительность, решительность, склонность сопереживать и подобные перечисленным, которые не имеют фиксированной объективной привязки к действительности и оцениваются лишь субъективно. Такие свойства противопоставляются другим свойствам субъекта. Так, можно утверждать, что у человека голубые глаза и что он врач по профессии. Эти утверждения легко однозначно проверить эмпирически, взглянув в его лицо и диплом. Личностными эти свойства не считаются. Лич-

ностные свойства, как все психическое, непосредственно не наблюдаемы, субъективны по своей природе.

Не отрицая субъективной природы психических свойств, традиционная психология считает их производными от тех или иных объективных свойств субъекта, индивидуальных и/или социальных, и рассматривает под соответствующим углом зрения. Так, в концепции индивидуальности Б. Г. Ананьева формирование психических свойств личности рассматривается как результат взаимодействия двух рядов развития: биологического развития индивида (онтогенеза) и социального развития субъекта социальных отношений, воплощенных в статусно-ролевой структуре (жизненного пути личности). В своих попытках объяснить социально-психологические феномены традиционная психология и социология обращаются обычно либо к анализу имманентной личности человека, либо к анализу структуры социальных институтов общества. Особенности личности и структура общества при этом понимаются как первичные, порождающие по отношению к динамике процессов взаимодействия людей в обществе. Например, говорят, что брак распался, потому что оба супруга имели властный и несговорчивый характер. Политические события объясняют несовершенством существующих социальных институтов.

Конечно, законы, выявляемые психологической наукой, носят вероятностный характер. Ни одно из направлений не утверждает однозначности связи биологических и психических свойств человека, его социальных и психических свойств. Однако традиционные направления, признавая сложный, системный характер названных зависимостей, все же считают объективные (биологические и социальные) свойства человека порождающими по отношению к субъективным его свойствам — психическим, в том числе психическим свойствам личности. Социальный конструктивизм рассматривает в качестве важнейшего момента для понимания природы личностных свойств как раз отсутствие однозначности их связи с объективными фиксированными характеристиками (биологическими и социальными). Изменчивость и противоречивое разнообразие свойств личности человека, проявляемых им в различных ситуациях, становятся основным предметом исследования, описания и объяснения.

Личность рассматривается как условный конструкт, порождаемый ситуацией. Это положение социального конструктивизма резко противоречит традиционному взгляду, в основе которого лежит представление о том, что, во-первых, личность является чем-то стабильным и целостным, не ситуативна, а во-вторых, между людьми существуют устойчивые индивидуальные различия в свойствах лич-

ности. Так, классический психоанализ, неопрейдизм, гуманистическая психология исходят из реальности существования личности, ее определенной структуры, которая закономерно проявляет себя в системе свойств и может быть подвергнута коррекции в результате соответствующей работы психолога и психотерапевта. Диспозициональное направление также исходит из того, что черты личности – реальность, стоящая за поведением, которую можно выявить с помощью соответствующего психологического инструментария. Биохевиоризм кажется направлением, в рамках которого уместна мысль о бесконечной изменчивости поведения в зависимости от среды, однако поведение здесь рассматривается как проявление свойств реального субъекта, который стремится к удовлетворению своих потребностей во взаимодействии со средой обитания. Формирование заданных свойств субъекта, его механизмов поведения – цель биохевиоральной терапии. И, конечно, подлинные антиподы данного подхода – «биологизаторские» теории, описанные выше, – социобиология, эволюционная психология и им подобные, согласно которым свойства личности не только провозглашаются природными, им приписывается вещественная основа в виде генов и даже новых носителей, мемов. Представление о мемах появилось как некая мечта о конечной победе над относительностью человеческих представлений о мире. Ведь мем имеет сущностную природу, он не ситуативен, безотносителен. Мемы могут перемещаться от одних людей к другим, не изменяя своего содержания.

Цель любой традиционной науки – открытие истины. Социальные науки испокон веков пытались обнаружить истину о человеке, о людях, об обществе. Социальный конструктивизм предлагает в качестве цели науки нечто радикально новое. Истины вообще не может быть, так как любое знание порождено определенной культурой, существует только в рамках этой культуры. Каждая культура порождает свою систему понятий и представлений о мире, знаний о нем, в которой фиксирована практика социальных взаимодействий. Понимание множественности систем понятий и представлений делает невозможным поиск истины вообще. Любое знание имеет отношение к реальности только через посредство той культуры, в контексте которой оно порождено. Знание в области социальных наук прежде всего отражает социальный заказ общества. Объективные факты и закономерности, составляющие основу любой социальной науки – не более чем воплощение норм и принципов социального взаимодействия, существующих в обществе. Нет знаний вообще, как нет собственных свойств личности вне социального контекста.

Важнейшим предметом исследования для социального конструктивизма становится анализ и сопоставление различных психологических и социологических теорий не с точки зрения их соответствия некой абстрактной истине, но с точки зрения закономерности их возникновения в определенных культурно-исторических условиях. Поскольку любая теория полагается отражением практики социальных взаимодействий в обществе, этот анализ должен помочь вскрыть связь между образом жизни людей и образом их мысли.

Система представлений о мире, существующая в любой культуре, фиксирована в языке. Овладевая речью, мы наследуем и соответствующую систему понятий. Речь, язык, таким образом, должны рассматриваться как предпосылки мышления, как его база. Большинство традиционных теорий рассматривают речь как средство мышления, которым мыслящий субъект овладевает по мере своего становления и которое становится механизмом мышления на его новом уровне. При этом первичным оказывается субъект, наделенный определенными потребностями, вступающий во взаимодействие с окружающей средой с целью их удовлетворения, а речь рассматривается как порождение субъекта. Первичным является смысл объекта, т. е. значение объекта для удовлетворения потребностей субъекта, а слово как фиксированное в языке общее для членов социума значение объекта рассматривается как вторичное, по существу, явление. Социальный конструктивизм переворачивает причинно-следственные связи в этой цепочке. Поскольку значение реальности взаимодействия с объектом как главного источника представлений о действительности отрицается, первичным оказывается значение объекта, фиксированное в культуре и отраженное в языке. Система значений коренится в языке, усваивается с речью. Понятийная система, с помощью которой аморфный опыт личных переживаний структурируется, обретает форму четких представлений и идей, является по своему происхождению языковой, теоретически может быть различной в разных языках. Мышление рассматривается как порождаемое речью, языком.

В контексте биологизаторских направлений человеческий язык сегодня рассматривается как явление безусловно родственное «языку» животных и производное от него. Разница между человеческой речью и сигналами общения животных считается в рамках этих направлений скорее количественной, чем качественной, т. е. человеческий язык, конечно, сложнее, обслуживает более сложную систему функций, но по сути принципиальной разницы нет. Основой языка при таком подходе считается возможность символического

обозначения предмета, замещения предмета его символом-понятием. Речь рассматривается как оперирование системой таких символов-понятий. То, что у человека в отличие от животных существует множество языков, понятийные системы которых не вполне совпадают, биологизаторские направления не считают существенным.

Для социального конструктивизма главное в человеческом языке — именно его вариативность. В отличие от «языка» животных, понятного всем представителям вида и общего для всех, человеческий язык складывается в обществе, не наследуется биологически, существует как элемент культуры, в ее контексте. Существуют разные языки с разными понятийными системами. В данном смысле язык понимается как исключительно человеческое явление, социальное по своему происхождению. Язык постоянно изменяется, он представляет собой очень динамичную систему, которая отражает актуальные особенности жизни социума.

В процессе обсуждения объекту могут быть приписаны различные языковые понятия в зависимости от ситуации его восприятия субъектом. Традиционные теории рассматривают речь как инструмент для выражения мыслей и эмоций. Социальный конструктивизм видит в речи механизм активного формирования образа мира. Обсуждая происходящие события, обмениваясь мнениями, люди создают тот мир, в котором они живут, конструируют общий образ мира, используя систему речевых понятий. Иными словами, речевой процесс: диалог, монолог, письменную речь — следует рассматривать как деятельность по конструированию образа реальности, образа мира в целом, образов отдельных объектов и событий, наконец, личностей людей, участвующих в процессе обсуждаемых событий и обсуждающих текущие события. В процессе обсуждения, создания текста происходит приписывание объектам и явлениям определенных понятий, смыслов, значений. Социальные конструктивисты полагают, что подлинные объяснения причин психических явлений следует искать, анализируя рутинную практику социальных взаимодействий между людьми, существующую в обществе, отраженную и воплощенную в языке. В центре внимания при таком подходе оказываются описания не гипотетических статических структур, определяющих течение событий, а сам ход событий, процессы, происходящие между людьми, прежде всего речевые. Любое знание, в том числе научное, рассматривается не как нечто, чем человек владеет или овладевает в процессе обучения, не как результат процесса, а как сам процесс совместной деятельности, процесс структурирования аморфного опыта с помощью системы речевых понятий. Со-

знание альтернативных языковых описаний людей и событий рассматривается как способ изменения, конструирования образа мира и личности человека.

Одно из центральных понятий социального конструктивизма — дискурс (discourse). Дискурс означает набор смыслов, образов, мнений, создающий определенную версию событий. Например, охота может быть представлена в дискурсе благородного традиционного мужского спорта как естественный способ регуляции численности популяций животных. Соответствующим этому социальному дискурсу действием будет, например, реклама охотничьего снаряжения. В то же время по отношению к охоте возможен и совершенно другой дискурс — убийство беззащитных животных — с присущими ему вариантами социальных действий. В понятии дискурса фиксировано единство социально условного знания о предмете и принятого способа поведения в отношении предмета (там же). В основе личности в социальном конструктивизме оказывается набор дискурсов, включающих в себе знания о мире, отношения к явлениям действительности, самосознание и типичные способы поведения.

Основной метод социального конструктивизма — анализ дискурсов. Метод заключается в том, что исследователь субъективно (алгоритмов и жестких методов не существует) выявляет в анализируемом тексте те или иные дискурсы. Приведем пример из книги В. Бурр «Введение в социальный конструктивизм» (Burr, 1995). Предметом анализа будет следующий диалог супружеской пары в машине (женщина за рулем):

Он: Можешь ехать сразу за голубым автобусом, пристройся за ним, место свободно. Ну вот, нас обошли.

Она: Если ты не будешь говорить мне под руку, я прекрасно справлюсь.

Он: Я всего лишь хотел тебе помочь, ты напрасно сердисься.

Она: Я не хуже тебя вожу машину. Если бы за рулем был мужчина, ты не стал бы давать ему руководящих указаний.

Он: Ты всегда жалуешься, что я не помогаю тебе ни в чем. Когда я пытаюсь помочь, ты снова недовольна.

Она: Ты просто хочешь показать свое мужское превосходство. Мужчине ты не посмел бы так советовать.

Он: Ты опять хочешь устроить скандал, вот зачем ты выдумываешь эту чушь. Делай что хочешь, я не буду больше вмешиваться, если тебе не нужна моя помощь.

Каждый из супругов предлагает свою версию происходящих событий, свой дискурс. С точки зрения женщины имеет место ситуация

проявления мужского шовинизма. Мужчина унижает человеческое достоинство женщины, бесосновательно полагая, что та является низшим существом и не способна хорошо выполнять серьезную мужскую работу (вести машину). В контексте этого дискурса муж выступает как грубый тиран и оскорбитель, жена — как жертва издевательства.

В изложении мужа ситуация выглядит следующим образом. Он — добрый, покладистый человек. Стремится быть полезным по мере возможности. Жена — вздорная, агрессивная женщина, которая во всем ищет повода для ссоры.

Легко определить, насколько различными представляются личности участников диалога в контексте двух дискурсов. Принятие того или иного дискурса определяет возможные варианты поведения и суждения о личностях участников, в том числе о собственной личности.

Анализируя сексуальные отношения мужчин и женщин в современном западном обществе, Холлвэй выделяет несколько ведущих дискурсов, из которых для примера можно рассмотреть два (Hollway, 1984).

Первый можно назвать «мужская потребность в сексе». В основе этого дискурса положение о том, что стремление мужчин к сексу проявляется во всякой подходящей ситуации и имеет биологическую природу, это драйв, направленный к распространению своих генов. Женщина в контексте этого дискурса предстает как объект мужского вожделения, жертва этого вожделения или хитрая соблазнительница, которая улавливает мужчин в свои сети и эксплуатирует так или иначе. Этот дискурс очень распространен, именно он лежит в основе сюжетов так называемых мужских журналов, романов, фильмов. Часто этот дискурс используется в судебной практике адвокатами, которые актуализацией этого дискурса вызывают сочувствие к мужчинам, обвиняемым в сексуальных преступлениях.

Другой популярный в современном западном обществе дискурс можно назвать «жена и мать». В контексте этого дискурса центральное место занимает стремление женщины к материнству, ее желание иметь семью, мужа и детей, заботиться о них. Сексуальность женщины в контексте этого дискурса проявляется как любовь к семье, к детям и к отцу своих детей. Мужчина в контексте этого дискурса предстает как отец семейства, способный или неспособный заботиться о своей семье и содержать ее, воспитывать детей и оказывать им поддержку в жизни.

Высказывается интересная точка зрения, что современный мужчина удерживает в своей Я-концепции оба дискурса путем разделения женщин на «хороших», на которых женятся, и «плохих», которых страстно любят.

Представляется, что описанные дискурсы отношений между полами не вполне соответствуют нашей культуре. Насколько мне известно, подобный анализ в нашей стране не проводился, но определенные отличия кажутся несомненными. Можно сослаться на сопоставительное исследование американских и отечественных анекдотов о семейной жизни (Дружинин, 1999), выявившее существенные различия в описаниях семейных отношений и ролей и непосредственно позволяющее перекинуть мостик к использованию понятия «дискурс».

Отмечено (Дружинин, 1999), что выявленная модель отношений в русской семье разительно отличается от модели отношений в американской семье, прежде всего, отсутствием сексуально-эротических моментов. Если верить анекдотам, в русской семье доминирует жена, а муж занимает подчиненную позицию и конкурирует за ее внимание с другими мужчинами. К измене жены муж либо равнодушен, либо направляет агрессию не на жену, а на соперника. Муж никогда не мстит жене. Мужья изменяют реже, чем жены. Но если изменяет муж, то жена ругает и бьет его, а не любовницу. Вообще измена не повод для развода, а лишь причина для скандала. Поступки жен в русских анекдотах одобряются, поступки мужей высмеиваются. Мужчины в анекдотах безответственны, занимаются пьянством, просмотром телепередач, рыбалкой и т. п.

Американский мужчина в анекдотах доминантен. Его основное занятие – не пьянство и не хобби, а работа, бизнес, он несет ответственность за семью. Если муж узнает о неверности жены, он приходит в ярость, ругает и бьет ее, а не конкурента-любовника. Муж и жена часто грозят друг другу разводом в случае измены. Муж внимателен к жене, помнит о ее дне рождения, может сделать ценный подарок. Жена «достаёт» мужа своей сексуальностью. Она сексуально не удовлетворена мужем и активно идет на контакт с другими мужчинами.

Приводимые данные позволяют сомневаться в том радикальном различии и даже несовместимости дискурсов секса и семьи в западной культуре, о котором говорят социальные конструктивисты.

В цитируемом исследовании на материале анекдотов делается вывод о существенном отличии структуры американской и российской семьи. В терминологии социального конструктивизма, несомненно, можно предполагать существенную разницу дискурсов, в контекс-

те которых воспринимается и описывается семейная жизнь и отношения полов в США и России.

В социальном конструктивизме личность предстает, с одной стороны, как порождение дискурсов, с другой — как их активный творец, конструирующий свое социальное «Я» и свои взаимоотношения с социальным окружением, используя элементы дискурсов. Например, рассмотрим отрывок из телепередачи британского телевидения о малолетних правонарушителях (Burr, 1995). В передаче участвуют четверо подростков, отбывающих сроки наказания в тюрьме.

Ведущий: Как вы считаете, что думают о вас наши зрители?

1-й подросток: Они считают нас преступниками.

2-й подросток: Хулиганами и дебоширами.

Ведущий: А вы такие на самом деле?

1-й подросток: Нет, но поскольку мы отбываем сроки наказания, все считают нас такими.

Ведущий: А кто вы на самом деле?

2-й подросток: Мы те, кто совершил ошибку.

3-й подросток: Мы люди.

Подростки пытаются изменить свою невыгодную позицию в актуальном социальном контексте, используя переход из дискурса «малолетние преступники — враги общества» в дискурс «человеку свойственно ошибаться». Да, они совершили дурной поступок. Это ошибка. Человеку свойственно ошибаться, люди несовершенны. Кто не ошибается? Разве Господь не велел прощать?

Актуализацией нового дискурса подростки меняют отношение к себе аудитории и ведущего, обретают новые права и возможности действовать.

Центральная проблема личности в социальном конструктивизме — проблема власти. Под властью понимается право доступа к жизненным благам (деньги, досуг, высокооплачиваемые должности) и способность оказывать влияние на социальное окружение на всех уровнях, от государственного до уровня отношений внутри малой группы. Власть между людьми распределена неравномерно, и ее распределение не является постоянным. Распределение власти в социальном контексте определяется актуальным дискурсом. Перемена дискурса приводит к перераспределению прав и обязанностей людей по отношению к окружению, а также к изменению их самосознания и самооценки.

Поле непосредственного применения анализа дискурсов — судебная практика.

Глава 5

Природное, биологическое начало в человеке не является предметом анализа в социальном конструктивизме, напротив, оно «выносится за скобки» личности, объявляется не имеющим влияния на структуру дискурсов, из которых личность «сконструирована», на функционирование личности. Очевидно, что биосоциальная проблема в социальном конструктивизме состоит в понятии власти. Вся активность личности, ее многообразная деятельность в контексте различных дискурсов вырастает из стремления к жизненным благам, что в традиционном понимании соответствует потребностной сфере человека. Все ли люди стремятся к одним и тем же благам? Влияет ли предпочтение тех или иных благ на структуру личности, подвержено ли оно, в свою очередь, влиянию актуальных дискурсов? Какова роль общей силы и активности потребностной сферы в структуре личности и процессе ее функционирования? Сегодня эти вопросы не стали предметом широкого обсуждения социальных конструктивистов. Однако они неизбежно будут поставлены в процессе развития этого направления, как и множество иных вопросов относительно взаимосвязи природного и социального в человеке.

Глава 6

Психологическая наука в глобальном мире

Об источниках сомнений в прогрессе психологии

В ходе острых современных дискуссий о прогрессе психологической науки особенно спорным и в то же время актуальным для отечественного профессионального сообщества является вопрос об оценке прогресса, достигнутого отечественной наукой, и о перспективах ее прогресса в ближайшем будущем. На фоне имеющего место несимметричного срастания отечественной и зарубежной науки и радикальных изменений, произошедших в российской психологии в постсоветский период, среди российских коллег достаточно широко распространено как весьма критическое отношение к достижениям российской психологии советского периода, так и мнение о неперспективности продолжения теоретико-методологических традиций данного подхода.

Чтобы оценить перспективы прогресса отечественной школы, представляется необходимым задаться вопросами: почему психологическая наука в целом переживает такие болезненные сомнения по поводу наличия или отсутствия прогресса в ее развитии? каковы источники и причины ее «методологических комплексов»? почему прогресс этот вызывает сомнения, несмотря на множество убедительных доказательств и очевидных свидетельств его наличия?

Оценивая состояние и успехи нашей науки, психологи нередко обращаются к сравнению ее с естественными науками как с неким эталоном. Замечательным примером является статья А. В. Юревича «Методологический либерализм в психологии» (Юревич, 2001). «Одна из главных особенностей методологического самосознания психологов, сопровождающая их науку с момента ее официально-го рождения, состоит в перманентном ощущении кризиса». «В основе кризисного самосознания психологии <...> лежит сравнение с „благополучными“ <...> естественными науками, как правило,

имеющее результатом „комплекс“ непохожести на них и прочие методологические „комплексы“» (там же, с. 3, 6). А. В. Юревич последовательно анализирует «методологические комплексы» психологии, корни которых он видит в том, что психологи усматривают различия между психологией и естественными науками, «во-первых, в хаотичном состоянии психологического знания — его неупорядоченности, некумулятивности и т. п., во-вторых, в различии систем объяснения, в-третьих, в дефиците практических возможностей психологии, в-четвертых, в недостатке ее прогностических возможностей» (там же, с. 7), и приходит к выводу: рациональных оснований для того, чтобы констатировать существенные отличия психологии от естественных наук, нет ни по одному из названных параметров. Психология «не имеет сколь-либо принципиальных отличий от естественных наук, и *когнитивные* основания для вынесения ей тяжелого диагноза — о том, что она находится в глубоком кризисе, — отсутствуют. Основания же для этого — преимущественно психологические: психология, не имея принципиальных методологических отличий от других наук, обладает специфическим и неадекватным *самовосприятием*» (там же, с. 12). А. В. Юревич рекомендует психологии «*рациональную методологическую терапию*, в основе которой должна лежать коррекция, во-первых, ее Я-образа, во-вторых, образа естественных наук» (там же, с. 13). А. В. Юревич обращается к образу прошлого и будущего психологии и приходит к выводу, что «общая траектория развития психологической науки — это не бесконечное топтание на месте, а постоянный прогресс» (там же, с. 14).

Итак, психология не уступает естественным наукам, и прогресс в ней не менее очевиден. Однако остаются открытыми вопросы: почему же именно психология переживает такие болезненные сомнения по поводу наличия — отсутствия прогресса в ее развитии? каковы источники и причины ее «методологических комплексов»? почему уязвлено ее «методологическое самосознание»?

Ответы на эти вопросы, мне кажется, лежат не в плоскости сравнения психологии с другими науками, а в контексте проблем более общего порядка, порожденных современностью. Психология является частью науки в целом, наука — часть человеческой культуры, культура, в свою очередь, представляет собой один из аспектов бытия человечества. Сомнения в прогрессе психологии возникают не тогда, когда мы оцениваем прогресс психологии относительно других наук. Эти сомнения являются закономерным проявлением затруднений, возникающих сегодня при попытках *дать оценку прогрессу на-*

уки в контексте развития человеческой культуры и оценить прогресс современной культуры в контексте жизни человечества.

Здесь обнаруживается ряд острых противоречий, актуальных и болезненных проблем, возникших в результате радикальных изменений, которым подверглась и подвергается на протяжении последних десятилетий жизнь людей. Эти актуальные проблемы современности самым непосредственным образом затрагивают психологию как в части ее предметной области, так и в части практических применений и «методологического самосознания». Это и порождает те самые «методологические комплексы», то самое «перманентное ощущение кризиса», атрибутом которого являются сомнения в прогрессе нашей науки. Они проявляются а) как ощущение сомнительности происходящего в ней «прогресса» и б) в форме сомнений в реальности и перспективах подлинного прогресса психологии.

Сомнительность прогресса

К мысли о сомнительности прогресса психологии приводит дивергенция представлений о ценностях в контексте развития современной культуры. Как писал еще Н. К. Михайловский (1842–1904), наука, которая обращается к анализу человека как личности, к анализу социальных явлений, неизбежно не просто вскрывает причины и необходимость исследуемого процесса, но и оценивает его с точки зрения «желательности», «идеала». Он так пояснял эту мысль: «Коренная и ничем неизгладимая разница между отношениями человека к человеку и к остальной природе состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели, тогда как во втором — цель эта не существует. Различие это до того важно и существенно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения» (цит. по: Голосенко, Козловский, 1995, с. 28). И далее: «Мы не можем общественные явления оценивать иначе, как субъективно, т. е. через идеал справедливости». Поэтому в качестве первой из причин, вызывающих сомнения в отношении прогресса психологии, следует назвать то смятение в отношении идеалов и ценностей, свидетелями которому мы являемся в современном мире, осознающем себя в своей мультикультуральности, множественности цивилизаций, основанных на различных системах ценностных ориентаций. Сказки об общечеловеческих ценностях уже мало кого убаюкивают, в то же время налицо отсутствие психологической готовности людей адекватно понимать друг друга

и взаимодействовать в ситуации множественных и неопределенных ценностных ориентиров. Психологическая наука, как никакая иная, прямо поставлена самой жизнью перед лицом факта *отсутствия общечеловеческих ценностей, по отношению к которым можно было бы оценивать прогресс, в том числе прогресс психологии.*

Сама психологическая наука, как становится очевидным, весьма разнородна в отношении ценностных ориентаций, как терминальных, так и инструментальных. В концепциях разных школ существенно различаются представления о том, что является основной функцией психики, для чего и почему психика возникла в эволюции (свидетельством чему является, в частности, ведущаяся на страницах отечественных журналов дискуссия о предмете психологии). Различаются представления о сущности и идеале человеческой личности в различных психологических теориях. В процессе интеграции мировой науки обнажаются аксиоматические основания различных теорий, основания по сути своей ценностные, соотносенные с идеалами культуры, в контексте которой та или иная теория создавалась. Не менее остро стоит проблема дивергенции ценностей в психологической практике. Так, на съезде психологов России в 2003 г. обсуждалась необходимость декларирования целей психологом-консультантом, чтобы клиент мог осознанно осуществить выбор вида предлагаемой психологической помощи. Таким образом, можно отметить, что сама разработка психологией актуальных вопросов дивергенции ценностных ориентаций в современной культуре становится источником болезненных субъективных переживаний в области профессионального самосознания психолога и служит основой ответствующего «методологического комплекса».

Вторым важным источником сомнений в прогрессе психологии являются остро обозначившиеся в современном мире *противоречия между культурой и цивилизацией, между прогрессом материальным и духовным.*

Все более отчетливо звучит в трудах современных культурологов мысль о том, что современное развитие цивилизации, понимаемой сейчас прежде всего как материальная сторона жизни общества, научно-технический прогресс, уровень жизни общества и потребляемые блага, в определенных случаях и аспектах разрушает культуру, влечет за собой снижение ее уровня. Так, «приобщение к цивилизации» обществ, которые вели достаточно примитивный образ жизни в материальном аспекте, нередко приводит к духовному опустошению и снижению до уровня подлинного варварства духовного облика их членов.

Становится также очевидным, что в сложившемся противостоянии культуры «массовой» и культуры «высокой», элитарной, т. е. подлинной, «цивилизация» перетягивает канат на сторону массовой культуры. Само понятие массовой культуры как чего-то качественно отличного от культуры подлинной порождено цивилизацией. Массовая культура в этом смысле совсем не то, что культура народная, которой цивилизация традиционно противопоставлялась¹. Можно утверждать, что именно современная цивилизация превратила имеющиеся в каждом обществе неоформившиеся ростки культурных тенденций, в чем-то архаичных, в мощного и опасного монстра, как в фильме С. Спилберга «Парк Юрского периода».

Примером разрушающего влияния научно-технического прогресса на культуру является и имеющая место у существенной части молодого поколения утрата привычки и навыка серьезного чтения как следствие распространения новых информационных технологий. Достаточно большой процент образованных молодых людей испытывают серьезные затруднения в восприятии и понимании традиционной письменной речи с ее усложненными языковыми правилами, оборотами в сфере как научной литературы, особенно гуманитарной, так и художественной. Вопрос преемственности в области культуры, носителем которой традиционно являлась именно письменная речь, становится неочевидным, что вызывает существенную тревогу.

Болезненные проблемы противоречий и столкновения тенденций в развитии цивилизации и культуры в современном обществе, как никакую другую науку, поражают и буквально разрывают на части психологию, область которой лежит на перекрестке естественнонаучного знания (реализуемого в области «цивилизации») и гуманитарного (отнесенного к «культуре»). Это также становится основой соответствующего «методологического комплекса» и порождает сомнения в прогрессе нашей науки.

Обратимся теперь к еще одному, третьему в нашем анализе источнику сомнений в прогрессе психологии, к еще одной актуальной проблеме, занимающей умы современников, — к противоречиям в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества и в целом к утрате веры в благотворность развития науки для человечества. Эти противоречия непосредственным образом затрагивают

1 См., например, определение цивилизации в «Международной энциклопедии социальных наук»: «Цивилизация — категория, используемая антропологами в противопоставлении понятию примитивной или народной культуры человечества» (цит. по: Сравнительное изучение цивилизаций, 1999, с. 12–14).

психологию в отношении ее предметного поля и методологического самосознания.

Следует отметить, что в истории философии существует три взгляда на направленность и качество развития общества. Это теории прогресса, регресса и циклического развития. Однако с древности до последнего времени — всегда вера в будущее человечества основывалась на вере во всемогущество рационального мышления, перспективы человеческого общества связывались с развитием разума, с развитием науки и культуры. Даже З. Фрейд, убежденный в том, что «человеческий интеллект бессилён в сравнении с человеческими влечениями», надежды на прогресс человечества связывал все же именно с интеллектом, с развитием науки. В одной из поздних своих работ, в книге «Будущее одной иллюзии», он отмечает, что, хотя человеческий интеллект слаб, «есть что-то необычное в этой слабости: голос интеллекта тих, но он не успокаивается, пока не добьется, чтобы его услышали». «В конечном счете, — подытоживает Фрейд, — ничто не может противостоять разуму и опыту... — и делает далее оптимистичное заключение. — Мы верим в то, что наука в труде и исканиях способна узнать многое о реальности мира, благодаря чему мы станем сильнее и сможем устроить свою жизнь» (Фрейд, 1989, с. 140—141).

На протяжении жизни ныне живущего поколения¹ впервые в истории *вера в благотворность цивилизации и культуры, общий взгляд на науку как на опору и основу прогресса человечества были поколеблены*. На фоне возрастающего влияния науки на жизнь людей возникло и распространилось представление о том, что рациональное познание несет в себе угрозу человечеству. Потенциальная сила воздействия отдельных решений, принимаемых людьми, непосредственно связанными с «рычагами» научно-технического прогресса, на ход событий в масштабах планеты растет вместе с ускорением хода истории. В середине XX в. Курт Воннегут в романе «Колыбель для кошки» показал ученого, который совершил открытие, приведшее к гибели мира, буквально не ведая, что творит. Сознание творца «льда-9» вмещало лишь академическую сторону его исследований и детали

1 Известный американский футуролог А. Тоффлер предложил последние 50 тыс. лет существования человечества измерить числом поколений, каждое продолжительностью жизни в среднем 62 года. Получилось около 800 таких поколений, из которых 650 жили в пещерах. Лишь два последних поколения людей используют электромотор, а подавляющее большинство всех материальных ценностей и приспособлений, которыми мы пользуемся, были созданы на протяжении жизни лишь последнего поколения.

собственной частной жизни. Это был роман-предостережение, которым писатель хотел привлечь внимание современников к проблеме. К концу XX в. переворот в общественном сознании совершился. Человечество достигло понимания того, что наука и технический прогресс не являются абсолютным благом не только для отдельного человека или сообщества, которые могут пострадать так или иначе в процессе приобщения к «цивилизации», но и для человечества в целом. Тема зла, которое несет наука, одна из наиболее популярных сегодня на рынке стереотипов массовой культуры.

Миф о безотносительной полезности науки развеян, и ему на смену уже пришел новый миф — о сверхценности «природных», отчасти утраченных с развитием цивилизации приемов и способов выживания. О том, в какой мере мифологична идеализация «природных» способностей человека к выживанию и насколько человечество своим положением доминирующего вида на Земле действительно обязано науке как особой форме детерминистского, рационального, эмпирически проверяемого познания, можно судить, например, по следующим фактам: «Ускоренный рост численности населения начался примерно 8000 лет назад с развитием земледелия, благодаря которому стала возможной жизнь в городах. В нынешнюю фазу, характеризующуюся колоссальным ростом численности населения и освоением все новых районов человечество вступило лишь в самое последнее время, с развитием индустриализации <...>. Общее число людей в эпоху неолита определяют примерно в 5 млн, а в период появления первых крупных городов — в 20–40 млн. Современному виду *Homo sapiens* потребовалось около 20000 лет, чтобы достичь численности 200 млн (во времена Римской империи). В последующие 1500 лет (к 1600 г. н. э.) население земного шара возросло до 500 млн, спустя еще 200 лет — более чем удвоилось (около 1 млрд в 1800 г.). В наши дни на земле проживает около 3 млрд человек» (Харрисон и др., 1979, с. 582). Не стоит забывать и о значительном увеличении продолжительности жизни человека на протяжении жизни последних нескольких поколений.

Авторы изданной Оксфордским университетом в 1977 г. монографии «Биология человека» отмечают: «Человек как биологическое существо добился решающего успеха лишь недавно, лишь в самое последнее время. Люди обычно забывают или недостаточно ясно представляют себе, насколько непрочным было их положение на Земле в первые тысячелетия их существования» (там же, с. 8).

Таким образом, в современном мире вопрос о месте и значении научного познания, культуры в целом в контексте проблемы выжи-

вания и адаптации человечества стал не просто дискуссионным — это вопрос веры и суеверия, область функционирования эмоционально насыщенных стереотипов массового сознания. Это вопрос, в отношении которого борьба мнений стала борьбой идеологической. И снова именно психология в наибольшей степени оказалась под ударом происшедшего разлома в общественном сознании. В силу своего статуса, накопления знаний одновременно о природе человека, о человеческом познании, о видах и формах человеческой деятельности и жизнедеятельности психология оказывается единственной наукой, прямо и непосредственно имеющей внутри своего предметного поля проблему потенциального противоречия прогресса человеческой культуры и выживания человечества. Психология поставлена самой жизнью перед этой проблемой, значимость которой и сложность служат фактором колоссального методологического напряжения в нашей науке, которому сопутствуют «методологические комплексы» и сомнения в ее прогрессе.

Четвертый источник сомнений в прогрессе психологии — это *противоречия во взаимосвязи прогресса человеческого индивидуума и человеческого общества в современной культуре*. Практически неизменным на протяжении веков в истории философии остается представление о прямой связи прогресса общества и блага отдельного индивидуума. Вредное влияние общества на человека трактуется как результат неправильного, требующего исправления общественного строя. Типичным примером является теория К. Маркса, который исходит из взгляда на человека как на существо цельное, «неотчужденное», доброе, рациональное. Для того чтобы изначальные положительные качества человека проявились, ставилась задача преобразовать современное Марксу общество. В будущем коммунистическом обществе, как верил Маркс, человек, преодолевая отчуждение, вернется на новой, более высокой ступени к своему исходному и подлинному состоянию. Отличие этого нового «золотого века» от первобытного общества заключается в том, что здесь «неотчужденность» базируется на безграничном росте производительных сил, всемогуществе человека и невиданном изобилии. Высшая цель общественного развития по Марксу — развитие личности.

В XX в. вера в то, что прогресс общества является благом для индивидуума, была поколеблена, а в современный период ее можно считать утраченной. Причиной коренных изменений представлений о взаимосвязи блага индивидуума и общества стало то, что к началу XX в. отношения между индивидуумом и обществом приобретают совершенно новый, доселе невиданный характер. Общая тенден-

ция ускорения исторического процесса привела к тому, что смена поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда стремительно и коренным образом меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, представления о том, как следует поступать в той или иной ситуации. Приспособиться к опережающим изменениям в культуре становится сверхзадачей, для решения которой индивид должен употребить все силы, часто подорвать душевное здоровье, внутреннюю гармонию.

В XX в. в психологической науке закономерно возникают и крепнут сомнения в благотворности общественного прогресса для индивидуального развития человека. К. Г. Юнг еще в первой половине XX в. приходит к заключению: прогресс общества покупается ценой своего рода культурных увечий, нарушения природного равновесия различных способностей человека. Общество, по его мнению, добиваясь прогресса, использует человека в его профессиональной деятельности всегда односторонне, лишь определенная группа психических функций при этом оказывается задействованной и развиваемой. К тому же обычно востребованы как раз те функции, которые и от природы более сильны. Юнг полагает, что такое одностороннее развитие нарушает природную сбалансированность личности, порождает дисгармонию и страдания. «Как порабощение массы было открытой раной античного мира, так рабство неполноценных функций является неизлечимой кровавой раной в психическом современного человека» (Юнг, 1995, с. 108).

Вопрос о возможной расплате человеческого индивидуума за прогресс человечества, порождающий неразрешимые и мучительные противоречия в общественном сознании, непосредственно относится к предметной области психологии, зона практических применений которой находится на пересечении потенциально противоречивых интересов индивидуума и общества. Рефлексия по поводу имеющих здесь место противоречий порождает «методологические комплексы» и ощущения сомнительности прогресса психологической науки.

Пятый в нашем анализе источник сомнений в прогрессе психологии — еще один разлом общественного сознания. Данная проблема среди уже названных кажется новейшей, порожденной последними событиями в развитии мировой цивилизации. Она также непосредственно относится к вопросу о месте и роли культуры в обеспечении перспектив человечества. В 1984 г. М. К. Мамардашвили писал: «Среди множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX в., одной из главных и часто скрытой от глаз является антропо-

логическая катастрофа, проявляющаяся совсем не в таких экзотических событиях, как столкновение Земли с астероидом, и не в истощении ее естественных ресурсов или чрезмерном росте населения, и даже не в экологической или ядерной трагедии. Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизованных основ процесса жизни» (Мамардашвили, 1992, с. 107). В чем же заключаются та антропологическая катастрофа, которой опасается М. К. Мамардашвили?

В психологическом аспекте речь идет о совершающемся отрыве «поля значений» от «поля смыслов» в процессе того, что сейчас называют виртуализацией современной цивилизации (Иванов, 2002). Виртуализация общества, в 1980-е годы лишь едва наметившаяся как тенденция, а теперь ставшая очевидной реальностью, — это радикальная трансформация способа существования нашей цивилизации, порожденная развитием компьютерных технологий (прежде всего технологий виртуальной реальности) и проникновением их во все сферы жизни общества. Процессы производства и потребления приобретают характер «дискурса» знаковой манипуляции. В условиях массового производства и массового потребления товар — это прежде всего знак. Социальный статус товарного знака определяет, каких денег стоит вещь, а не ее реальные свойства и не затраты труда. «Знаки» не обмениваются больше на «означаемое», они замкнуты сами на себя, человек имеет дело уже не с вещью, а с симуляцией (изображаемым). Общение в виртуальном мире происходит не между реальными личностями с их реальными статусами в общей разделяемой реальности, а между вымышленными, изображаемыми, героями, становится знаком реального в ситуации утраты самой реальности.

В процессе виртуализации основа человеческого сознания, традиционно понимаемая как единство общественного, общеразделяемого, реального слова и дела, оказывается под угрозой. Человеческое сознание в психологии рассматривалось как феномен, возникший из коллективной деятельности, в которую каждый вносил свой вклад, выполняя свою специфическую задачу, в результате чего совместными усилиями достигался реальный результат, позволявший всем удовлетворить свои реальные потребности. Индивидуальные смыслы, замкнутые на реальность, прямым и непосредственным образом имеют здесь очевидную зону пересечения в реальности же — коллективное потребление плодов коллективной деятельности. Общие для всех значения также коренятся в этой зоне пересечения смыс-

лов, обеспечивая связь с реальностью и адекватность человеческой культуры, языка человеческим смыслам, единство и неразрывность общественного и индивидуального сознания. В этом смысле Мамардашвили пишет о «фундаментальной двоичности сознания». Это неразрывная диалектическая связь реальности коллективного бытия и его отражения в человеческом сознании. Мамардашвили рассуждает о коллективном характере (образ «агоры»¹) человеческого искажения истины, человеческой культуры, человеческой жизни. Разрушение единой ткани общественного бытия и сознания, замещение «агоры» одиночеством в виртуальном мире – в этом он видит угрозу человечеству: «Сознание фундаментально двоично. В зазеркалье же, где меняются местами левое и правое, все смыслы переворачиваются и начинается разрушение человеческого сознания. Аномальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннигилирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигиваются не то что двусмысленно, но многосмысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия. Эти „сознательные“ акты и знания перестают участвовать в мировых событиях, в истории. Не имеет значения, что у тебя в „сознании“, лишь бы знак подавал. В пределе при этом исчезает необходимость и в том, чтобы у людей вообще были какие-то убеждения. Верить в совершающееся или не верить – не имеет значения, потому что именно подаваемым знаком ты включаешься в действие и вращение колес общественного механизма» (Мамардашвили, 1992, с. 119). Виртуализация стала фактом. И фактом стал порожденный ею «комплекс» общественного сознания – чувство утраты реальности жизни, утраты контроля над реальностью².

Рушатся традиционные представления о человеческой общности и общении, о человеческом сознании, построенные на представлениях об общей реальности, которая отражается в сознании, реальности, в контексте которой происходит общение, формируется общность и осуществляется взаимопонимание людей, взаимодейст-

1 «Для меня эта внутренняя, углубленная в себя жизнь без агоры то же самое, что искание истины в уборной. Если бы у меня был талант Кафки, я бы описал сегодня эти душевные внутренние искания как фантастические, странные искания истины там, где ее по онтологическим законам человеческой жизни быть просто не может» (Мамардашвили, 1992, с. 119).

2 Отражением этого комплекса стал фильм «Матрица».

вующих в общем для них пространстве и времени единого материального мира. В VI в. до н. э. Гераклит писал: «Для бодрствующих существует единый и всеобщий космос, из спящих же каждый отвращается в свой собственный» (Дынник, 2013, с. 49).

Для современного человека то, что все мы, бодрствующие, чувствуем, действуем и мыслим в едином и общем мире, уже не является очевидным. Взаимодействие между людьми, опосредованное виртуальной реальностью, при отсутствии очевидной опоры на объективную реальность совместного бытия и коррекций образа мира на основе постоянно включенного механизма обратной связи, уже не обеспечивает переживания полноты и адекватности взаимного понимания в процессе взаимодействия, не обеспечивает переживания цельности личности партнера по общению и – как следствие – собственной личности. Границы личности в виртуальном мире размыты, а структура утрачивает определенность и движется к своего рода «мерцанию формы», что порождает у современного человека болезненный комплекс проблем личности и общения.

Комплекс острых и на сегодняшний день не разрешенных проблем человеческой культуры, порожденных виртуализацией современного общества, также оказывается частью предметного поля психологии, ложится бременем на «методологическое самосознание» нашей науки, порождая ощущение сомнительности ее прогресса.

Таким образом, мы приходим к заключению, что «методологические комплексы», сопутствующие нашему профессиональному самосознанию, есть не что иное, как следствие и отражение актуальных проблем развития человеческого общества, которым сопутствует переживание неразрешимых и мучительных противоречий в сознании современного человека. Эти проблемы порождены особенностями современного этапа человеческой истории. И самым непосредственным образом неразрешенность этих проблем рефлексивируется в область «методологического самосознания» психологии, порождая ощущение *сомнительности прогресса* в нашей науке.

Среди этих проблем здесь были названы следующие:

- Дивергенция ценностей в современном мире, утрата веры в общечеловеческие, единые для всех идеалы.
- Противоречия во взаимосвязи культуры и цивилизации, прогресса научно-технического и духовного.
- Утрата веры в благотворность науки и культуры. Противоречия в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества.

- Противоречия во взаимосвязи блага человеческого индивидуума и прогресса человеческого общества.
- Разрушение традиционных форм человеческого общения, человеческой общности и сознания человека в процессе виртуализации общества.

Сомнения в прогрессе

Список перечисленных проблем не претендует на полноту. Но уже названные показывают, что комплекс важнейших и болезненных противоречий современной культуры, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории, прямо относится к предметному полю психологической науки и ее «методологическому самосознанию». Проблемы соотношения наследственного и приобретенного, пределов изменяемости человеческой психики, потенциальных возможностей развития и определяющих его факторов объективно стали главными в бурно развивавшейся психологической практике и заняли центральное место в психологических теориях, которые не только составили существенную часть культуры XX в., но и оказались важнейшим фактором развития этой культуры в целом. И на современном этапе развития общества значимость психологии в системе наук и в культуре в целом лишь возрастает. Именно психология призвана дать ответ на наиболее острые, поставленные временем вопросы в силу своего статуса науки одновременно и естественной, и гуманитарной, науки о человеке во всей полноте и противоречивом единстве сторон и форм его бытия. Ни одна другая наука не может сделать этого в силу недостаточности своего предметного поля. В связи с этим прогресс психологии объективно неизбежен в контексте современного развития человеческой культуры. Именно психология сейчас востребована, как никакая другая наука, и ее «методологические комплексы» — не что иное, как болезни роста, сопутствующие неизбежному, уже идущему и ускоряющемуся прогрессу.

Однако этот прогресс не может быть, не был и не будет ни всеобщим, ни равномерным. И здесь лежит еще один — внутренний, порожденный особенностями структуры самой психологической науки источник сомнений в том, что психология способна к прогрессу.

Психологическая наука сегодня переживает период бурных и разноплановых изменений. После достаточно длительного периода так называемого кризиса психологии¹, в ходе которого мировая психо-

1 Кризисом, в соответствии со сложившейся в литературе традицией (Ждан, Юревич и др.), здесь называется период в развитии мировой

логическая наука фактически распалась на независимые «империи», сегодня в мировой науке доминирует тенденция к интеграции. Важнейшим фактором интеграции мировой науки стало становление психологии в качестве профессии, что повлекло за собой необходимость единых стандартов психологической практики и образования, которые включали бы достижения различных школ. На наших глазах сегодня рождается целостная структура единой мировой науки, укрепляется взаимопонимание между школами, происходит обмен информацией. Наряду с этим имеет место и обострение противоречий между направлениями, область психологии становится ареной борьбы различных течений. Так, в отечественной науке развернулись острые методологические дискуссии: об отношениях науки и вненаучных форм психологического познания (Юревич, 2005б), о предмете психологии (Методология и история психологии, 2006), о взаимоотношениях естественно-научного и гуманитарного направлений (Юревич, 2005а), о парадигмальном статусе психологической науки (Корнилова, Смирнов, 2006).

В контексте последней дискуссии я разделяю точку зрения, согласно которой психология является наукой мультипарадигмальной. Сложная сетевая организация психологической науки как мультипарадигмальной адекватна многоплановости ее предметного поля. Соответственно, прогресс психологии мне видится как весьма дифференцированный. Оценки достигнутого в XX в. прогресса, как и место в науке XXI в., для разных школ представляются самыми разнообразными.

Особенно спорным и в то же время актуальным для отечественного профессионального сообщества является вопрос об оценке прогресса, достигнутого отечественной наукой, и о перспективах ее прогресса в ближайшем будущем.

Для отечественной психологии вхождение в формирующийся единый контекст мировой науки осложняется особенностями протекания предшествующего периода ее развития, когда общая тенденция раскола и относительной изоляции школ усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития нашей страны, языковым барьером. Зарубежные коллеги не имеют представления о развитии российской науки на протяжении большей части

психологической науки, начавшийся в 1870-х годах, на протяжении которого мировая психология существовала в состоянии раздробленности, развивалась в контексте отдельных относительно независимых школ в отсутствие единой теории и единых критериев валидации научного знания.

XX в., что приводит сегодня к восприятию ими российской психологии как «развивающейся» провинции мировой науки, лишенной собственных теоретико-методологических корней, к миссионерскому к ней отношению. На фоне имеющего место несимметричного сращения отечественной и зарубежной науки и радикальных изменений, произошедших в российской психологии в постсоветский период, среди российских коллег также достаточно широко распространено весьма критическое отношение к достижениям российской психологии советского периода и мнение о недостаточной перспективности продолжения теоретико-методологических традиций данного подхода.

В то же время представляется, что потенциал этого направления далеко не исчерпан, что в психологии XXI в. весьма достойное место может принадлежать отечественной школе, в теории и методологии которой, в отличие от большинства великих школ западной науки XX в., делается упор на культурной формируемости «лица» человеческой психики, на отсутствии природной заданности свойств и самой структуры личности, что создает благоприятные предпосылки для конструктивного подхода к пониманию радикально новых явлений в развитии культуры, в том числе названных нами актуальных проблем и болезненных противоречий, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории.

Заложенное в основу отечественной теории, восходящее к работам И. М. Сеченова и И. П. Павлова представление о потенциальной противоречивости биологических и социальных программ и об их возможности оказывать взаимно отменяющие воздействия позволяет утверждать, что развитие и становление индивидуальности не предопределено ни биологической, ни социальной программой. С точки зрения отечественной психологии не существует «типового варианта» гармоничного человеческого развития: ни заложенного природой, ни социально обусловленного, — парадоксальная сущность человека заключается именно в том, что он творит себя сам всегда и каждый раз по-новому. С точки зрения отечественной теории социум уже не просто влияет на реализацию природной программы развития. Развитие личности предстает как сложное взаимодействие природной индивидной программы с интериоризуемой в процессе воспитания программой социального развития. Такой подход существенно углубляет представления о природе личности, пределах и возможностях ее изменения, развиваемые в зарубежных теориях, позволяет рассматривать обнажившиеся в культуре начала XXI в. противоречия как диалектические и открывает перспек-

тивы развития конструктивных подходов к пониманию новых явлений культуры и цивилизации.

Так, дивергенция ценностных ориентаций в современной культуре драматически противоречит основным постулатам западных теорий, несовместима с представлениями о должном, рассматривается как аномалия, требующая исправления, в пределе — насильственного исправления. С точки зрения отечественной школы расхождение базовых ценностей получает объяснение как нормальный и естественный феномен. Здесь возможен поиск диалога и развитие понимания между разными культурными общностями.

В отношении противоречий во взаимосвязи прогресса индивидуума и прогресса общества заслуживает внимания диаметрально противоположный изложенному выше подходу К. Г. Юнга взгляд классиков отечественной школы на проблему функциональной специализации человека и развитие индивидуальных свойств в структуре субъекта деятельности, что особенно ярко проявилось в концепции индивидуальности Б. Г. Ананьева. Функциональная специализация, специализированное развитие функций здесь рассматривается как единственно возможный путь к общей стабилизации и гармонизации развития человека, путь к гармоничной и целостной структуре личности, всегда индивидуально неповторимой.

Представляется, что именно отечественная теория в силу специфики своего подхода к природе человека как к сущности, подвергаемой радикальным изменениям в процессе исторического развития, обеспечивает и возможность формирования оптимистической картины мира у современного человека, что немаловажно.

Таким образом, в контексте *неизбежного*, на мой взгляд, хотя и *не равномерного, не всеобщего и не повсеместного прогресса* психологии в XXI в. отечественные теория и методология представляются остро актуальными и обладают существенным потенциалом развития. Для того чтобы российская психология была воспринята мировым профессиональным сообществом как самобытная школа, необходима многоплановая и настойчивая работа российских психологов. В русле решения этой задачи особое значение имеет прояснение профессионального самосознания: переход от аморфных и внутренне противоречивых общих представлений о том, что представляет собой российская психология и какое место она занимает в контексте мировой науки, к образу четкому и дифференцированному, от понятия по сути географического, к понятию концептуальному. Очевидно, что не все российские психологи придут в результате к единому мнению. Однако я полагаю, что экспликация

и прояснение имеющего место «сосуществования и сложного взаимодействия различных имиджей и позиций» (Юревич, 2006, с. 12) являются необходимым условием обеспечения развития традиций отечественных теории и методологии в мировой науке современного посткризисного периода.

Становление глобальной психологической науки

В глобальном мире, где действуют транснациональные организации, социальные институты и процессы, а люди активно перемещаются из страны в страну, культура народов с необходимостью приобретает новые черты. Наука как часть культуры, приспосабливаясь к новым условиям существования, закономерно изменяется и в условиях глобального мира постепенно становится *глобальной*, что предполагает как формирование новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества.

Наряду с общими закономерностями происходящих изменений для каждой науки имеются специфические. Для естественных наук на первый план выходят процессы интеграции национальных наук в *единую мировую науку*, в основе которых лежат как деятельность международных организаций и межнациональные связи научных институтов, так и неформальные контакты и совместная работа ученых из разных стран: «Интенсивность международных связей в сфере науки за последние десятилетия настолько возросла, что можно без преувеличения сказать: на наших глазах рождается новое и огромное по своей значимости явление — превращение совокупности национальных наук в единую мировую науку» (Лебедев, 2012, с. 146).

Для наук гуманитарного профиля процессы интеграции существенно осложняются выраженной культурной опосредованностью как со стороны предмета, так и со стороны субъекта исследований (Журавлев и др., 2018; Ковалева, Журавлев, 2018; и др.). Если еще четверть века назад можно было говорить о глобализации как об общей вестернизации культуры, распространении в мире западных культурных стандартов и норм, сегодня стало очевидным, что такое представление является полностью несостоятельным. Ведущей чертой глобализации становится возникновение многополюсной мировой системы, рост культурного разнообразия (Журавлев и др., 2018; Китова, Журавлев, 2018; и др.).

Для психологии движение к глобализации в существенной степени окрашено «протестными» настроениями и тенденциями со-

противления гегемонии западноцентрического мейнстрима, в котором после Второй мировой войны доминировала американская традиция, и по-разному протекает в различных регионах (Журавлев и др., 2018; Мироненко и др., 2018).

Глобализация психологической науки в азиатском регионе и странах Африки

В азиатском регионе и в странах Африки основной формой движения в данном направлении стало развитие так называемых «туземных» психологий (Indigenous Psychologies – IPs, или Indigenized Psychologies – IZPs). Интенсивный экономический и политический рост азиатских стран, где зародился проект IPs, рост национального самосознания, послужил здесь толчком к критике западных психологических теорий (Журавлев и др., 2018). Энрикес, один из основателей движения IPs на Филиппинах, объясняя свою инициативу, писал: «Это движение против психологии, которая поддерживает колониальный статус сознания филиппинца» (Enriquez, 1993, p. 155). Еще одна цитата такого же смысла: «Массовый импорт западной психологии в Азию представляет собой форму культурного империализма, который закрепляет здесь колониальную форму сознания» (Ho, 1998, p. 89). Основным аргументом авторов, разрабатывающих IPs, стало несоответствие западных теорий реальности жизни на местах, непригодность этих теорий для объяснения и прогнозирования поведения и деятельности местного населения, для понимания психического склада местного жителя, что свидетельствует о необходимости рассматривать психологические проблемы в контексте культуры той общности, к которой человек принадлежит, в контексте реального бытия в конкретном социуме. В русле этого направления ставится общая задача «развития системы научного знания, которая бы эффективно отражала, описывала и объясняла психическую деятельность и поведение в естественных контекстах и в культурно-релевантных терминах...» (Yang, 2000, p. 245–246). Проект IPs быстро приобрел и сохраняет большую популярность. В 1999 г. высокорейтинговый журнал «Прикладная психология» (Applied Psychology) подготовил специальный выпуск, посвященный IPs. В 2005 г. вышел посвященный IPs специальный выпуск Азиатского журнала по социальной психологии (Asian Journal of Social Psychology). Вышли из печати две коллективных монографии, посвященные IPs, под редакцией таких авторитетных ученых, как Ким и Берри (Kim, Berry, 1993; Kim et al., 2006).

Собран большой массив эмпирических данных, в основном описывающих отличия психологических характеристик отдельных групп населения азиатских и африканских территорий от данных, представленных в западном мейнстриме. Берри и его коллеги (Berry et al., 1992) исследовали три индигенные концепции личности, каждая из которых принципиально отличается от используемых на Западе. Африканская модель личности трактует личность как трехслойную структуру, каждый из слоев которой представляет отдельный личностный аспект. Главный, первый слой личности каждого человека воплощает духовный принцип. Второй слой соответствует витальному психологическому принципу, а третий – физиологическому витальному принципу. Тело рассматривается как внешний каркас, в котором заключены все три слоя. На различные аспекты личности оказывают влияние кровное родство и внутриплеменные отношения.

Японская модель личности (Doi, 1973) базируется на концепции амае. В свободном переводе это слово означает пассивную, детскую зависимость одного человека от другого. Прототипом амае могут служить отношения матери и ребенка. Амае выступает как базовая характеристика, основополагающий строительный блок японской культуры и личности. Амае формирует структуру отношений между людьми высокого и низкого статуса в японской культуре, выступает в качестве важнейшего компонента индивидуальной психики и межличностных отношений.

Анализ измерений личности, разработанных в контексте китайской культуры, показал, что в качестве четырех основных аспектов китайской модели личности выделяются зависимость, китайская традиционность, социальный потенциал и индивидуализм.

Эта часть разработок, составляющая большую долю IPs, фактически сливается с кросс-культурной психологией. Относительно того, как соотносятся IPs и кросс-культурная психология, в литературе встречаются такие разные позиции, как: IPs и кросс-культурная психология являются взаимодополняющими дисциплинами (Kim, Berry, 1993); IPs является частью кросс-культурной психологии (Georgas, Mylonas, 2006; Ho, 1998); кросс-культурная психология является частью IPs (Yang, 2000). В целом же можно согласиться с утверждением, что по своему содержанию работы, относимые к IPs и к кросс-культурным исследованиям, фактически ничем не отличаются (Jahoda, 2016). Всюду доминирует сравнительный подход.

Предполагается, что такие исследования помогут обнаружить некие «универсалии», составляющие основу человеческой психики во всех ее культурных вариантах, и, таким образом, продвинуть-

ся к созданию психологии, «универсальной»/глобальной по своему предмету, т. е. не только отражающей характеристики представителя западной культуры, фиксированные в теориях западной психологии, но и применимой в контексте любой культуры. Западному мейнстриму психологии при таком подходе придается статус лишь одной из IPs (Berry, 2013). В этом смысле утверждается, что все психологические теории являются «туземными» (IPs), так как созданы в русле какой-то одной определенной культуры (Marsella, 2013).

Парадоксальным образом данное направление IPs, выступая под лозунгом критики западных теорий, новых теорий не выдвинуло, фокусируясь на проведении эмпирических исследований с целью выявления различий психологических характеристик местного населения по сравнению с данными, представленными в западном мейнстриме, в основном опираясь на методический аппарат и инструментарий, разработанные на западе. На этом противоречии базируется растущая критика IPs теорий, в контексте которой звучат уже утверждения, что направление IPs является тупиковым (Jahoda, 2016).

Отметим еще один парадокс в развитии IPs: возникшее под лозунгом критики западного мейнстрима за игнорирование культурных особенностей, это направление в существенной своей части поставило своей целью выявление «общечеловеческих» характеристик через снятие культурной специфичности. В русле всего обширного потока исследований IPs доминирует представление о *глобальной* психологии как о психологии *универсальной* и *общечеловеческой* (universal/global psychology), что объясняет тенденции сближения, проявляемые здесь в явной и неявной форме, с *эволюционной психологией* в той форме, в которой последняя представлена в современном западном мейнстриме. Странники этого направления полагают, что психические механизмы жизнедеятельности человека сложились в далеком прошлом, когда происходил процесс образования вида современного человека, и навечно закреплены генетически. Естественно, при таком подходе большое значение приобретает исследование той среды, в которой обитал человек на заре своего существования, в процессе приспособления к которой он формировался — так называемой *среды эволюционной адаптации* (СЭА).

Следует отметить, что в России эволюционная психология зародилась существенно раньше, чем на Западе, и развитие ее происходило на иной теоретико-методологической основе и в ином направлении. Эволюционная теория Дарвина обрела большую популярность в России еще до Октябрьской революции 1917 г., причем с самого начала ее понимание и интерпретация здесь отличались от предлага-

емых западными учеными, о чем прямо пишут современные западные исследователи. Так, если в западном научном сообществе теория Дарвина непосредственно связывалась с идеями Мальтуса, в России мальтузианство никогда не получало широкого распространения и не связывалось с дарвинизмом, что отмечают сами западные специалисты (Todes, 1989).

После Октябрьской революции теория Дарвина становится особенно актуальной и социально востребованной. Дух и буква этой теории как нельзя лучше соответствовали идеологическим установкам советской власти, провозгласившей целью сформировать «нового человека». На вооружение берутся два основных положения теории Дарвина: вид изменяется, и направление изменений определяется внешними средовыми условиями.

На основе такого подхода развивалась российская сравнительная психология в советский период, которая по сути являлась российской школой эволюционной психологии. Предметом изучения здесь было закономерное, закрепляемое как прижизненно, так и наследственно изменение поведения и психики в результате преобразования условий обитания. Главным предметом интереса советских ученых была проблема специфичности человеческой психики, ее отличие от психики животных.

Помимо направления IPs, развиваемого в русле кросс-культурной психологии, имеют место разработки IPs на стыке с культурологией, в русле так называемой *культурной психологии* (Gergen, 2015; Rosa, 2007; Valsiner, 2009a, b, 2017). Здесь в исследованиях доминируют «качественные» методы. Авторы таких теорий часто обращаются к духовным практикам и религиозным учениям, в свете которых анализируется психический склад представителей отдельных общностей, в частности, к буддизму и даосизму (Hwang, 2015; Sundararajan, 2013). Так, К.-К. Хван усматривает в основе теорий китайской психологии канву конфуцианства. На этой основе он предлагает свои теоретические модели Mandala Model of Self (Мандала модель самости) и Face and Favor (Лицо и привилегии) модель социального взаимодействия (Hwang, 2015), которые, по его мнению, могут применяться и в контексте других культур, т. е. им может быть придан универсальный характер. Исследователи, работающие в русле культурной психологии, часто обращаются к популярной в современных культурологических исследованиях *семиотике*. Такой подход находит применение, в частности, в актуальных исследованиях развития образования в мультикультуральном мире (Desiree, Lasser, Plotts, 2015).

В данном «культуральном» направлении IPs также доминирует стремление к поиску неких универсалий, относительно которых могут описываться и оцениваться психологические особенности представителей отдельных культур (Valsiner, 2017)¹.

Глобализационные процессы в западной психологической науке

Западноцентрический мейнстрим, в свою очередь, отнюдь не является однородным по своим культурным основаниям. «Протестные» тенденции здесь тоже имеют место и направлены на преодоление сложившегося в психологии после Второй мировой войны тотального доминирования американской научной традиции, а критике подвергается не несоответствие теорий местным особенностям, а *общая методология*, которой приписывается чрезмерное увлечение количественными методами, коллекционированием фактов («квантофрения» и «нумерология») и отсутствие продвижения к *целостному пониманию предмета*. Высказывается точка зрения, согласно которой необходимо возвращение к «немецкой традиции», доминировавшей в психологии в довоенный период (Toomela, 2010; Valsiner, 2012).

Начиная с конца 1980-х годов, процессы глобализации набирают силу, и ситуация в мире быстро меняется. Уже в 1994 г. известный американский психолог К. Данзигер (Danziger, 1994) писал, что, если мировая психология большей части второй половины XX в. «была во всех отношениях американской наукой», то «современная психология возвращается к своему изначальному состоянию: полицентрическая структура, где работа различных, но взаимодействующих между собой центров отражает многообразие локальных традиций и условий развития психологической науки» (там же, р. 476–477).

В XXI в. *многополюсность* мировой психологии становится все более выраженной. В 2000 г. Scopus включал 682 периодических издания по психологии, из них: 366 выпускались в США (54%), 276 – в Западной Европе (41%), общая доля Северной Америки и Западной Европы составляла 95,5%. 6 изданий выпускались в Восточной Европе (из них 2 – в России), 6 – в Латинской Америке и 7 – в Азиатском регионе (см. таблицу 1: 2000 г.). В 2015 г. в списке уже 1061 журнал, из них: 459 выпускаются в США (43%), 484 – в Западной Европе (46%), общая доля Северной Америки и Западной Европы

1 В работах российской школы обосновывается прямо противоположная позиция – принципиальная несводимость одного языка к другому (Петренко, 2016).

Таблица 1

Журналы, относящиеся к области психологической науки, входящие в Scopus (по данным портала SJR)

	2000	2015
Все страны	682	1063
Африка	3	3
Азиатский регион	7	13
Восточная Европа	6	36
Латинская Америка	6	38
Средний Восток	1	5
Северная Америка	375	467
Океания	8	15
Западная Европа	276	486

несколько снизилась и составляет уже лишь 90%. 36 журналов издаются в Восточной Европе (из них 3 – в России), 380150 в Латинской Америке и 13 – в Азии.

Как показал анализ публикаций с 1980 до 2010 г. (Adair&Huynh, 2012), набирает силу процесс интернализации популяции авторов. Так, снижается тенденции к доминированию американских авторов. В такой области, как психология личности, доля североамериканцев сократилась с 82,48% до 57,96%.

Эти цифры наглядно демонстрируют как существенный рост представленности «незападных» направлений, так и уменьшение единообразия в «западном мейнстриме», диктуемого гегемонией американской психологии. Характерно, что вопрос – имеются ли существенные различия между европейской психологической наукой и американской? – был одним из основных на Европейском психологическом конгрессе 2000 г. Журнал *European Psychologist* подготовил к конгрессу специальный номер, в котором были представлены интервью с открытыми вопросами, на которые отвечали 30 известных европейских психологов, как исследователей, так и практиков, из разных стран (среди них был один специалист из России – А. В. Брушлинский). Их просили ответить на шесть вопросов, в том числе вопрос: «Отличается ли и чем европейская психология от американской?».

Даже в сердце западного мейнстрима, в североамериканской психологии, зародилось и бурно развивается сейчас феминистское

направление (Lykes, Moane, 2009; Unger, 1998), тоже как своеобразное «протестное» движение, в котором акцентируются особенности психологических разработок, проводимых женщинами-исследователями, их отличие от доминирующей «мужской» научной традиции.

Если за пределами Западной Европы и Северной Америки в фокусе дискурса становления глобальной психологии находятся различия в предметной области психологических исследований, то европейский дискурс фокусирован на процессах, происходящих в самом научном сообществе, связанных с субъектом психологических исследований (Журавлев и др., 2018). Широко разворачиваются *методологические дискуссии*, в которых принимают участие ученые из других регионов, обсуждаются теоретико-методологические проблемы, высвечиваемые взаимодействием различных школ. Подобно тому как авторы IPс теорий отстаивают право своих народов судить о себе по собственным, а не по предлагаемым западными теориями меркам и критериям и свое право создавать теории, соответствующие культурным контекстам своих стран, представители «западных» школ, отличных от мейнстрима по своим методологическим установкам, отстаивают свои методологические предпочтения и вслед за азиатскими и африканскими коллегами сегодня утверждают, что значительная часть мирового научного сообщества испытывает трудности в попытках интеграции в мировую науку в силу имеющей место дискриминации «инакомыслящих» на ведущих публикационных площадках, на базе которых и формируется глобальная наука.

В целом дискурс глобальной психологии направлен на становление дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, отразить психологию человека, живущего в современном мире, где происходит интенсивное взаимодействие культур, неизбежное в эпоху глобализации.

Что же представляет собой глобальная психологическая наука? Дисциплина ли это со своей предметной областью? Направление исследований в русле психологической науки, прежде всего, социальной психологии?

Представляется, что глобальную науку можно определить как новый этап в развитии психологической науки, порожденный новой реальностью мира, для описания которой уже не годятся старые теории (Журавлев и др., 2018). Глобальная наука складывается на наших глазах не как новое единое теоретическое течение, но, скорее, как реакция бифуркации, как дивергентное развитие новых и переосмысляемых старых психологических теорий в попытках дать объ-

яснение новым эмпирическим реалиям, новым фактам, порождаемым эрой глобализации. Современную эпоху социологи называют новой эпохой модерна, радикально преобразующей мир. Случайно ли, что психологическая наука, какой она была на протяжении XX в., на протяжении всего периода, который в учебниках истории психологии называют «периодом развития психологии как самостоятельной науки», возникла в момент зарождения «старого» модерна, которое относится именно к концу 1880-х годов? Новая эмпирическая реальность человеческого бытия, а не только психофизические исследования Вебера и Фехнера и результаты применения экспериментального метода Вундтом, — стала вызовом традиционной психологии, в ответ на который она взорвалась новыми направлениями, определившими развитие нашей науки на протяжении XX в. Каждое из этих направлений разработало в дальнейшем свое видение предмета и соответствующий концептуальный аппарат.

Представляется необходимым уточнить значение используемого нами понятия «глобальная психология». Мы употребляем это понятие в том смысле, в котором оно вошло в современный мировой научный дискурс в 1990-е годы («global psychology») и обозначает то *состояние мировой психологической науки, которое сложилось в последние десятилетия XX в. с началом периода цивилизационного развития, называемого периодом глобализации, которое характеризуется бурным развитием психологии за пределами ее традиционных «географических площадок»* (Западной Европы и Северной Америки). Понятие «global psychology» в англоязычном дискурсе не сливается с понятием «international psychology», обычно переводимым на русский как «мировая наука».

Мы используем понятие «глобальная психология» именно в таком смысле, понимая под этим определенный период, этап в развитии мировой науки. Значение слова «глобальный/глобальная» при этом отличается от используемого в разговорном языке (глобальный — охватывающий весь земной шар, всемирный; полный, всеобъемлющий; охватывающий территорию или население всего земного шара).

Понятие «глобальная психология» вошло в мировой дискурс и интенсивно разрабатывается, начиная с 1990-х годов. В 1996 г. журнал *American Psychologist* открыл новую рубрику — *International Perspectives in Psychology*. Выпуск журнала с новой рубрикой (т. 51, № 5) открывала статья, в которой отмечались радикальные изменения, произошедшие в мире в 1990-х годах и ставилась общая цель — двигаться в сторону интернационализации американской психологии, интен-

сифицировать взаимодействие с зарубежными коллегами и расширить исследования за пределами США.

Уже в статьях, представленных в этом выпуске, явно прослеживаются две тенденции в понимании содержания, вкладываемого в понятие «глобальная психология», которые сохраняются до сегодняшнего дня. Доминирует в литературе понимание глобальной психологии как науки универсальной, всемирной. Дж. Берри, один из ярких и последовательных сторонников такого видения будущего глобальной психологии, пишет: «Наш универсалистский взгляд на перспективы развития дисциплины зиждется на утверждении, что основные психические процессы являются общими для всех представителей нашего вида, в то время как их развитие и формы проявления культурно специфичны. Соответственно, наша цель — глобальная психология, которая включает данные об обществах и культурах из всех частей света. Я утверждаю, что разнообразие человеческого поведения должно быть описано и проанализировано как основа для выявления общечеловеческих закономерностей» (Berry, 2013, p. 55).

С этой точки зрения с ходом глобализации предметная область психологии расширяется, включая в себя новые и новые культурные контексты. Глобальный мир видится раздробленно, как широкий набор отдельных культур, которые необходимо включить в рассмотрение и сравнение, чтобы в итоге выявить общечеловеческие качества.

Другая точка зрения на суть глобальной психологии, хотя и была представлена в том же выпуске *American Psychologist* за 1996 г. (Mays et al., 1996), остается менее распространенной. С этой точки зрения глобальная психология, прежде всего, должна отразить принципиальную новизну процессов, происходящих в человеческом обществе в эпоху глобализации, коренные изменения, которые претерпевает социум и культура. Глобальная психология понимается в контексте этого дискурса как психология глобального мирового сообщества. Если в русле первого подхода делается упор на различии существующих в мире культур, *Global Community Psychology* фокусируется на общих изменениях образа жизни людей в процессе глобализации. Этот подход близок к дискурсу в социологии по проблеме становления глобальной науки, где в центре внимания — радикальные изменения в самом предмете науки, который представляется непредсказуемым и подвижным (Mironenko, Sorokin, 2015; Sorokin, 2016). В соответствии с представленными здесь теориями, мы живем сегодня в мире, принципиально отличном от реальности, описанной в социологических теориях, созданных в XX в. Это и делает невозможным адекватное описание современной социальной реальнос-

ти, используя старые теории и методы. Современный социум представляется как открытая, нелинейная и находящаяся в непрерывном движении система, где социологии необходим «космополитический взгляд и способность принять инакость другого» (Beck, Sznaider, 2006, p. 79), противопоставляемый «ложному универсализму». Таким образом, понятие «глобальная психология» никоим образом не является синонимом понятия «универсальная психология». Более того, применительно к глобальной психологии, формирование которой активно происходит сегодня, вопрос о том, может ли и должна ли глобальная психология в перспективе стать универсальной, мы рассматриваем как центральный и важнейший. Ответ на этот вопрос не является однозначным, более того, в современной мировой науке представлены прямо противоположные взгляды.

Представляется, что вопрос этот уходит своими корнями в область имплицитных теоретических моделей человека, которые лежат в основаниях психологических теорий. Эти модели культурно обусловлены и, по-видимому, осознаваемы лишь частично. Если воспользоваться теоретической моделью человеческого бытия и типов понимания В. В. Знакова (2012), можно сказать, что эти глубинные элементы картины мира в максимальной степени относятся к уровню бытия субъекта, который В. В. Знаков называет экзистенциальным, и осуществляются в форме понимания – постижения. Они лишь отчасти вынужденно рационализируются и эксплицируются в форме понимания-знания и понимания-интерпретации в ситуации столкновения культурных стереотипов исследователей в современном становлении глобальной науки. Неслучайным в этом смысле представляется обращение В. В. Знакова к проблеме образа Другого как к примеру, где необходимым оказывается включение в психологическое познание уровня понимания-постижения: «Если предмет психологического анализа сложен... то следует говорить о его понимании на основе постижения... Научный анализ, завершающийся пониманием-постижением, представлен, в частности, в публикациях, посвященных образу „экзистенциального Другого“...» (Знаков, 2012, с. 24).

Все же в психологическом дискурсе доминирует статическое представление об «универсальном» человеке, «природная» сущность которого остается относительно неизменной в радикально изменяющемся мире.

Можно заключить, что в общем контексте глобализации формирование глобальной психологической науки с неизбежностью происходит, это отражается в изменениях представлений о предмете

(объекте) науки и в изменениях субъекта науки, мирового научного сообщества. Происходящие изменения включают в себя не только процессы *интеграции*, но и процессы *дифференциации*, когда подвергаются сомнению устоявшиеся в мейнстриме, сложившемся во второй половине XX в., представления о человеческой природе, на основе которых складывались теории мейнстрима, и методологические основания этих теорий. То, чему придавался статус общего закона, теперь оценивается как частный случай, один из возможных. В процессе происходящей дифференциации глобальная психология формируется как *многополюсное сетевое образование*, включающее весьма различные центры (Журавлев и др., 2018).

В то же время в основе становления глобальной науки закономерно лежат тенденции интеграции, отражающие реальность глобального мира, как в отношении объекта и предмета нашей науки, так и в отношении мирового научного сообщества. Таким образом, формирующаяся глобальная психология предстает как *система дифференцированных, но активно взаимодействующих* научных центров.

Вопрос об универсальности психологического знания закономерно связан с вопросом о критериях его научности.

Обвинения школ и направлений в ненаучности или недостаточной научности пронизывают всю историю нашей науки. Об этом писал Выготский в 1927 г.: «Такие несомненные, реальнейшие, общие всем факты, как эдипов комплекс психоаналитиков, просто не существуют для других психологов, для многих это самая дикая фантазия. Для В. Штерна, в общем благосклонно относящегося к психоанализу, психоаналитические толкования, столь же обыденные в школе З. Фрейда и столь же несомненные, как измерение температуры в госпитале, а значит, и факты, существование которых они утверждают, напоминают хиромантию и астрологию XVI в. Для Павлова утверждение, что собака вспомнила пищу при звонке, есть тоже не больше чем фантазия» (Выготский, 1982а, с. 299–300).

Как известно, и Ганс Айзенк прямо заявлял о ненаучности психоанализа (Айзенк, 2019). Можем ли мы на этом основании «вынести психоанализ за скобки» психологической науки?

Не вызывает сомнения, что профессиональная работа в науке предполагает владение определенными общенаучными компетенциями. Однако, если мы признаем полипарадигмальность психологии и сетевой принцип ее организации, не следует ли из этого невозможность использования единой шкалы для оценки общенаучных компетенций в рамках различных парадигм? Такая шкала, будь она возможна, стала бы инструментом для оценки «научности» школ,

«объективного» сравнения их по данному параметру. Представляется, что само признание возможности существования такой «шкалы общенаучного уровня» означает понимание полипарадигмального статуса психологии лишь как временного, переходного, несовершенного состояния науки на пути к единой парадигме. Совместимо ли выстраивание единой линейной иерархии школ по критерию научности с признанием принципа сетевой организации?

Психологическая наука — достаточно сложная система. Эффективность таких систем редко находится в линейной зависимости от какого-либо параметра. Более универсальную зависимость описывает так называемая инвертированная U-образная кривая. Хорошо известно, например, что при низких уровнях мотивации любое ее приращение немедленно приводит к существенному росту эффективности деятельности. Однако, по достижении некоторого достаточного для данного случая уровня, позитивное влияние фактора прекращается, а затем и становится отрицательным. Похожая ситуация с повышением «общенаучного уровня» науки. Несомненной для ученого представляется необходимость владения базовыми общенаучными компетенциями, что должно быть обеспечено сертифицированным профессиональным психологическим образованием. Но наука выходит за пределы того, что написано в учебниках. Зона роста науки там, где недостаточно сформулированных ранее правил, где правила подвергаются сомнению и в перспективе опровергаются в соответствии с принципом фальсифицируемости гипотез. Научное познание предполагает и включает в себя все урони человеческого понимания: и понимание-знание, и понимание-интерпретацию, и понимание-постижение (Знаков, 2012).

Апелляция к уровню общенаучной культуры чрезвычайно актуальна, требование необходимого уровня общенаучной культуры должно быть обозначено, чтобы наука оставалась наукой. Но «дьявол в деталях»: кто возьмется создать инструмент для его измерения? Нет сомнения, что «владение современными средствами исследований — существенный современный критерий научности и условие обоснования конкурирующих теорий» (Корнилова, 2018, с. 101). Однако представляется, что сегодня мы можем сформулировать общий критерий лишь как «нижнюю границу» допустимого, которая должна быть отражена в системах профессионального образования, и то больше в дескриптивной форме, чем не в нормативной: исследователь обязан знать основные существующие подходы к определению критериев научности знания.

Что же касается того, как эти знания исследователем применяются и развиваются, хорошо известно, что классические критерии научности трудно применить к реальным наукам вообще и к нашей науке в особенности в силу сложности ее предмета и уникального характера последнего: психологическая наука одна реализует невероятную задачу объективного (т. е. научного) познания того, что само существует лишь субъективно. Критерий научности здесь играет роль не столько шкалы для оценки достижений, сколько компаса, ориентира. В связи с этим еще один и, наверное, последний критерий научности можно сформулировать как стремление исследователя критериям научности соответствовать. А уж какой путь избирает исследователь, насколько этот путь хорош и правилен, в полипарадигмальной науке такая оценка должна носить «соотносительный характер».

С.Л. Рубинштейн писал о том, что нравственность состоит «во всеобщем, общечеловеческом соотносительном характере моральных положений, которые не существуют только применительно к жизни одного данного человека» (Рубинштейн, 2003, с. 78). В полипарадигмальной науке, организованной по сетевому принципу, мы оказываемся в ситуации взаимодействия совокупных субъектов деятельности в сфере науки, где надындивидуальное уже не является универсальным и может существенно различаться для различных сообществ. Взаимодействуя с теми, кого мы признаем учеными, к каким и сами относимся, необходимо быть готовым к принципу соотносительности критериев и оценок.

Здесь мы разделяем уверенность Фейерабенда в том, «что реформа наук, которая сделает их более анархистскими и более субъективными... крайне необходима» (Фейерабэнд, 2007, с. 154), более того, полагаем, что эта реформа уже происходит.

Разговор о критериях научности знания закономерно приводит к постановке вопроса о том, что мы обсуждаем — науку, какая она есть в реальности или какой эта наука должна была бы быть по нашему мнению. Представляется, что второе имеет смысл только в том случае, если не подменяет собой первое, а ставится за ним вслед, т. е. рассматривается в контексте реальной ситуации и имеющихся здесь возможностей. В противном случае обсуждение идеалов науки напоминает мечтания Манилова. Беседы об идеалах уместны в ситуации относительного спокойствия и благополучия. Современная же ситуация представляется критичной для интеграции аутентичной российской традиции в структуру мировой науки.

Представляется крайне маловероятным, что развитие глобальной психологии приведет к монолитной, «универсальной», общечеловеческой парадигме. На сегодняшний день декларируемое рядом авторов стремление к «универсальной» общечеловеческой науке не реализуется в конкретных разработках (Jahoda, 2016). Тем не менее в силу сложившегося стереотипа рассматривать человека западной культуры в качестве человека вообще в западном мейнстриме доминирует тенденция к размыванию границ между социальным и биологическим в человеке. Культура при этом рассматривается как своего рода надстройка над биологией, а единство биологического и социального в человеческой психике — как раз и навсегда сложившееся, непротиворечивое и постоянное. Мы не отрицаем эвристической силы и значимости результатов универсалистского подхода. Наша цель — подвергнуть сомнению его безальтернативность и указать на сопутствующие ему ограничения и опасности. Отметим здесь, прежде всего, имплицитно присутствующую в универсалистских конструкциях идею превосходства одного типа людей или человеческих сообществ над другими.

Представляется, что психологам вслед за социологами сегодня необходимо перейти от метафизических представлений и имплицитной веры в незыблемость человеческой природы к представлению о человеке как о непрерывно изменяющемся существе, потому что культурное начало в человеке — это, прежде всего, способность человека к изменениям, скорость и масштаб которых принципиально отличают его от прочих живых существ. Человек является животным, однако это единственное животное, обладающее культурой, т. е. способностью к социокультурным адаптациям, которые несопоставимо превосходят по скорости прочие виды адаптаций, существующие в природе, и включают в себя возможность целенаправленного изменения среды своего обитания и самого субъекта.

Вызывает сожаление, что российская психология постсоветского периода в основном сместилась на заимствованные метафизические позиции, оставляя в прошлом радикально иную — и чрезвычайно актуальную, на наш взгляд, сегодня — трактовку биосоциальной проблемы, уникальную теорию биосоциального единства человека, сложившуюся в советской психологии. В основу этой теории заложена традиция понимания социализации как силы, отменяющей «естественное» инстинктивное поведение, понимания культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы. Эти идеи созвучны актуальному запросу современности (Мироненко, 2015).

К вопросу об «универсальных» характеристиках человека

Сущность человека не исчерпывается его геномом. Человек — биологический индивид, но не только, он и личность, возникающая в процессе социализации. По своей сути он причастен культуре, иначе он, собственно, человеком не является. Нет нужды повторять то, что уже было написано о том, что сама биология человека является социальной. Эта тема с исчерпывающей ясностью изложена, например, в классической книге Б. Ф. Ломова «Методологические основы психологии» (Ломов, 1984). Любая психологическая концепция предполагает определенную точку зрения в отношении этой проблемы, открыто формулируемую или имплицитно присутствующую.

К проблеме перерождения и опосредования культурой общечеловеческого биологического начала во все времена обращались ученые, не только философы и психологи, ибо человек — действительно предмет и проблема всех наук. Каждая эпоха и каждая наука видели здесь свои вопросы и искали на них ответы своими методами. Эпоха глобализации высвечивает новые актуальные аспекты проблемы. В мире, где происходит динамическое взаимодействие культур, на фоне возрастающей очевидности масштаба и глубины их качественных различий и значения этих различий в происходящих цивилизационных процессах биосоциальная проблема предстает как проблема соотношения общего природного («универсального» для вида *homo sapiens*) и культурно-специфического в человеке. Недооценка важности выбора подхода к ее решению чревата риском цивилизационных конфликтов.

В последние десятилетия XX в. с развитием глобализации в жизни общества происходят радикальные изменения. Люди активно перемещаются из страны в страну, социальные институты и процессы становятся транснациональными. Наука тоже закономерно изменяется, что предполагает формирование как новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества. Становится очевидной необходимость расширить имплицитно заложенные в мейнстриме рамки традиции WASP, в которые уже не вмещается ни предмет, ни субъект глобальной психологии, даже при условии расширенного современного варианта WEIRD¹. Культурная из-

1 Этот акроним обозначает западные, образованные, индустриальные, состоятельные и демократические общности (Western, Educated, Industrialized, Rich and Democratic).

менчивость уже не может быть оставлена без внимания. Как пишет Вейд Пикрен: «Сегодня возникает потенциал для развития новой психологии, в основе которой — множественность культурных и этнических оснований. Психологии, включающей в себя евроцентрическую традицию, но не ограничивающейся ею. Психология, которая будет развиваться на основе интеллектуальных и культурных ресурсов множества стран, будет обладать теорией, методологией и практикой, значительно превышающими по своим возможностям отдельно взятые евроцентрическую или американскую традиции» (Pickren, 2009, p. 431).

Глобальная психологическая наука, формирование которой с неизбежностью происходит в процессе общей мировой глобализации, формируется как сеть различных по своим теоретико-методологическим основаниям, но активно взаимодействующих центров, это открывает новые возможности для совместного научного творчества (Журавлев и др., 2018). В контексте становления глобальной многополюсной психологической науки биосоциальная проблема не утратила актуальности, но приобрела новое звучание. Если в предшествующий период она главным образом представлялась как проблема среды и наследственности в становлении индивидуальности человека (Nature & Nurture), то сегодня основной обсуждаемый ее аспект — проблема культурных различий, взаимосвязи биологии и культуры, а центральным дискуссионным вопросом является возможность построения «универсальной» психологии и поиск «универсальных» общечеловеческих характеристик.

Значимость и распространение темы культуры в гуманитарном дискурсе непрерывно возрастает. Неслучайно Cultural Studies теперь выделены в отдельную область исследований в международных классификаторах. Яан Вальсинер, один из лидеров культурной психологии, отмечает, что причиной этого является «культурный стресс», переживаемый нашей цивилизацией в последние десятилетия, вследствие динамического взаимодействия культур (Valsiner 2009a, p. 8).

Понятие культуры часто встречается в общегуманитарном дискурсе, несмотря на то, что единого и общепринятого определения этого понятия нет. В статье Густава Ягоды (Jahoda, 2012) представлен обзор определений, имеющих место в современном дискурсе, где показано, что определения эти не только весьма различны, но даже оказываются несовместимыми. В результате автор приходит к выводу, что единого определения понятия культура, которое охватило бы весь дискурс, в котором это понятие используется, дать не-

возможно, и в каждом случае необходимо эксплицировать рабочее определение.

Следуя этому совету, укажем, что в нашем понимании культура — это целостное многоаспектное явление, система, которая включает в себя процессы, продукты и результаты человеческой деятельности, материальные и духовные, сохраняемые в социуме и передаваемые из поколения в поколение небиологическим путем. Материальные продукты и результаты человеческой деятельности — это артефакты, продукты социокультурных адаптаций — преобразованный человеком лик планеты, среда его обитания — от планетного и даже космического масштаба до ювелирных изделий. Духовная сторона включает в себя такие продукты и результаты, как язык, литература, искусство, наука... Культурные процессы условно разделяются на внешние и внутренние. Внешние — социальные: от индивидуальных способов поведения до обычаев, традиций народов. Внутренние — высшие психические функции.

Дискурс взаимосвязи культуры и психологии стремительно расширяется. Поиск на портале журнала *Annual Review of Psychology*, в котором публикуются фундаментальные обзоры, где отслеживаются основные итоги развития исследований в различных областях, показывает, что впервые тема культуры стала здесь предметом обзорной статьи в 1973 г. За последующие четверть века, до 1998 г., было опубликовано 11 обзорных статей. В первом десятилетии XXI в. вышло уже 8 обзорных статей, во втором — уже 10.

В 1970 г. основан *Journal of Cross-Cultural Psychology*, полностью посвященный этой теме. С 1970 г. до 1994 г. он издается 4 раза в год, с 1995 по 2010 г. — раз в два месяца, в 2011–2013 гг. — восемь выпусков в год, в настоящее время — уже 10 выпусков. Журнал уверенно занимает первый квартиль в системе SJR с H-фактором 94. Оставаясь наиболее весомым и титулованным периодическим изданием, посвященным проблеме культуры в психологии, JCCP не единственный журнал, полностью посвященный этой проблеме. Можно назвать такие издания, как *Cross-Cultural Research* (выпускается с 1971 г.), *International Journal of Intercultural Relations* (выпускается с 1977 г.), *Culture and Psychology* (выходит с 1996 г.), а также *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*, издаваемый с 2012 г. отделением 52 «Интернациональная психология» Американской психологической ассоциации.

Проблеме культурных различий между людьми, методов их изучения и теоретико-методологических подходов посвящен огромный объем исследований, и число их непрерывно растет. Среди пере-

веденных на русский язык можно назвать такие энциклопедические издания, как «Психология и культура» под редакцией Д. Мацумото (2003), «Кросс-культурная психология» Дж. Берри с соавт. (Берри и др., 2007).

С начала XX в. особенности взаимодействия культуры и личности привлекли внимание и стали предметом научного исследования этнографов, рассматривавших человеческую психологию с точки зрения интересов своей научной дисциплины. Основывая свои теории на материалах полевых исследований, такие ученые, как Маргарет Мид, Вестон Лабарр, Рут Бенедикт, разработали основы научно-го подхода к кросс-культурному изучению личности.

Если в первой половине XX в. в кросс-культурной психологии доминировал этнографический подход, в рамках которого кросс-культурная психология развивалась фактически как психология этническая, то во второй половине XX в. сложился и стал интенсивно развиваться подход, который называют кросс-культурным психологическим подходом, или кросс-культурной психологией в узком смысле (Психология и культура, 2003). В контексте данного подхода личность выступает в качестве самостоятельного явления и в качестве зависимой переменной в экспериментальных культурологических исследованиях. Независимыми переменными в этом случае будут различные культуры, которые сравниваются между собой по влиянию на исследуемые черты или измерения личности. Личность при этом понимается как универсальная категория, имеющая этическую значимость, надкультурный феномен. Авторы, работающие в рамках данного подхода, могут придерживаться противоположных взглядов на биосоциальную природу личности: стоять на позициях традиционной для западной психологической науки концепции видовой природы личности или полагать, что существуют некие культурно-независимые (по сути, тоже общечеловеческие и видовые) принципы и механизмы обучения, под воздействием которых формируется личность.

В конце XX в. развитие кросс-культурных исследований перешло на качественно новую ступень. Можно полагать, что это явилось следствием процессов глобализации, охвативших мир: массовые перемещения, переселения на новые места жительства в масштабах всего земного шара людей разных рас и этнической принадлежности, образование общего информационного пространства Земли, наконец, полноправное вхождение в мировую психологическую науку представителей азиатского континента, прежде всего Китая и Японии, которые, обучаясь в США и Европе, обладают теорией и мето-

дологией западной психологической науки и подлинным знанием жизни людей своей культурной общности.

Современная кросс-культурная психология возникла, во-первых, как результат осознания на примере смешанных по этническим признакам общностей собственной роли культуры как фактора, определяющего структуру личности и процесс ее формирования. В центре внимания кросс-культурных психологов – выявление культурно-специфических черт и особенностей личности.

Во-вторых, появление кросс-культурной психологии явилось результатом осознания мировым психологическим сообществом относительности тех представлений о личности, которые сложились в традиционных теориях, описывающих людей западного мира (Kitayama, 2002; Leung, 2000; Yamagishi, 2000). Оказалось, что многие закономерности, считавшиеся общечеловеческими, не характерны для людей восточной культуры.

То, что западная культура является не единственно возможной, а пресловутые «общечеловеческие ценности» – не более чем миф, осознают теперь и западные ученые. Известный американский ученый С. Хантингтон пишет, что «на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. Да и сам тезис о возможности „универсальной цивилизации“ – это западная идея» (Хантингтон, 1994).

Абсолютизм, универсализм, релятивизм

Для классификации существующих подходов к проблеме культурных различий Берри с соавт. (Берри и др., 2007; Berry et al., 1992) предлагают разделить их на три общих направления: абсолютизм, релятивизм и универсализм. Абсолютизм предполагает, что психологические феномены, в своей основе, одинаковы во всех культурах. С точки зрения абсолютизма, культура не играет существенной роли в проявлении человеческих характеристик. Такие характеристики полагаются универсальными, а их оценка проводится с помощью стандартных инструментов (с использованием лингвистического перевода), результаты же интерпретируются без учета культурно обусловленных представлений.

Релятивисты предполагают, что все человеческое поведение основывается на определенных культурных паттернах, и стараются понять людей, рассматривая их в контексте культуры. Объяснения и оценки поведения производятся с использованием ценностей и значений, типичных для данной культурной группы. Как отмеча-

ют Берри с соавт., при таком этноцентрическом подходе сравнения данных по разным культурам концептуально и методологически проблематичны, поэтому фактически они никогда не производятся.

Универсализм Берри определяет как нечто среднее между первыми двумя подходами. Предполагается, что основные психологические явления характерны для всех представителей вида, именно они составляют ряд основных психологических характеристик, общих для всех людей, а культура по-разному влияет на развитие и проявление этих фундаментальных психологических феноменов. Придерживаясь именно этого подхода, Берри разъясняет свое понимание его отличий от абсолютизма: «Универсализм иногда путают с абсолютизмом. Однако мы их четко различаем по двум причинам. Во-первых, универсализм стремится понять роль культуры в стимулировании разнообразия поведения и не отрицает культуру, а скорее принимает ее как источник человеческого разнообразия. Во-вторых, исходя из предположения, что основные феномены должны быть общими для всех людей, этот подход позволяет открывать не только общее в поведении (универсалии), но также и специфическое (культурные особенности) для разных групп людей. Универсализм также четко отличается от релятивизма, так как сравнения весьма важны для достижения глубокого понимания человеческого поведения» (Берри, 2007, с. 17).

Однако представляется, что предложенная классификация не отвечает заявленным целям, не отражает истинного состояния вопроса о подходах к проблеме культурных различий в современной психологии. То, что здесь называется абсолютизмом, представляется некоей абстракцией, используемой в качестве фона для того, чтобы оттенить внимание к факторам культуры «универсалистов». Абсолютизм в такой его трактовке заканчивается там, где начинаются исследования культуры в психологии. Это проявление игнорирования фактора культуры, которое имело место в мейнстриме в контексте «традиции WASP», ни один серьезный исследователь культуры в психологии не утверждает сегодня в открытую, что ее как фактор можно и нужно игнорировать. На самом деле имеет место продолжение на новом уровне противостояния двух подходов, которые сложились ранее (мы эти подходы описали выше) и которые характерны для периода с конца XIX в. до последних десятилетий XX в., когда биосоциальная проблема в психологии ставилась как проблема Nature & Nurture, как проблема относительной значимости факторов наследственности и среды в формировании индивидуальности. В русле первого подхода декларировалась значимость фактора наследст-

венности, именно он определял сущность человеческой личности, ее основные качества, а культура, средовые воздействия рассматривались лишь как условия для развития биологической программы — либо благоприятные, либо неблагоприятные. В русле второго подхода, развиваемого прежде всего советской марксистской психологией, подчеркивалось определяющее значение культурной среды для формирования личности.

Глобализация, высветившая в новом свете глубину и масштаб культурных различий человека, обнажила следующий слой в постановке биосоциальной проблемы. От микроконтекста индивидов фокус анализа переместился на макроконтекст жизни сообществ. Существует ли единый стандарт и эталон человека применительно к различным культурам? На протяжении предыдущего периода таким стандартом и эталоном для западной традиции был WASP. Динамические изменения в социуме на рубеже XX–XXI вв. делают невозможным его открытое удержание как ориентира. Доминирование психологических исследований на популяциях WEIRD тоже вызывает нарекания. Сбудется ли надежда вернуться к идее эталона на новом уровне обобщения, вынеся за скобки то, что является культурно-специфическим? Эта надежда движет универсалистами. Так, Берри отмечает: «Рабочей гипотезой данного учебника является допущение о возможности открытия „универсальных законов“ человеческого поведения. Мы полагаем, что можем приступить к рассмотрению основных психологических явлений, присущих виду *homo sapiens*, в целом. Наше убеждение основывается на существовании таких универсалий в родственных дисциплинах. Например, в биологии существуют надежно определенные универсальные видовые первичные потребности (питание, утоление жажды, сон), несмотря на то, что их удовлетворение достигается по-разному в различных культурах. В социологии имеется универсальный ряд отношений (таких, как господство), в лингвистике есть универсальные особенности языка (грамматические правила), а в антропологии существуют универсальные обычаи и общественные институты (такие, как изготовление инструментов и семья). Следовательно, и в психологии возможно предположение о вероятном открытии универсалий человеческого поведения, даже при существовании (как в этих родственных дисциплинах) широких вариаций в разных культурах, в том, что касается развития и проявления этих универсальных феноменов» (Берри, 2007, с. 16).

Универсалистскую позицию разделяет и Д. Мацумото: «Цель состоит в создании подлинно универсальных моделей психологичес-

ких процессов и поведения человека, которые были бы применимы ко всем людям, независимо от происхождения, и могли бы дополнить, а может, и заменить господствующие сегодня теории и представления.

Следовательно, главная задача кросс-культурной психологии – оценка панкультурной применимости психологических теорий для проверки основных теоретических принципов и гипотез и для основательного пересмотра господствующих теорий базовых психологических процессов» (Психология и культура, 2003, с. 29).

При таком подходе биологии отводится роль «hardware» («железа») в обеспечении поведения человека, а культуре – роль «software» (программного обеспечения). «Культура для поведения человека – то же самое, что операционная система для программного обеспечения; оставаясь незаметной, она играет важнейшую роль в его развитии и функционировании», – считает Мацумото (там же, с. 27).

Если учесть, что универсалистская позиция является прямым развитием подхода к биосоциальной проблеме, доминировавшего в западной психологии до времени глобализации, и то, что, несмотря на тенденции к интернализации психологической науки, североамериканская и западноевропейская психология по-прежнему в мейнстриме доминирует, не приходится удивляться ее весомому представительству в дискурсе. Собраны горы фактического материала по кросс-культурным различиям (см. фундаментальный обзор: Heine, Buchtel, 2009), в первую очередь относительно потребности личности в поднятии своей самооценки и способов этого (self-enhancement). В качестве полярных по своим различиям рассматриваются два типа культур – коллективистские (исследуются преимущественно на примере Юго-Восточной Азии) и индивидуалистические (на примере Северной Америки и Западной Европы). Для сравнительного исследования используются преимущественно тест «Большая пятерка» и тест Айзенка (EPQ). Результаты абсолютного большинства исследований сводятся к небольшому числу общих выводов:

- в «коллективистских» культурах тенденция оценивать себя выше других (self-enhancement) менее выражена, чем в индивидуалистических;
- в «коллективистских» культурах личность (Я-концепция, self) в большей степени основывается на социально-ролевых качествах, проявляемых относительно общности, и оценивается относительно общности, зависит от ситуации (interdependent personality, interdependent views of self), а в индивидуалистических – на качествах, присущих самому индивиду, независимо от социаль-

ного контекста и ситуации (independent personality, independent views of self). Соответственно говорят о «сущностных» концепциях личности, Я-концепции, self и т. д. (entity theories of self), противопоставляемых «контекстным»¹ концепциям (incremental theories).

Будучи серьезными учеными, сторонники универсалистского подхода понимают и открыто признают то, что их методы исследований и интерпретации результатов оставляют почву для больших сомнений. И лингвистический перевод, и адекватность адаптации методики к выборке, и применимость метода самооценки своих качеств, на котором строятся все опросники, — делают методы исследования тем менее валидными и надежными, чем больше отличия исследуемых общностей от хорошо образованных WEIRD, на которых методики разрабатывались. И тем больше искажающее влияние на интерпретации результатов собственных установок и стереотипов авторов работ. Для того, чтобы повысить объективность исследований, предпринимаются существенные усилия, направленные на усовершенствование методологии (см., напр.: Берри и др., 2007; Психология и культура, 2003), однако вызывает сомнение, что идеал объективности, к которому исследователи стремятся, может быть достигнут. Обширный и содержательный обзор по проблеме универсальных и культурно-специфических характеристик личности авторы заканчивают словами: «Тот факт, что так мало исследований личности проводилось на представителях незападных культур... и много с использованием методов, построенных на самоотчете (более 95% статей в «Журнале личностей» полагаются на самоотчетные методы, которые особенно проблематичны в отношении межкультурных сравнений...), означает, что в наших представлениях о человеческой личности все еще есть огромные пробелы» (Heine, Buchtel, 2009, p. 387).

1 В данном случае мы предлагаем переводить incremental как контекстный, чтобы сохранить содержание, вкладываемое в понятие в русле описываемых работ: оцениваемый по вкладу в общее дело, по результатам общей деятельности, изменяющийся в зависимости от актуального социального контекста, от ситуации. В литературе по теориям интеллекта, где первоначально сложилось противопоставление данных двух понятий в отношении entity- и incremental-теорий интеллекта, смысловые акценты несколько иные, но близкие: entity-теории базируются на предположении, что интеллект — природное свойство, присущее личности, и относительно неизменное. Incremental-теории подчеркивают значимость прикладываемых субъектом усилий к развитию интеллекта, возможности его развития.

К антропологической проблеме

К новейшим понятиям универсалистского направления можно отнести так называемый общий фактор личности (GFP – General Factor of Personality), возникший в процессе применения «Большой пятерки». «Большая пятерка» — едва ли не самая популярная модель личности в современных психометрических исследованиях. Соответствующий тест переведен на множество языков и адаптирован на множестве выборок. «Большая пятерка» широко применяется в кросс-культурной психологии, где распространено мнение, что эта модель отражает универсальную структуру личности, применимую «для всех людей, несмотря на существенные различия в культуре, истории, экономике, социальной жизни, идеологии и в любых других формах культурных и поведенческих проявлений» (Gurven, von Rueden et al., 2013, p. 354).

Пятифакторная модель предполагает, что измерения «Большой пятерки» представляют собой личностные характеристики самого высокого уровня обобщения и что эти факторы независимы друг от друга. Однако с ростом накопленного материала появились сомнения в отношении независимости пяти факторов. К настоящему времени можно считать доказанным, что факторы Большой пятерки не являются статистически независимыми, между факторами прослеживаются постоянные и определенные взаимосвязи (Figuered et al., 2004; Musek, 2007; Rushton, Irwing, 2008; Van der Linden, Te Nijenhuis, Bakker, 2010).

Корреляции между факторами Большой пятерки порождают существенную долю общей дисперсии, которая и получила название общего фактора личности (GFP). Общий фактор личности был описан как понятие более высокого порядка, чем факторы Большой пятерки, он охватывает большинство социально желательных полюсов черт личности (Figuered et al., 2004; Musek, 2007; Rushton, Irwing, 2008). В пятифакторной модели лица с высокими оценками по GFP описываются как обладающие относительно высоким интеллектом (открытостью новому опыту), усердные, социабельные, дружелюбные и эмоционально стабильные. Как показали дальнейшие исследования, GFP обнаруживается не только в Большой пятерке, но и практически в каждой факторной модели личности.

Высказано предположение, что оценка по GFP может рассматриваться как оценка личности в целом, в континууме «плохой—хороший» (Rushton, Irwing, 2011). Некоторые авторы (Linden et al., 2018) предлагают использовать термин «социальная полезность».

В концептуализации общего фактора личности ясно прослеживается заложенная в универсалистском подходе, унаследованная от «традиции WASP» линия — от идеи измерения к идее стандарта, эталона, за которой усматривается тот «психометрический расизм», о котором пишет Вейд Пикрен. Ведь если люди в основе своей одинаковы, значит, все различия (а различия есть) между культурами можно отнести к шкале «плохой—хороший», «правый—неправый», «более—менее полезный». И тогда какие аргументы, кроме силовых, остаются у тех, кто объявлен неправым, человеком второго сорта, недочеловеком? Психологические теории могут негативно сказаться на общественном сознании в эпоху, когда реально существует угроза терроризма.

Еще один новый аспект в развитии универсализма — это попытка психометрически определить, а что, собственно, делает человека человеком, какие качества? В ряде работ представлены результаты исследования обыденных представлений о «человечности» (humanness) методом свободных ответов на целом ряде культур: сравнивались Австралия, Италия, Китай (Vain et al., 2012); Австралия, Япония, Корея (Park et al., 2012). В этом же направлении идут работы о «расчеловечивании» — феномене, тесно связанном с расизмом, насилием и другими отрицательными социальными проявлениями, когда определенные категории людей в сознании субъекта «расчеловечиваются», т. е. для него имплицитно людьми уже не являются (Haslam, 2006).

В русле универсалистского подхода задача определения феномена человека ставится в соответствии с двумерной моделью (Haslam, 2006) в контексте сугубо материальных объектов как поиск критериев отличия человека от машин и животных. Отличия человека от машин относятся к фактору «человеческой природы» (human nature, HN), например, люди обладают эмоциями и чувствами, они живые... Отличия от животных — к фактору «человеческой уникальности» (human uniqueness, HU), например, наличие сознания, нравственности и т. п. В рамке, определенной этими двумя факторами, HU и HN, определяется сущность человека — «человечность» (humanness). Свободные ответы респондентов на вопрос, какими свойствами обладают люди, интерпретируются исследователями в терминах двух данных категорий. Результаты кросс-культурных сравнений показывают, что представители так называемых коллективистских культур в большей степени опираются на фактор «уникальности» в своем представлении о человеке, а представители индивидуалистических культур в большей степени ориентируются на фактор «природы».

Постановка вопроса о сущности феномена человека продиктована временем и представляется чрезвычайно актуальной. Психологические теории XX в. обращены к анализу бытия человека в мире, к анализу проявляемых им свойств. Вопрос о его сущности в них не ставился, в рамках относительно изолированного развития школ полагался имплицитно ясным в каждом отдельном дискурсе. Происходящая сегодня интеграция мирового психологического знания в структуре глобальной психологической науки высвечивает то, что сущее, существование которого описывают концепции школ, совсем не обязательно одно и то же в разных теориях. Сегодня основной вопрос, на который должна ответить психология, основная проблема современной психологии: что есть это сущее? Что есть человек? Проблема личности как антропологическая проблема становится главной проблемой современного этапа развития мировой психологии. Так или иначе все философские и религиозные системы предлагают свои ответы, но сейчас этот вопрос имеет уже не отвлеченно философское значение, а жизненно важное для человечества.

Но может ли быть дан на него содержательный и исчерпывающий ответ в позитивистском, сугубо материалистическом русле? Без учета духовного начала в человеке, т. е. за пределами, собственно, постановки *антропологической* проблемы? Можно ли сегодня рассматривая вопрос о сущности феномена человека, вынести за скобки аспект религии, веры, на фоне той жизненной актуальности, которую обрела религия в современном мире и которая непрерывно возрастает, в том числе в контексте социальных и даже цивилизационных конфликтов?

Универсалистское направление, несомненно, вносит огромный вклад в изучение места и роли культуры в психологии человека, однако истина рождается лишь там, где спорят. Когда спор отсутствует, наука превращается в идеологию.

Представляется важным, чтобы в становлении современной глобальной науки продолжался диалог универсалистов с «инакомыслящими», т. е., если использовать термин Дж. Берри, диалог с релятивистскими направлениями, к которым он относит «эмик-подходы»¹ – индигенные подходы и подходы культурной и критической психологии.

1 Эмический подход (emic stand point) – взгляд инсайдера изнутри – противопоставляется этическому подходу (etic stand point) – взгляд стороннего наблюдателя. Этическая модель оперирует терминами и понятиями, претендующими на универсализм и нейтральность. Термин «этический» в этом значении не имеет отношения к этике. Термины были предложены американским лингвистом и антропологом К. Пайком.

Релятивистские направления

Эти направления широко представлены в современной интернациональной психологии, как крупными монографиями, так и в журналах (Triandis, 1989; Heine, 2011; Kitayama, 2002; Valsiner, 2009a), но, к сожалению, недостаточно освещены в русскоязычном дискурсе.

Индигенные подходы в психологии, или индигенные психологии, – «туземные» психологии, теории, укорененные в определенной, специфической, часто экзотической культуре, включая присущие ей религиозные верования. Иногда термин переводится на русский язык как «этно-психологические подходы», что, на наш взгляд, не совсем верно, так как маскирует сущность индигенного движения в психологии, сводя его к определению предметной области и скрывая теоретико-методологическую специфичность. Можно согласиться с тем, что в отношении предметной области индигенные теории можно отнести к этнической психологии, однако их теоретико-методологические основы, применяемые методы и идеология в целом существенно отличаются от традиционной этнической психологии, развивавшейся в русле западной академической традиции. Поскольку в нашей науке сложилась традиция определения школ не по предметным областям (так как все они так или иначе обращаются к проблеме личности, целостного функционирования психики человека), а по теоретико-методологическим основаниям, называть индигенные теории этно-психологическими едва ли правильно.

Основы индигенного движения были заложены еще в самом начале глобализационных процессов (Allwood, Berry, 2006, p. 248). Их предпосылки наблюдались уже с 1970-х годов, когда экономическое и социальное развитие стран, не относящихся к Западной Европе и Северной Америке, породило толчок к росту национального самосознания и импульс к движению «деколонизации» социально-гуманитарных наук (Журавлев и др., 2018), о чем уже было сказано выше. «Универсальный» характер психологии традиции WASP был поставлен под сомнение и отвергнут. В качестве альтернативы стали развиваться теории, в которых психологические особенности местных жителей описывались в контексте реалий их жизни и анализировались и интерпретировались в достаточно свободной форме, часто с опорой на традиционные верования, мифы и религию. Особенно интенсивно индигенные теории развиваются с начала XXI в. В контексте этого направления действует условное деление по географическому признаку: говорят об африканских, индийских, филиппинских индигенных теориях и пр. В русле индигенных теорий

доминируют описательный подход и качественные методы анализа данных, подчеркивается их противопоставленность традиции WASP, идее «западного стандарта» человека.

В отношении к проблеме биологического и социально-культурного в человеке индигенные теории близки культурной психологии (cultural psychology) и критической психологии (critical psychology), которая отчасти сливается с культурной психологией. Показательно, что все эти три направления сложились примерно в одно и то же время на волне тенденции борьбы с доминированием мейнстрима второй половины XX в. — парадигмы, установившейся после Второй мировой войны, прежде всего, представленной североамериканской психологией, в которой реализовалась традиция снятия противоречия между культурой и биологией человека. Однако корни культурной психологии и критической психологии иные, чем у индигенных теорий, — эти направления развивают положения, заложенные в академической психологии предшествующего периода.

Культурная психология изучает, как культуры отражают и формируют психологические процессы своих членов. Основным принципом культурной психологии является то, что личность, сознание и культура неразделимы и взаимно конституируемы, т. е. люди формируют свою культуру, а культура, в свою очередь, формирует их (Kim et al., 2006). Один из основателей этого направления Ричард Шведер считает: культурная психология — это исследование того, как культурные традиции и социальные практики регулируют, выражают и трансформируют психику человека, в результате чего имеет место не столько единство психической организации людей, сколько этнические различия в отношении сознания, Я-концепции и эмоций (Shweder, 1991).

Майкл Коул так определяет основные отличительные черты культурной психологии:

- придает особое значение рассмотрению опосредованного действия в контексте;
- подчеркивает важность широко понимаемого «генетического метода», который включает исторический, онтогенетический и микрогенетический уровни анализа;
- стремится найти подтверждение результатам анализа в повседневной жизни;
- полагает, что разум (mind) формируется в совместной опосредованной деятельности людей, следовательно, он является в значительном смысле «совместно выстроенным» и распределенным;

- полагает, что личность является активным фактором собственного развития, но, поставленная в определенные условия, не свободна полностью в своем выборе;
- отвергает науку, избирающую причинно-следственные или «стимул—реакция» объяснения в пользу науки, которая придает первоочередное значение контексту возникновения и протекания психической деятельности, и признает центральную роль интерпретации в процессе истолкования явлений;
- использует методологию гуманитарных наук наряду с методологией общественных и биологических наук (Cole, 1998, p. 104).

В литературе отмечается разнообразие направлений культурной психологии и отсутствие общей и последовательной методологии (Психология и культура, 2003).

В целом культурная психология носит холистический и идиографический характер.

Близка к культурной психологии и отчасти сливается с ней так называемая критическая психология (*critical psychology*). Основателем критической психологии считают Клауса Хольцкампа, книга которого «Основания психологии» (Holzkamp, 1983) до сегодняшнего дня остается одной из важнейших теоретических работ в этой области. Хольцкамп основывался на культурно-исторической психологии и теории деятельности, прежде всего на подходе А. Н. Леонтьева. Другим важным его источником была теория личности Люсьена Сева, которая содержала концепцию «матриц социальной активности» как опосредующей структуры между индивидуальным и общественным поведением.

Следуя нашему делению на две традиции в отношении взаимодействия культуры (социального, согласно терминологии советской психологии) и биологии, можно утверждать, что «релятивистские» направления сохраняют традицию несводимости культуры к второй-степенной надстройке над биологией, своеобразно продолжающей биологически обусловленное и никак биологии не противоречащей. Неслучайно культурная психология в большинстве своих современных направлений опирается на идеи культурно-исторического подхода Выготского (M. Cole, J. Valsiner), а критическая развивает идеи деятельностного подхода А. Н. Леонтьева (K. Holzkamp).

Вызывает сожаление, что российская психология эпохи глобализации недостаточно включается в современный дискурс о биологическом и социальном в человеке. «Релятивистские» направления у нас очень мало известны. Наиболее информативный источник подготовлен не психологом (Лурье, 2005). Соответственно и ссылки

на труды российских ученых в растущем релятивистском дискурсе заканчиваются обращением к трудам советского периода. Основной лейтмотив релятивистов — критика мейнстрима, дискуссия с мейнстримом в отношении основ теории и методологии психологии, призыв к «деколонизации» психологии — редко звучит в дискурсе современной российской науки. Вопрос о возможности «универсальной» психологии недостаточно соотносится как с проблемой биологического и социального, так и с логикой культурно-исторической теории и субъектного подхода.

Может быть, биосоциальная проблема сегодня утратила свою актуальность, значимость в контексте жизни современного общества? Представляется, что, напротив, она актуальна, как никогда раньше. И вопрос не только в необходимости «деколонизации» нашей науки, что является основным лозунгом релятивистов. Мы живем в эпоху не только радикальных социальных изменений, требующих пересмотра «стандартов» и «эталонов» человека, осознания их культурной относительности, но и радикальных прорывов в области биологии и медицины. Игнорируя границу между биологическим и социальным, мы закрываем глаза на то, что человек сегодня уже отменил для себя закон естественного отбора, в результате биологическое выживание человека как вида сегодня зависит от социокультурных факторов. Не только окружающая среда находится в зоне риска и, в свою очередь, становится фактором риска для выживания человека, естественный отбор уже не охраняет и генофонд человека. Чтобы ответить на этот вызов времени, его необходимо осознать и принять. Продолжая думать, что нами руководят инстинкты, как это предлагает западная эволюционная психология, мы находимся в сладком заблуждении, что природа все еще хранит нас, что бы мы ни делали. Ведь «инстинкт всегда прав». Но есть ли основания так думать? Не является ли более основательной мысль, что инстинкты мы уже «победили» и находимся за пределами охраняющей силы природы — в зоне собственной ответственности?

Известный британский социолог Николас Роуз пишет, что гуманитарным наукам сегодня необходимо пересмотреть их отношение к биологии, поскольку успешное развитие последней в XXI в. открыло возможность видеть в биологическом не фактор ограничения и фатальной предопределенности, а ресурс возможностей и потенциал развития (Rose, 2008). Идеи трансгуманизма — уже не фантастика.

Необходимо перейти от метафизических представлений и имплицитной веры в незыблемость человеческой природы к представлению о человеке, как о непрерывно изменяющемся существе.

Представляется, что именно разнородность, полиментальность современного человечества обуславливает единство тенденций интеграции и дифференциации в развитии глобальной психологической науки, ее развитие по сетевому принципу, когда дифференцированная эпистемология является прямым следствием дифференциации на уровне онтологии самого предмета изучения.

От тех, кто считает идеалом, к которому должно стремиться развитие психологии, науку монопарадигмальную в отношении эпистемологии и универсальную в части раскрываемых законов психики, нередко приходится слышать, что даже для того, чтобы сыграть в какую-либо игру, участники должны договориться о едином понимании правил и используемых символов. Но дело в том, что жизнь — не игра. Наука не может и, по всей видимости, никогда не сможет полностью раскрыть законы вселенной, ее «правила». Придумать собственную версию и жестко ею руководствоваться — вряд ли хорошая идея. Расширяя область познанного, мы обнаруживаем и все больше непознанного, принципиально непознаваемого, его область расширяется в превосходящей степени. Хрупкий и сложный мир современного человечества требует от психолога умения слышать и принимать инакость другого, в том числе и в отношении предлагаемых теоретических интерпретаций.

В ситуации свободы от страхующей власти инстинктов сохранение человека как биологического вида требует формирования нового уровня его самосознания, концепции человека, предполагающей ответственное отношение к своему биологическому естеству, природосохраняющего акцента в отношении к человеку в глобальной культуре, осознания уязвимости собственной природы и принятия за нее ответственности. Необходимо так выстроить глобальную психологию, чтобы она выполняла и природоохранную функцию в отношении *homo sapiens*.

Российская психология в глобальном мире

Положение российской психологии в связи с проблемой формирования глобальной науки можно назвать уникальным. С одной стороны, оно радикальным образом отличается от положения школ, которые в составе мировой науки в сложившейся ее западно-центрической традиции раньше просто не существовали и которые в русле мейнстрима относятся к «развивающимся», и теперь входят в мировую науку в форме, в частности, IPs. Российская школа всегда была частью мировой науки в ее западно-центрической традиции, начи-

ная с древних греков, как ее описывают в «традиционных» учебниках по истории психологии. В России имеется собственная научная школа, сформировавшаяся в конце XIX—начале XX в., в период, когда формировался основной массив научных школ Европы и Америки, составивших лицо психологической науки XX в. Эта школа внесла существенный вклад в становление мировой психологической науки и в дальнейшем оказывала и продолжает оказывать заметное влияние на западные школы.

С другой стороны, российская психология не является частью современного западно-центрического мейнстрима. Ее односторонняя изоляция на протяжении большей части XX в. привела к тому, что разработанные здесь во второй половине XX в. теории и методология остаются недостаточно известными за пределами России.

В контексте проблемы «интернационализации» российской психологии важнейшее значение имеет вопрос языка, перевод отдельных понятий. Так, огромную трудность представляет перевод понятия «субъект», ключевого для российской традиции (Mironenko, 2019), и многих других сложившихся в ее русле понятий. В ситуации «восприятия» российской психологией иноязычных текстов и обсуждения их уже на русском языке открывается новая грань вопроса: необходимость обеспечения возможности адекватного оригиналу «обратного» перевода. Это представляется особо важным, так как, не обеспечивая такой возможности, мы не только усугубляем проблему непереводимости своих текстов, но и засоряем мировую науку ложными и лишними понятиями. Так, предложение переводить «indigenous» как «альтернативные» (Жалагина, Короткина 2019) представляется неприемлемым в силу вышесказанного. Перевод слова «альтернативные» на английский никогда не будет соответствовать оригиналу — indigenous. Значение понятий «alternative» и «indigenous» в англоязычном контексте мировой науки не совпадают, и смыслы расходятся. Наверное, здесь, как и во многих других случаях, число которых растет по мере становления глобальной науки, целесообразно использовать оригинальные термины без перевода, на языке оригинала или в транскрипции.

Это большая работа, но она имеет смысл как для отечественной науки, идеи и разработки которой получают новую жизнь, так и для мировой иноязычной в большей своей части психологии. Сегодня уже не является самоочевидным и то, что мировая наука говорит лишь на английском языке. Так, расширяется доля изданий на испанском и португальском языках, в Европе увеличивается использование немецкого языка.

В российской советской науке имеются разработки, до сих пор недостаточно интегрированные в мировую науку, которые отвечают самым современным трендам в интернациональной науке и могут обогатить актуальные ведущиеся там дискуссии. Это и теория Ананьева о самодерминации человеческого развития, и представления Парыгина о динамической структуре личности, и оригинальная школа эволюционной психологии, и многие другие.

Остановимся здесь на российской традиции истории психологии, заложенной в трудах М. Г. Ярошевского и развитой Е. А. Будиловой, А. Н. Ждан, В. А. Кольцовой, Т. Д. Марцинковской и другими российскими учеными (см.: Международная конференция по истории психологии, 2006; Психологическая наука..., 1997). В интернациональной науке сейчас активно обсуждается вопрос о месте и роли истории психологии в сложившемся в мейнстриме дискурсе. Наметилась тенденция смещения историко-психологических разработок в сторону собственно исторической науки и снижение к ним интереса психологов, о чем свидетельствует, например, то, что весьма уважаемый журнал *History of Psychology*, пожалуй, главный журнал в этой области, издаваемый Американской психологической ассоциацией, относится в Scopus к первому квартилю по направлению истории и лишь к третьему по психологии.

Курт Данziger, американский специалист по истории психологии, отмечает, что отношение ученых разных областей знания к истории своей науки определяется актуальным положением дел в дисциплине (Danziger, 1994). Так, в естественных науках, например в физике, где имеется в целом согласие ученых в том, какие теории и открытия явились важным вкладом в развитие дисциплины, профессиональное сообщество не проявляет внимания к истории. Физики не изучают работы Галилея и Ньютона. В гуманитарных науках, таких как социология или экономика, дело обстоит по-другому. Поскольку имеются значительные расхождения в воззрениях школ, существует и традиция анализа происхождения и развития подходов в данной предметной области.

Историю психологии Данziger помещает в пространстве между гуманитарными и естественно-научными дисциплинами. Крен в историю за счет утраты фокуса на психологической составляющей он объясняет тем, что психология второй половины XX в. «была во всех отношениях американской дисциплиной» (Danziger, 1994, р. 476), соответственно и проводились работы историков в русле доминирующей американской традиции с фокусом на исторических деталях, но без попыток анализа места и значения каких-либо тео-

рий и открытий для психологической науки. В последние десятилетия XX в., отмечает Данziger, историческая ситуация изменилась, психология возвращается к полицентрическому состоянию, что вызывает необходимость в историческом анализе.

Представляется, что российская школа в истории психологии имеет опыт и наработки именно такого анализа. Есть основания говорить о российской традиции как о традиции когнитивной истории психологии, о понимании истории прежде всего как самосознания науки, которое только и позволяет увидеть целое за разнообразием направлений и периодов: «Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее» – девиз IV Московских встреч по истории психологии (2006).

Дискурс становления глобальной психологии в российской науке разворачивается медленно, хотя психологические проблемы глобализации в литературе обсуждаются. По запросу в РИНЦ работ по проблемам глобализации (тематика «Психология», журнальные статьи и книги) в середине 2017 г. получено 2659 ссылок. Зафиксированы публикации, начиная лишь с 2006 г. Доминируют работы по педагогике и образованию (их 963 во всей выборке, а среди первых ста по цитируемости публикаций 45 относятся к этой области), что ожидаемо в контексте проводимых образовательных реформ. Собственно на проблемах психологии сфокусировано из всей подборки лишь 314 работ. Поиск в данной подборке публикаций работ по теме «глобальная психология» дал только семь единиц, но и здесь прямое обращение к проблеме становления глобальной науки встречается лишь в одной (Юревич, Цапенко, 2005).

В двух ведущих центральных изданиях, в «Психологическом журнале» и в «Вопросах психологии», классификатор РИНЦ находит всего восемь работ по теме глобализации, первая из которых опубликована в 2006 г. (Кольцова, Нестик, Соснин, 2006), вторая – в 2007 г. (Дикая, 2007), третья – в 2010 г. (Юревич, 2010). Начиная с 2015 г., статьи появляются ежегодно (Журавлев, Нестик, 2016; Корнилова, 2015) и лишь в 2017 г. выходит более одной статьи в год – сразу три (Гостев, 2017; Журавлев, Занковский, 2017; Мироненко, 2017б).

Если дискурс становления глобальной психологии в зарубежной науке в целом позитивно окрашен и «овеян духом» становления новых школ и роста разнообразия, освобождения от необходимости следовать устоявшимся положениям, то в России доминируют другие настроения, в фокусе анализа проблемы и риски глобализации.

Тенденции глобализации в жизни мирового сообщества, диктуемая государственной стратегией необходимость входить в про-

странство мировой психологической науки, обязательно публиковаться в международных журналах и т. п., воспринимаются российским психологическим сообществом скорее как препятствия и риски, чем как открытие новых перспектив (Mironenko, 2014, 2017a, b, 2018).

Немаловажную роль в этом играет то, что в коллективном сознании российского профессионального сообщества формирующаяся глобальная наука предстает как достаточно монолитная «универсальная» парадигма, в догматической и жесткой форме диктующая нам представления о человеке, методологию и теорию, для нас неприемлемые. Представление о ней предположительно строится по образу и подобию однополюсного мейнстрима «зарубежной» науки периода «холодной войны», с которым дискутировали советские ученые.

Это представление достаточно далеко от действительности. И в зарубежном научном сообществе, и в российском есть ученые, которые верят в существование «общечеловеческих», не зависящих от культуры, иными словами, биологических психических свойств человека и, соответственно, в возможность «универсальных» психологических теорий и методов, но реальная жизнь доказывает все-таки несостоятельность таких представлений. Глобальная психологическая наука, формирование которой с неизбежностью происходит в процессе общей мировой глобализации, формируется как сеть различных по своим теоретико-методологическим основаниям, но активно взаимодействующих центров, что открывает новые возможности для совместного научного творчества (Журавлев, Нестик, 2016). В некоторой степени можно согласиться с Данцигером (Danziger, 1994) в уподоблении современного многополюсного состояния психологии тому, каким оно было в период ее формирования как науки. Но если период дискуссий между научными школами в 1930-е годы закончился в силу общих исторических особенностей того времени, современный период и глобальный мир требуют развития диалога, налаживания сотрудничества, особенно в условиях глобальных угроз, которые сегодня испытывает человечество в целом.

В сети глобальной науки российская психология является востребованным участником, поэтому она может занять достойное место, обладая прежде всего серьезным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей многомиллионного народа. В этой глобальной сети российская психология может и должна сохранить свою особость, потому что именно этой уникальностью она во многом может быть интересна и полезна, а значит, востребована. Согласно социальной психологии, существует закономерность, в соответствии с которой в процессе группового

взаимодействия по мере становления общности растет как интеграция группы, сближение участников по ряду характеристик, так и дифференциация, когда каждый ее член выполняет свою специфическую роль.

Важно отметить, что отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция сегодня представляются необходимыми для развития отечественной науки. Можно согласиться с утверждением: «Сегодня позиция автаркии (самодостаточности) и квазипатриотизма российской науки не просто бесперспективна в силу отсутствия необходимых для этого у современной России огромных материальных и финансовых средств. Такая стратегия губительна, так как в силу своей иллюзорности приведет к полной растрате даже тех возможностей, которыми пока еще располагает отечественная наука» (Лебедев, 2012, с. 147–148). Необходима активная работа профессионального сообщества в этом направлении. Надеяться на то, что кто-то сделает ее за нас, что интернациональное сообщество будет массово изучать русский язык, чтобы читать наших авторов, нереалистично. Достаточно сравнить масштабы проводимых сегодня во всем мире психологических исследований, материальные и финансовые ресурсы, вкладываемые в психологические исследования во всем мире, и возможности в этом направлении российских психологов, чтобы реально оценить вклад российской психологии в современную мировую науку и динамику ее развития.

В глобальном мире с неизбежностью происходит формирование глобальной науки, что предполагает как формирование новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — мирового научного сообщества.

Глобальная психология формируется как многополюсное сетевое образование, включающее весьма различные центры (Журавлев и др., 2018). Ведущей чертой глобализации становится возникновение многополюсной мировой системы. Рост культурного разнообразия как в отношении предмета психологических исследований, так и в отношении их совокупного субъекта — мирового профессионального психологического сообщества — открывает новые возможности взаимного обогащения в процессе сотрудничества различных школ и направлений. Для развития национальных и локальных школ, к каким сегодня может быть причислена российская психология, вхождение в контекст глобальной психологии не только является вызовом и источником проблем, но и, в первую очередь, открывает новые перспективы.

Философ эпохи Возрождения Джованни Пико делла Мирандола писал: «Принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: „Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь“»¹.

Процессы глобализации раскрывают перед нами эту сущность человека как существа бесконечно разнообразного, для которого нет единых законов: ни законов природы, которые он отменяет мощью своих технологий, ни законов общества, во множественности и противоречивости последних. Осознание этой свободы человека творить себя и принятие связанной с ней ответственности за себя и свои поступки, отказ от веры в существование некоего единого эталона человека, воплощающего в себе непротиворечивый синтез природы и культуры, представляются необходимыми в современном мультикультурном мире. Разработки, которые могут служить основанием соответствующей картины мира, имеющиеся в российской традиции постановки биосоциальной проблемы востребованы в процессе развития глобальной психологической науки.

1 Дж. Пико делла Мирандола (1463–1494). См.: *Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 т. М.: Искусство, 1962. Т. 1. С. 506–507.*

Заключение

Интегративные и изоляционистские тенденции в современном развитии российской психологии

В эпоху общей глобализации в жизни мирового сообщества с неизбежностью происходит интеграция мировой науки, формирование единого научного пространства мировой глобальной науки (Журавлев и др., 2018). Вопрос о месте российской психологии в мировой науке и неразрывно с ним связанный вопрос о путях и желательной мере интеграции в иноязычный мейнстрим сегодня мало кого оставляют равнодушными, тем более что формальные оценки результатов деятельности отдельных российских ученых и коллективов все в большей степени «привязываются» к наличию или отсутствию публикаций в иностранных журналах и ссылок западных ученых на труды россиян. Адекватность такого рода критериев, как и в целом необходимость жесткой ориентации на иностранный мейнстрим, закономерно вызывают сомнения у российских психологов и требуют анализа, который представлен в ряде публикаций (Журавлев и др., 2016; Журавлев, Нестик, 2016; Мироненко, 2015, 2017б; Национальная гуманитарная наука..., 2010; Сироткина, Смит, 2008; Юревич, 2009, 2010а, б, в; Юревич, Цапенко 2010; Ясницкий 2011; Migonenko, 2014; и др.).

Однако вопрос о месте российской психологии в мировой науке не сводится к формальным показателям качества работы ученых. Сегодня он является ключевым для профессионального самоопределения российского психолога, с начала своей профессиональной подготовки активно ассимилирующего продукцию зарубежной иноязычной науки и в то же время в подавляющем большинстве говорящего и пишущего только по-русски. Позиции российских ученых в этом отношении весьма различны. А. В. Юревич отмечает, что в настоящее время среди российских психологов имеют место как «глобалистические», интеграционные, так и «контрглобалистические», изоляционистские, тенденции: «Прямолинейный западноцентризм, предписывающий российской науке интегрироваться

Заключение

в западную путем стирания национальных особенностей российской науки дополняется столь же прямолинейным игнорированием необходимости примыкать к мировому мейнстриму» (Юревич, 2010в, с. 55). Более того, в настоящее время «контрглобалистические» тенденции в российской психологической науке усиливаются: «Патриотическая волна последних лет, как водится у нас, принеся антизападнические настроения, породила новые установки в отношении интеграции отечественной науки в мировой мейнстрим. Наиболее радикальные из таких установок состоят, например, в том, что нам нет нужды стремиться к интеграции в западную науку, напротив, ей надлежит проявлять большее внимание к российской науке; <...> не нам следует учить иностранные языки, чтобы публиковаться в международных журналах, а зарубежным ученым надлежит изучать русский, чтобы читать российские научные журналы и т. п.» (там же).

Трудно не согласиться с выводом А. В. Юревича: «Очевидна неадекватность обоих видов прямолинейности, напоминающих два крайних положения маятника, и, соответственно, необходимость как сохранения наиболее плодотворных национальных особенностей российской науки, так и ее интеграции в мировой мейнстрим, т. е. целесообразность соблюдения... принципа *оптимума интеграции*» (там же).

Однако каким должен быть этот оптимум, что следует учитывать при попытках его определить, остается предметом дискуссии. По этому вопросу я и хочу поделиться своими соображениями.

Нужна ли российской психологии интеграция в иноязычную мировую науку? Зачем и кому это нужно (или не нужно) в разнородном российском профессиональном сообществе? Какие корни питают «глобалистические» и «контрглобалистические» тенденции и какие опасности и перспективы развития стоят за ними?

В ситуации имеющего место разнообразия «интеллектуальных пространств» российского профессионального сообщества ответ на вопрос об «оптимуме интеграции», об оптимальном сочетании национально специфического и интернационального в российской психологии не может быть однозначным или тем более формальным. В поисках «оптимума интеграции» представляется необходимым учитывать особенности теоретико-методологических ориентаций сообществ ученых, в большей или меньшей степени на мейнстрим ориентированных, так как мотивы, проблемы и сопутствующие факторы в зависимости от этих ориентаций оказываются существенно различными.

Заключение

Само понятие «российская психология» сегодня можно трактовать по-разному. Под «российской психологией» можно понимать научное психологическое знание, порожденное и развитое в России, можно — профессиональное сообщество в современной России. Применительно к российской психологии как научному знанию вопрос о ее месте в мировой науке — это, во-первых, вопрос о том влиянии, которое оказали на ход развития мировой науки интегрированные в ее контекст российские теории, а во-вторых, вопрос о причинах и следствиях того, что другие оригинальные российские теории недостаточно интегрированы в интернациональный контекст, недостаточно известны вне России. Если под российской психологией понимать профессиональное сообщество, сложившееся в современной России, вопросы оказываются другими.

Большая часть современного российского психологического сообщества к парадигме, сложившейся в советской психологии, прямого отношения уже не имеет по причинам, описанным в главе о постсоветском периоде. Профессиональное сообщество в 1990-е годы за короткий период выросло в численности в тысячи раз. Такой бурный количественный рост сопровождался сменой ориентации от сложных фундаментальных теоретических построений отечественной науки к западным теориям, в доступной форме представленным в переводных учебниках и обращенным к запросам востребованной обществом психологической практики.

Какая часть современного профессионального сообщества владеет теорией и методологией советской парадигмы? Очень небольшая. Фактически, овладеть *той* теорией и методологией можно было, только приняв ее «из рук в руки» от учителей, учитывая то, какую роль играла в психологическом образовании в советский период устная традиция, когда психологи учились не по учебникам, а монографии были написаны эзоповым языком. Тексты наших классиков, за редким исключением, не открываются при прочтении случайному человеку, они писались в расчете на герменевтику, на чтение совместно с учителем, о чем неоднократно писалось в литературе. Той теорией владеет сегодня очень небольшая часть профессионального сообщества, те, кто был этому специально обучен. При этом не все из этих людей остаются на прежних методологических позициях, так что численность этой группы не только не велика — она уменьшается. Тем не менее первая группа, которую мы выделяем, — группа последователей субъектно-деятельностного подхода, она немногочисленна, что не уменьшает ее значимости при обсуждении проблемы.

Как классифицировать остальные психологические течения?

Заключение

С крушением парадигмы на фоне сочетания процессов слияния с мировой наукой и разрушения единства отечественного профессионального сообщества российская психология впала в кризис, распалась и развалилась. В 1914 г. Н. Н. Ланге так описывал сходную ситуацию: «Крайнее разнообразие течений, отсутствие общепризнанной системы науки, огромные принципиальные различия между отдельными психологическими школами... Ныне общей, т. е. общепризнанной системы, в нашей науке не существует... Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» (Ланге, 1914, с. 42).

В отличие от известного кризиса мировой науки конца XIX—начала XX в. после перестройки в России оригинальные новые, яркие направления немногочисленны. Доминировала, особенно в 1990-е годы, ориентация на те или иные теории в зарубежной науке. Мы здесь назовем их последователей «западниками» и выделим в отдельную группу.

Из новых оригинальных, российских по своим корням направлений, развившихся в постперестроечный период, назовем христианскую православную, или религиозно-философскую, психологию, которая мощно развивается сейчас, продолжая традицию исследований, существовавшую в России в досоветский период.

Таким образом, определяются три группы ученых, три «интеллектуальных пространства»:

- Последователи субъектно-деятельностного подхода,
- Последователи национально специфических теорий («славяно-филы»),
- Последователи зарубежных школ («западники»).

Заметим, что структура, которая у нас получилась, в большой степени напоминает структуру направлений развития психологии в России в досоветский период, как ее описывает В. А. Кольцова (Кольцова, 2002; Психологическая наука..., 1997):

- Естественно-научное направление («экспериментальная» психология), на основе которого в дальнейшем развивалась психология в советский период.
- Эмпирическая психология, для которой характерна ориентация в большей мере не на национальную традицию, а на современные ученым данного направления европейские концепции и методы исследования психического.
- Религиозно-философская психология, основанная на идеях и положениях русской богословской и религиозно-философской мысли.

Заключение

Рассмотрим вопрос об интересах, идеалах и проблемах интеграции в мировую науку, имея в виду наше разделение на «интеллектуальные пространства» российского профессионального сообщества.

«Западники». Именно эта группа составила основную массу лавинообразного приращения психологического сообщества в 1990-е, что не в малой степени объясняется мощным выбросом переводных зарубежных учебников на рынок психологического образования, который бурно разрастался в тот период. На первый взгляд, здесь естественным образом заложены глобалистические тенденции. Однако нарастание контрглобалистических тенденций в современной России отчасти имеет в своей основе разочарование многих из этих людей, которое постигло их при попытке выхода на Запад. Их исследования на Западе не вызывают интереса, журналы их не печатают. И дело не в том, что Западу не интересна жизнь в России, а в том, что по большей части уровень статей не соответствует требованиям журналов. Это не удивительно, так как существенная часть этой группы ученых изучала иностранные теории по переводным учебникам и пересказам, современных западных журналов не читает и потому не может соответствовать сложившемуся там дискурсу и требуемому научному уровню. Можно согласиться с А. В. Юревичем, что «скрытая» от Запада советская психология была Западу более интересна, чем современная, «широко открывшаяся ему» (Юревич, 2010в), однако причина интереса или его отсутствия не в скрытости-открытости, а в том, *что* мы Западу показываем.

Многие из тех, кто в 1990-е годы ориентировался на западные школы, сегодня ищут новые идеалы. Однако примеров успешной интеграции среди «западников» достаточно много, и, если говорить о публикациях в иностранных журналах как о показателе качества работы ученого, в отношении данной части нашего сообщества этот показатель представляется адекватным.

Растущей численностью отличается другая часть профессионального сообщества, которую мы обозначили здесь как «Славянофилы». Христианская православная, или религиозно-философская, психология, ряды сторонников которой сегодня ширятся, развивает традиции, заложенные в российской психологии досоветского периода. Это совершенно оригинальное направление в мировой науке, тесно связанное с российской культурой, ориентированное в своей практике на обширный российский рынок, а в своей теории основывающееся преимущественно на русскоязычных источниках и апеллирующее к российской ментальности. Глобалистических тенденций

Заключение

среди представителей этого направления не наблюдается. Контрглобалистические – сильные.

Применительно к данному направлению публикации в иностранных журналах, конечно же, адекватным показателем качества не являются, и стоит ли ставить сейчас задачу «прорыва» на западный рынок – далеко не очевидно. В то же время в перспективе кажется вполне возможной востребованность этого направления в мейнстриме. Известно, что те представители российской религиозно-философской мысли, которые были высланы из страны в 1922 г., оказали существенное влияние на развитие мировой науки, в частности, на развитие экзистенциализма.

Может показаться парадоксальным, но, фокусируясь на российской культурной идентичности в ее уникальности, это направление созвучно идеям, положившим начало движению к глобальной психологии в мировой науке (Журавлев и др., 2018), отвечает установке на исследование личности в культурном контексте с применением адекватного культурному контексту теоретико-методологического аппарата. Его интеграция в глобальный контекст представляется органичной, так как в сети глобальной психологии российская наука может и должна сохранить свою особость, специфичность.

Представляется, что потенциал включения в мировую науку российской психологии велик еще и потому, что именно здесь имеется существенный задел в разработке антропологической проблемы, актуальнейшей на современном этапе развития психологии (см.: Субъектный подход, 2009; Личность и бытие, 2008; Психологические исследования, 2007, 2016). Теоретическая модель человека, имплицитно и эксплицитно заложенная в основании российской традиции, едва ли не единственная в научной психологии, куда вписывается та *свобода* человека от законов природы, о которой столько написано философами – от Платона до Кассирера (Mironenko, Sorokin, 2015).

Глобалистические и контрглобалистические тенденции последователей субъектно-деятельностного подхода

Чем определяются глобалистические и контрглобалистические тенденции применительно в группе последователей субъектно-деятельностного подхода?

Рассмотрим доводы «за» интеграцию. Во-первых, именно исследования в русле субъектно-деятельностного подхода в максимальной степени соответствуют представлениям зарубежных коллег о российской психологии, их ожиданиям. Общепризнанно, что для За-

Заключение

пада российская психология – это, прежде всего, труды таких ее корифеев, как Л. С. Выготский и А. Р. Лурия.

В литературе отмечается, что с годами интерес зарубежных психологов к работам Выготского только возрастает, это проявляется в росте индекса цитирования его работ. По данному показателю он в последние годы опередил многих классиков зарубежной психологии (Юревич, 2010в; Кагров, 2005). Интерес к истокам данного направления, которые на Западе известны, в первую очередь, к работам Выготского, позволяет рассчитывать и на интерес к работам его последователей.

Таким образом, во-первых, ученых, работающих в русле субъектно-деятельностного подхода, на Западе готовы услышать. Во-вторых, им есть что сказать. У российских психологов есть все основания для полноценного участия в диалоге с Западом. Классические теории, известные на Западе, прежде всего, теория Выготского, развивались и на родной почве, и развитие это было иным, нежели на Западе; российские психологи продвинулись здесь значительно дальше, чем зарубежные коллеги. Так, теория Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими в основном лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания подлинно решающей роли культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «Культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность „формирования нового человека“ в рамках марксистской психологии, т. е. исповедовавший иудейско-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме» (Петренко, 2002, с. 116).

Помимо диалога в области известных западному читателю теорий представляет интерес и возможность обсуждения ряда теорий, сложившихся в русле субъектно-деятельностного подхода, которые в России справедливо считают классическими и которые остаются на Западе практически неизвестными. Прежде всего, это школа Б. Г. Ананьева, содержание исследований которой относится к областям, остро актуальным сегодня на Западе: *Life-Span Human Development, Personality Impact on Psychophysiological functions* и др. (Журавлев, Кольцова, 2008; Мироненко, 2015).

Таким образом, интеграция с мейнстримом данного направления в современной российской науке, как представляется, мейнстримом максимально востребована, мейнстрим обогатила бы.

Как неоднократно было отмечено в литературе (Castro, Lafuente, 2007; Marsella, 2012; Moghaddam, 1987; Rose, 2008), мейнстрим совре-

Заключение

менной мировой психологической науки развивался на базе исследований человека, принадлежащего к современной западной культуре XX в., воспитанного в ней. Его психологическим характеристикам присваивался статус универсальных, общечеловеческих. В силу сложившегося стереотипа рассматривать представителя западной культуры в качестве человека вообще, в западном мейнстриме доминирует тенденция к размыванию границ между социальным и биологическим в человеке. Культура при этом рассматривается как своего рода надстройка над биологией, а единство биологического и социального в человеческой психике — как раз и навсегда сложившееся, непротиворечивое и постоянное.

Доминирующий в современном мейнстриме метафизический подход к проблеме биологического и социального в человеке не соответствует реальности современного изменяющегося мультикультурального мира. Необходимость преодоления старых стереотипов сегодня становится очевидной (Журавлев, Ушаков, Юревич 2017; Ушаков, Журавлев, 2015). Мировое развитие в XX и XXI вв. уже показало, что попытки навязывания всему миру единых культурных стандартов, в первую очередь стандартов морально-нравственных оценок, идеи глобализации как всеобщего распространения единого типа культуры, не жизнеспособны. Следует искать иные пути существования и взаимодействия культур, которые обеспечили бы сохранение и развитие каждой из них, а также возможность интеграции в контексте человеческой цивилизации.

Нужна ли интеграция в мировую науку российским ученым, работающим в русле субъектно-деятельностного подхода?

Для того чтобы субъектно-деятельностный подход мог развиваться дальше, он должен быть интегрирован в единое пространство глобальной науки, только так может развиваться российская психология. В самой России сегодня нет необходимых ресурсов, нет соответствующего социального заказа на фундаментальные теоретические разработки такого уровня и такой направленности, нет соответствующих людских ресурсов. Возможно, специалисты, закончившие университеты до перестройки, — последнее поколение, которое способно понимать эти тексты, владеть этим языком, этим понятийным аппаратом. Следующие поколения обучаются иначе. Много ли желающих постигать субъектно-деятельностный подход в современной России? Не думаю, что даже в лучших университетах, сохранивших преподавательский состав, владеющий теорией и методологией

Заключение

субъектно-деятельностного подхода, лучшие студенты стоят в очереди, чтобы заниматься этой проблематикой. Это направление было актуально в другой стране, с другой культурой и другой ментальностью, в других университетах.

Если мы не обеспечим вхождение разработок субъектно-деятельностного подхода в мейнстрим, тех концепций, которые пока не вошли туда, их, скорее всего, ждет судьба артефактов умершей цивилизации. На наш взгляд, интеграция – это вопрос профессиональной состоятельности последователей субъектно-деятельностного подхода и их долга перед учителями.

Россия вкладывает в мировую научную казну 1,7%, что составляет 1,13% ВВП страны (Unesco..., 2015). Самая большая доля валовых внутренних расходов на научные исследования и разработки принадлежит США – 28%, за ними следует Китай с 20-процентной долей, далее – ЕС (19%) и Япония (10%). Население остальных стран мира составляет 67% мировой популяции, но вклад этих стран в мировую науку – всего 23%. Но как-то ведь российская наука все же развивается... *Как* ей это удается? Думается, нашим психологическим сообществом не вполне осознано место *психологии* в настоящем и будущем российской науки. Отнюдь не все науки получают поровну. Давайте вспомним, что в России принята программа приоритетного развития восьми отраслей науки, на финансирование которых расходуется практически все, что на науку в целом выделяется. Это:

1. Безопасность и противодействие терроризму.
2. Индустрия наносистем.
3. Информационно-телекоммуникационные системы.
4. Науки о жизни.
5. Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники.
6. Рациональное природопользование.
7. Транспортные и космические системы.
8. Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика¹.

При этом отмечается, что «динамика затрат на ИР свидетельствует о растущей концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники в Российской Федерации... Удвоился удельный вес приоритетных направлений в общем

1 Указ президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации от 7 июля 2011 года»

Заключение

объеме внутренних затрат (с 34,8% в 2006 г. до 68,6% в 2015 г.)» (Исследования..., 2016, с. 1). На что же можно рассчитывать психологам, будучи среди прочих неприоритетных? Уместно заметить, что доля расходов на развитие психологии в США пишется отдельной строкой, составляет почти треть того, что получают физики, и на протяжении последних десятилетий постоянно возрастает (Unesco, 2015).

Современные лаборатории дорого стоят. В постперестроечные десятилетия активно обсуждалась проблема массового отхода российских психологов от естественно-научной парадигмы и растущая популярность парадигмы гуманитарной. В методологических предпочтениях ли дело? Могло ли быть иначе при отсутствии лабораторий?

Вот в чем я вижу главные «риски глобализации», которые угрожают российской психологии – утрата значимости, утрата собственного лица и достойного места в пространстве мировой психологической науки будущего.

Отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция сегодня представляются необходимыми для развития самой отечественной науки. Между тем новые реалии глобального мира представляют уникальные возможности для существенного продвижения в мировом научном поле российской психологической традиции, связанные, в частности, с еще не раскрытым для мировой аудитории потенциалом идей субъектно-деятельностного подхода, в русле ведущихся на основных мировых публикационных площадках дискуссий.

К сожалению, нельзя сказать, что в группе ученых, развивающих субъектно-деятельностный подход, доминируют интеграционные тенденции (Журавлев и др., 2016; Журавлев, Нестик, 2016; Россия в глобализирующемся мире, 2007).

Представляется, что дело в том, что именно применительно к работам данного направления стратегия интеграции сопряжена с максимальными тактическими трудностями. Языковая проблема здесь предстает как проблема перевода понятийной системы нашей научной школы, понятийной системы максимально сложной и изощренной, над которой целенаправленно работали лучшие умы советской психологии, в понятийную систему мейнстрима.

Нужно понятно, на их профессиональном языке, объяснить западным коллегам суть наших теорий (что и по-русски не просто). Но другого пути нет.

Российская психологическая наука и российское психологическое сообщество – множества расходящиеся. Сегодня эти множества еще пересекаются – на той элитарной части сообщества, которая

Заключение

приняла наследие учителей из рук в руки и продолжает его развивать в новых условиях и по-новому.

Тенденция к своего рода «частичной изоляции» от мейнстрима, отказ от активного участия в англоязычном мейнстриме представляются опасными. Может ли в современном мире существовать наука «за неким занавесом»? В течение какого времени? Не станет ли «частичная изоляция» башней из слоновой кости, отрезанной от источников жизнеобеспечения, от притока свежих сил, от массовой психологической практики и образования в самой России?

Вызывает сожаление, что в российском профессиональном сообществе вхождение в глобальную науку воспринимается многими как угроза и риски. В коллективном сознании сообщества доминирует стереотип восприятия формирующейся глобальной науки как единой «универсальной» парадигмы с чуждыми нам методологией и теорией, идеалами и представлением о человеке в целом. Такое представление не соответствует действительности. Новая онтологическая реальность человеческого бытия в эпоху глобализации проявляется в формировании глобальной психологии в виде единства тенденций интеграции и дифференциации, конвергенции и дивергенции, воплощается в возникающей многополюсной сетевой структуре, включающей в себя множество взаимодействующих, но существенно различных центров. Для российской науки необходим отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция на новом этапе развития мировой науки. Это важное условие будущего субъектно-деятельностного подхода в контексте мировой науки, так как объективная реальность существования психологической науки в России, отсутствие финансирования, необходимого для проведения современных лабораторных исследований, без которых немислимо развитие в русле естественно-научной методологии, не оставляет надежды на будущее в современной России. В то же время идеи и подходы, рожденные в контексте парадигмы, развивавшейся в советской науке, не утратили значимости для мирового развития психологии, их возможности не исчерпаны. Утрата этого достояния, превращение в «развивающуюся» провинцию мировой науки представляются главным «глобальным риском» для российской психологии.

Литература

- Абульханова К. А.* Активность и сознание личности как субъекта деятельности // Психология личности в социалистическом обществе: активность и развитие личности / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова. М.: Наука, 1989. С. 110–134.
- Абульханова К. А.* Состояние современной психологии: субъектная парадигма // Предмет и метод психологии / Под ред. Е. Б. Старовойтенко. М.: Гаудеамус—Академический проект, 2005. С. 428–450.
- Абульханова К. А.* Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009а. Т. 30. № 1. С. 32–43.
- Абульханова К. А.* Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 2009б. Т. 30. № 5. С. 26–45.
- Абульханова-Славская К. А.* О субъекте психической деятельности: Методологические проблемы социологии. М.: Наука, 1973.
- Абульханова-Славская К. А.* Диалектика человеческой жизни. М.: Мысль, 1977.
- Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Абульханова-Славская К. А.* Личностная регуляция времени // Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская. М.: Наука, 1990. С. 114–129.
- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Абульханова-Славская К. А.* Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психологический журнал. 1994. № 4. С. 39–55.
- Абульханова-Славская К. А.* Типология личности и гуманистический подход // Гуманистические проблемы психологической теории / Отв. ред. К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский. М.: Наука, 1995. С. 27–48.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Психология и сознание личности. М.: Моск. психолого-социал. ин-т; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна / Отв. ред. Е. А. Будилова. М.: Наука, 1989.
- Абульханова К. А., Воловикова М. И.* Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 5–15.
- Абульханова-Славская К. А., Анцыферова Л. И., Брушлинский А. В.* и др. Психологическая наука в России XX столетия: Проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Аверин В. А.* Психология личности. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 1999.
- Айзенк Г.* Зигмунд Фрейд. Упадок и конец психоанализа. М.: Ирбис, 2019.
- Акинщикова Г. И.* Антропология. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.
- Активность и жизненная позиция личности / Отв. ред. К. А. Абульханова. М.: Институт психологии АН СССР, 1988.
- Актуальные вопросы психологии личности / Отв. ред. И. И. Чеснокова. М.: Институт психологии АН СССР, 1988.
- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Алексеев К. И., Артемцева Н. Г., Барабанщиков В. А.* и др. Общение и познание / Отв. ред. В. А. Барабанщиков, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Аллахвердов В. М.* Опыт теоретической психологии. СПб.: Печатный двор, 1993.
- Аллахвердов В. М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
- Аллахвердов В. М., Барабанщиков В. А., Гарбер И. Е.* Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Алмаев Н. А.* Элементы психологической теории значения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Ананьев Б. Г.* Труд как важнейшее условие развития чувствительности // Вопросы психологии. 1955. № 1. С. 66–72.
- Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960.
- Ананьев Б. Г.* Теория ощущений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды. В 2 т. / Под ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова М.: Педагогика, 1980.
- Ананьев Б. Г., Дворяшина М. А., Кудрявцева Н. А.* Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М.: Просвещение, 1968.
- Андрева Г. М.* К истории становления социальной психологии в России // Вест. Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1997. № 4. С. 6–17.
- Андрева Г. М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006). Вып. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (2007–2015). Вып. 2 / Авт.-сост. Т. И. Артемьева; отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1970.
- Анцыферова Л. И.* Персонологическое направление // М. Г. Ярошевский, Л. И. Анцыферова. Развитие и современное состояние зарубежной психологии / Гл. ред. А. А. Смирнов. М.: Педагогика, 1974.
- Анцыферова Л. И.* Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 37–50.
- Анцыферова Л. И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности: Сборник статей / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. С. 3–19.
- Анцыферова Л. И.* Системный подход в психологии личности // Принцип системности в психологических исследованиях / Отв. ред. Д. Н. Завалишина, В. А. Барабанщиков. М.: Наука, 1990. С. 61–77.
- Анцыферова Л. И.* История психологии и психологическая история личности // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1992. С. 9–12.
- Анцыферова Л. И.* Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–16.

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Анциферова Л. И., Завалишина Д. Н., Рыбалко Е. Ф.* Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Отв. ред. Л. И. Анциферова. М.: Наука, 1988. С. 21–36.
- Аронсон Э.* Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Артёмьева Т. И., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Основные направления исследований К. К. Платонова и их развитие в современной психологии // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 9–17.
- Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.
- Асеев В. Г.* Единство содержательной и динамической сторон мотивации // Принцип системности в психологических исследованиях / Отв. ред. Д. Н. Завалишина, В. А. Барабаншиков. М.: Наука, 1990. С. 78–85.
- Асеев В. Г.* Личность и значимость побуждений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Асмолов А. Г.* Личность как предмет психологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Асмолов А. Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Асмолов А. Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Асмолов А. Г.* Вперед к Эльконину: Неклассическая психология будущего // Вопросы психологии. 2002а. № 1. С. 4–9.
- Асмолов А. Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002б.
- Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40 (1).
- Балин В. Д.* Психическое отражение: элементы теоретической психологии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001.
- Барабаншиков В. А.* Психологическая наука на изломе времен // История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы Междунар. конф. по истории психологии «IV московские

Литература

- встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 15–23.
- Барабанщиков В. А.* Восприятие выражений лица. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Барабанщиков В. А., Белопольский В. И.* Стабильность видимого мира. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Басов М. Я.* Общие основы педологии. М.–Л.: Госиздат, 1928.
- Бассин Ф. В.* Проблема «бессознательного» (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности). М.: Медицина, 1968.
- Бассин Ф. В.* О силе «Я» и психологической защите // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 118–125.
- Бассин Ф. В.* О развитии взглядов на предмет психологии // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 101–114.
- Бассин Ф. В.* Еще раз о законах психики // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 6. С. 145–151.
- Бернштейн Н. А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
- Берри Дж. В., Пуртинга А. Г., Сигалл М. Х, Дасен П. Р.* Кросс-культурная психология: исследования и применение / Науч. ред. Л. В. Винокуров и др. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
- Бехтерев В. М.* Личность и условия ее развития и здоровья: речь, произнесенная 4 сент. 1905 г. на Втором съезде отеч. психиатров в Киеве. СПб.: К. Л. Риккер, 1905.
- Бехтерев В. М.* Психология, рефлексология и марксизм. Л.: Изд-во гос. рефлексол. ин-та по изучению мозга, 1925.
- Бехтерев В. М.* Избранные работы по социальной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, Е. И. Степанова. М.: Наука, 1994.
- Бехтерев В. М.* Проблемы развития и воспитания человека / Под ред. А. В. Брушлинского, В. А. Кольцовой. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1997.
- Бехтерев В. М.* Избранные труды по психологии личности: В 2 т. / Отв. ред. Г. С. Никифоров, Л. А. Коростылева. СПб.: Алетейя, 1999.
- Биологическое и социальное в развитии человека / Под ред. Б. Ф. Ломова, Е. В. Шороховой, А. В. Брушлинского. М.: Наука, 1977.
- Блонский П. П.* Педология. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во, 1934.
- Богданов В. А.* Социально-психологические свойства личности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

Литература

- Бодалев А. А.* Психология о личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Бодалев А. А.* Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М.: Флинта—Наука, 1998.
- Бодров В. А.* Психология профессиональной деятельности: теоретические и прикладные проблемы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Бодров В. А., Орлов В. Я.* Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
- Божович Л. И.* Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1976. № 6. С. 45–53.
- Бойко Е. И.* Механизмы умственной деятельности. М.: Педагогика, 1976.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Брушлинский А. В.* Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем // Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 110–121.
- Брушлинский А. В.* Гуманистичность психологической науки // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 43–48.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетей, 2003.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды / Отв. ред. А. Л. Журавлев и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Брушлинский А. В., Темнова Л. В.* Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993. С. 45–56.
- Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972.
- Вагнер В. А.* Биологические основания сравнительной психологии (био-психология). Т. 1–2. СПб.—М.: Т-во М. О. Вольф, 1910–1913.
- Вагнер В. А.* Сравнительная психология / Под ред. Г. В. Калягиной. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1998.
- Василюк Ф. Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

Литература

- Василюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ, Смысл, 2003.
- Вебер М.* Избранные произведения / Сост., общ. ред. и посл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
- Веденов А. В.* Психологические вопросы формирования личности // Доклады на совещании по вопросам психологии личности. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. С. 15–20.
- Веккер Л. М.* Психические процессы. В 2 т. Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1974. Т. 1.
- Веккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов / Под общ. ред. А. В. Либины. М.: Смысл, 1998.
- Вилюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Владиславлев М. И.* Исследования основных явлений душевной жизни. В 2 т. СПб., 1881.
- Волков И. П.* Слово о душе, необходимое для развития отечественной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 32–37.
- Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Воловикова М. И.* История, современное состояние исследований и перспективы развития психологии личности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 20–29.
- Воловикова М. И.* Институциональное становление психологии личности как области научного исследования в Российской академии наук // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: «Институт психологии РАН», 2016. С. 23–42.
- Воловикова М. И., Емельянова Т. П., Журавлева Н. А.* Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Воловикова М. И., Ребеко Т. А.* Соотношение когнитивного и морального развития // Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская. М.: Наука, 1990. С. 81–87.
- Воловикова М. И., Харламенкова Н. Е.* Личность как открытая система // Психологические исследования личности: история, современное

Литература

- менное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–22.
- Вопросы педологии рабочего подростка. Вып. 4. М.: Изд. Ин-та по-выш. квалиф. педаг., 1929.
- Вопросы психологии личности / Под ред. Е. И. Игнатъева. М.: Уч-педгиз, 1960.
- Вопросы психологии личности школьника / Под ред. Л. И. Божович, Л. А. Благоннадежиной. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961.
- Вопросы психологии воли и формирования волевых качеств учащихся / Под ред. проф. В. И. Селиванова. М.: Просвещение, 1965.
- Воробьева А. Е., Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Представления К. К. Платонова о моральной воспитанности личности как теоретическое основание изучения нравственного самоопределения // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 169–187.
- Выготский Л. С.* Педология подростка. М.–Л.: Изд. БЗО при пед. факультете. 2-го МГУ, 1931.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982а. С. 291–436.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982б. С. 5–361.
- Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328.
- Выготский Л. С.* Вопросы детской (возрастной) психологии // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 243–432.
- Гальперин П. Я.* К воспоминаниям об А. Н. Леонтьеве // А. Н. Леонтьев и современная психология / Под ред. А. В. Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 240–244.
- Ганзен В. А.* Системные описания в психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Гараи Л., Кечки М.* Еще один кризис в психологии! Возможная причина шумного успеха идей Л. С. Выготского // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 86–96.
- Генов Ф.* О законах психики // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 1. С. 99–102.
- Глезер В. Д.* Зрение и мышление. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1993.
- Глоточкин А. Д., Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Лоскутов В. Н.* Жизнь и научное творчество К. К. Платонова // К. К. Платонов. Мои

Литература

- личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога) / Под ред. А. Д. Глоточкина, А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, В. Н. Лоскутова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 5–38.
- Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л.* Принцип целостности и междисциплинарные исследования // Ананьевские чтения – 2017: Преемственность в психологической науке: В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов: Материалы традиционной международной научной конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 97.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017а. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017б. С. 2700–2707.
- Голубева Э. А.* Дифференциальный подход к способностям и склонностям // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 75–86.
- Голубева Э. А.* Способности и индивидуальность. М.: Прометей, 1993.
- Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Гостев А. А.* Психологические аспекты изучения глобальной манипуляции // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 17–28.
- Горбатенко А. С.* Системная концепция психики и общей психологии. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994.
- Григорьев С. В.* Самовыражение и развитие личности в игре: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1991.
- Гуманистические проблемы психологической теории / Отв. ред. К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский. М.: Наука, 1995.
- Гуревич П. С.* Человек как объект социально-философского анализа // Проблема человека в западной философии / Сост. и посл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 504–517.
- Гусельцева М. С.* Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 119–131.
- Гусельцева М. С.* Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Давыдов В. В.* Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.

Литература

- Давыдов В. В.* О понятии личности в современной психологии // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 4. С. 22–32.
- Дементий Л. И.* Типология ответственности и личностные условия ее реализации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
- Джидаръян И. А.* Вера, надежда, любовь: оптимистическая триада чувств // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 5–17.
- Дикая Л. Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельный подход). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Дикая Л. Г.* Актуальные проблемы и перспективы исследований в психологии труда в условиях глобализации // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 29–44.
- Добрынин Н. Ф.* Проблемы активности личности, активности сознания // Проблема активности личности: сб. ст. / Под ред. Н. Ф. Добрынина. М., 1954. С. 28–42.
- Добрынин Н. Ф.* Проблема значимости в психологии // Материалы совещания по психологии (1–6 июля 1955 г.). М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957. С. 37–43.
- Дорфман Л. Я.* Метаиндивидуальный мир. М.: Смысл, 1993.
- Дорфман Л. Я.* Эмоциональные стили: На материале художественной творческой деятельности: Дис. ... докт. психол. наук. Пермь, 1994.
- Дробницкий О. Г.* Понятие морали. М.: Наука, 1974.
- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер Ком, 1999.
- Дружинин В. Н.* Психология семьи. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
- Дубинин Н. П.* Что такое человек. М.: Мысль, 1983.
- Дынник М. А.* Материалисты Древней Греции. Рипол Классик, 2013.
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Еремеев Б. А.* Психометрика мнений о людях. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
- Ермолаева Е. П.* Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Жалагина Т. А., Короткина Е. Д.* Глобальная психология: от истории к перспективам развития // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 119–123.
- Ждан А. Н.* История психологии: от античности до наших дней. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Ждан А. Н.* Основные тенденции развития отечественной психологии постсоветского периода // История отечественной и мировой

Литература

- психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы Междунар. конф. по истории психологии «IV московские встречи» 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 69–72.
- Ждан А. Н.* К теоретическим проблемам общей психологии // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 137–142.
- Журавлев А. Л.* Влияние коммуникативных качеств личности руководителя на эффективность руководства коллективом // Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987. С. 80–85.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Тенденции развития современной психологической науки: тезисы юбилейной науч. конф. (31 января–1 февраля 2007 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Журавлев А. Л., Занковский А. Н.* Тенденции развития организационной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 77–88.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Введение. Уникальность научного подхода Б. Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 9–13.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А.* Система научных представлений Б. Д. Парыгина в области социальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 28–38.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А.* Вклад Б. Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии // ИП РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 4–23.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юевич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.

Литература

- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 55–74.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В.* Менталитет, общество и психосоциальный человек // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Психология личности как открытой и развивающейся системы: (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Журавлева Н. А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Завалишина Д. Н.* Практическое мышление: специфика и проблемы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Залевский Г. В.* Личность и фиксированные формы поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Зацепин И. В.* О регуманизации психологии: генеральный предмет интегральной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004.
- Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Эксмо–Алгоритм, 2006.
- Зинченко В. П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997.
- Зинченко В. П.* Духовный организм и его функциональные органы // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004.
- Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль: МАПН, 2005.
- Зинченко В. П., Моргунов Е. Б.* Человек развивающийся: очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.
- Знаков В. В.* Психология понимания: проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В. В.* Понимание в мышлении, в общении, человеческом бытии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Знаков В. В.* Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // Вестник Моск. ун-та, Сер. 14. «Психология». 2012, № 3, с. 18–29.

Литература

- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Зорина З. А., Полетаева И. И.* Я познаю мир. Поведение животных. М.: АСТ–Астрель, 2000.
- Зорина З. А., Полетаева И. И.* Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Иванов Д. В.* Императив виртуализации: современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
- Идея системности в современной психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000.
- Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология. СПб.: Питер, 2001.
- Ильин Е. П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2002.
- Интеллект, творчество и формирование личности в современном обществе: сборник трудов Всероссийской школы молодых ученых «Педагогические, психологические и культурологические принципы и методы воспитания молодых исследователей в условиях высокотехнологичной экономики» (29 сентября–3 октября 2010 г., Москва) / Науч. ред. А. Л. Журавлев, Т. Н. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холодovich. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Интегральная индивидуальность человека и ее развитие / Под ред. Б. А. Вяткина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники / Материал подготовили Т. В. Ратай, С. В. Мартынова, А. Ю. Гребенюк // Наука. Технологии. Инновации: Вып. от 28.12.2016.
- Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/12/28/1114848184/NTI_N_34_28122016.pdf (дата обращения: 21.07. 2005).
- Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1992.
- История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы Международная конференция по истории психологии «IV московские встречи» 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Литература

- История психологии: период. открытого кризиса (нач. 10—середина 30-х гг. XX в.) / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
- К. К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К. К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Каверин С. Б.* Мотивация труда. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Каган М. С.* Системный подход и гуманитарное знание. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
- Калин В. К.* Волевая регуляция деятельности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Тбилиси: АН ГССР, Ин-т психологии им. Д. Н. Узадзе, 1989.
- Карицкий И. Н.* Методологические основания определения предмета психологии: сущность психического // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 137–152.
- Карпов А. В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Карсаевская Т. В.* Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека. М.: Медицина, 1978.
- Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии / Под общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.
- Категории материалистической диалектики в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1988.
- Келасьев В. Н.* Интегративная концепция человека. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.
- Китова Д. А., Журавлев А. Л.* Психологические предпосылки, тенденции и перспективы развития глобальных процессов (вместо введения) // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 8–23.
- Климов Е. А.* Основы психологии. М.: Культура и спорт, 1997.
- Ковалев А. Г.* Психология личности. М.: Просвещение, 1970.
- Ковалев В. И.* Психологические особенности личностной организации времени жизни: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1979.
- Когнитивные исследования / Отв. ред. В. Д. Соловьев. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Литература

- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Основные подходы к пониманию глобальной психологии // Социальная и экономическая психология. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 337–350.
- Козлов В. В.* Седьмая волна в развитии психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 185–206.
- Кольцова В. А.* Системный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 6–18.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Кольцова В. А.* Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 5–18.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Жизнь и научное творчество К. К. Платонова // Выдающиеся ученые Института психологии РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 171–190.
- Кольцова В. А., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Психологическая наука в борьбе за мир: задачи и направления исследований // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 5–15.
- Кон И. С.* Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978.
- Кон И. С.* Категория «Я» в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 3. С. 25–39.
- Корионов В.* Они цементировали крепость... // Правда. 1993. 12 августа.
- Корнилов К. Н.* Современная психология и марксизм. Л.: Гос. изд., 1924.
- Корнилова Т. В.* Интернациональность психологии vs «национальные психологии» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 91–99.
- Корнилова Т. В.* Сетевая организация как путь интеграции психологии // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 99–105.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Коростылева Л. А.* Теоретико-методологические основы изучения самореализации личности // Психологические проблемы самореализации личности: Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 5–25.
- Коростылева Л. А., Зайцева Ю. Е.* О методологических вопросах развития и саморазвития в трудах Б. Г. Ананьева // Психологические проблемы самореализации личности: Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 3–11.

Литература

- Косарева Л. М.* Рождение науки нового времени из духа культуры. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Костюк. Г. С.* Актуальные вопросы формирования личности ребенка // Советская педагогика. 1949. № 1. С. 73–101.
- Крайг Г.* Психология развития. СПб.: Питер, 2002.
- Крупник Е. П.* Психологическое воздействие искусства на личность. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Крэйн У.* Теории развития: секреты формирования личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Кун Т.* Структура научных революций / Под общ. ред. С. Р. Микулинского, Л. А. Марковой. М.: Прогресс, 1975.
- Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Кьеркегор С. О.* Или–или. Фрагмент из жизни. М.: Академический проект, 2016.
- Ладыгина-Котс Н. Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М.: Гос. Дарвиновский музей, 1935.
- Лазурский А. Ф.* Классификация личностей / Под ред. М. Я. Басова, В. Н. Мясищева. Л.: Гос. изд., 1924.
- Лазурский, Классификация личностей. М.: Юрайт, 2019.
- Лазурский А. Ф.* Очерк науки о характерах. М.: Наука, 1995.
- Ламберт Д.* Доисторический человек / Под ред. А. Н. Олейникова. Л.: Недра, Ленингр. отд., 1991.
- Ланге Н. Н.* Психология. Основные проблемы и принципы. М.: Т-во «Мир», 1922.
- Латынов В. В.* Стили речевого коммуникативного поведения. Структура и детерминанты // Психологический журнал. 1996. Т. 16. № 6. С. 90–100.
- Лебедев А. Н., Москаленко И. В.* Проблема закона в психологии // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 4. С. 133–138.
- Лебедев С. А.* Наука в глобальном мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 145–151.
- Левитов Н. Д.* Психология характера. М.: Просвещение, 1969.
- Левонтин Р.* Человеческая индивидуальность: наследственность и среда / Общ. ред. и предисл. Ю. Г. Рычкова, И. В. Равич-Щербо. М.: Прогресс-Универс, 1993.
- Левченко Е. В.* История и теория психологии отношений / Отв. ред. А. А. Крылов. СПб.: Алетей, 2003.
- Леонтьев А. А.* Деятельный ум (деятельность, знак, личность). М.: Смысл, 2001.

Литература

- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. М.: Смысл, 2005. URL: <http://www.anleontiev.smysl.ru/index.htm> (дата обращения: 24.08.2007).
- Леонтьев А. Н.* Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 48–56.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. унта, 1972.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. В 2 т. / Под ред. В. В. Давыдова и др. М.: Педагогика, 1983.
- Леонтьев А. Н.* Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 109–120.
- Леонтьев А. Н.* Автобиография // Традиции и перспективы теории деятельности в психологии: Школа А. Н. Леонтьева / Под ред. А. Е. Войскунского и др. М.: Смысл, 1999. С. 365–369.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
- Леонтьев Д. А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимости к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
- Леонтьев Д. А.* Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3–15.
- Лихи Т.* История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Логина Н. А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Ломов Б. Ф.* Категории деятельности и общения в психологии // Вопросы философии. 1979. № 8. С. 34–47.
- Ломов Б. Ф.* Об исследовании законов психики // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 18–30.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: избранные труды / Отв. ред. В. А. Барабанщиков и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов: экспериментально-психологическое исследование. М.: Наука, 1974.
- Лурия Е. А.* Мой отец А. Р. Лурия. М.: Гнозис, 1994.

Литература

- Лурье С. В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект—Альма Матер, 2005.
- Люблинская А. А.* Очерки психического развития ребенка (ранний и дошкольный возраст). М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959.
- Мадди С.* Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002.
- Мазилев В. А.* Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2003.
- Мазилев В. А.* Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 207—225.
- Мазилев В. А.* Научная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль: МАПН, 2005. С. 248—279.
- Мазилев В. А.* Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 23—34.
- Мазилев В. А.* Психология в эпоху глобализации: поиски собственного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 114—118.
- Макаренко А. С.* Соч. В 7 т. / Гл. ред. И. А. Каиров. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957—1958.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Мамардашвили М. К.* Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований / Отв. ред. И. С. Тимофеев. М.: Наука, 1982. С. 38—57.
- Мамардашвили М. К.* Как понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
- Мамардашвили М. К.* Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию / Под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс—Культура, 1992. С. 107—121.
- Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994.
- Маркова А. К.* Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996.
- Марцинковская Т. Д.* Позитивизм умер, да здравствует?.. // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 105—106.
- Материалы итоговой науч. конф. Института психологии РАН, 1—2 февраля 2006 г) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Литература

- Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН, 14–15 февраля 2008 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Мерлин В. С.* Очерк психологии личности. Пермь: Кн. изд-во, 1959.
- Мерлин В. С.* Очерк теории темперамента. М.: Просвещение, 1964.
- Мерлин В. С.* Принципы психологической характеристики типов личности // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 226–249.
- Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Мерлин В. С.* Личность как предмет психологического исследования. Пермь: ПГПИ, 1988.
- Методики социально-психологической диагностики личности и группы. М.: Институт психологии РАН, 1990.
- Методологические и теоретические проблемы психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1969.
- Методология историко-психологического исследования / Акад. пед. наук СССР. НИИ общей педагогики; ред. А. В. Петровский. М., 1974.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Мироненко И. А.* Современные теории в психологии личности. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2003.
- Мироненко И. А.* Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 88–94.
- Мироненко И. А.* Континуум или разрыв? // Вопросы психологии. 2006а. № 6. С. 105–111.
- Мироненко И. А.* О классификации концепций личности и имплицитных основаниях психологических теорий // Вопросы психологии. 2006б. № 4. С. 95–105.
- Мироненко И. А.* О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии. 2006в. Т. 1. Вып. 1. С. 160–173.

Литература

- Мироненко И. А.* Методология Б. Г. Ананьева в свете современного развития мировой психологической науки // Вопросы психологии. 2007а. № 5. С. 151–160.
- Мироненко И. А.* Монизм, плюрализм и реальность // Вопросы психологии. 2007б. № 3. С. 145–148.
- Мироненко И. А.* Об источниках сомнений в прогрессе психологии // Методология и история психологии. 2007в. Т. 2. Вып. 3. С. 94–106.
- Мироненко И. А.* Отечественная психологическая наука и вызов современности. СПб.: Ин-т социальной политики и инклюзивного образования—Тускакура, 2007г.
- Мироненко И. А.* Отечественная психология и вызов современности // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007д. С. 249–267.
- Мироненко И. А.* Значение работ Б. Г. Ананьева для решения актуальных задач психологической науки // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008а. С. 73–83.
- Мироненко И. А.* Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии. 2008б. № 4. С. 119–128.
- Мироненко И. А.* Поп-психология, или о пользе науки // Вопросы психологии. 2008в. № 2. С. 103–108.
- Мироненко И. А.* О прошлом, настоящем и будущем российской сравнительной психологии // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 45–59.
- Мироненко И. А.* Проблемы нравственности в современной российской психологии: поиск ориентиров // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010а. Т. 5. № 4. С. 62–75.
- Мироненко И. А.* Субъект и личность: о соотношении понятий // Методология и история психологии. 2010б. Т. 5. Вып. 1. С. 149–155.
- Мироненко И. А.* Кризис психологии – системный или локальный? // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 201–216.
- Мироненко И. А.* Образ российской психологии в мировой науке // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 200–206.
- Мироненко И. А.* О мотивах и проблемах интеграции российской психологии в мейнстрим // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2012в. Т. 5. № 3. С. 5–16.

Литература

- Мироненко И. А.* Современная российская психология в контексте мировой психологической науки // Вопросы психологии. 2012г. № 3. С. 44–50.
- Мироненко И. А.* Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Мироненко И. А.* О предмете психологии: к обсуждению концепции Н. И. Чуприковой // Вопросы психологии. 2017а. № 1. С. 130–141.
- Мироненко И. А.* От прогноза – к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017б. Т. 38. № 3. С. 119–123.
- Мироненко И. А.* Российская психология перед лицом «глобальных рисков» // Социальная и экономическая психология. Ч. 2. Новые научные направления / Отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 386–396.
- Мироненко И. А.* Интегративные и изоляционистские тенденции в современной российской психологии: истоки и перспективы // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 196–219.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Вклад Б. Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 279–288.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019а. Т. 40. № 6. С. 87–98.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Эмпирические и прикладные исследования Б. Д. Парыгина: историко-психологический аспект // Историческая преемственность в отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019б. С. 189–198.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 10. С. 918–927.
- Мироненко И. А., Сорокин П. С.* Идеальные типы Макса Вебера в пространстве дихотомии объяснительной и описательной психологии // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Педагогика и психология. 2008. № 3. С. 4–16.
- Мироненко И. А., Сорокин П. С.* Биологическое и социальное в человеке – современный методологический кризис и вечная проблема

Литература

- мировой психологии // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 5. № 1. С. 60–72.
- Митькин А. А.* Пути психологического поиска: претензии и возможности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Михайлов Г.* Наша душа. СПб., 2005.
- Михайловский Н. К.* Что такое прогресс? // Отечественные записки. 1869. № 9. С. 1–45.
- Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Мухина В. С.* Проблемы генезиса личности. М.: МГПИ, 1985.
- Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960а.
- Мясищев В. Н.* Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. Т. II. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960б. С. 110–125.
- Нартова-Бочавер С. К.* Развитие идей Л. И. Анцыферовой о методологии практической психологии личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 35–45.
- Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / Отв. ред. Е. Аксер, М. Савельева. М.: ГУ ВШЭ, 2010.
- Небылицын В. Д.* Избранные психологические труды / Под ред. Б. Ф. Ломова. М.: Педагогика, 1990.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 5–14.
- Никифоров Г. С.* Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
- Никифоров Г. С.* Самоконтроль человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Носуленко В. Н.* Психофизика восприятия естественной среды: проблема воспринимаемого качества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Ньюкомб Н.* Развитие личности ребенка. СПб.: Питер, 2002.
- О человеческом в человеке / Под общ. ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991.

Литература

- Обознов А. А.* Психическая регуляция операторской деятельности (в особых условиях рабочей среды). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Образ российской психологии в регионах страны и в мире: Материалы междунар. форума и школы молодых ученых ИП РАН, 24–28 сентября 2006 / Отв. ред. А. А. Алексапольский и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Орлов А. Б.* Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М.: Логос, 1995.
- Павлов И. П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М., 1973.
- Палмер Дж., Палмер Л.* Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб.—М.: Прайм-Еврознак—ОЛМА-Пресс, 2003.
- Панферов В. Н.* Классификация функций человека как субъекта общения // Психологический журнал. 1987. Т. 8. №4. С. 51–60.
- Панферов В. Н.* Психология человека. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2002.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. Л.: Лениздат, 1967.
- Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
- Парыгин Б. Д.* Проблема опосредованности в социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Мысль, 1975. С. 31–44.
- Парыгин Б. Д.* Научно-техническая революция и социальная психология. Л.: Знание, 1976.
- Парыгин Б. Д.* Научно-техническая революция и личность. Социально-психологические проблемы. М.: Политиздат. 1978.
- Парыгин Б. Д.* Социально-психологический климат коллектива. Пути и методы изучения / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1981.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология. Истоки и перспективы / Под ред. А. С. Запесоцкого. СПб.: СПбГУП, 2010.
- Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Литература

- Петренко В. Ф.* Школа А. Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии / Под ред. А. Е. Войскунского и др. М.: Смысл, 1999. С. 277–303.
- Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121.
- Петренко В. Ф.* Многополярная культура единого человечества // Век глобализации. 2016. № 1/2. С. 126–132.
- Петровский А. В.* История советской психологии: формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967.
- Петровский А. В.* Вопросы истории и теории психологии. М.: Педагогика, 1984.
- Петровский А. В.* Психология в СССР. История и современность [на англ. яз.]. М.: Прогресс, 1990.
- Петровский В. А.* Личность в активности: парадигма субъектности. Ростов н/Д.: Феникс, 1996а.
- Петровский В. А.* Личность в психологии. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996б.
- Петровский В. А.* Психология в России. XX век. М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии. В 2 т. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Платонов К. К.* О системе в психологии. М.: Мысль, 1972.
- Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
- Платонов К. К.* Мои личные встречи на великой дороге жизни: воспоминания старого психолога. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Познание и общение: теория, эксперимент, практика: Материалы конф. «Познание в структуре общения», 13–14 ноября 2008 г. / Под ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии / Под общ. ред. В. А. Лекторского, В. И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985.
- Пономаренко В. А.* Профессия – психолог труда. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н.* Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983.

Литература

- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974.
- Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
- Почебут Л. Г.* Психология социальных общностей. СПб.: СПбГУ, 2002.
- Почебут Л. Г.* Социальный феномен как основа общности // *Фундаментальные проблемы психологии: личность и культура: Материалы науч. конф.*, 23–25 апр. 2002 г. / Под ред. В. М. Аллахвердова, О. В. Заширинской. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Принцип развития в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1978.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Проблема индивидуальности в онтопсихологии / Под ред. А. А. Крылова, Е. Ф. Рыбалко. СПб.: СПбГУ, 1994.
- Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
- Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа / Отв. ред. Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Проблемы психологии личности. М., 1969.
- Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Проблемы экономической психологии. В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Проблемы экономической психологии. В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Проблемы экспериментальной психологии личности / Под ред. В. С. Мерлина. Пермь, 1970.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Прохоров А. О.* Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт Психологии РАН», 2009.
- Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
- Психология XXI века: Учебник для вузов, М.: 2003.

Литература

- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологические исследования личности / Отв. ред. Е. А. Чудина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Психологические исследования личности и ее ценностного мира в современном российском обществе / Ред.-сост. И. М. Городецкая; отв. ред. Б. С. Алишев, А. Л. Журавлев, М. Г. Рогов. Казань: КГТУ, 2007.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические исследования социального развития личности / Отв. ред. И. А. Джидарьян. М.: Изд-во «Института психологии АН СССР», 1991.
- Психологические основы формирования личности в педагогическом процессе / Под ред. А. Коссаковски и др. М.: Педагогика, 1981.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Психология высших когнитивных процессов / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. И. Чуприковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Психология здоровья / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
- Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.
- Психология личности в социалистическом обществе. Ч. 1: Активность и развитие личности / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова. М.: Наука, 1989.
- Психология личности в социалистическом обществе. Ч. 2: Личность и ее жизненный путь / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова. М.: Наука, 1990.

Литература

- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л. В. Куликов. СПб.: Питер, 2000.
- Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, М. И. Володиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Психология личности и время жизни человека / Отв. ред. В. И. Ковалев. Черновцы: Изд-во ЧГУ, 1991.
- Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987.
- Психология сегодня: Теория, образование и практика / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, А. В. Карпова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В. Н. Дружинина / Под ред. А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Психология формирования и развития личности / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1981.
- Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А. А. Реана. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Пузырей А. А.* Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Разработка понятий современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Разработка понятий в современной психологии. Том 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, А. В. Карпова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Литература

- Реан А. А.* Психология познания педагогом личности учащихся. М.: Высшая школа, 1990.
- Резников Е. Н.* Методические проблемы этнической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Рейнвальд Н. И.* Личность как предмет психологического анализа. Харьков: Вища шк., Изд-во при Харьков. ун-те, 1974.
- Речь ребенка: проблемы и решения / Под ред. Т. Н. Ушаковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М.: Учпедгиз, 1935.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1940.
- Рубинштейн С. Л.* Пути и достижения советской психологии (о сознании и деятельности человека) // Известия АН СССР. 1945. № 4. С. 67–84.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. В 2 т. М.: Педагогика, 1989.
- Рубинштейн С. Л.* О философской системе Германа Когена // Человек и мир / Под ред. А. Брушлинского. М.: Наука, 1997. С. 138–160.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2009.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2016.
- Рубцов В. В.* Основы социально-генетической психологии. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Русалов В. М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979.
- Русалов В. М.* Некоторые положения специальной теории индивидуальности человека // Принцип системности в психологических исследованиях / Отв. ред. Д. Н. Завалишина, В. А. Барабанщиков. М.: Наука, 1990. С. 165–172.
- Рыбалко Е. Ф.* Возрастная и дифференциальная психология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.

Литература

- Савченко Т. Н., Головина Г. М.* Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
- Селецкая Л. И.* Упражнения и перенос упражнений в функции различения яркостей // Бюл. ОБИЭМ. 1936. № 6.
- Селецкая Л. И.* Упражняемость различения цветов и форм боковыми частями сетчатки // Исследования по проблеме восприятия. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Семенов В. Е.* Полиментальная специфика России и российская политика // Вестник политической психологии. 2001. № 1. С. 20–23.
- Семенов И. Н.* Экзистенциально-акмеологический и рефлексивно-психологический подходы к изучению одаренных и личностной ориентации непрерывного образования // Психолого-педагогические аспекты перестройки образования. Т. VI. Тверь: ТГУ, 1994. С. 78–82.
- Семенов И. Н., Степанов С. Ю.* Рефлексия и организация творческого мышления и саморазвитие личности // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 35–43.
- Сергеев С. Ф.* Психологическая наука в рамках техноэволюции // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 106–108.
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Сержантов В. Ф.* Философские проблемы биологии человека. Л.: Наука, 1974.
- Сеченов И.* Рефлексы головного мозга. Л.: Рипол Классик, 1961.
- Сироткина И. Е., Смит Р.* Психологическое общество и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 73–90.
- Системная организация и детерминация психики / Под ред. В. А. Барбанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Скотникова И. Г.* Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Психология человека. М.: Школа-Пресс, 1995.
- Смирнов А. А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975.
- Смирнов П. И.* Социология личности. СПб.: Социол. о-во им. М. М. Ковалевского, 2001.
- Смит Н.* Современные системы психологии. М: Олма-Пресс, 2002.

Литература

- Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Современная психология: многообразие научного поиска / Под ред. Р.А. Ахмерова, С.П. Дырина, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В.Н. Дружинин. М.: Инфра-М, 1999.
- Современная психофизика / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Форум–Инфра-М, 2014.
- Соснин В.А., Нестик Т.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Сосновский Б.Н.* Мотив и смысл. М.: Прометей, 1993.
- Социальная психология / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Пер Сэ, 2002.
- Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности. М., 1988.
- Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Сравнительное изучение цивилизаций / Под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект пресс, 1999.
- Старовойтенко Е.Б.* Жизненные отношения личности. Киев: Лыбидь, 1992.
- Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тенденции развития современной психологической науки: тезисы юбилейной науч. конф. 2007 года. В 2 ч. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. М.: Изд. АПН РСФСР, 1947.

Литература

- Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961.
- Теплов Б. М.* Избранные труды. В 2 т. М.: Педагогика, 1985.
- Теоретические и прикладные вопросы психологии / Под ред. А. А. Крылова. Вып. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
- Теоретические проблемы психологии личности / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1974.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Тимирязев К. А.* Избранные соч. В 4 т. М.: Сельхозгиз, 1949. Т. 3.
- Тих Н. А.* Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
- Ткаченко А. Н.* Категориальный строй психологии как предмет историко-научного исследования // Методология историко-психологического исследования. М., 1974. С. 3–22.
- Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс–Рольф, 2002.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 45. С. 472–473.
- Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999.
- Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии / Под ред. В. В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2004.
- Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В. В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2005.
- Умственно отсталый ребенок / Под ред. Л. С. Выготского. М.: Учпедгиз, 1935.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Психологическое содержание институтов и модель психосоциального человека // Новое в науках о человеке: к 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина. М.: Ленанд, 2015. С. 211–220.
- Фейерабенд П. К.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ–Хранитель, 2007.
- Фельдштейн Д. И.* Психология развития личности в онтогенезе. М.: Педагогика, 1989.
- Фельдштейн Д. И.* Психология взросления. М.–Воронеж, 2001.
- Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Литература

- Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. М.: Мир, 1990.
- Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Под ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 94–142.
- Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Личность: теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2001.
- Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992.
- Фрэнкин Р. Мотивация поведения. М.: Питер, 2003.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
- Харламенкова Н. Е. Самоутверждение личности: введение в проблему // Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Харламенкова Н. Е. Сопоставление смысловых характеристик целеполагания у личности с консервативной и радикальной установкой // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2. С. 17–25.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л. Динамический подход к исследованию психики человека // Институт человека. Идея и реальность. М.: Ленанд, 2018. С. 280–290.
- Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж. и др. Биология человека. М.: Мир, 1979.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986.
- Холл К. С., Линдсей Г. Теории личности. М.: КСП+, 1997.
- Хомская Е. Д. Достижения отечественной нейропсихологии в изучении проблемы «мозг и психика» // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 5–14.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1998.
- Человек / Под ред. П. С. Гуревича. М.: Республика, 1995.
- Человек в системе наук / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Наука, 1989.
- Человек и культура / Под ред. П. С. Гуревича. М.: Наука, 1990.
- Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Сарычев С. В. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологи РАН», 2005.
- Чудновский В. Э. К вопросу о психологической сущности устойчивости личности // Вопросы психологии. 1978. № 2. С. 23–34.
- Чуприкова Н. И. Психика и сознание как функция мозга. М.: Наука, 1985.

Литература

- Чуприкова Н. И.* Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 104–118.
- Чуприкова Н. И.* Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука // Методология и история психологии. 2006. Вып. 1. С. 174–192.
- Чуприкова Н. И.* Сознание в функциональной системе психического отражения регуляции поведения и деятельности // Методология и история психологии. 2009. Том 4. Вып. 1. С. 113–129.
- Чуприкова Н. И.* Монизм Спинозы как основа материалистического решения психофизической проблемы // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 3–19.
- Шадриков В. Д.* Деятельность и способности. М.: Логос, 1994.
- Шадриков В. Д.* Духовные способности. СПб.: Магистр, 1996.
- Шадриков В. Д.* От индивида к индивидуальности: введение в психологию. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Шварц Л. А.* О некоторых способах повышения чувствительности зрительного анализатора // Доклады на совещании по вопросам психологии (3–8 июля 1954 г.). 1954.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию: нейрональные основы психики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Шерозия А. В.* К проблеме сознания и бессознательного психического. Т. 1. Тбилиси, 1969.
- Шкуратов В. А.* Психика. Культура. История. Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1990.
- Шорохова Е. В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М.: Изд-во социально-эконом. лит-ры, 1961.
- Шорохова Е. В.* Некоторые методологические вопросы психологии личности // Проблемы личности: Материалы симпозиума / Под ред. В. М. Банщикова, Л. Л. Рохлина, Е. В. Шороховой. М.: Изд-во Ин-та философии АН СССР, 1969. С. 23–38.
- Шорохова Е. В.* Некоторые аспекты социально-психологического изучения личности // Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Шорохова. М.: Наука, 1987. С. 6–10.
- Электрофизиологические исследования основных свойств нервной системы: Сб. ст. / Под ред. В. Н. Небылицына. Проблемы дифференциальной психофизиологии. Т. 8. М.: Наука, 1974.
- Эльконин Д. Б.* Детская психология. М.: ГУПИ МП РСФСР, 1960.
- Эльконин Д. Б.* Психология игры. М.: Педагогика, 1978.
- Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.

Литература

- Эльконин Д. Б. Психология развития. М.: Академия, 2001.
- Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
- Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–17.
- Юревич А. В. Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. № 1. С. 5–13.
- Юревич А. В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005а.
- Юревич А. В. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005б. № 2. С. 147–151.
- Юревич А. В. Наука и паранаука: столкновение на «территории психологии» // Психологический журнал. 2005в. Т. 26. № 1. С. 79–87.
- Юревич А. В. Предисловие. Социальные и когнитивные источники парадокса // Образ российской психологии в регионах страны и в мире: Материалы форума. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006а. С. 11–12, 45–49.
- Юревич А. В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006б. Т. 27. № 4. С. 5–14.
- Юревич А. В. Поп-психология // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 3–14.
- Юревич А. В. Социология психологии // Методология и история психологии. 2008а. Т. 3. Вып. 3. С. 43–56.
- Юревич А. В. Социология психологического знания // Методология и история психологии. 2008б. Т. 3. Вып. 3. С. 57–72.
- Юревич А. В. Российская психология в мировом мейнстриме // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 3. С. 76–89.
- Юревич А. В. Российская психология в мировом мейнстриме // Вопросы психологии. 2010а. № 1. С. 3–14.
- Юревич А. В. Вносить или выносить? К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Независимая газета. 2010б. № 233. С. 14.
- Юревич А. В. Оптимум интеграции // Наука. Инновации. Образование. 2010в. Вып. 9. С. 45–56.
- Юревич А. В., Цапенко И. П. Глобализация российской науки // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 12. С. 1098–1106.

Литература

- Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Якунин В. А. О принципах и тенденциях изложения истории психологии // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 2. С. 18–26.
- Якунин В. А. История психологии. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 1998.
- Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. М.: Политиздат, 1971.
- Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1976.
- Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / Под ред. С. Р. Микулинского и др. М.: Наука, 1977. С. 7–97.
- Ярошевский М. Г. Новаторство И. М. Сеченова: историческая реальность или «сталинская фикция» // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 87–98.
- Ярошевский М. Г. Наука о поведении: русский путь. М.: Ин-т практической психологии, 1996.
- Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт–экспорт» в науке и власть // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 108–121.
- Adair J. G., Cam-Loi Huynh. Internationalization of Psychological Research // International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation. 2012. V. 1. № 4. P. 252–267.
- Adair J. G., Vohra N. The Explosion of Knowledge, References and Citations // American Psychologist. 2003. V. 58. Iss. 1. P. 15–23.
- Adkins L., Lury L. What is the empirical // European Journal of Social Theory. 2009. № 12. P. 5–20.
- Allwood C. M., Berry J. W. Origins and development of indigenous psychologies // International Journal of Psychology. 2006. V. 41. № 4. P. 243–268.
- Auerbach B. Publish and perish // Actes de la recherche en sciences sociales. 2006. № 4. P. 75–92.
- Back L. Live sociology: social research and its futures // The Sociological Review. 2012. V. 60. Suppl. 1. P. 18–39.
- Bain P., Vaes J., Kashima Y., Haslam N., Guan Y. Folk Conceptions of Humanness // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. V. 43. № 1. P. 53–58.
- Balachova T., Isurina G., Levy Sh. et al. Psychology in Russia // Handbook of International Psychology / Ed. by M. J. Stevens, D. Wedding. Hove: Brunner-Routledge, 2004. P. 293–309.
- Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology. 2000. V. 51. Iss. 1. P. 79–105.
- Beck U., Sznaider N. Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda // British Journal of Sociology. 2006. V. 57. № 1. P. 1–23.
- Berger P. Whatever Happened to Sociology? // First Things. 2002. № 126. P. 27–29.

- Berry J. W.* Achieving a Global Psychology // *Canadian Psychology*. 2013. V. 54. № 1. P. 55–61.
- Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H.* et al. *Cross-cultural psychology*. N. Y.: Cambridge University Press, 1992.
- Betzig L.* Not whether to count babies, but which // *Handbook of Evolutionary Psychology* / Ed. by C. Crawford, D. L. Krebs. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. P. 265–275.
- Bhambra G.* *Rethinking Modernity: Postcolonialism and the Sociological Imagination*. Oxford: Berg, 2007.
- Biro D., Inoue-Nakamura N., Tonooka R.* et al. Cultural innovation and transmission of tool use in wild chimpanzees: evidence from field experiments // *Animal Cognition*. 2004. V. 6. № 4. P. 213–223.
- Blackmore S.* *The Meme Machine*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Bois S.* The coming crisis? Some questions for the future of empirical sociology // *Graduate Journal of Social Science*. 2012. V. 9. Iss. 2. P. 40–64.
- Bower G. H.* The fragmentation of psychology? // *American Psychologist*. 1993. V. 48. № 8. P. 905–907.
- Burr V.* *An Introduction to Social Constructionism*. L.–N. Y.: Routledge, 1995.
- Cartwright J.* *Evolution and Human Behaviour*. L.: Macmillan Press Ltd, 2000.
- Castro J., Lafuente E.* Westernization in the Mirror // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2007. V. 41. Iss. 1. P. 106–113.
- Cole M.* *Culture in mind*. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
- Cole M.* *Cultural Psychology: A Once and Future Discipline*. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
- Cole M.* Internationalism in psychology: We need it now more than ever // *American Psychologist*. 2006. V. 61. P. 904–917.
- Concise Encyclopedia of psychology* / Ed. by R. J. Corsini. N. Y.: Wiley, 1987.
- Dacey J. S., Travers J. F.* *Human development across the life-span*. Madison: Brown and Benchmark, 1996.
- Dafermos M.* Soviet Psychology // *Encyclopedia of Critical Psychology* / Ed. by T. Teo. N. Y.: Springer, 2014. P. 1828–1835.
- Dafermos M.* Activity theory // *Handbook of Critical Psychology* / Ed. by I. Parker. London–N. Y.: Routledge, 2015. P. 261–270. URL: <http://www.routledge.com/books/details/9781848722187> (дата обращения: 21.12.2016).
- Daly M.* Introduction // *Characterizing Human Psychological Adaptations* / Ed. by G. R. Bock, G. Cardew. Chichester: Wiley, 1997. P. 1–3.
- Daly M., Wilson M.* *The truth about Cinderella A Darwinian view of parental love*. London Orion Publishing. 1998.
- Danziger K.* Does the history of psychology have a future? // *Theory & Psychology*. 1994. V. 4. P. 467–484.

- Danziger K.* Universalism and indigenization in the history of modern psychology // Internationalizing the history of psychology / Ed. by A. C. Brock. N. Y.: University of New York Press, 2006. P. 208–225.
- Davies P., Fetzer H., Foster T.* Logical reasoning and domain specificity: a critique of the social exchange theory of reasoning // *Biology and Philosophy*. 1995. V. 10. № 1. P. 1–37.
- Davis J. A.* What's wrong with Sociology? // *Sociological Forum*. 1994. V. 9. Iss 2. P. 179–197.
- Dawkins R.* *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Deci E. L.* Effects of externally mediated rewards on intrinsic motivation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971. № 18. P. 105–115.
- Deci E. L.* *Intrinsic motivation*. N. Y.: Plenum, 1975.
- Deci E. L., Ryan R. M.* *Intrinsic motivation and self-determination in human behaviour*. N. Y.: Plenum, 1985.
- Desirée V., Lasser J., Plotts C.* Global migration // *School Psychology International*. 2015. V. 36. № 4. P. 358–374.
- Digman J. M.* Personality structure: emergence of the 5-factor model // *Annual Review of Psychology*. 1990. V. 41. № 1. P. 417–440.
- Doi T.* *The anatomy of dependence*. Tokyo: Kodansha International, 1973.
- Driver-Linn E.* Where Is Psychology Going? Structural Fault Lines Revealed by Psychologists' Use of Kuhn // *American Psychologist*. 2003. V. 58. № 4. P. 269–278.
- Dyal J. A.* Cross-cultural research with the locus of control construct // *Research with the locus of control construct*. N. Y.: Academic Press Inc., 1981–1984. V. 3. Extensions and Limitations. 1984. P. 209–306.
- Eaves L., Eysenck H. J., Martin N. G.* *Genes, Culture and Personality*. N. Y.: Academic, 1989.
- Emotions and culture / Ed. by Sh. Kitayama, H. R. Markus. Washington, D. C.: American Psychological Association, 1994.
- Encyclopedia of Psychology / Ed. by R. J. Corsini. V. 1–4. N. Y.: Wiley, 1994.
- Enriquez V. G.* Developing a Filipino psychology // *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context* / Ed. by U. Kim, J. W. Berry. Newbury Park, CA: Sage, 1993. P. 152–169.
- Essex C., Smythe W. E.* Between numbers and notions. A critique of psychological measurement // *Theory and Psychology*. 1999. V. 9. Iss. 6. P. 739–767.
- Frank D., Meyer J. W.* The profusion of individual roles and identities in the postwar period // *Sociological Theory*. 2002. V. 20 (1). P. 86–105.
- Figuered A. J., Vasquez G., Brumbach B. H., Schneider S. M. R.* The heritability of life history strategy // *Social Biology*. 2004. V. 51. P. 121–143.

- Gallagher S.* Philosophical conceptions of the self: implications for cognitive science // *Trends in Cognitive Sciences*. 2000. 4. P. 14–21.
- Gane N.* Measure, value and the current crises of sociology // *The Sociological Review*. 2011. V. 59. № 2. P. 151–173.
- Garai L.* Marxian Personality Psychology // *The Encyclopedic Dictionary of Psychology*. Oxford: Basil Blackwell, 1983. P. 364–366.
- Geary D. C.* Male, Female. The Evolution of Human Sex Differences. Washington, D. C.: American Psychological Association, 1998.
- Georgas J., Mylonas K.* Cultures are like all other cultures, like some other cultures, like no other culture // *Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context*. N. Y.: Springer, 2006. P. 197–221.
- Gergen K. J.* Social Psychology as History // *Personality and Social Psychology*. 1973. V. 26. № 2. P. 309–320.
- Gergen K. J., Gergen M. M.* The social construction of narrative accounts // *Historical Social Psychology*. Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1984. P. 173–189.
- Gergen K. J.* Social constructionist inquiry // *The social construction of the person*. N. Y.: Springer, 1985. P. 3–18.
- Gergen K. J.* Culturally inclusive psychology from a constructionist standpoint // *Journal for the Theory of Social Behavior*. 2015 V. 45. № 1. P. 94–106.
- Giddens A.* Doubting diversity's value // *Foreign Policy*. 2007. № 163. P. 86–88.
- Gigerenzer G.* The modularity of social intelligence // *Machiavellian Intelligence II*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 265–288.
- Gigerenzer G., Hug K.* Domain-specific reasoning: social contrasts, cheating and perspective change // *Cognition*. 1992. V. 43. № 2. P. 127–171.
- Gigerenzer G., Todd M.* et al. *Simple Heuristics That Make Us Smart*. N. Y.: Oxford University Press, 1999.
- Goertzen J. R.* On the possibility of unification // *Theory and Psychology*. 2008. V. 18. Iss. 6. P. 829–852.
- Graham L.* *Science in Russia and the Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Gurven M., von Rueden C., Massenkoff M., Kaplan H., Lero Vie M.* How universal is the Big Five? Testing the five-factor model of personality variation among forager-farmers in the Bolivian Amazon // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2013. V. 104 (2). P. 354–370.
- Guthrie R. V.* *Even the rat was white: A historical view of psychology* (2nd ed.). Boston, MA: Allyn & Bacon, 1998.
- Haggard P., Eitam B.* (Eds). *The Sense of agency*. N. Y.: Oxford University Press, 2015.
- Handbook of cross-cultural psychology* / Ed. by J. W. Berry, M. H. Segall, C. Kagitcibasi. Honolulu, 1987.

- Handbook of cultural psychology / Ed. by S. Kitayama, S. & D. Cohen. N. Y.: Guildford Press, 2007.
- Haslam N.* Dehumanization // *Personality & Social Psychology Review*. 2006. № 10 (3). P. 252–264.
- Heine S. J.* *Cultural Psychology*. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2011.
- Heine S. J., Buchtel E. E.* Personality: The Universal and the Culturally Specific // *Annual Rev. Psychol.* 2009. V. 60. P. 369–394.
- Henrich J.* Most people are not WEIRD // *Nature*. 2010. V. 466. № 5.
- Ho D. Y. F.* Indigenous psychologies: Asian perspectives // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. V. 29. Iss. 1. P. 88–103.
- Hollands R., Stanley L.* Rethinking ‘Current Crisis’ Arguments: Gouldner and the Legacy of Critical Sociology // *Sociological Research Online*. 2009. V. 14. № 1. P. 1.
- Hollway W.* Gender difference and the production of subjectivity // *Changing the Subject: Psychology, Social Regulation and Subjectivity*. London: Methuen, 1984.
- Holzkamp K.* *Grundlegung der Psychologie*. Frankfurt: Campus Verlag, 1983.
- Holzkamp K.* On Doing Psychology Critically // *Theory and Psychology*. 1992. V. 2. № 2. P. 193–204.
- Humle T., Matsuzawa T.* Oil Palm Use by Adjacent Communities of Chimpanzees at Bossou and Nimba Mountains, West Africa // *International Journal of Primatology*. 2004. V. 25. P. 551–581.
- Hunt H. T.* Why Psychology Is/Is Not Traditional Science // *Review of General Psychology*. 2005. V. 9. № 4. P. 358–374.
- Hwang K. K.* Culture-inclusive theories of self and social interaction // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2015. V. 45. № 1. P. 39–62.
- Hwang K. K.* The rise of indigenous psychologies // *Culture & Psychology*. 2017. V. 23. № 4. P. 551–565.
- Hyman L., Sturm T.* *Crisis debates in psychology*. Berlin: Max Planck Institute for the History of Science, 2008. URL: http://www.mpiwg-berlin.mpg.de/PDF/CrisisWorkshop_Abstracts.pdf (дата обращения: 20.07.2009).
- Jahoda G.* Critical reflections on some recent definitions of “culture” // *Culture & Psychology*. 2012. V. 18 (3). P. 289–303.
- Jahoda G.* On the rise and decline of ‘indigenous psychology’ // *Culture & Psychology*. 2016. V. 22. № 2. P. 169–181.
- Janousek J., Sirotkina I.* Psychology in Russia and central and eastern Europe // *The Cambridge History of Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. P. 431–449.
- Jones D.* A WEIRD View of Human Nature // *Science*. 2010. V. 328. № 25. P. 16–27.
- Joravsky D.* *Russian Psychology*. Oxford: Blackwell, 1989.

- Indigenous and cultural psychology / Ed. by U. Kim, K. S. Yang, K.-K. Hwan. N. Y.: Springer, 2006.
- Karpov Y. V.* The Neo-Vygotskian Approach to Child Development. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Kim U., Berry J. W.* Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context. Newbury Park, CA: Sage, 1993.
- Kim U., Yang K. S., Hwang K. K.* Contributions to indigenous and cultural psychology // Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context. N. Y.: Springer, 2006. P. 3–25.
- Kitayama S.* Cultural and basic psychological processes: Toward a system view of culture // Psychological Bulletin. 2002. № 128. P. 189–196.
- Kolstad A.* Time for Paradigmatic Substitution in Psychology. What are the Alternatives? // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2010. V. 44. Iss. 1. P. 58–64.
- Ladygina-Kohts N. N.* Infant Chimpanzee and Human Child: A Classic 1935 Comparative Study of Ape Emotions and Intelligence. Oxford University Press, 2002.
- Lash S.* Afterword: in praise of the a posteriori: sociology and the empirical // European Journal of Social Theory. 2009. № 12. P. 175–187.
- Lektorsky V.* German philosophy and Russian humanitarian thought: Sergei Rubinstein and Gustav Shpet // Russian Studies in Philosophy. 2013. № 52 (1). P. 82–99.
- Leontiev A. N.* Probleme der Entwicklung des Psychischen. Berlin (DDR): Volk und Wissen, 1973.
- Leontiev A. N.* Activity, consciousness and personality. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1978. URL: <http://www.marxists.org/archive/leontiev> (дата обращения: 21.09.2016).
- Leontiev A. N.* Tätigkeit, Bewusstsein, Persönlichkeit. Berlin (DDR): Volk und Wissen. 1979.
- Leung K.* Cross-cultural psychology: some recent advances // Int. J. Psychology. 2000. V. 35. Sp. Iss. 3–4.
- Leung K., Bond M. H.* Social Axioms: A Model of Social Beliefs in Multi-cultural perspective // Advances in Experimental Social Psychology. 2004. № 36. P. 119–197.
- Leung K., Van de Vijver F.* Cross-cultural research methodology // The psychology research handbook. Thousand Oaks, 1996.
- Leung K., Van de Vijver F.* Personality in cultural context // Journal of Personality. 2001. V. 69. P. 1007–1031.
- Linden D. van der, Dunkel C. S., Figueredo A. J., Gurven M., Rueden C. von, Woodley of Menie M. A.* How Universal Is the General Factor of Personality? An Analysis of the Big Five in Forager Farmers of the Boliv-

- ian Amazon // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. V. 49 (7). P. 1081–1097.
- Lunt I. EuroPsych Project // European Psychologist. 2000. V. 5. № 2. P. 93–102.
- Lykes M. B., Moane G. Editors' Introduction: Whither Feminist Liberation Psychology? Critical Explorations of Feminist and Liberation Psychologies for a Globalizing World // Feminism & Psychology. 2009. V. 19. № 3. P. 283–297.
- Mammen J. Mapping the subject: the renewal of scientific psychology // Journal of Anthropological Psychology. 2002. № 11. P. 77–89.
- Mammen J., Mironenko I. A. Activity Theories and the Ontology of Psychology: Learning from Danish and Russian Experiences // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2015. 49. P. 681–713.
- Markus H. R., Kitayama S. Cultural variation in self-concept // Multidisciplinary perspectives on the self. N. Y.: Springer-Verlag, 1991a. P. 18–48.
- Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // Psychological Review. 1991b. V. 98. № 2. P. 224–253.
- Marsella A. Psychology and Globalization // Journal of Social Issues. 2012. V. 68. № 3. P. 454–472.
- Marsella A. All psychologies are indigenous psychologies. URL: <http://apa.org/international/pi/2013/12/reflections.aspx>.
- Materials of MSU seminars on Activity theory. M.: MSU, 2012. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/seminars/activity/materials.html> (дата обращения: 14.08.2013).
- Matsumoto D. Cultural influences on research methods and statistics. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole, 1994.
- Matsumoto D. Culture and psychology. Pacific Grove: Brooks/Cole Pub. Co., 1996.
- Matsuzawa T. Tool use and culture in wild chimpanzees // Int. J. Psychology. 2000. V. 35. Sp. iss. 3/4.
- Mays V. M., Rubin J., Sabourin M., Walker L. Moving Toward a Global Psychology // American Psychologist. 1996. V. 51. № 5. P. 485–487.
- McNally R. J. Disunity in psychology: chaos or speciation? // American Psychologist. 1992. № 47. P. 1054.
- Meyer J. W. World society, institutional theories, and the actor // Annual review of sociology. 2010. V. 36. P. 1–20.
- Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray? / Ed. by A. Toomela, J. Valsiner. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2010.
- Michell J. Normal science, pathological science, and psychometrics // Theory and Psychology. 2000. V. 10. № 5. P. 639–667.

- Mironenko I. A.* An epigenetic approach to life-span human development // Int. J. Psychology. 2000. V. 35. Sp. iss. 3/4. P. 314.
- Mironenko I. A.* On Some Difficulties in the Dialogue with Foreign Colleagues // Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook. M.: Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. P. 41–47.
- Mironenko I. A.* “Great Ideas” in Russian Psychology // Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook. M.: Russian Psychological Society, 2009. P. 225–238.
- Mironenko I. A.* Life and work of a woman who pioneered Evolutionary Psychology: Nadezhda Ladygina-Kots // The History of the Human Sciences: an Open Atmosphere. Bari: Pensa Multimedia Editore, 2010a. P. 231–238.
- Mironenko I. A.* Nadezhda Ladygina-Kots: a Russian Woman Pioneer in Evolutionary Psychology // European Pioneer Woman in Psychology. Milan: Franco Angeli Pub., 2010b. P. 115–124.
- Mironenko I. A.* Concerning Interpretations of Activity Theory // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2013a. V. 47. Iss. 3. P. 376–393.
- Mironenko I. A.* Contemporary Russian Psychology in the Context of International Science // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013b. № 86. P. 156–161.
- Mironenko I. A.* The Crisis in Psychology – Systemic or Local? // Journal of Russian and East European Psychology. 2013c. V. 51. № 4. P. 2–21.
- Mironenko I. A.* The Problem of Morality in Contemporary Russian Psychology // Russian Studies in Philosophy. 2013d. V. 51. № 4: The Psychology of Morality in Contemporary Russia. P. 51–63.
- Mironenko I. A.* Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. V. 7. Iss. 2. P. 4–13.
- Mironenko I. A.* Activity Theory: Quest for the Unattainable and Hope for the Future // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2016. V. 50. Iss. 3. P. 382–391.
- Mironenko I. A.* History for the “polycentric” psychological science: an “outsider’s” case // Annals of Theoretical Psychology. 2017a. V. 14. P. 111–121.
- Mironenko I. A.* Concerning the Importance of Ontological Issues for Cultural Psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2017b. V. 51. Iss. 3. P. 496–504.
- Mironenko I. A.* A Forgotten Name in the History of Psychological Studies of Volitional Phenomena: Mikhail Vladislavlev (1840–1890) // ESHHS 2018 Gröningen, book of abstracts. 2018. 17–20 July. Groningen: Open University of the Netherlands, 2018a. P. 42–43.

- Mironenko I. A.* Is Psychology in the Position to Contribute to Shape “Healthy and Joyful Imaginaries”? // *Human Arenas*. 2018b. V. 1. Iss. 4. P. 358–365.
- Mironenko I. A.* Concerning the Vocabulary on Personality in Russian Psychology: “Subjekt” vs “Personality” // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2019. V. 12. Iss. 2. P. 45–57.
- Mironenko I. A., Sorokin P. S.* Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological crisis // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2015. № 4. P. 35–45.
- Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А. Асмолова. М.: ИД «ЯСК», 2018.*
- Moghaddam F. M.* Psychology in the Three Worlds // *American Psychologist*. 1987. V. 42. Iss. 10. P. 912–920.
- Molenaar P. C. M.* A Manifesto on psychology as idiographic science: Bringing the person back into scientific psychology, this time forever // *Measurement*. 2004. V. 2. № 4. P. 201–218.
- Mollon J. D.* The Perception. Lecture // *Perception*. 2006. V. 35. Suppl. ECVF, abstracts. P. 1.
- Musek J.* A general factor of personality: Evidence for the Big One in the five-factor model // *Journal of Research in Personality*. 2007. V. 41. P. 1213–1233.
- Newstead S., Makkinen S.* Psychology teaching in Europe // *European Psychologist*. 1997. V. 1. № 14. P. 52–59.
- Oak E.* Quo vadis the social sciences? Appropriating ground in the indeterminacy of knowledge crisis – the role of qualitative social work research // *International Journal of the Interdisciplinary Social Sciences*. 2007. V. 1. № 5. P. 69–78.
- Outhwaite W.* Canon formation in late 20th-century British sociology // *Sociology*. 2009. 43 (6). P. 1029–1045.
- Papalia D. E., Olds S. W.* Human development. N. Y.: McGraw-Hill, 1995.
- Park J., Haslam N., Kashima Y.* Relational to the Core // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. V. 43. № 5. P. 774–783.
- Parker S.* The precultural basis of the incest taboo // *American Anthropologist*. 1976. № 78. P. 285–305.
- Pedersen N. L.* Where does behavior genetics fit into the future of psychology? // *Int. J. Psychology*. 2000. V. 35. Sp. iss. 3/4.
- Perrett D. I. et al.* Effects of sexual dimorphism on facial attractiveness // *Nature*. 1998. № 394. P. 884–887.
- Perspectives on activity theory / Ed. by Y. Engeström, R. Miettinen, R. Punamäki. N. Y.: Cambridge University Press, 1999.*

- Piaget J.* Some impressions of a visit to the Soviet psychologists. Reprinted from "American Psychologist", 1956 // Piaget–Vygotsky: The social genesis of thought. Hove: Psychology Press, 1996. P. 201–204.
- Pickren W. E.* Liberating History // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2009. V. 15. № 4. P. 425–433.
- Pinker S.* The Language Instinct. London: Penguin Books, 1994.
- Plomin R.* Genetics and Experience. Thousand Oaks: Sage Publications, 1994.
- Porter Th. M., Ross D. P.* The Cambridge History of Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Richards G.* "Race", racism and psychology: Towards a reflexive history. L.: Routledge, 1997.
- Ridley M.* The origins of virtue. London: Viking, 1996.
- Robinson W. I.* Beyond nation-state paradigms: Globalization, sociology and the challenge of transnational studies // Sociological Forum. 1998. V. 13 (4). P. 561–594.
- Rosa A.* Acts of psyche // Cambridge handbook of socio-cultural psychology. N. Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 205–236.
- Rosa M. C.* Theories of the South: Limits and perspectives of an emergent movement in social sciences // Current Sociology. 2014. V. 62 (6). P. 851–867.
- Rose N.* Psychology as a social science // Subjectivity. 2008. № 23. P. 1–17.
- Rose N.* The human sciences in a biological age // Theory, Culture and Society. 2013. V. 30. № 1. P. 3–34.
- Rose R. J.* Genes and Human Behavior // Annual Revue of Psychology. 1995. V. 46. P. 625–654.
- Rubinstein S. L.* Grundlagen der allgemeinen Psychologie. Berlin: Volk und Wissen, 1971.
- Rubinstein S. L.* Sein und Bewußtsein. Berlin: Akademie-Verlag, 1973.
- Rushton J. P., Bons T. A., Hur Y.* The genetics and evolution of a general factor of personality // Journal of Research in Personality. 2008. 42. P. 1173–1185.
- Rushton J. P., Irwing P.* The General Factor of Personality // The Wiley-Blackwell handbook of individual differences. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 132–161.
- Samuels R.* Evolutionary psychology and the massive modularity hypothesis // British J. for the Philosophy of Science. 1998. V. 49. P. 575–602.
- Samuels R.* Nativism in Cognitive Science // Mind and Language. 2002. V. 17. № 3. P. 233–265.
- Sanrock J. W.* Life-span development. Dubuque, IA: Brown & Benchmark, 1997.
- Savage M., Burrows R.* The coming crisis of empirical sociology // Sociology. 2007. V. 41. № 5. P. 885–899.

- Savage M., Burrows R.* Some further reflections on the coming crisis of empirical sociology // *Sociology*. 2009. V. 43. № 4. P. 762–772.
- Scarr S.* Developmental theories of the 1990s // *Child Development*. 1992. V. 63. P. 1–19.
- Schwarz M.* Is Psychology Based on a Methodological Error? // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2009. V. 43. Iss. 3. P. 185–213.
- Shapiro L., Epstein W.* Evolutionary theory meets cognitive psychology // *Mind and Language*. 1998. V. 13. № 2. P. 171–194.
- Shweder R.* *Thinking Through Cultures*. Cambridge—L.: Harvard University Press, 1991.
- Shweder R. A., Bourne E. J.* Does the concept of person vary cross-culturally? // *Culture theory: Essays on mind, self and emotion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 191–207.
- Singh D.* Adaptive significance of female attractiveness // *Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65. P. 293–307.
- Singh D.* Female judgment of male attractiveness and desirability for relationship // *Personality and Social Psychology*. 1995. V. 69 (6). P. 1089–1101.
- Sorokin P.* ‘Global sociology’ in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives // *Current Sociology*. 2016. V. 64. № 1. P. 41–59.
- Sperber D.* Mental modularity and cultural diversity // *The debated mind: Evolutionary psychology versus ethnography*. Oxford—N. Y.: Berg, 2001. P. 23–56.
- Steinmetz G., Chae O. B.* Sociology in an Era of fragmentation // *The Sociological Quarterly*. 2002. V. 43. № 1. P. 111–137.
- Sternberg R. J.* The search for criteria: Why study the evolution of intelligence? // *The evolution of intelligence*. Mahwah, N. J.: L. Erlbaum Associates, 2001. P. 1–7.
- Sundararajan L.* The Chinese Notions of Harmony, With Special Focus on Implications for Cross-Cultural and Global Psychology // *The Humanistic Psychologist*. 2013. V. 41. P. 25–34.
- Tele-interviews // *European Psychologist*. 2000. V. 5. № 2. Sp. iss. P. 90–162.
- The Adapted Mind* / Ed. by J. H. Barkow, J. Tooby, L. Cosmides. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- The debated mind: Evolutionary psychology versus ethnography* / Ed. by H. Whitehouse. N. Y.: Berg, 2001.
- The developmental psychologists: Research adventures across the life-span* / Ed. by M. R. Merrens, G. G. Brannigan. N. Y.: McGraw-Hill, 1996.
- The evolution of intelligence* / Eds R. J. Sternberg, J. C. Kaufman. Mahwah, N. J.: L. Erlbaum Associates, 2001.

- The social psychology of knowledge / Ed. by D. Bar-Tal, A. W. Kruglanski. Cambridge: Cambridge University, 1988.
- Timberlake W.* Animal behavior: a continuing synthesis // *Ann. Rev. Psychol.* 1993. V. 44. P. 675–708.
- Todes D. P.* Darwin without Malthus. N. Y.: Oxford University Press, 1989.
- Todes D.* Ivan Pavlov: A Russian Life in Science. Oxford University Press, 2014.
- Tolman C. W.* The basic vocabulary of activity theory. *Activity Theory*, Berlin: ISCRAT, 1988. P. 14–20
- Tooby J., Cosmides L.* The past explains the present // *Ethology and Sociobiology.* 1990. V. 11. P. 375–424.
- Tooby J., Cosmides L.* The psychological foundations of culture // *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture* / Eds J. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby. P. 19–136. N. Y.: Oxford University Press. 1992
- Toomela A.* Activity theory is a dead end for cultural-historical psychology // *Culture & Psychology.* 2000. № 6. P. 353–364.
- Toomela A.* Culture of science: Strange history of the methodological thinking in psychology // *Integrative Psychological and Behavioral Science.* 2007. V. 41. P. 6–20.
- Toomela A.* Commentary: activity theory is a dead end for methodological thinking in cultural psychology too // *Culture & Psychology.* 2008. № 14. P. 289–303.
- Toomela A.* Modern mainstream psychology is the best? Noncumulative, historically blind, fragmented, atheoretical // *Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray?* Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2010. P. 1–26.
- Triandis H. C.* The self and social behavior in differing cultural contexts // *Psychological Review.* 1989. V. 96. № 3. P. 506–520.
- Turner S., Turner J.* The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology. Newbury Park: Sage Publications, 1990.
- UNESCO Science Report: towards 2030 – Executive Summary Published in 2015 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2015.
- Unger R.* Resisting Gender: Twenty-Five Years of Feminist Psychology. L.: Sage, 1998.
- Urry J.* Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Valsiner J.* Cultural psychology today: innovations and oversights // *Culture & Psychology.* 2009a. № 15 (1). P. 5–40.
- Valsiner J.* Integrating Psychology within the Globalizing World // *Integrative Psychological and Behavioral Science.* 2009b. V. 43. Iss. 1. P. 1–21.

- Valsiner J.* A guided science: history of psychology in the mirror of its making. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012.
- Valsiner J.* Between Self and Societies: Creating Psychology in a New Key. Tallinn: TLU Press, 2017.
- Van der Linden D., Te Nijenhuis J., Bakker A. B.* The general factor of personality: A metaanalysis and a criterion-related validity study // Journal of Research in Personality. 2010. V. 44. P. 315–327.
- Van der Linden D., Dunkel C. S., Figueredo A. J., Gurven M., von Rueden Ch., Woodley M. A. of Menie.* How Universal Is the General Factor of Personality? An Analysis of the Big Five in Forager Farmers of the Bolivian Amazon // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. V. 49 (7). P. 1081–1097.
- Van der Veer R.* Lev Vygotsky. L.: Continuum International Publishing Group, 2007.
- Van der Veer R., Valsiner J.* Understanding Vygotsky. A quest for synthesis. Oxford: Blackwell, 1991.
- Vassilieva Y.* Russian Psychology at the turn of the 21st century and post-Soviet reforms in the humanities disciplines // History of Psychology. 2010. № 13 (2). P. 138–159.
- Vaughan T., Sjoberg G., Reynolds L.* A Critique of Contemporary American Sociology. N. Y.: Roman & Littlefield, 1993.
- Vessuri H.* Global social science discourse: A Southern perspective on the world // Current Sociology. 2015. V. 63 (2). P. 297–313.
- Vygotsky L. S.* The collected works. V. 1–2. L.: Plenum Press, 1987.
- Walsh-Bowers R.* Some social-historical issues underlying psychology's fragmentation // New Ideas in Psychology. 2010. № 28. P. 244–252.
- Westermark E. A.* The History of Human Marriage. N. Y.: Macmillan & Co., 1891.
- What's Wrong with Sociology? / Ed. by S. Cole. N. Y.: Transaction Publishers, 2001.
- Wilson D. S.* Adaptive genetic variation and human evolutionary psychology // Ethology and Sociobiology. 1994. V. 15. P. 219–235.
- Wilson E. O.* Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1975.
- Wilson E. O.* Consilience: The Unity of Knowledge. L.: Little, Brown, 1998.
- Wolf A. P.* Childhood association and sexual attraction... // American Anthropologist. 1970. № 72. P. 503–515.
- Wright R.* The Moral Animal: Evolutionary Psychology and Everyday Life. London: Abacus, 1996.
- Yamagishi T.* What can be Asian in Asian psychology // Int. J. Psychology. 2000. V. 35. Sp. iss. 3/4.

Лумепамыпа

- Yamagishi T., Hashimoto H., Cook K.S.* et al. Modesty in self-presentation: A comparison between the USA and Japan // *Asian Journal of Social Psychology*. 2012. V. 15. № 1. P. 60–68.
- Yang K.-S.* Monocultural and cross-cultural indigenous approaches // *Asian Journal of Social Psychology*. 2000. V. 3. P. 241–263.
- Zittoun T., Gillespie A., Cornish F.* Fragmentation or Differentiation // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2009. V. 43. № 2. P. 104–115.

Научное издание

Серия «Методология, история и теория психологии»

Мироненко Ирина Анатольевна

**БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
И СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Редактор – *О. В. Шапошникова*

Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ерьсько*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Тел.: +7 (495) 540-57-27

E-mail: vbelop@ipras.ru. <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 20.10.19. Подписано в печать 02.11. 19
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. л. 25,3. Уч.-изд. л. 22
Тираж 500 экз. Заказ 0377.

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6